Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

ВЕЛИЧКО АЛЛА ВАСИЛЬЕВНА

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук, профессор
Киров Евгений Флорентович

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 19

Часть первая. **Основные направления изучения языка в разные периоды развития лингвистики** 19

1. Теоретическая системно-структурная грамматика 20

2. Основные положения научной парадигмы современной лингвистики 23

2.1. Антропоцентризм языка как главенствующая идея современной лингвистики 23

2.2. Изучение языка как средства общения 26

2.2.1. Основные положения теории общения 27

2.2.2. Сферы человеческой деятельности и виды общения. Обыденное общение как основная сфера функционирования .ФС 35

2.2.3. Ситуация с обучением общению в теории и практике РКИ 41

Часть вторая. **Явление фразеологичности в синтаксисе. Предложения фразеологизированной структуры** 44

1. История изучения синтаксических фразеологизмов 44

2. Понимание предложений фразеологизированной структуры, принятое в работе 59

2.1. Общие признаки фразеологических единиц 59

2.2. Предложения ФС как языковой феномен 61

2.3. Предложения ФС как социолингвистический феномен 68

Выводы 76

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ 80

Часть первая. **Структурно-грамматическая характеристика предложений фразеологизированной структуры** 80

1.Компоненты и модель предложений ФС 80

2. Вариативность модели ФС 83

3. Системные грамматические изменения ФС: формы и регулярные реализации 85

4. Синтаксическая функция ФС в тексте 86

Часть вторая. **Семантическая характеристика предложений фразеологизированной структуры** 87

1.Природа значения предложений свободной структуры и предложений ФС 88
2. Субъективная модальность как общее значение предложений ФС 96
3.Структура семантики предложений ФС 100
3.1.Об объективном и субъективном компонентах субъективной модальности 100
3.2. Об эмоциональности и экспрессивности предложений ФС 104
3.3. Субъективная модальность и оценка 113
3.4.Частные значения субъективной модальности 115
3.5 Типовое значение предложений ФС 118
3.6. Лексическое выражение переменного компонента 120
3.7. Перефразирование как способ семантизации предложений ФС 122
4. Интонационное оформление предложений фразеологизированной структуры 125
5. Невербальные средства выражения значения ФС 132
Часть третья **Классификация предложений фразеологизированной структуры** 135
1. Принципы и виды классификаций предложений ФС 135
2. Семантическая классификация предложений ФС 138
3. Вопрос о границах класса 144
4. Место предложений фразеологизированной структуры в системе языка 148
Часть четвертая. **Функционально-коммуникативный аспект исследования предложений фразеологизированной структуры** 153
Выводы 157
ГЛАВА 3. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТРЫ 161
Часть первая. **Семантические группы предложений фразеологизированной структуры** 162
1. Предложения ФС, выражающие оценку 162
1.1. Положительная оценка 164
1.2. Негативная оценка 178
1.3. Недифференцированная оценка 191
1.4.Оценка как соответствие норме 205
3.1. Прагматический аспект 381
3.1.1. Адресант общения 381
2. Предложения ФС, выражающие принятие и отрицание 210

. 2.1. Принятие 210
2.2. Отрицание 227
3. Предложения ФС, выражающие модальные значения 243
3.1. Необходимость 244
3.2. Целесообразность 247
3.3. Ненужность 253
3.4. Невозможность 261
4. Предложения ФС, выражающие значение единственности и множественности 268
4.1.Единственность 268
4.2. Множественность 274
5. Предложения ФС, выражающие акцентирование 291
6. Предложения ФС, выражающие значение логической обусловленности 310
7. Предложения ФС, не вошедшие в классификацию 333
Часть вторая. **Семантические и структурные связи и преобразования в системе предложений фразеологизированной структуры** 340
1. Семантическая неоднозначность и семантическая соотносительность предложений ФС 340
1.1.Семантическая неоднозначность ФС 340
1.2…Семантическая соотносительность ФС 349
2. Лексикализация предложений ФС 352
Выводы 354
ГЛАВА 4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ 356
Часть первая. **Функционирование предложений фразеологизированной структуры** в тексте 358
Часть вторая. Функционирование предложений фразеологизированной структуры в коммуникативном процессе 374
1. Дискурс и дискурсивный анализ 374
2. Функциональные стили 378
3. Функционирование предложений ФС в обыденном общении 381
3.1. Прагматический аспект 381
3.1.1. Адресант общения 381

3.1.2. Адресат общения 386
3.1.3. Взаимоотношения адресанта и адресата 389
3.1.4. Ситуация общения 392
3.2. Когнитивный аспект 394
3.3. Социокультурный аспект 400
4. Функционирование предложений ФС в неканонических коммуникативных контекстах 409
4.1. Адресант и адресат в неканоническом общении 410
4.2. Функционирование предложений фразеологизированной структуры в публицистике 413
4.3. Функционирование предложений фразеологизированнной структуры в художественном тексте 423
Выводы 433
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 440
БИБЛИОГРАФИЯ 446
ПРИЛОЖЕНИЕ. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ НАД ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ 486

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена исследованию предложений фразеологизированной структуры. Имеются в виду предложения типа *Работать так работать; Чем не праздник!, Хоть уезжай из города!, Тоже мне выступил; Что ни дом, то памятник архитектуры* и т.п.. Ср. также примеры из книжных источников: Там у меня облюбовано место. – доверительно ответил художник.– *Всем местам место!* Такого второго нет! (К.Паустовский); Изредка ходил его навещать, но *ему, конечно, было не до разговоров о театре!* (М. Булгаков); Без удивительных домашних фейерверков Новый год теперь *праздник не в праздник!* (из газет); [Васильков:] Но знайте, что я из бюджета не выйду. [Лидия:] *Ох, уж мне этот бюджет!* (А.Островский); Эх, молодой человек, *где вам хитрить*, ведь у вас еще, слава богу, что на душе, то и на лице (И.Тургенев); У ней дома, имения, куча дел: *где же ей управляться!* (А.Островский); *Дети всегда дети.* Они всегда одинаково любят плоды и сказки (В.Инбер).

Предложения фразеологизированной структуры (ФС) относятся к синтаксической фразеологии – к широкому кругу синтаксических построений фразеологического характера – и составляют отдельный, особый тип синтаксических фразеологизмов.

Явление фразеологичности по отношению к объектам сингтаксиса исследовалось не так активно и исследовано явно недостаточно, что, как представляется, обусловлено объективной картиной развития синтаксической науки.

В предшествующий период в синтаксисе решались глобальные и чрезвычайно важные задачи – задачи выделения и исследования основных структурных типов предложения, определения синтаксической базы русского языка. Можно сказать, что главенствующей целью синтаксиса было исследование центра синтаксического уровня языка.

В рамках этой теории определенные типы синтаксических построений расценивались как периферийные, и их рассмотрение было фрагментарным. В их числе оказались и синтаксические образования фразеологического характера.

Безусловно, имеется целый ряд работ, в которых эта проблема решалась в общетеоретическом плане, и работ, посвященных описанию отдельных типов несвободных синтаксических построений.

Тем не менее синтаксические фразеологизмы рассмотрены в целом крайне нерегулярно и несистемно. Не определены основные признаки, которые их характеризуют. Нет их классификаций. Это обусловливает своевременность и важность обращения к дальнейшему их исследованию. И здесь, безусловно, представляет интерес выявление специфики проявления свойства фразеологичности в основной единице синтаксиса – в предложении. Это определило выбор темы и объекта исследования нашей работы.

В работе предложения ФС рассматриваются с позиций современной лингвистики, которая характеризуется новыми идеями, привлекает внимание к изучению всех языковых фактов, в том числе и так называемых периферийных, так как считает, что все они интересны и сами по себе, и для более полного постижения устройства русского языка, его самобытности.

Современная лингвистика развивается под знаком антропоцентризма языка. Это означает, что человек в центре языка как его создатель и пользователь. Как отмечает В.Г.Гак, «язык существует в человеке для человека и реализуется для человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности» [Гак1998: 369].

При таком подходе к языку акцентируются две стороны, две направленности дальнейшего развития лингвистических исследований. Во-первых, современную лингвистику интересуют все единицы языка, все его средства. В языке нет ничего лишнего, нет периферии, все заслуживает внимания. Важно обращаться к тем языковым фактам, которые раньше упускались из виду

или не считались столь актуальными и не получали последовательного рассмотрения. К числу языковых единиц, которые раньше были отнесены к периферии, принадлежали и предложения ФС. Поэтому именно направленностью современной лингвистики, побуждающей к исследованию языка во всем его объеме, определяется своевременность исследования предложений ФС – объекта нашей работы.

Во-вторых, расширился содержательный объем исследований, наметились новые направления, аспекты изучения языковых фактов. Идея антропоцентризма чрезвычайно многогранна, позволяет увидеть в фактах языка новые стороны и тем самым обогатить, расширить наше представление о языке, продвинуться в постижении языка. Что касается предложений ФС, то раньше рассматривались отдельные разрозненные синтаксические фразеологические образования и анализировались с целью показать их нетипичность, “странность”, непохожесть на традиционные, “правильные” синтаксические построения.

Современный подход и изучению языка открывает возможность для рассмотрения ФС в разных аспектах, т.е. использовать системный, комплексный подход с целью увидеть общность этих единиц. Для этого целесообразно выделение их в отдельный научный объект и рассмотрение на основе единых признаков – структурно-грамматических, семантических, функционально-коммуникативных и т.д.

Лингвистика современного периода перешла от изучения языка как системы к изучению языка «в действии», в общении, и анализ ФС с ориентацией на эту тенденцию позволяет проследить, зачем они существуют в языке, каково их предназначение, почему они выработались и закрепились в языке как “странные”, нетипичные. В связи с изучением языка как средства общения актуально выделение и изучение языковых средств, непосредственно используемых в коммуникативном процессе и специфических для него. Уже первое, предварительное обращение к ФС показывает, что они непосредственно связаны с речевым общением и занимают в нем свое особое место, поэтому представляет интерес рассмотрение их с этой точки зрения.

Антропоцентрическая лингвистика предполагает исследование языка в его связи с человеческой личностью, и это привлекает внимание к тому факту, что человек представил в языке, в его средствах не только внешний мир, окружающий его, но и человека в этом мире. Это обусловливает актуальность выделения и анализа тех языковых явлений, в которых предстает сам человек с его потребностями, мыслями, чувствами, в связях с другими членами сообщества и в связях с действительностью. В этом отношении богатый материал дают предложения ФС. Они по самому возникновению, формированию в языке, по значению, которое в них заключено, непосредственно связаны с человеческой личностью, с сознанием, мышлением, человека, а также с его жизнью в социуме, где он постоянно вступает в речевое общение с другими членами сообщества. Другими словами, фразеологизированные предложения относятся к интеллектуально-эмоциональной сфере человека, и рассмотрение их с этой точки зрения раскрывает целый мир человеческой личности.

Кроме того, ФС отражают речевые образцы, выработанные в данном социуме и закрепленные в языке, а поскольку каждый язык национально специфичен, анализ ФС позволяет понять определенные национальные черты характера, особенности мышления, быта, культуры русских как носителей данного языка. Это также свидетельствует, что изучение ФС важно и своевременно.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена самой темой, выдвигаемой проблематикой, постановкой проблем, связью с научной парадигмой современной лингвистики.

Цель работы – провести комплексное исследование предложений ФС с позиций антропоцентрической направленности современной лингвистики, включающее структурно-грамматический, семантический, прагматический, когнитивный, социолингвистический и др. аспекты.

Для реализации общей цели необходимо решение следующих **задач:**

– уточнить понятие фразеологичности применительно к единицам синтаксического уровня языка на основе критического обзора существующих исследований в области общей фразеологии и синтаксической фразеологии;

– определить понятие предложений фразеологизированной структуры как особого типа синтаксических фразеологизмов на основе выявления их синтаксических и фразеологических характеристик и их соотношения;

– разработать алгоритм анализа предложений ФС, характеризующий их сущность, раскрывающий их структурно-грамматические, семантические и функционально-коммуникативные признаки;

– выделить совокупность предложений ФС, отвечающих единым сущностным признакам;

– разработать классификацию предложений ФС;

– выявить индивидуальную специфику каждой фразеологизированной структуры на основе ее комплексного анализа;

– провести функционально-коммуникативное исследование предложений ФС, раскрывающее их как особые коммуникативные единицы с особой функцией:

- провести текстовый анализ ФС, направленный на выявление внутритекстовых отношений между ФС и другими высказываниями;

- рассмотреть функционирование ФС в коммуникативном процессе, т.е. в дискурсе;

– определить место предложений ФС в системе языка с учетом их структурно-грамматических, семантических и функционально-коммуникативных характеристик;

– обосновать целесообразность и необходимость включения предложений ФС в практический курс обучения иностранных учащихся русскому языку (РКИ).

Объект исследования составляют предложения фразеологизированной структуры как особый тип предложений русского синтаксиса и специфический тип синтаксических фразеологизмов.

Предмет исследования – явление фразеологичности в единицах синтаксического уровня языка, в первую очередь – в предложении как основной синтаксической единице.

Методы исследования. Для определения понятия предложений ФС, а также для полного их анализа от закономерностей построения до использования в речевом процессе использовался теоретико-аналитический, дедуктивный метод, а также аналитико-описательный, компонентный и функционально-коммуникативный методы. Учитывая, что естественной сферой функционирования ФС является устная речь, использовался анализ звучащей речи. С целью выяснения и уточнения факторов, обусловливающих условия употребления фразеологизированных высказываний применялся лингвистический эксперимент и работа с информантами.

Объект, цели, задачи работы определили **материал** исследования. Специфика ФС в том, что это единицы, связанные в первую очередь с общением, характерные для устной непринужденной речи, а также представленные в периодике и в художественной литературе. Поэтому использовались следующие источники.

1. Значительную часть материала составляют записи устной речи, зафиксированные от носителей языка в их обыденном общении (обиходно-бытовая, социокультурная сферы). В основном это диалогическая форма речи, а также монологическая речь (например, в непринужденном рассказе).

2. Записывались фрагменты устной публицистической речи, включающие ФС. Это речь ведущих радио- и телепередача, общественных деятелей, Отметим, что для современной публицистики характерна неподготовленная, заранее не записанная, в определенной степени спонтанная речь (а не чтение с листа), что сближает этот материал с записями ситуаций реального общения.

3. Использовались письменные тексты определенных жанров публицистики, а также произведения художественной литературы (драма, проза, поэзия), так как в этих коммуникативных сферах ФС активно используются.

Возникает вопрос, насколько оправданно привлечение письменных, книжных текстов, если учесть, что ФС – принадлежность в первую очередь устной непринужденной речи? Насколько достоверны эти примеры и соответствует ли использование ФС в этих текстах их функционированию в реальном общении? Такое использование, на наш взгляд, не только закономерно, но и необходимо, причем с разных точек зрения.

1. Текст – это документированное, фиксированное речевое событие, зарегистрированное, записанное человеком, профессионально связанным со словом (журналист, диктор, ведущий телепередач) или писателем – художником слова, имеющим развитое чувство языка.

Русская художественная литература в этом смысле – отражение подлинной русской речи, собрание ситуаций русского общения. Писатель не выдумывает свой язык, он лучшим образом использует национальный язык, наиболее достоверно и точно отбирает материал.

2. Использование текстов публицистики и разных жанров художественной литературы, позволяет проследить функционирование ФС в разных коммуникативных контекстах.

3. Привлечение художественные текстов разных временных периодов (XVIII – XXI в.в.) позволяет показать, что ФС сложились и закрепились в русском языке давно, принадлежат системе языка, ее основе.

Теоретической основой исследования является сочетание положений структурно-семантического подхода к исследованию языка, который был выработан в традиционной, классической лингвистике, и принципов современной лингвистики, с главенствующей в ней идеей антропоцентризма языка. В процессе исследования учитывались также основные положения лингводидактики.

Концептуальные **положения работы, выносимые на защиту:**

1.Предложения фразеологизированной структуры – представляют собой особый тип фразеологизмов, отличающийся как от лексических фразеологизмов, так и от синтаксических фразеологизмов «непредложенческого» характера. Они

отражают специфику проявления свойства фразеологичности в основной синтаксической единице – в предложении.

2. Специфика предложений ФС в том, что они имеют двойственную грамматическую природу. Они сформировались и существуют в языке как фразеологизированные построения и в то же время характеризуются основными грамматическими признаками предложения. Двойственная природа предложений ФС определила все другие их признаки и свойства от структурно-грамматических особенностей, семантики и до особенностей их употребления в речи и функционирования в коммуникативном процессе.

Они строятся по определенной структуре, как и все предложения, однако эта структура имеет фразеологизированный характер, так как связи компонентов, образующих их структуру, необъяснимы с точки зрения действующих грамматических правил и закономерностей, т.е. компоненты «связаны идиоматически» (Русская грамматика 1980). Это обусловливает их воспроизводимость в плане формальной организации. В то же время ФС включают лексически свободный компонент, благодаря которому по одной структуре может быть построено неограниченное количество конкретных высказываний.

3. Предложения ФС обладают основным грамматическим значением предложения – предикативностью и, соответственно, характеризуются грамматической парадигмой. Являясь предикативными единицами, они могут функционировать не только как самостоятельные предложения, но и как части сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. При устном воплощении фразеологизированные предложения имеют определенное интонационное оформление.

4. Семантика предложений ФС фразеологична. Это знаки вторичного образования – их значение не вытекает из лексического значения компонентов, образующих структуру, и их соотношения.

Семантическая специфика предложений ФС в том, что они связаны с интеллектуально-эмоциональной сферой человека – выражают отношение

говорящего к содержанию сообщения, реакцию на него, т.е. те или иные значения субъективной модальности. Эта семантика определяет их как коммуникативные единицы. Они непосредственно связаны с процессом общения и выполняют в нем особую функцию.

5. Наиболее целесообразной и объективной представляется семантическая классификация ФС. Свойственное всем ФС значение субъективной модальности объединяет их, а ее частные конкретные значения и оттеки позволяют осуществить их дифференциацию

6. При рассмотрении функционирования фразелогизированных предложений целесообразно использовать текстовый анализ и дискурсивный анализ. Они акцентируют разные стороны ФС и расцениваются как соотносящиеся и дополняющие один другой. Текстовый анализ касается семантических и смысловых закономерностей включения ФС в текст. Дискурсивный анализ позволяет анализировать роль ФС в коммуникативном событии.

В плане дискурсивного анализа следует раздельно анализировать особенности функционирования предложений ФС, в обыденном общении, представляющем собой каноническую сферу общения, собственно общение, с одной стороны, и, с другой стороны, – в публицистике и в произведениях художественной литературы, которые расцениваются как неканонические, опосредованные коммуникативные системы [Падучева 1996].

7. ФС – это системное явление русского синтаксиса и языка в целом: они представляют собой отдельный, особый класс русских предложений, входят в систему русского языка как ее самостоятельный сегмент.

8. Предложения ФС являются национально специфическими единицами.

9. Выделение и целостное описание ФС как языковых средств, связанных с устной непринужденной речью, с речевым общением, отвечает потребностям теории и практики преподавания РКИ.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проведено комплексное исследование предложений фразеологизированной структуры,

которые ранее относились к периферийным явлениям языка, и поэтому не получали полного и объективного рассмотрения:

– Исследование выполнено с позиций современной лингвистики, в рамках ее антропоцентрического направления;

– Разработана лингвистическая модель описания предложений ФС, отражающая лингвистический механизм их построения, структуру их семантики, принципы анализа их функционирования;

– Доказан системный характер предложений ФС, на основании чего они представлены как отдельный самостоятельный класс предложений, подсистема в синтаксической системе языка. Выявлены системные связи данного класса с другими классами и подсистемами синтаксиса и языка в целом;

– Разработана функционально-семантическая классификация предложений ФС на основании присущей им субъективной модальности со всеми ее значениями и оттенками. Классификация учитывает когнитивный поход к языку, предполагающий опору на семантические универсалии;

– Определены границы класса, выделен их количественный состав (класс насчитывает 54 единицы);

– Предложены принципы функционально-коммуникативного исследования синтаксических единиц (на примере фразеологизированных предложений) с позиций их функционирования в дискурсивном пространстве речевого общения с учетом специфики разных коммуникативных систем;

–. Рассмотрение предложений ФС в социокультурном аспекте показало, что в них получают отражение особенности русского менталитета, национального характера русских.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем.

– Получает развитие теоретическое исследование фразеологии как раздела лингвистики, связанного с разными уровнями языка, за счет привлечения к рассмотрению предложений фразеологизированной структуры;

– Подтверждается неоднородность синтаксических фразеологических построений в результате выделения фразеологизированнъх предложений в

отдельный класс, противопоставляемый другим типам синтаксических фразеологизмов;

– Представлено дальнейшее осмысление сущности предложений фразеологической структуры как особого класса предложений русского языка, противопоставленных предложениям свободной структуры, с одной стороны, и «непредложенческим» синтаксическим фразеологизмам – с другой.

– Получает развитие теоретическая проблема выделения синтаксических средств, специфических для общения, и их дифференциации на основе роли в коммуникативном процессе: различаются синтаксические средства, предназначенные для передачи информации и средства, предназначение для выполнения фатической функции;

– Намечены принципы дифференциации языковых средств с фатической функцией на основе их роли в коммуникативном процессе: (например, рамочные, регулирующие и интерпретирующие);

– Получает развитие теория обыденного общения как одного из видов общения;

– Поднимается вопрос о принципах представления грамматической (в частности, синтаксической) системы языка за счет включения в нее не только центра грамматики, но и других средства, «ответственных» за организацию речи;

– Вводится в научный обиход совокупность фразеологизированных предложений, как единиц класса, объединенных общностью структурно-грамматической организации и семанти0коммуникативной специфики.

Практическая ценность исследования состоит в следующем.

– Работа представляет практический результат использования положений теории коммуникации для описания конкретного языкового материала;

– Результаты исследования, описанный языковой материал могут использоваться в курсе «Фразеология русского языка», в разделе функциональной стилистики как часть общего теоретического курса «Современный русский язык»;

– Рассмотрение публицистических текстов и текстов произведений художественной литературы в плане функционирования в них предложений ФС

позволит полнее, глубже понять пути достижения (реализации) целей и задач, составляющих специфику этих коммуникативных сфер;

– Предложения ФС как национально-специфические синтаксические построения представляют интерес в плане сопоставительных исследований;

– Содержащийся в работе языковой материал, дающий комплексное описание ФС, может использоваться в качестве учебного материала для занятий с иностранными учащимися при обучении устной разговорной речи и общению.

Апробация работы. I. Результаты проведенного исследования обсуждались в виде научных докладов и сообщений на заседаниях кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 1994, 2007, 2013, 2015 гг.; на конгрессах и симпозиумах МАПРЯЛ: Берлин (Германия) 1994; Москва 1997; Братислава (Словакия) 1999; Велико-Тырново (Болгария) 2002; Санкт-Петербург 2003; Варна (Болгария) 2007; на Конгрессах РОПРЯЛ: Санкт-Петербург 2010, 2012, Казань 2016; на международных научных конференциях и семинарах: Киев (Украина)1993, 2001; Екатеринбург 1995; Гранада (Испания) 1996; Санкт-Петербург 1996, 1999, 2001 2010 , 2013; Москва 2000, 2007, 2009, 2012, 2014, 2015, 2016; Берлин (Германия) 2002; Минск (Беларусь) 2006, 2007; Познань (Польша), 2009; Варшава (Польша) 2012; Херсон (Украина) 2013; Саранск 2013; Петрозаводск 2014; Лёвен (Бельгия) 2014; Воронеж 2016; Симферополь (Ялта), 2015, 2016.

II. По материалам работы регулярно проводятся аудиторные занятия.

1. Данная тема входит в курс лекций «Функциональный синтаксис», который читается мной ежегодно (начиная с 2003 г.) для русских студентов 3-го курса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

2. Ежегодно (начиная с 1997 г.) проводится спецсеминар «Синтаксическая фразеология в русской речи» (продолжительность – один семестр) для иностранных магистрантов, аспирантов и стажеров филологического факультета МГУ им. Ломоносова.

3. Многократно проводился семинар «Фразеологизированные предложения» для американских преподавателей русского языка, приезжающих

по линии АСПРЯЛ на филологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова на летние шестинедельные курсы для повышения квалификации.

Публикации. Концепция и основные положения диссертации отражены в 60 публикациях, включая монографию, главу в коллективной монографии, два пособия по теме, а также 20 статей в ведущих рецензируемых научных журналах.

Структура работы. Композиционно работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной и цитируемой литературы и приложения.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Часть первая

Основные направления изучения языка в разные периоды развития лингвистики

Исходным положением работы при исследовании предложений фразеологизированной структуры является признание того, что они, представляя собой отдельный, особый класс специфических предложений, вместе с тем входят наравне с другими типами предложений, синтаксическими единицами в синтаксическую систему русского языка и образуют самостоятельный фрагмент, сегмент этой системы. Следовательно, ФС рассматриваются не только как фразеологическое явление языка, т.е. в рамках фразеологии, но и в закономерных связях с другими синтаксическими и языковыми явлениями. Отметим, что именно такой подход к исследованию языка заложен в функциональной грамматике. А.В. Бондарко подчеркивает: «Ни одна частная система в языке не может быть понята и объяснена, если ее анализ ограничивается внутрисистемными отношениями. Исследование приобретает объяснительную силу, если изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом отношений между системой и ее средой» [Бондарко 1985: 194 –195].

Исследованию системных связей в языке и в отдельных его подсистемах посвящены, в частности, работы [Киров 1989], [Ширяев 1991], [Милованова 2008], [Алефиренко 2008] и др.

На основании сказанного целесообразно проследить те теоретические подходы, направления, которые определяли исследование языковых и синтаксических фактов и явлений в разные периоды развития лингвистической науки и синтаксиса, чтобы определить положения теоретической концепции исследования предложений ФС.

1. Теоретическая системно-структурная грамматика

В изучении синтаксического строя можно выделить несколько периодов, каждый из которых характеризовался своими целями и путями их реализации, что зависело от тех воззрений на язык, которые были признаны основными и обусловливались состоянием науки и общественного развития в данный период.

Традиционная лингвистика изучала язык как систему, ставилась задача – показать устройство языка, его специфику. Другими словами, развивался формально-структурный, структурно-системный подход. В синтаксисе на первый план выходило исследование синтаксических единиц, в первую очередь типов предложений, с целью показа закономерностей структурной организации системы языка и ее специфики. При этом основным объектом исследования были самые характерные единицы языка, центральные, наиболее частотные типы предложений. Другие синтаксические построения, в том числе предложения ФС, как нетипичные, не столь частотные относись к периферии, и им внимание практически не уделялось.

В середине XX века дальнейшее развитие формально-структурного, системно-описательного подхода к языку получило реализацию в учении о минимальных структурных схемах предложения, что позволило выделить обозримый, конечный список структурных схем, с помощью которых можно представить все многообразие русских предложений. Эта система была представлена в академической Грамматике 1970 г. [Грамматика 1970: 541 – 610] и получила дальнейшее развитие в академической Русской грамматике [Русская грамматика 1980. Т II].

Шестидесятые годы XX в. ознаменовались возникновением интереса к семантической стороне синтаксических образований, предложения. Формально-структурный подход дополнился исследованием семантической стороны предложения. Появились работы, представляющие разные концепции семантики предложения, см.. например: [Гак 1969], [Гак 1989] [Шведова 1973], [Золотова 1973], [Арутюнова 1976], [Алисова 1970, 1974], [Ломтев 1972, 1979,], [Падучева

1974], [Супрун 1977], [Арват 1974], [Сусов 1974], [Д.Н. Шмелев1976], [Белошапкова 1977], [Современный русский язык (под ред. В.А. Белошапковой) 1981; 471 –490], [Бондарко 1978: 36–71] и др. Утвердилась целесообразность, естественность семантического подхода к языковым фактам. Бурное развитие семантического синтаксиса, которое Н.Д. Арутюнова назвала «штурмом семантики предложения» [Арутюнова 1976: 6], было обусловлено тем, что касалось основного назначения языка и предложения – выражения, передачи и восприятия информации, т.е. смысловой, содержательной стороны языка.

Естественная потребность лингвистики в новых теоретических идеях, позволивших углубить представление о языке. как о живой, естественной системе получила также отражение в развитии функционально-коммуникативной направленности лингвистических исследований См.; А.В.Бондарко 1969, 1974, 1978,1984; Теория функциональной грамматики 1992, 1996; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, Всеволодова 2000.

Так сформировался классический период лингвистической науки, который характеризовался сочетанием формально-структурного и структурно-семантического подходов. Его значение и достижения трудно переоценить. В этот период была выделена, описана основа языка – его система. Не меньшее значение имеет и тот факт, что выработанный классической лингвистикой подход стал осознаваться и использоваться как необходимая общая теоретическая основа для исследования всех языковых фактов. Так, в нашей работе для исследования фразеологизированных предложений, которые относятся к числу малоисследованных и чрезвычайно специфических синтаксических единиц, важнейшей исходной задачей является определение их грамматической сущности, рассмотрение формального устройства и семантической природы.

Классическая лингвистика не утратила своего значения, она послужила фундаментом для дальнейшего развития многих современных теорий – в рамках этого главенствующего направления и параллельных им. Так, параллельно с теоретико-описательным, академическим направлением стал формироваться, развиваться другой, практический, лингводидактический подход к языку.

Обстоятельством, послужившим началом его появления стал тот факт, что в 50-е годы XX века в СССР началось преподавание русского языка как иностранного в вузах, постепенно оформившееся в дисциплину РКИ.

Появилась потребность в ином описании языка, выявился круг фактов, которые требуют своего изучения и которые до этого лингвистами не исследовались. Была разработана лингводидактическая функционально-коммуникативная модель языка, а в ее рамках как ее центральная часть, ее стержень – функционально-коммуникативная практическая грамматика русского языка, или грамматика РКИ. В основе этого направления были работы И.М.Пулькиной, Г.И.Рожковой, Е.И., Мотиной, О.Д. Митрофановой, Г.А. Битехтиной, М.В. Всеволодовой, О.П Рассудовой, Н.И. Формановской, и др. См., в частности: [Пулькина 1949], [Всеволодова 1975]. [Рожкова 1978], [Формановская 1979], [Рожкова 1983], [Рожкова 1981], [Рожкова 1987], [Рассудова 1982], [Всеволодова, Ященко 1988]. [Всеволодова, Владимирский 1982], [Всеволодова 1988], [Величко 1999], [2000], [[Всеволодова 2000], Книга о грамматике 2009], и др.

Основополагающие принципы лингводидактики, функционально-коммуникативного описания языка получили отражение в учебниках и учебных пособиях для разных этапов обучения и учащихся разного профиля, а также в учебных комплексах [Пулькина, Захава-Некрасова, 1975], [Всеволодова, Юдина 1963], [Рожкова, Рассудова и др. 1975], [Муравьева 1975], [Журавлева, Шипицо, Нахабина 1994], [Битехтина, Клобукова, Чагина и др. 1987], [Костомаров 1994], [Костомаров 1995], [Володина, Курганова и др.1977], [Хавронина, Харламова 1996], [Лобанова, Слесарева 1984], [Лобанова, Слесарева 1988] и др. См. также информационно-аналитический обзор [Всеволодова, Панков 1999].

Суть и главные положения этого практического направления отражены в коллективной статье [Амиантова Э.И., Битехтина Г.А. и др. 2001] См. также [Всеволодова 2000], [Книга о грамматике 2009].

Естественно, системно-описательная, академическая лингвистика всегда была и остается теоретической основой для теории и практики преподавания

РКИ. Грамматика РКИ опиралась и опирается на ее идеи, использует ее достижения и результаты. Однако при этом теоретическое описание системы языка дополняется специфическим подходом, продиктованным практикой обучения владению русским языком.

Таким образом, параллельно развивались две ветви лингвистики – теоретическая и практическая, лингводидактическая. Отношения между двумя типами грамматики многоплановы, это взаимосвязь, взаимодействие. Более того, теоретическая лингвистика и практическая, лингводидактическая, развиваясь далее, сближаются. Те языковые, лингвистические вопросы, проблемы, которые возникали и возникают из практики преподавания, то, что развивалось на практическом уровне, во многом интуитивно, нередко может представлять интерес и для теоретической лингвистики. Трудно не согласиться с мнением Н.М. Шанского, высказанным давно, но остающимся актуальным и сегодня: «практика является не просто критерием истины, но великой движущей силой развития науки» [Шанский 1976: 14].

Данная работа выполняется в рамках теоретической, академической лингвистики. Однако в ней в определенной степени учитываются некоторые положения, развиваемые, акцентируемые в теории и практике преподавания РКИ.

2.Основные положения научной парадигмы современной лингвистики

2.1. Антропоцентризм языка как главенствующая идея современной лингвистики

Тот яркий подъем, который был задан начавшимися в теоретической лингвистике в 70-е – 80-е годы XX века исследованиями семантической природы синтаксических явлений (Н. Д. Арутюнова, Г.А.Золотова, В.Г. Гак, Т.П. Ломтев и др.), значительно расширил возможности исследования языка в рамках сложившейся в классической лингвистике направленности на изучение языка как системы, обеспечил более глубокое представление об устройстве языка.

В то же время идеи семантического синтаксиса, которые разрабатывались во многих исследованиях и которые составили основу концепции «Русской грамматики» 1980, а также представленные в этом труде понятия формы предложения, регулярных реализаций структурных схем, детальное описание вариативности и соотносительности предложений, реализуемых в разных ситуациях речи, различие понятий «предложение» и «высказывание» и т.д. послужили началом перехода теоретической науки о языке к новому, современному периоду ее развития.

Научная парадигма современной лингвистики, начавшая формироваться с конца XX в., характеризуется появлением, развитием новых идей и принципов исследования, которые отражают господствующую на данном этапе истории лингвистического учения систему воззрений на язык, соответствующую культурно-историческому и философскому контексту эпохи.

Современная лингвистика развивается под знаком антропоцентризма языка. Это означает, что человек – в центре языка как его создатель и его пользователь. Поэтому современная лингвистика предполагает исследование языка в его связи с человеческой личностью: «язык существует в человеке для человека и реализуется для человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности» [Гак В.Г. 1998: 369].

Ю.С. Степанов, говоря об идее антропоцентризма языка в лингвистике, отмечает, что эта проблема возникла еще начале 50-х годов XX в., в работах Э. Бенвениста. Он отмечает, что на это свойство языка обращали внимание и такие лингвисты, как Г.Гийом, Л.В.Щерба, Бодуэн де Куртенэ, и подчеркивает, что «ни один лингвист не миновал вопроса об антропоцентризме» [там же: 49]

Характеризуя суть антропоцентризма, он пишет: «Таким образом вскрывается общее свойство языка: язык есть семиотическая система, основные референциальные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом. Э. Бенвенист называет это свойство «человек в языке» …Иначе эту

черту концепции можно назвать антропоцентрическим принципом» [Степанов 2009: 50].

Человек создавал язык для себя, и в нем отражены все его потребности, результаты освоения им реального мира и духовной жизни самого человека. В этом смысле в языке нет ничего лишнего, нет периферии, т.е. того, что не является интересным для рассмотрения. Современная лингвистика расширяет объект исследования, побуждает исследовать язык во всем его объеме, проявляет интерес ко всем языковым единицам, фактам языка. Все, что существует в языке, нужно, все имеет свое место в системе языка и свое предназначение.

Именно этой чертой современной лингвистики определяется актуальность исследования предложений фразеологизированной структуры, являющихся объектом нашей работы. При этом следует акцентировать тот факт, что новые идеи открывают большие возможности для изучения ФС, открывают те аспекты рассмотрения, которые полнее раскроют их сущность, позволят определить их место в системе языка и предназначенность в речи.

Идея антропоцентризма многогранна, ее характеризуют как полипарадигмальную [Алефиренко 2008: 7 – 12]. Она получает множество проявлений в языковых фактах разных уровней, в том числе в синтаксической системе, в отдельных ее подсистемах. Эти подсистемы, являющиеся составляющими общей системы, отражают фрагменты интеллектуально-когнитивного и эмоционального освоения явлений и связей действительности. Исследовать их с позиций антропоцентрической парадигмы особенно важно. Все фразеологизированные предложения имеют, как будет показано далее, ярко выраженное антропоцентрическое содержание и представляют человека, человеческую личность в разных аспектах.

Ю.Н. Караулов, говоря о многообразии аспектов, возникающих, развиваемых в языке в связи с усилившимся вниманием к языковой личности, отмечает: «Здесь и классическая проблематика соотношения языка и мышления, и вопрос устройства внутренней речи, и функциональная направленность стилистического анализа с повышенным интересом к эмоционально-

экспрессивным свойствам языка, и специфика структуры текста, его восприятия и воздействия» [Караулов 1987: 24–25].

Направленность на исследование языка в связи с человеческой личностью позволяет выделить те языковые факты, в которых представлен сам человек, отражены свойства его личности. В этом отношении богатый материал дают предложения ФС. Они по самому возникновению, формированию в языке, по значению, которое в них заключено, по своей предназначенности в речи, непосредственно связаны с человеком, его сознанием, мышлением, связаны с его интеллектуальной и эмоциональной сферами. Говорящий, используя ФС для выражения своего отношения к содержанию полученной информации, проявляет тем самым те или иные черты своей личности.

Кроме того, ФС, отражая личность человека, отражают также и его особенности как носителя русского языка. ФС представляют собой мыслительные формулы, воспроизводимые образцы мысли, выработанные в социуме и закрепленные в языке, и поскольку каждый язык национально уникален, можно проследить, анализируя ФС, определенные национальные особенности характера, мышления, быта, культуры русских как носителей данного языка.

Идея антропоцентризма проводится в теории и практике преподавания РКИ. Ею, в частности, обусловлен закрепившийся в методике взгляд на учащегося не только как на объект, но и как на субъект обучения, о чем уже шла речь. Это положение учитывается при решении исследовательских, учебно-методических и учебно-практических задач.

2.2. Изучение языка как средства общения

Идея антропоцентризма выдвинула на первый план изучение языка не самого по себе как изолированного научного объекта, а в связи с жизнью человека и общества. Без языка нет человека, а жизнь человека, все его связи с реальной средой, отношения и действия в обществе, все свойства, возможности и потребности человека реализуются посредством языка, невозможны без языка. Язык полифункционален. Это не только средство сообщения и получения

информации, но и средство общения, средство воздействия, выражения эмоций и средство самовыражения. Язык обладает эстетической функцией, он также дает отражение национальной ментальности и национального своеобразия видения реального мира.

Развивая идею полифункциональности языка, современная лингвистика активизирует мысль о том, что в разнообразии функций языка на первый план, по утверждению всех исследователей, выходит функция общения. Человек создал язык и для себя, и для других членов общества, язык предназначен для общения. Без языка нет общения и нет общества. Общая тенденция современной лингвистики характеризуется переходом от исследования языка как системы к изучению «языка в действии». Ю.С.Степанов пишет: «В последнее время центр внимания в мировой лингвистике переместился с языка как системы форм к «языку в действии», «языку в ситуации общения» [Степанов 2009: 31].

Изучение языка как средства общения самым непосредственным образом касается грамматики, которая представляет собой основу языка. В грамматике синтаксис занимает центральное место. Известно, что наименьшей единицей общения является предложение, высказывание. Что касается предложений фразеологизированной структуры, то уже первое предварительное их рассмотрение показывает, что их семантика ориентирована на говорящего и на адресата, поэтому они непосредственно связаны с использованием в процессе общения, коммуникации. Рассмотрение их под этим углом зрения представляется чрезвычайно перспективным и интересным и является одной из задач данной работы. В связи с этим далее излагаются основные положения теории общения с ориентацией на их использования при исследовании ФС.

2.2.1. *Основные положения теории общения*

Проблемы общения, связанные с межличностным характером языка, интересовали лингвистов и раньше. Они освещались в работах Л.П. Якубинского, М.М. Бахтина, Л.В.Щербы, Л.С. Выготского и др. (см. [Якубинский 1986], [Бахтин 1986], [Щерба 1974в], [Выготский 1982 –1984]). Они характеризуют

общение как сложное понятие и выделяют разные его стороны, определяющие его сущность.

В современной лингвистике выдвинутые ими положения и идеи получают дальнейшее развитие. Язык как средство общения рассматривается в таких направлениях современной лингвистики, как психолингвистика, социолингвистика, прагматика, культура речи, каждая из которых акцентирует определенные стороны этого аспекта изучения языка, раскрывает новые его характеристики. Н.И. Формановская говорит о междисциплинарном характере общения [Формановская 2007: 26 – 33]. Основными положениями современной теории речевого общения являются следующие.

Речевое общение, как и говорение, речь рассматривается, исходя из теории деятельности. [Леонтьев 1969]. Понятия «говорение, речь» и «общение» не тождественны. Общение шире, чем говорение. Речевое общение – это разновидность, особый вид речевой деятельности. Специфическое проявление деятельностного характера общения в том, что это межличностная речевая деятельность, т.е. деятельность, которая осуществляется между двумя (или более) людьми, участниками коммуникации. Н.И Формановская различает речь как линейный процесс одного субъекта и общение как объемное речевое взаимодействие двоих коммуникантов [Формановская 2007: 20].

Н.И. Формановская определяет общение как «социально-коммуникативное взаимодействие (по крайней мере двоих) по обмену информативным и фатическим содержанием в соответствии со статусом, ролевыми и личными отношениями коммуникантов для воздействия друг на друга, регулирования речевого поведения с целью достижения внекоммуникативного и коммуникативного результата» [Формановская 2007: 20].

Речевое общение осуществляется в речи, или, как принято говорить, в форме речевого потока. Речь состоит из слов, словосочетаний, предложений, однако реальной единицей общения является высказывание. Эту мысль высказал и развивал М.М.Бахтин. Он отмечал: «Речь всегда отливается в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой

формы существовать не может». [Бахтин 1986: 263]. Высказывание характеризуется тем, что оно существует в речи и выполняет коммуникативную функцию. По этим основным признакам оно противопоставляется предложению, которое является единицей языка и выполняет функцию сообщения.

М.М. Бахтин, подчеркивая отличие высказывания от предложения, писал: «Предложениями не обмениваются, как не обмениваются словами (в строгом лингвистическом смысле) и словосочетаниями, – обмениваются высказываниями, которые строятся с помощью единиц языка: слов, словосочетаний, предложений, причем высказывание может быть построено и из одного предложения, и из одного слова». [Бахтин, там же: 267]. В качестве примера он приводит высказывание *Море!* [там же: 280].

«Русская грамматика» отмечает: «Высказывание – это любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке достаточный для сообщения о чем-то» [Русская грамматика 1980: 84].

Высказывание представляет отраженную в сознании говорящего ситуацию реальной действительности (факт, событие, процесс). Оно не существует без интонационного оформления, которое выражает целеустановку, эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому или различия в его интерпретации говорящим. Высказывание, как и предложение, имеет предикативную основу и следовательно может формировать различные виды модальности: объективную модальность и субъективную модальность, которые находятся между собой во взаимодействии.

В нашем исследовании по отношению к ФС будут параллельно использоваться термины «предложение» и «высказывание», так как в процессе анализа необходимо акцентировать внимание то на языковых, то на речевых, коммуникативных сторонах фразеологизированных предложений.

Поскольку в общении участвует не один, а два или более участников, его отличительным признаком является диалогичность. При этом важным положением теории общения является утверждение, что диалог является

первичной формой языка, а монолог – вторичной. Л.П. Якубинский разделял мнение Л.В.Щербы о том, что диалог является «естественной» формой существования языка, а монолог – «искусственной», он развивает эту мысль дальше, отмечает, что даже в монологической речи в скрытом, а то и в явном виде, есть направленность на собеседника [Якубинский 1986: 31 –34. и 35].

В диалогическом общении выделяется две стороны: говорящий, или адресант, который является инициатором общения, и адресат – лицо, к которому обращена реплика говорящего. Необходимо подчеркнуть ведущую роль говорящего субъекта как лица, формулирующего свое коммуникативное намерение. Ситуация, являющаяся содержанием высказывания, представляется так, как она отразилась в сознании говорящего и интерпретируется им.

Тем не менее, поскольку общение – это речевое взаимодействие, для него важно понятие адресата. Говорящий выражает свое намерение (интенцию) в соответствии с ситуацией общения и ориентируясь на взаимодействие с адресатом. Он строит свое высказывание, учитывая особенности адресата, и может выразить свое отношение к нему. Таким образом, существенным признаком высказывания является его адресованность.

Адресат не является пассивной стороной речевого общения, он выступает как соавтор. Исследователи подчеркивают активный характер восприятия речи. Об этом писал В. Гумбольдт: «Слово, на котором мы пока остановимся ради упрощения, не несет в себе чего-то готового, подобного субстанции и не служит оболочкой для законченного понятия, но просто побуждает слушающего образовать понятие собственными силами, определяя лишь, как это сделать. Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах,

допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова». [Гумбольдт 1984: 165 –166].

М.М.Бахтин настойчиво подчеркивает, что нельзя недооценивать роль адресата процесса общения («другого», в его терминологии), говорит о его активной роли [Бахтин 1986: 258 – 263; 290 – 295]. Высказывание – звено в цепи речевого общения, оно связано с предшествующими и последующими звеньями. Оно обычно порождается как ответная реакция и строится с ожиданием активного ответного отклика. Между участниками диалогического общения (инициатором и адресатом) налаживаются динамические отношения. Они взаимодействуют в процессе общения, периодически меняются ролями: говорящий становится адресатом, и, напротив, адресат периодически берет на себя инициативу и продолжает общение. Таким образом, каждый участник общения раскрывается в диалоге. Не случайно утвердился термин «коммуникант», обозначающий любого участника общения, независимо от того, сколько их (двое или более), а также от того, адресантом или адресатом он является в данный момент общения.

Мена ролей участников диалога определяет специфику структуры диалогического построения: в нем выделяются, с одной стороны, интенции, реплики инициатора общения (говорящего) и, с другой стороны, – реакции, ответные реплики адресата. При этом содержание и продолжительность высказывания одного и другого коммуниканта меняется и зависит от многих факторов. Поэтому теория общения использует достижения прагматики, которая изучает все параметры языкового общения.

Важной функцией общения является фатическая, или контактоустанавливающая. Здесь имеется в виду такая особенность общения, когда на первый план выступает не передача или получение информации, а установление, поддержание контакта. Фатическую функцию выделяет Р.Якобсон [Якобсон 1975], [Якобсон 1985: 317]. Более конкретная характеристика фатического общения содержится в работах [Винокур 1993а], [Русский язык в функционировании 1993: 5 –28]. В.В.Дементьев выделяет и описывает жанры фатического общения. [Дементьев 1995], [Дементьев 1999б].

Общение, коммуникация как вид речевой деятельности осуществляется, реализуется в определенных речевых ситуациях. Речевая ситуация – это составная часть, этап речевого общения. Понятие «ситуация» употребляется в лингвистике широко и часто, и в него исследователи вкладывают разный смысл. Ситуацию нередко определяют как условия, в которых осуществляется акт речи, оказывающие влияние на высказывание. Это определение недостаточно полно, так как в нем нет указания на связь с процессом речевого общения.

С одной стороны, существует реальная действительность, предметы, объекты, явления которой и отношения, возникающие между ними, формируют определенное положение дел, то есть ситуацию реальной действительности. С другой стороны, имеются участники общения, лица, которые обращаются к речи, чтобы обсудить, разрешить отраженные в ней вопросы, то есть объективировать возникшую ситуацию, которая становится предметом их речи. Кроме того, коммуниканты характеризуются индивидуальными личностными чертами, особенностями, имеют различные потребности, свое отношение к предмету речи (ситуации реальной действительности). Говорящий и адресат в процессе общения вступают во взаимодействие по поводу предмета речи.

Речевая ситуация таким образом, включает две основные, тесно взаимосвязанные стороны: 1) ситуацию реальной действительности (она является предметом разговора) и 2) ситуацию общения (коммуникантов с их индивидуальными особенностями, потребностями (интенциями), с их отношением к предмету речи, с их взаимоотношениями друг с другом. В качестве исходного мы принимаем следующее определение этого понятия: «Коммуникативная ситуация – сочетание внешних и внутренних условий и обстоятельств, в которых протекает речевое общение, положение дел, сопровождающее коммуникацию» [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 252]. Термины «коммуникативная ситуация» и «речевая ситуация» используются как синонимичные.

Выделяются факторы, формирующие речевую (коммуникативную) ситуацию, и тем самым определяется ее структура. В число таких факторов

входят: предметы и явления, о которых идет речь; цели и интенции участников коммуникации (говорящего и адресата); статус и роли участников общения; их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики; эмоциональные отношения участником общения друг с другом; количество участников (от одного при «разговоре с самим собой» и двух при диалогах до миллионов); личная заинтересованность/незаинтересованность.

В структуру речевой ситуации вводится также обстановка общения: место (магазин, дружеская компания, конференц-зал), продолжительность общения, канал передачи информации (тет-а-тет, по телефону и т.д.), публичность/ приватность и др. Однако даже значительное количество и разнообразие аспектов речевой ситуации сводятся по сути дела к двум определяющим ее суть сторонам: 1) предмет разговора и 2) говорящий – адресат.

Названные компоненты общения как особого вида речевой деятельности определяют особенность языкового оформления общения. В речевом общении используются в принципе все языковые средства, с помощью которых передается и воспринимается информация с определенной ориентацией на сферу общения (официальную, профессиональную, бытовую, социально-культурную), а также на ситуацию общения. Это материальная основа общения. Общение в языковом отношении шире, чем говорение, так как нацелено на учет интересов собеседника, а также на самовыражение говорящего как коммуниканта, в соответствии с чем языковая составляющая общения включает те средства, которые необходимы для реализации взаимодействия с собеседником и те средства языка, которые отражают личность, духовную и эмоциональную сферу говорящего. Так, важно соблюдение речевого этикета, под которым понимаются социально заданные специфические правила поведения, реализующиеся в системе речевых формул, применяемых при установлении, поддержании и размыкании контакта с собеседником (Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 575). Вторую группу языковых средств составляют клише, конструкции участника коммуникации, выполняющие в ней регулирующую функцию. К третьей группе относятся предложения ФС, которые выражают интеллектуально-

эмоциональные потребности говорящего как коммуниканта. Они используются в содержательной части общения и тем самым продвигают его, дополняют, обогащают содержание общения. См. подробнее о специфических средствах общения [Величко 2003б], [Величко 2012а].

Особое внимание следует обратить на положение о том, что речевое общение – это не только вид речевой деятельности, но также и разновидность человеческого поведения, что обусловливает необходимость учета также психологических и социальных условий общения, т.е. экстралингвистических сторон речевого взаимодействия. Это означает, что изучение общения должно включать два самостоятельных, хотя и взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, безусловно, необходимо исследование языковых средств, используемых в процессе общения, в разных его сферах. С другой стороны, общение не исчерпывается речью, в общении важны факторы, связанные с принятыми правилами, традициями поведения в процессе общения, и эта сторона также требует внимания.

В последнее время возрос интерес ко второй стороне общения. В самостоятельное направление выделяется изучение норм и традиций общения того или иного народа. Для его характеристики стали использовать термин «коммуникативное поведение». Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин дают теоретическое осмысление этого понятия и определяют его как «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [Прохоров, Стернин 2002: 42]. Коммуникативное поведение отражает именно коммуникативный аспект общения, который шире речевого, так как он связан с более широким набором факторов, включает речевой аспект общения как свою составную часть, но далеко не исчерпывается им [там же, 42].

Коммуникативное поведение как часть культуры народа сближается со страноведением как дисциплиной, сообщающей знания о культуре, истории, традициях страны, но опять-таки полностью не совпадает с ним. Во-первых, коммуникативное поведение охватывает более узкий круг сведений, во-вторых,

оно представляет эти сведения для их активного использования в практике общения. Е.Ю. Прохоров и И.А. Стернин отмечают: «Коммуникативное поведение, таким образом, есть компонент национальной культуры, обусловленный национальным менталитетом, зафиксированный в национальных коммуникативных нормах и правилах и материально проявляющийся в национально-культурных коммуникативных ритуалах» [там же,41].

В названной работе кроме теоретических вопросов этой стороны общения содержится детальное и тонкое описание особенностей речевого поведения русских как отражение их национального характера и особенностей менталитета. Этой же теме посвящена статья [Касьнова 1993].

2.2.2. *Сферы человеческой деятельности и виды общения.*

Обыденное общение как основная сфера функционирования ФС

Речевое общение связано с разными сферами человеческой деятельности – бытовой, социокультурной, научной, профессиональной, официально-деловой, и каждой из них соответствует свой вид речевого общения. Виды речевого общения выделяются и характеризуются с учетом экстралингвистических и лингвистических особенностей.

Профессиональное общение связано с общественно-полезной деятельностью человека на работе, на службе. Это столь же широкая область, как и сама сфера деятельности человека. Но есть и общие черты общения людей на работе, что позволяет выделить эту сферу как отдельную.

В практике РКИ для обучающих целей выделяется также учебно-профессиональное общение. Ставится цель обучить иностранных учащихся читать, понимать учебную и научную литературу по специальности, излагать ее содержание, а также составлять вторичные тексты различных жанров (аннотация, реферат, рецензия, резюме и др.). См., в частности, [Величко, Юдина 2008], [Грекова, Кузьминова 2003] и др.

В последнее время большое внимание уделяется изучению вопросов делового общения. Это связано с соответствующими изменениями в жизни

российского общества. Существует определенное количество разработок, в том числе справочников, пособий по обучению этому виду общения (как носителей языка, так и иностранных учащихся). См, например, пособия, разработанные для обучения иностранных учащихся [Жданова, Романовская, Величко 1992], [Хавронина, Клобукова и др. 1991] и др.

Общение – сложное явление, и выделение его видов в зависимости от сферы общения – это только один вариант дифференциации. Так, Н.И. Формановская отмечает, что классификация видов общения не может быть одномерной и предлагает многомерную классификацию, т.е. осуществляемую по разным основаниям. В ее классификации выделяются следующие виды общения: 1. контактное – дистантное; 2. непосредственное – опосредованное; 3. устное – письменное; 4. диалогическое – монологическое; 5. межличностное – публичное – массовое; 6. частное – официальное; 7. свободное – стереотипное; 8. кооперативное – конфликтное; 9. речевое – текстовое; 10. информативное – фатическое; 11. нарративное – коммуникативное [Формановская 2007: 34-46].

Приведенная многомерная классификация ценна тем, что она пересекается с выделением видов общения, связанным со сферами общения. Например, в обыденном общении могут реализоваться и другие виды общения. Оно бывает устным и письменным, контактным и дистантным и т.д. Поскольку основная сфера функционирования ФС – обыденное общение, на нем следует остановиться подробнее.

Обыденное общение соответствует самой распространенной сфере общения – бытовой, или обиходно-бытовой. В теоретической лингвистике оно определяется следующим образом. «Обыденное общение – часть общественно-языковой практики социума, в которой решаются коммуникативные и жизненные задачи его членов как частных лиц; в обыденное общение включены все члены сообщества, оно не требует специальной подготовки, а усваивается традиционно, можно сказать, с молоком матери» [Культура русской речи: Энциклопедический словарь- справочник 2003: 383].

Обыденное общение характеризуется следующими условиями: 1. неофициальные отношения между собеседниками; 2. участники общения выступают как частные лица или лица, не акцентирующие свой социальный статус; 3. непринужденность общения; 4. неподготовленность, спонтанность общения; 5. непосредственное участие собеседников в акте коммуникации; 6. цель общения – решение жизненных, социальных вопросов или коммуникативная цель; 7. устная форма реализации; 8. в него включены все члены общества; 9. использование определенной совокупности языковых средств, в основе которой лежат средства разговорной речи.

Относительно некоторых из перечисленных условий общения следует дать пояснения. В обыденном общении преобладает устная форма реализации, хотя возможна и письменная форма. Она представлена, например, в бытовых записках, личных дневниках, частной переписке. Правда, по всеобщему признанию, культура частной переписки в современном обществе менее высока, чем, скажем, в XIX в. Это объясняется, в частности, «вторжением» в обыденное общение таких технических средств, как телеграф, телефон.

Обыденное общение обычно протекает как непосредственное, т.е. в условиях, когда партнер и его собеседник (собеседники) находятся в общем коммуникативном и визуальном пространстве, они рядом, видят друг друга, не разделены временем и пространством. Опосредованным общением является общение по телефону или при помощи писем. Эти виды общения еще называют дистантными. Если собеседники ведут разговор по телефону, они связаны во времени, но разделены пространством. Участники переписки, общения в письмах разделены и временем, и пространством

Уточнения требует пункт, что целью общения могут быть не только жизненные или социальные задачи, их обсуждение, решение, но и чисто коммуникативные задачи. Здесь имеется в виду, что для собеседников главным может быть не получение информации, а установка на речевой контакт, на поддержание с собеседником (собеседниками) речевых и социальных отношений. В этом случае общение выполняет фатическую функцию. Такое «общение ради

общения, чаще всего не несущее важных сведений, оказывается, однако, важнейшим регулятором жизни сообщества» [Формановская 2007: 43].

Обыденное общение – это первичная форма речевого поведения человека и бытования языка. Оно не связано с профессиональной деятельностью, в него включаются все, оно в этом смысле универсально. Обыденное общение как первичная система общения противопоставляется деловому, официальному, научному, политическому, эстетическому видам общения как вторичным видам речевого поведения, жанры, языковые средства которых создавались из материалов обыденного общения. По отношению к нему, кроме термина «обыденное общение», используются также термины «повседневное», «обиходное», «бытовое» (общение), которые непосредственно указывают на характер его тематики и сферы его использования.

Один из вопросов, который интересует исследователей и который полнее раскрывает само понятие речевого общения, в том числе обыденного, – это формы речевого общения, или речевые жанры. Большая роль в решении этого вопроса принадлежит М.М. Бахтину. Речевой жанр, в его определении, – это относительно устойчивые и нормативные тематические, композиционные и стилистические типы высказываний [Бахтин 1986: 255]. Он различает следующие жанры общения: беседа, разговор, рассказ, история, предложение, признание, спор, замечание, совет, письмо, записка, дневник. Отмечая крайнюю разнородность речевых жанров, определяя основы их дифференциации, М.М.Бахтин выделяет в первую очередь первичные (простые) и вторичные речевые жанры, или типы высказываний. Первичные жанры сложились в условиях непосредственного речевого общения. Вторичные речевые жанры – это сложные жанры (романы, драмы, научные исследования, большие публицистические жанры и т.д.); они сложились позднее и в процессе своего формирования вбирают и перерабатывают различные первичные жанры. Характеристика названных речевых жанров содержится в [Культура русской речи. Учебник для вузов 2000: 83 – 89].

Важно обратить внимание на то, в каких жизненных ситуациях протекает обыденное общение и какова его тематика. Оно, безусловно, включает такие коммуникативные ситуации, как «Магазин», «Общественный транспорт», «Столовая» и др. так называемые городские стереотипы общения. Однако повседневные контакты взрослого, культурного, активно живущего человека гораздо шире и разнообразнее и проходят в самых различных повседневных жизненных ситуациях: это общение не только в обиходно-бытовой среде, но и общение на работе, в служебной неофициальной обстановке, в учебном заведении (на занятиях и в перерыве), в общественных учреждениях, куда приходится обращаться и в ситуациях неслужебных: после работы, в музее, в театре, в спортивном клубе и под. Не случайно исследователи отмечают, что существует довольно много промежуточных ситуаций общения (в том числе и для носителей языка). К ним относится, например, разговор пациента с врачом, с которым он раньше не был знаком, разговор с соседом по купе и под.

Жанры повседневного общения не ограничиваются легким разговором «на ходу» (типа «*Как дела?»)* или бытовым поздравлением; они дают возможность более полно реализовать жизненные и коммуникативные потребности собеседников. Характерны такие жанры, как разговор, обсуждение, спор на определенную тему, рассказ о какой-либо жизненной, общественной или служебной ситуации.

Что касается тематики обыденного общения, то это, соответственно, тоже могут быть темы не только бытового характера и содержания, но и социально-культурного, учебно-профессионального, политического, научного, но опять-таки, если коммуникация проходит в неофициальной обстановке и если отношения между участниками коммуникации носят неофициальный характер. Разговор в такой обстановке между знакомыми, в кругу семьи об искусстве, науке, работе, политических событиях, спорте, разговор между коллегами о профессиональных делах тоже целесообразно относить к обыденному общению. Е.А.Земская отмечает, что «тематические различия не оказывают влияния на выбор кодифицированного языка или разговорной речи» [Земская 1979: 11].

В зависимости от ситуации человек выполняет разные социальные роли, которые получают в языке (что не случайно) специальные названия: собеседник, коллега, руководитель, сотрудник, пациент, покупатель, клиент, посетитель, читатель, зритель и т.д., и это определенным образом влияет на его речевое и коммуникативное поведение.

В зависимости от числа коммуникантов выделяют такие типичные жанры, как диалог, монолог и полилог, см.: [Земская. 1979: 5 – 6], [Земская, Китайгородская, Ширяев. 1981: 16– 18]. Для диалога характерна частая смена ролей «говорящий – адресат». Отличительная черта диалога – обращенность к слушающим, которые могут задавать вопросы, прерывать говорящего, соглашаться, как-то отреагировать и т д. Л.П. Якубинский отмечает, что стремление к диалогу, «реплицирование» проявляется и при публичных формах общения, например, при слушании доклада, выступления, когда слушающие подают реплику с места или когда монолог докладчика сопровождается диалогом слушающих (перешёптыванием или записочками). «В сущности, всякое взаимодействие людей есть именно взаимо–действие; оно по существу стремится избежать односторонности, хочет быть двусторонним, диалогичным и бежит монолога» (Якубинский 1986: 32]. Важно отметить, что в других социальных сферах общения монолог оформляется с помощью других средств, говорящего не принято перебивать и т.д., тогда как для разговорного монолога это естественно: говорящему необходим активный слушатель, и если говорящего слушают молча, он теряется, утрачивает интерес к рассказу.

В реальном общении диалог и монолог представлены обычно не в чистом виде: диалог может включать элементы монолога и происходит как обмен мини-рассказами, мини-монологами, а монолог приобретает черты диалогичности, так как может перебиваться репликами собеседника. Применительно к особенностям обыденного общения выделяется особая разновидность монолога – разговорный монолог, который характеризуется как «форма непринужденного рассказа. непосредственно обращенного к слушателю или слушателям» [Шведова 1956, №

2]. В.В. Виноградов выделял монолог «сообщающего типа» в его «повествующей разновидности» [Виноградов 1926: 30 –31].

Для полилога характерно разнотемье («полифония тем», по Е.А. Земской), когда в разговоре параллельно или последовательно обсуждается несколько разных тем, и при этом участники разговора могут вступать друг с другом в разные формы коммуникативного контакта, взаимодействия: каждый участник может проводить свою тему, развивая ее, может при этом «вписываться» в общую тему или поддерживать тему другого собеседника, либо начать свою, новую, пытаясь привлечь к ней собеседников.

В жанрах общения ярко и специфически реализуется его деятельностный характер. Он проявляется в отсутствии четкого разделения на говорящего и слушающих, в активном участии всех участников, в стремление каждого реализовать себя как коммуниканта, в активном характере адресата, в ожидании говорящим непременной реакции адресата, в необходимости для него получать не просто внимательного слушателя, а именно активного собеседника.

В последнее время усилился интерес к исследованию речевых жанров. Выделилось самостоятельное направление лингвистики – жанроведение, которое занимается общими проблемами теории жанров (см.: [Жанры речи 1999: Введение], [Седов 1999: 13 –21], [Культура русской речи. Учебник для вузов 2000: 83 – 89]), а также описывает конкретные жанры и их разновидности, определяет их специфические черты (см. [Рытникова 1997], [Капанадзе 1988], [Земская 1988], [Шмелева 1992]).

Следует также назвать содержательную книгу О.Б Сиротининой, которая рассматривает вопросы, связанные с использованием русского языка в разных ситуациях повседневной жизни. Книга имеет практическую направленbность, включает тексты для анализа, задания для развития умения общаться [Сиротинина 2010].

2. 2.3. *Ситуация с обучением обыденному общению в теории и практике РКИ*

В дисциплине РКИ обыденному общению пока уделяется недостаточно внимания в плане описания его особенностей, разработки методических рекомендаций, а также непосредственно в учебном процессе. При этом с обучением другим видам общения дело обстоит иначе. Накоплен большой опыт обучения иностранных учащихся профессиональному, научно-учебному общению. По этому аспекту имеется очень большое количество лингводидактической и учебной литературы. В последнее десятилетие довольно активно и успешно разрабатываются вопросы, связанные с обучением деловому общению. Эти виды общения по отношению к обыденному являются вторичными, они гораздо более ограничены с точки зрения широты использования языковых средств, их структурной, жанровой и тематической организации. Обыденное общение гораздо богаче и сложнее и в языковом отношении, и с точки зрения правил коммуникативного поведения, однако обучению ему отводится мало учебного времени.

Может быть, такая ситуация сложилось под влиянием точки зрения относительно обучения общению носителей языка. В приведенном выше определении обыденного общения подчеркивается, что оно «не требует специальной подготовки, а усваивается традиционно, можно сказать, с молоком матери». Оно не готовится обычно заранее, т.е оно спонтанно, поэтому ему не надо учить. Это определение, конечно, ориентировано на носителей языка. Очевидно, по инерции подобное отношение к обыденному общению переносится на практику обучения иностранных учащихся. Обыденное общение не рассматривается как особый, специфический вид речевой деятельности, и предполагается, что главное – обучить системе языка и говорению, речи, а, научившись говорить, иностранный учащийся сможет и общаться.

В этой связи приходится констатировать, что не все рассуждения об обыденном общении, являющиеся справедливыми применительно к носителям языка, могут быть непосредственно перенесены на практику обучения

иностранных учащихся. Так, носители языка овладевают навыками общения так же, как и другими навыками (социальными и житейскими) в течение длительного периода жизни, т.е. в процессе социализации. Что касается иностранных учащихся, они не проходят социализации в стране изучаемого языка, поэтому положение о том, что их не надо обучать общению, к ним неприменимо. Их приходится обучать обыденному общению, так как «с молоком матери» они усвоили навыки общения на родном языке, но это совсем другое дело.

Иностранные учащиеся начинают обучаться обыденному, повседневному общению, как и языку вообще, будучи взрослыми, приобретя определенный социальный опыт как носители родного языка, как члены своего социума. Изучение языка и обучение общению проходит для них не параллельно с физическим и умственным развитием, а в сжатые сроки. Иностранные учащиеся – взрослые люди с опытом жизни и общения, с интересами, мировоззрением. Обучение общению иностранного учащегося, у которого сформировалось национальное языковое сознание и свой национальный менталитет, – это довольно сложная задача. Учащимся приходится соединять свой опыт общения на родном языке с осваиваемыми навыками общения на русском языке.

Важен также тот факт, что накопление и усвоение навыков проходит не в процессе естественной речевой деятельности, не в жизненных ситуациях реального общения, как у носителей языка, а в искусственных условиях, т.е. в учебной ситуации, где потребуется воспроизведение естественной жизненной обстановки общения. Все эти моменты приходится учитывать, когда речь идет об обучении общению иностранных учащихся.

Иностранные учащиеся должны овладеть соответствующими языковыми средствами общения (носитель языка ими свободно владеет), а также правилами речевого и коммуникативного поведения, которые выработаны в культуре изучаемого языка, т.е. являются национально специфическими. Следовательно, культурой русской речи иностранный учащийся тоже должен владеть, но это понятие применительно к нему имеет другое наполнение, чем для русского человека, см. [Величко 1993], [Величко 1994], [Величко 2013].

Таким образом, обучение обыденному общению должно занимать важное место в практике преподавания РКИ, должно составлять его важнейшую часть.

Часть вторая

Явление фразеологичности в синтаксисе. Предложения фразеологизированной структуры

1. История изучения синтаксических фразеологизмов

Понятия “фразеологический”, “фразеологизм”, “фразеологичность“ относятся к единицам разных уровней языка и используются в лексикологии, словообразовании, синтаксисе. Однако в первую очередь это понятие воспринимается как связанное с лексическим составом языка. Нередко это проявляется и в самом определении фразеологизма. Ср.: «Фразеологизмы (фразеологические единицы, фразеологические обороты, фраземы и др.) – устойчивые сочетания слов, постоянные по своему значению, составу и структуре, воспроизводимые в речи в качестве готовых и целостных лексических единиц» [Касаткин, Клобуков, Лекант 1995: 59].

Нельзя сказать, что фразеологичность синтаксических построений не привлекала внимание исследователей. В этот отношении важно отметить статью Н. А. Янко-Триницкой, в которой она проводит и убедительно доказывает мысль, что «фразеологические единицы обнаруживаются на всех структурных уровнях языка» [Янко-Триницкая 1969: 433]. В.Н. Телия, известный специалист по лексической фразеологии, отмечает: «Специфика связанного значения неразрывно сопряжена не только с лексическим составом языка, но и с грамматическим его строем» [Телия 1981: 3].

Однако активного интереса непосредственно к выделению и анализу синтаксических фразеологических явлений, тем более фразеологизированных предложений, до определенного периода не было. Как уже отмечалось, в

традиционной лингвистике исследовался центр синтаксической системы, предложения свободной структуры. При этом в фокус внимания исследователей, естественно, попадали и другие синтаксические построения, в том числе и фразеологизированные, однако проблема оставалась на уровне констатации отдельных фактов.

Начало изучения синтаксических фразеологизмов (синтаксической фразеологии) относится к 60-м годам XX в. В этой связи следует назвать в первую очередь работы Н.Ю.Шведовой и Д.Н. Шмелева. Н.Ю.Шведова положила начало систематическому исследованию фразеологических конструкций как характерных синтаксических построений разговорной речи. Она выявила отличие устойчивых, фразеологизированных конструкций от построений «свободных» структур, дала теоретическое обоснование этого разграничения и описала большое количество фразеологизированных конструкций. [Шведова 1955], [Шведова 1956], [Шведова 1958]. Более точно и полно они охарактеризованы в ее книге 1960 года, теперь переизданной [Шведова 1960 / 2003]. Идеи Н.Ю.Шведовой получили дальнейшее развитие и системное представление в академической «Русской грамматике» 1980 года.

В те же годы синтаксическим фразеологизмам серьезное внимание уделяет Д.Н.Шмелев. В статье 1958 года он рассматривает синтаксические построения, в которых значения различных грамматических форм подвергаются устойчивым, «регулярным» сдвигам, что приводит к образованию фразеологизированных схем, ср.:– *Он тебе помог? – Да, помог он!* (‘Нет, не помог’); *Стану я читать!; Хорош друг!; Дался тебе этот словарь!* и т.п. Чуть позднее Д.Н. Шмелев развивает свое понимание синтаксических фразеологизмов и фразеологическими считает построения, в которых «фразеологической является самая схема предложения». Он использует по отношению к ним термин «фразеосхема», ср.: *Понимать-то я понимаю, а вот объяснить не умею; Страх страхом, а дело делом; Думай не думай, а загадки не отгадаешь!* [Шмелев 1958], [Шмелев 1960]. Он говорит о лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих фразеологический характер. В качестве примера он называет высказывания с

формой повелительного наклонения: *Говорить на публике он любил, вдохновлялся и любовался собой так, что* ***хоть зеркало перед ним ставь***; *И опять я живая,* ***хоть танцуй*** [Шмелев 1977: 327 – 330; Шмелев 2008: 232 – 234].

В последующие годы, после названных работ Н.Ю. Шведовой и Д.Н. Шмелева в русской лингвистике синтаксические фразеологизмы изучались не очень активно и не системно. В результате единое понимание фразеологических единиц синтаксиса пока не выработано, имеются разные точки зрения, используются и разные термины.

Некоторые авторы придерживаются узкого понимания синтаксических фразеологизмов. Так, П.А. Лекант называет фразеологическими предложения-штампы разговорной речи типа *Как дела? Что нового? Спокойной ночи! Доброго здоровья! С праздником! С Новым годом! Я – к вам!* Такие предложения-штампы не столько грамматические единицы, сколько готовые образцы, которые воспроизводятся в речи для выражения внимания, пожелания [Лекант 1974: 151-153]. См. также [Касаткин, Клобуков, Лекант 1995: 357].

О.И. Москальская, исследуя синтаксис немецкого языка, выделяет блок фразеологизированных моделей предложений, общими чертами которых является «своеобразие структурных схем, идиоматизм грамматического значения, присутствие в ряде моделей в качестве обязательного компонента слов, типизирующих данную модель» [Москальская 1974: 90-92], анализирует случаи грамматического идиоматизма и в синтаксисе русского языка (*Чем не жених!; Нет бы подождать; Правда не правда, а так спокойнее* [Москальская 1962].

Исследователи выделяют как специфические разные типы синтаксических образований, которые с точки зрения построения и формирования значения не укладываются в рамки действующих языковых закономерностей. Они характеризуются переосмыслением грамматических категориальных значений самой конструкции или определенного ее компонента. Такие построения можно расценить как отражающие широкое понимание синтаксической фразеологии.

Так, с этой точки зрения рассматриваются вопросительные по форме предложения, используемые при передаче значения отрицания, несогласия,

например: *Что было делать?*; *А какой толк?; Какие мы друзья!*; *Куда тебе жениться!*; *Что ему делается?*; *Кто его обижает!*; *Куда тут чаи распивать!* и т.п. [Бердник 1974], [Шмелев 1959], [Шмелев 2006: 138 –141], [Валимова 1967: 80]. Исследователи отмечают также типичное для русского языка использование утвердительных предложений для выражения значения отрицания: *Пойдет он, как же!; Буду я с ним разговаривать!; Поработаешь тут спокойно!; Так я вам и сказал!* и т.п. С другой стороны, предложения отрицательной структуры, содержащие отрицательную частицу *не*, передают утверждение: *Как не помочь!; Как было не обидеться!* [Шмелев 1958], [Крейдлин, Рахилина 1984], [Гаврилова, Меликян 1997], [Булыгина, Шмелев 1997],

В ряде работ к фразеологизированным относят также структуры предложения, в основе которых лежит транспозиция грамматических форм императива, сослагательного наклонения, видовременных форм: *Все гуляют, а я сиди занимайся; Буду я с ним возиться!; Все сидели, разговаривали, шутили, а он вдруг встает и уходит, не попрощавшись.*

К синтаксическим фразеологизмам иногда относят пословицы, поговорки, крылатые слова. В.Л. Архангельский различает в составе фразеологии фраземы – непредикативные фразеологические единицы, т.е. традиционные лексические фразеологизмы, и устойчивые фразы (УФ) – предикативные сочетания слов, за которыми он закрепляет статус фразеологических единиц. К УФ исследователь относит поговорки, крылатые слова (*А ларчик просто открывался*), калькированные изречения (*Вот где собака зарыта*), стационарные формулы диалогической речи модально-междометного характера (*не в обиду будь сказано; Держи карман шире*) и другие типы клишированных предложений [Архангельский 1964], [Архангельский 1968], [Архангельский 1977], [Архангельский 1978]. У В.Л. Архангельского имеются последователи, которые также исследуют УФ, см. работы [Бондаренко 2011], [Козырева 1983].

Особо выделяется круг работ, в которых фразеологические синтаксические конструкции (это могут быть не только предложения) включаются в рассмотрение в составе более широкого круга синтаксических построений, которые

объединяются на основании таких общих признаков, как стабильность, постоянство формального (структурного), а иногда и лексического состава, неделимости и целостности значения. Авторы таких работ преследуют свои конкретные исследовательские цели и задачи, и это определяет круг единиц, включаемых в анализ. В таком случае фразеологизированные структуры попадают в общий массив исследуемых объектов и рассматриваются в аспекте той общей проблемы, которой посвящена данная работа. Сам круг фразеологических единиц и их отличие от других «неделимых синтаксических построений» определяется автором, как правило, интуитивно, и задача определения сущностных признаком синтаксических фразеологических единиц, их лингвистического и грамматического статуса, как и рассмотрение их с точки зрения их семантической специфики и индивидуальности, обычно не ставится.

Работа Л.А. Пиотровской посвящена изучению эмотивных и эмоциональных, оценочных средств языка. Объектом рассмотрения в работе являются устойчивые восклицательные эмотивные синтаксические образования как особый коммуникативный тип высказываний, которые характеризуются в семантическом отношении, как считает автор, доминированием эмоционального плана над планом логическим: *Это в 18-то веке!; Что вы говорите!; А еще инженер!; Вот молодец!; Это с какой радости!; Кто же рыбу без масла жарит!; Подумаешь, герой!; Вот тебе и герой!; Ну и герой!; Менделеев мне нашелся!* В число рассматриваемых автором попадают, как видно из приведенных примеров, и некоторые синтаксические фразеологизированные структуры

Автор использует общий термин «эмотивные высказывания» по отношению ко всем рассматриваемым высказываниям, а это построения разного грамматического оформления, поэтому лингвистическая специфика фразеологизированных структур, их отличие от других средств эмотивности, естественно, не рассматривается.

Недостаточно учитывается интеллектуальный (логизированный, в терминологии автора) компонент значения рассматриваемых высказываний, что обедняет семантическую характеристику некоторых из них. Так, высказывания

Ну и народ!; Ох уж эти мне мальчишки!; А еще друг!; Что за глупая баба! приводятся автором в одном ряду как выражающие сходное эмоциональное значение, а вопрос об их более глубокой семантической характеристике не ставится.

И.Н. Кайгородова рассматривает синтаксические идиомы русского языка – синтаксические единицы, особенностью которых является полная или частичная утрата симметрии между исходной формальной структурой и фразеологическим значением. Она включает в рассмотрение словосочетания и предложения: *положить зубы на полку, валять дурака, ничтоже сумняшеся, гулять так гулять, голова кругом идет, жизнь бьет ключом, что ни на есть, Вот те на! Хорош друг.* [Кайгородова 1999]. Ставится задача определить факторы возникновения и механизм развития, становления синтаксических идиом, уяснить глубинные механизмы процесса синтаксической идиоматизации.

При такой постановке задачи не ставится цель определить круг исследуемых построений. Параллельно рассматриваются лексические фразеологизмы (*жизнь бьет ключом*), клишированные выражении типа (*Какая разница? Вот те на! Что ни на есть*) и синтаксические фразеологизмы (*Гулять так гулять! Красавица из красавиц*).

В целом задачи, которые решает автор, не связаны с исследованием самого явления синтаксической фразеологичности, с определением языковых признаков, на основании которых то или иное построение можно отнести к синтаксическим фразеологизмам.

Р.П. Рогожникова рассматривает фразеологически связанные наречные, служебные, модальные единства, эквивалентные одному слову: *так сказать, будто бы, еще раз, без малого, так сказать, а то и, стало быть* и под. Цель автора – составить словарь таких сочетаний [Рогожникова 1991].

Недостатком такого подхода является отсутствие единых, строгих структурно-грамматических, а также функционально-синтаксических критериев выделения единиц для исследования. Автор рассматривает и эквивалентны полнозначного слова (*Ему хотелось* ***выйти на люди****; Он все схватывает* ***на***

лету), и сочетания, которые традиционно квалифицируются как союзы (***Если бы*** *ты пришел*), и соединения, функционирующие как вводные словосочетания (***Если угодно****, мы можем пообедать*).

Кроме того, Р.П. Рогожникова включает в свой словарь также соединения слов, имеющие совсем другую природу и не являющиеся эквивалентами слов. Таковы соединения *нет бы, добро бы, ах ты, мало ли* и под.

Теперь назовем работы, которые посвящены непосредственно проблеме фразеологичности в синтаксисе, в том числе в синтаксисе предложения, в которых выявляются важные отличительные признаки синтаксических фразеологизированнх построений.

В работах Л.Л. Иомдина объектом анализа являются конструкции малого синтаксиса, т.е. не являющиеся предложениями. Так, в статье [Иомдин 2007] он исследует синтаксические фраземы с вопросительными словами. Его интересует лингвистическая специфика двух классов фразем: с начальной позицией вопросительного слова и с вопросительным словом в конце (*какой угодно, как угодно, кого попало, где придется, кто бы то ни было, с кем надо, кто хотел – мало кто, мало где, хоть кого, хоть о чем, бог знает чем*).

Для нас эта работа интересна самой направленностью поставленных задач, аспектом анализа. Л.Л. Иомдин считает необходимым интегральное описание фразем. Автор ставит задачу определить грамматическую специфику конструкций одного и другого класса, поэтому основное внимание уделяет их синтаксической характеристике, прослеживает, как они включаются в структуру предложения, какие связи возникают у их элементов с компонентами предложения.

Работы, касающиеся непосредственно явления фразеологичности в синтаксисе предложения, не столь многочисленны. Интересны работы, посвященные отдельным структурам (типам предложений), которые привлекали внимание лингвистов своей необычной, нетрадиционной формальной организацией.. Таковы, например, конструкции, построенные с помощью повтора лексической единицы.

Н.А. Янко-Триницкая рассматривает синтаксические фразеологизмы, т. е.

словосочетания и предложения, «общее значение которых не вытекает из значения составляющих их форм, не мотивировано ими, в силу чего такие словосочетания не поддаются обычному синтаксическому членению, например: *чучело чучелом, вопрос вопросов, один к одному, всем книгам книга, есть вещи и вещи; ехать так ехать, мальчик как мальчик, Цирк есть цирк* и т.п.» [Янко-Триницккя 1967: 88]. Г.Я Солганик делает объектом рассмотрения фразеологические модели типа *Из красавиц красавица, Есть поэты и поэты, Вина вине рознь* и др. [Солганик 1976].

Т.А. Тулина рассматривает двусоставные предложения с тавтологией главных членов: *Долг есть долг, Сюжет как сюжет, Жизнь не в жизнь; Врач на то и врач, чтобы...* и т.п. Всего представлено семь типов предложений. [Тулина 1970]. В работе содержатся серьезные наблюдения относительно формальной устроенности каждого из них, их вариативности, а также семантики и стилистической принадлежности. Однако выбранный чисто формальный признак для объединения предложений без учета их грамматической специфичности автор посчитала основным, что помешало ей определить, что истинным фактором, сближающим эти разные структуры, является их фразеологичность. Автор характеризует их как простые предложения с составным именным сказуемым.

В этом отношении важное значение имеют работы, авторы которых не ограничиваются рассмотрением конкретного (хотя и важного, показательного) языкового материала, а поднимают теоретическую проблемы сущности фразеологизированных предложений. Так, В.И. Кодухов рассматривает явление синтаксической фразеологизации. Он ставит цель показать, что это явление в сфере синтаксиса распространено так же, как в лексическом составе языка, т.е. говорит о наличии в синтаксическом строе русского языка конструкций, которые можно назвать синтаксическими фразеологизмами.

Как синтаксические фразеологизмы он рассматривает конструкцию ***будет вам* + инф**., например, *Будет вам баклуши бить* (*болтать, сердиться*), а также модель **П. + *без ума* + *от*** (*Барин без ума от нее*) и сочетание ***быть* + сущ.** (*Быть грозе*). В них компонент утрачивает семантическую, парадигматическую,

синтагматическую полноценность и свободу, претерпевает деформацию, превращающую их во вторичные связанные единицы языка [Кодухов 1967].

Работа Г.Н. Смирнова также важна своей теоретической направленностью. Автор рассматривает предложения с тавтологией компонента (*Весна есть весна, Домик как домик, Кофе так кофе*), и на их примере показывает, что в русском языке имеется «немало предложений, представляющих более или менее устойчивые конструкции, построенные по особым структурным схемам – фразеологизированным моделям» [Смирнов1982: 91]. Он выделяет как принципиальный признак таких структур, отличающий их от лексических фразеологизмов, то, что они предполагают наполнение определенным лексическим материалом [там же].

И В.И Кодухов, и Байрамова отмечают, что процесс фразеологизации касается как простого, так и сложного предложения. В.И. Кодухов в названной работе особое внимание уделяет фразеологизации в сложноподчиненных предложениях. Он выделяет: 1. модели сложноподчиненных предложений с устойчивым элементом: *не успел.., как..; достаточно.., чтобы; что касается* (*до*), *то* и т.п.; 2. модели сложноподчиненных предложений с переосмысленной структурой: *Задача состоит в том, чтобы*(*что*).

М.В. Ляпон рассматривает как фразеологизированные конструкции с союзами типа *не успел.., как…; если.., то..; стоило.., как..; слишком.., чтобы*.., отмечает, что полнозначные слова, входящие в состав таких союзов приспособились к роли квалификатора [Ляпон 1988].

Сложноподчиненные предложения фразеологизированой структуры являются объектом анализа в диссертации С.И Пируновой. Автор ставит цель выявить и описать формально-смысловые и функциональные особенности таких предложений [Пирунова 1996].

А.Белошапкова рассматривает фразеологизированные структурные схемы, сравнивая их со свободными структурами, Она отмечает, что такие схемы характеризуются нечеткостью синтаксических связей между компонентами; они уникальны, их значение складывается по принципу создания значения у

фразеологизмов. Например: *Дальше так дальше! Оставаться так оставаться! Есть что делать; Некуда было спешить* [Белошапкова 1981: 445].

Рассмотренные работы, касающиеся предложений фразеологизированной структуры, выделяют их существенные признаки, но, к сожалению, оперируют отдельными примерами, не содержат сколько-нибудь полных перечней подобных структур.

Названная ранее книга Н.Ю. Шведовой 1960 года, затем переизданная [Н.Ю. Шведова 2003], имеет то преимущество, что, хотя она посвящена несколько иной и более широкой теме – описанию синтаксических особенностей разговорной речи, содержит богатый материал, касающийся фразеологизированных предложений, и характеризует их. Эта работа чрезвычайно содержательна как с точки зрения выдвигаемых теоретических положений, так и с точки зрения анализа языкового материала. Автор развивает идею, что разговорная речь имеет свой особый синтаксис. Она видит эту специфику «в наличии огромного количества особого рода стабилизировавшихся построений, с одной стороны, лексически свободных, с другой стороны, таких, в которых черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими» [Н.Ю. Шведова 2003: 7– 8]. Выделяется два рода явлений: 1) «шаблонные фразы», не поддающиеся отчетливому членению (*Что правда то правда, что так то так*); 2) собственно синтаксические явления – особые типы построений, конструируемых с участием словесно незаменяемых элементов»: *Ай да Ваня!*; *Ах он мошенник!*.

На основании четко определенных критериев автору удалось выделить и проанализировать обширный круг явлений, составляющих специфику синтаксиса разговорной речи. Она выделяет четыре класса таких построений. В этом обилии материала представлено и значительное количество структур, которые сейчас квалифицируются как фразеологизированные предложения: *Люди как люди; Что же, чужая, так чужая; Соха она и есть соха; Где тебе ненавидеть; Тоже мне барыня*; *Ай да молодец наш Гриша!* и др.

Таким образом, Н.Ю. Шведова в своих рассуждениях о характере

построений, которые стали предметом ее исследования, уже в 1960 году вплотную подошла к выделению особого типа синтаксических структур, которые называются фразеологизированными, хотя они и включаются в данной работе в общий массив разнородных специфических синтаксических средств разговорной речи. Важным результатом исследования является также то, что в нем выделено значительное количество таких построений (а не только отдельные примеры как иллюстрация теоретических положений автора), и они характеризуются с точки зрения их грамматической устроенности и семантики.

Основополагающей работой, содержащей теоретическое представление предложений ФС, мы считаем академическую «Русскую грамматику» 1980 г., созданную под редакцией Н.Ю.Шведовой. Представление и описание в данном фундаментальном труде фразеологизированных синтаксических структур является развитием положений представленной выше книги [Шведова 1960 и 2003]. В «Русской грамматике» убедительно показана грамматическая природа ФС, их семантическая специфика, определен круг этих структур.

Важно отметить также, что ФС рассматриваются не сами по себе, как маргинальное явление синтаксиса, а в общей системе синтаксических средств языка, т.е. они включены в общий репертуар базовых синтаксических структур, определяющих синтаксические основы русского языка.

Отдельно следует выделить работы, авторы которых делают объектом анализа синтаксические единицы, которые объединяются, сближаются между собой на основании не только формальной неделимости, но и общности функциональной предназначенности.

Это работы, появление которых относится к более позднему времени. Такие исследования связаны с укрепившимся положением об антропоцентризме языка, обусловившим интерес к «языку в действии», в употреблении. Исследователи обратились к изучению высказывания как коммуникативной единицы.

Внимание исследователей привлекает тот факт, что в языке существует значительное количество высказываний, которые как формально и семантически закрепленные единицы не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся и

реализуются в определенной ситуации общения. Язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Человек как общественная личность осмыслил системные связи явлений мира, взаимоотношения людей в обществе, человека и общества, потребности человека в процессе жизнедеятельности и выработал минимальные сообщающие единицы, высказывания, которые в единстве формы и содержания отражают эти основные референциальные точки, которые предназначены для обслуживания этих потребностей личности.

Высказывания «несут существенную информацию о тех или иных событиях, действиях, состояниях, чувствах и реакциях».[Русская грамматика 1980: 83]. Как коммуникативные единицы по семантике они предназначены для выражения этикетных правил, для выражения отношения к содержанию информации, эмоций и т.д. Они не могут функционировать самостоятельно, а реализуются в определенной ситуации общения и соответственно в языковом тексте. Человек в нужной ситуации использует высказывания в готовом (или полуготовом) виде. В этом проявляется и свойство языка, которое означает, что человек может «присваивать язык в процессе его применения» (Бенвенист).

Объединяясь общностью функционирования в качестве коммуникативных единиц, эти высказывания очень различаются по своей грамматической природе и по структуре.

В.Ю. Меликян делает объектом изучения нечленимые предложения (НП). Это разновидность простых предложений, которые проявляют значительную структурную и семантическую слитность, превращаются в сложные синтаксические шаблоны. Автор рассматривает их как “одно из наиболее ярких средств экспликации коммуникативного смысла”. [Меликян 2001а]. Автор делит такие предложения на две группы: 1. НП с неноминативной семантикой (коммуникемы): *Цыц!; Стоп!; Разве?; Вот тебе раз! Ишь ты!; Едва ли!* Автор насчитывает 650 таких единиц и представляет их в виде словаря и 2. НП с понятийной семантикой (фразеосхемы).: *Ну как не хотеть!; Мало что бабы болтают!; До чего время замечательное!; То ли дело виконт!* [Меликян 2001 б]

Л. Б. Матевосян рассматривает стационарные предложения, которые являются «своего рода готовыми «формулами». Это готовые, заранее данные единицы, характеризующиеся постоянством оформления, неизменностью лексического состава и закрепленные за определенной ситуацией общения: *Еще бы1; Держи карман шире!; Подумаешь!; Доброго здоровья!; Что ты1; Алло!; Ура!; Увы!* [Матевосян 2005]. Они объединяются в тематико-ситуативные группы, а те в свою очередь могут объединяться в более объемные классы (речевой этикет, городские стереотипы, выражение эмоций, поддержание контакта и др.).

К исследованиям В.Ю. Меликян и Л. Б. Матевосян близка по объекту исследования работа Л.В. Фаст, посвященная анализу стандартизованных (в терминологии автора) предложений типа *Твое дело; Даю вам честное слово; Как хочешь!* [Фаст 1993].

Рассматривая характерное для современной лингвистики изучение языка с позиций функционально-коммуникативного подхода необходимо выделить направление «Грамматика конструкций». У ее истоков стоял Ч. Филлмор, начало его относят к 1980-м годам. В отечественной лингвистике в последние годы оно активно развивается Е.В. Рахилиной и ее учениками [Рахилина 2010]. Ставится цель исследовать непосредственно речь и тексты как репрезентации речи с точки зрения выделения тех языковых единиц, построений, которые ее организуют, формируют.

Оказывается, наряду с конструкциями, которые образуются композиционально, как сумма простых компонентов с учетом их синтаксических отношений, в речи существует множество единиц, которые характеризуются непрозрачностью формы и некомпозициональностью содержания, т.е. идиоматичных, или нестандартных (в терминологии автора). Такие конструкции – «это языковые выражения, у которых есть план выражения и план содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина 2010: 18]. Такими конструкциями изобилует речь носителя языка, они необходимы, без них она не обходится. Приведем в качестве примера рассматриваетмые в названной

книге конструкции: 1) с удвоением: *Тушат-тушат не потушат, Бежит-бежит заяц, а.*.; 2) конструкции уровня: *по колено, до плеча* и т.п.; 3) с творительным падежом типа *есть фрукты свежими, рос застенчивым*; 4) дистрибутивные: *дал сыновьям по яблоку* и др.

Близким к этому направлению можно считать исследование М.В.Копотева и Т.И. Стексовой. Они выделяют переходные единицы, расположенные на стыке разных уровней языка, например, между лексикой и синтаксисом (*встреча* ***без галстуков,*** *присесть на дорожку, чего ради, критика* ***в адрес редакции*** и т.п.) [Копотев, Стексова 2016].

Для нас эти работы интересны с двух точек зрения: во-первых, в богатый и разнообразный репертуар рассматриваемых в них единиц включены и некоторые фразеологизированные предложения – объект нашего исследования, во-вторых, все рассматриваемые единицы расцениваются как играющие важную роль в лингвистическом механизме формирования речи.

Следует особо выделить работы, в которых ФС рассматриваются применительно к практике преподавания РКИ. Первой такой работой было наше пособие [Величко 1996]. Оно содержит разработанную нами семантическую классификацию ФС, структурно-семантическое описание всех представленных фразеологизированных структур и упражнения для иностранных учащихся для отработки их употребления в речи.

Диссертационная работа Л.А.Балобановой [Балобанова 2004] и диссертационная работа Лим Су Ён написаны с учетом названной работы А.В. Величко. Л.А. Балобанова концентрирует свои усилия на таком лингвистическом описании синтаксических фразеологизмов, которое необходимо для их лексикографического представления: в учебном словаре. Заслугой автора является тщательное описание интонационного аспекта характеристики ФС.

Диссертация Лим Су Ён посвящена анализу одной группы синтаксических фразеологизмов, а именно фразеологизмам со значением оценки. В работе выявлено многообразие формальных и семантических реализаций одного и того же синтаксического фразеологизма, определены ограничения на употребление

лексики в их составе [Лим Су Ён 2001], см. также [Всеволодова, Лим Су Ён 2002].

Работа Г.И. Володиной представляет фразеологизированные обороты и частицы, используемые в речевом общения для передачи дополнительных субъективных смыслов: *Видите ли; Ведь как?; Как вам сказать; Нельзя сказать, что...; Чего вдруг!; Тут вот какое дело…; Пустяки; В том-то и беда*. Они распределены по группам в соответствии с конкретными ситуациями общения: вопрос-ответ, сообщение и реакция на сообщение, оценка ситуации, восприятие информации, побуждение к действию и т. д. Работа по жанру представляет собой пособие, предназначена для использования в процессе обучения русскому языку иностранных учащихся [Володина 2008].

К работе Г.И Володиной по замыслу и по материалу близка работа [Колосько, Потапова, Федотова 2014], выполненная в жанре учебного словаря.

Выводы

1. Явление фразеологичности применительно к синтаксическим единицам пока изучено недостаточно. Не выделены четкие критерии, которые следует брать за основу при выделении синтаксических фразеологизмов и не определен круг этих построений.

2.Тем не менее представленные в обзоре работы важны и интересны. Они привлекают внимание к этому явлению русского языка, выявляют основные особенности синтаксических фразеологизмов.

3. Положительной стороной таких исследований является то, что они показывают сложность, разнообразие проявления фразеологичности в построениях синтаксиса, что в свою очередь свидетельствует о необходимости их дифференциации и систематизации.

4. Работ, посвященных предложениям фразеологизированной структуры как отдельному классу синтаксических построений, немного. Между тем предложение – это основная синтаксическая единица, и выявление проявления свойства фразеологичности в предложении особенно важно. Предложения ФС – важный тип синтаксических фразеологизмов. Их исследование актуально для более объективного представления типов русских предложений и характеристики

синтаксической системы русского языка в целом.

5. Для объективного решения этой задачи важно, во-первых, выделение предложений ФС в отдельный объект исследования и, во-вторых, системное, комплексное, разноаспектное их рассмотрение.

2. Понимание предложений фразеологизированной структуры, принятое в работе

2.1. Общие признаки фразеологических единиц

Свойство фразеологичности присуще единицам разных уровней языка. Исследователи по-разному характеризуют фразеологические единицы, но в большинстве определений можно выделить общую часть, которая сводится к трем идеям: семантическая несвобода, устойчивость и воспроизводимость.

Основным, наиболее важным и сложным является признак «семантическая несвобода», т.е. вопрос о семантической природе ФЕ. Вследствие переосмысления основных компонентов, деактуализации их значения семантическая связь между ними утрачивается. Во фразеологизмах *ломать голову*. *ломать комедию* связь между глаголом *ломать* и существительными *комедия*, *голова* отсутствует (ср. *ломать палку, ломать игрушку*). В синтаксическом фразеологизме *Хоть уезжай из дома* связь между частицей *хоть* и формой императива противоречит грамматической закономерности, так как здесь форма императива не означает побуждения, направленного говорящим на другое лицо.

Сходным образом решают вопрос о специфике семантики фразеологизмов и другие исследователи. Так, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский рассматривают идиоматичность как характерное свойство фразеологизмов и понимают его как «осложненность способа выражения содержания – осложненность не в смысле максимального усложнения языковых форм как таковых, в «концентрированности» выражения и сложности понимания» [Баранов,

Добровольский 1996: 51]. Идиоматичность определяется как категория, базовыми идеями которой являются переинтерпретация и непрозрачность [там же: 52].

Под устойчивостью понимается постоянное, социально закрепленное соотношение данного лексико-грамматического состава и смыслового содержания. Воспроизводимость – это способ существования ФЕ в языке и способ использования их в речевой деятельности, заключающиеся в том, что данная языковая единица не производится в процессе речи, а извлекается в готовом виде из арсенала языка, из памяти говорящего. Другими словами, фразеологизм существует в языке как готовая единица, функционально соотносимая со свободными единицами языка, например, со словом, предложением или его частью.

Вариативность ФЕ допускается только в определенном диапазоне, который задается свойством воспроизводимости, например: *гроша медного /ломаного/ не стоит; прикусить /закусить/ язык/язычок; Вот это спортсмен / Вот так спортсмен.*

Для ФЕ разных уровней характерен и такой общий признак, как неделимость. Компоненты, образующие ФЕ, по отдельности «не работают» и формируют ее структуру и значение, только выступая вместе, в результате чего она характеризуется семантической целостностью. Отсюда вытекает еще одно свойство фразеологизмов – их уникальность. Уникальность значения, уникальность происхождения. У каждого фразеологизма своя «биография». Известны лингвистические исследования, посвященные истории возникновения того или иного лексического фразеологизма. Так же можно изучать и то, как сложился тот или иной синтаксический фразеологизм.

Таким образом, все ФЕ – это единицы вторичного образования, сформировавшиеся в результате семантического сдвига или переосмысления значения компонентов. Они характеризуются такими общими признаками, как устойчивость, воспроизводимость, ограниченность вариативности лексико-грамматического состава, неделимость и целостность значения. Как правило, они отличаются экспрессивностью и эмоциональностью. Общие признаки

фразеологичности получают свое конкретное проявление в ФЕ разных уровней языка, что обусловливает специфические особенности этих единиц.

2.2. Предложения ФС как языковой феномен

При определении предложений фразеологизированных структур (ФС) мы исходим из того, что их лингвистическая природа имеет двойственный характер. Они формировались как фразеологизированные единицы и следовательно обладают чертами фразеологичности, но при этом они являются синтаксическими построениями и обладают определенными синтаксическими признаками предложения, сближаясь в этом отношении с предложениями свободных структур. Необходимо определить, в чем заключается фразеологичность и в чем синтаксичность этих единиц, для чего целесообразно сопоставить их с лексическими фразеологизмами (ЛФ), с одной стороны, и с предложениями свободных синтаксических структур – с другой.

ФС, имея общие признаки с лексическими фразеологизмами, обладают вместе с тем и отличиями, что связано с их синтаксической природой. Лексические фразеологизмы воспроизводятся целиком, без изменений (не считая случаев их вариативности) и в готовом виде включаются в речь (*Не стоит просить Нину поздравить юбиляра, вряд ли это будет интересно и оригинально. Она* ***двух слов связать не может****; Все активно обсуждали эту тему. Только Никита почти все время молчала. Он* ***двух слов связать не может***.

ФС – это синтаксическая структура, модель, определенные компоненты которой наполняются разным лексическим материалом, что позволяет по одной модели построить неограниченное количество высказываний, имеющих одно типовое значение, но разное конкретное содержание (*Тоже мне город! Тоже мне студент! Тоже мне свадьба! Тоже мне праздник!; Миша не такой опытный специалист, чтобы поручать ему такую работу; Спектакль не такой интересный, чтобы смотреть его дважды*).

Вместе с тем синтаксичность фразеологизированных предложений специфична по своей природе, что обусловливает их отличие от обычных

предложений. Предложения свободной структуры строятся, производятся, в них реализуются живые синтаксические закономерности языка. Они состоят из слов и словоформ, соединяемых по правилам синтаксических связей. Все компоненты свободной структуры сохраняют свое лексическое значение и грамматический статус, в частности относятся к определенной части речи и являются членами предложения. В предложении *В воскресенье Владимир играл с младшим сыном в шахматы* все слова используются в своем прямом значении, однозначно определяется их отнесенность к части речи. Они сохраняют свое лексическое значение, фиксируемое, в частности, в толковых словарях, а в составе предложения выполняют соответствующую синтаксическую функцию, являются каким-либо членом предложения. Приведенное предложение строится по минимальной структурной схеме N1 – Vf (*Владимир играл*), а остальные компоненты распространяют ее. В предложении легко выделяются пары слов, между которыми устанавливаются синтаксические связи и определяется вид этой связи: *Владимир играл; играл в шахматы; играл в воскресенье; играл с сыном; с младшим сыном.*

Фразеологизированные структуры являются нестандартными, специфическими синтаксическими построениями, построениеи семантика которых не обусловлены регулярными синтаксическими связями, действующими языковыми закономерностями. В предложении ФС *Тоже мне город!* нельзя выделить пары слов на основании синтаксических связей согласования, управления или примыкания; соединения *тоже мне. тоже город, мне город* лишены грамматической, синтаксической сути, не являются словосочетаниями и не имеют смыслового содержания.

В ФС компоненты связаны идиоматически. «Русская грамматика» фразеологизированными называет «такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми» [Русская грамматика 1980: 217]), относит к ним предложения, в которых «словоформы связываются друг с другом идиоматически» (там же: 383). Это построения, в которых рядом находятся

компоненты, застывшие в своих формах, они соседствуют друг с другом, но не взаимодействуют.

Специфика ФС как фразеологических единиц, имеющих синтаксическую природу, заключается в том, что их образуют компоненты двух видов, имеющие разную природу, – постоянные и переменные (свободные). Постоянные компоненты определяют структуру фразеологизированных предложений и их значение. Это служебные слова, частицы, местоименные слова, междометия, которые получают специфическое функционирование.

Слова, входящие в постоянный компонент, утратили или значительно ослабили свое лексическое значение, а также грамматические признаки той части речи, к которой они относятся. Н.Ю.Шведова, определяя сущность синтаксических фразеологизированных построений, пишет: «Одним из формантов такой конструкции является застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свои лексические и категориальные значения» [Шведова 2003: 269].

Так, в предложении *Тоже мне город!* слово *тоже* не передает его словарного значения отождествления, а слово *мне* лишено свойственного личному местоимению в форме дательного падежа значения адресата (Ср. *Покажи мне город; Дай мне книгу*) или субъекта (Ср.: *Мне хочется посмотреть этот город)*. В предложении *Какой там прочитал!* слово *какой* лишено прямой функции – быть конструктивным компонентом вопросительного предложения, а также лексического значения признака; в высказывании *Это ли не праздник!* частица *не* лишена значения отрицания, а частица *ли* утратила значение вопросительности. В высказывании *Чтобы она когда-нибудь опоздала на работу! Это исключено.* слово *чтобы* не является союзом, связывающим две части сложноподчиненного предложения.

В предложении *Где там успел!* слово *где* может быть заменено таким же лексически опустошенным словом *какой,* которое к тому же может выступать в двух морфологических формах: *Какой там успел! Какое там успел!* Значение предложений ФС *Как не пойти!; Хоть уезжай из города!; Мало ли что*

случится!; Какой это певец! связано с утратой прямого лексического значения у слов *как, хоть, мало, ли, не,* с ослаблением лексического значения слова *какой.* Следует заметить, что толковые словари не фиксируют обычно тех значений, которые получают слова, образующие постоянные компоненты ФС.

Роль постоянных компонентов чрезвычайно велика. Именно они определяют фразеологизированный характер ФС. Они образуют структурную "рамку", модель предложения и представляют его значение, т.е. являются конструктивно и семантически образующими. В «Русской грамматике» фразеологизированными называются «построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Русская грамматика 1980: 217]. Так, предложение *Тоже мне город* строится с помощью постоянных компонентов *тоже* и *мне,* которые присоединяют существительное, и выражает негативную оценку. Слова, образующие постоянный компонент, естественно, нельзя опустить, без них высказывание не образуется. Вспомним, что в предложениях свободной структуры те же служебные слова, например, частицы, междометия могут быть факультативными, внося дополнительные смысловые оттенки по желанию говорящего или же они выполняют свои прямые грамматические функции и участвуют в формировании значения предложения в соответствии с их грамматическим статусом и словарным значением.

Переменные компоненты – это лексически свободные компоненты. Это слова знаменательных частей речи. В составе ФС имеет значение только часть речи слова (это может быть одна часть речи или разные в зависимости от ФС), которое является свободным компонентом, и его морфологическая форма (вид и форма глагола, падеж, число существительного и прилагательного и т.д.). ФС, которую образуют постоянные компоненты *тоже* и *мне,* включает в качестве свободного компонента существительное или глагол, прилагательное, наречие: *Тоже мне праздник!; Тоже мне помог!; Тоже мне красивый!; Тоже мне далеко!* Лексическое наполнение, лексическое выражение таких компонентов

определяется говорящим в соответствии с темой, содержанием сообщения: *Тоже мне город!; Тоже мне стадион!; Тоже мне праздник!; Тоже мне проблема!; Тоже мне спортсмен!; Тоже мне помог!; Тоже мне выступил!; Тоже мне позаботился!*

Сочетание компонентов двух видов (постоянных и переменных) определяет грамматическую сущность ФС: они частично строятся, частично воспроизводятся. Тот факт, что ФС строятся по определенной модели, образуемой опустошенными, переосмысленными компонентами и формирующей их типовое значение, определяет их фразеологический характер, а то, что каждая ФС включает переменный компонент, который получает различное лексическое наполнение в зависимости от коммуникативных потребностей говорящего, и реализуется в неограниченном количестве конкретных предложений-высказываний, свидетельствует о синтаксической природе ФС.

Важнейшим синтаксическим признаком ФС является предикативность. Высказывания, реализующие ФС, противопоставляются по категории времени и наклонения*: Как не пойти – Как было* (*будет, было бы*) *не пойти!; Не ждать же мне его – Не ждать же мне было его – Не ждать же мне было бы его; Чем не помощь – Чем была не помощь – Чем будет не помощь – Чем была бы не помощь (Чем не помощь была бы); Хоть бросай работу – Хоть бросай было (было бы, будет*) *работу; Мне радость (была, будет, была бы) не в радость; Ученик (был, будет, был бы, если бы был, пусть был бы) как ученик* .

На основании этого можно говорить о грамматической парадигме ФС как об их синтаксическом признаке. Этому не противоречит тот факт, что некоторые ФС имеют неполную парадигму или вовсе не имеют парадигматических изменений, так как и единственная структурная форма обязательно характеризуется с точки зрения предикативности. Так, предложение *Нет бы мне помолчать* не изменяется по категории времени и наклонения, однако в нем заложено предикативное значение: оно указывает на ирреальное действие, которое произошло в прошлом.

Как предикативные единицы ФС могут иметь регулярные реализации, в первую очередь с полузнаменательными глаголами: *Мальчик как мальчик – Он*

стал (казался, показался, оказался, считался, сделался) мальчик как мальчик; Мне радость (*стала, показалась*) *не в радость*.

Являясь предикативными единицами, ФС используются в качестве части сложносочиненных и сложноподчиненных предложений: *Нет бы ему подождать, а он стал спорить; Хотя он лентяй из лентяев, его почему-то держат на работе; Если бы он был студент как студент, его бы не отчислили из университета*.

Синтаксическая природа ФС проявляется в том, что в некоторых случаях грамматические связи между компонентами, в частности между постоянным компонентом (или входящими в него словами) и переменными, частично сохраняют свою грамматическую природу. В структуре ***какой там*** **+ сущ. / глаг. / нареч./ прил.** вопросительное слово согласуется с существительным в числе и роде: *Какой там словарь – Какая там книга – Какие там книги*. Закон синтаксических связей сохраняет здесь свою силу несмотря на фразеологический характер структуры.

Эта ФС интересна тем, что отчетливо проявляющиеся в ней признаки фразеологичности и синтаксичности причудливо переплетаются, как бы конкурируют между собой, в результате чего на первый план выходит то одна, то другая сторона. Все зависит от того, какой частью речи представлен переменный компонент. Как было показано выше, в варианте с существительным налицо синтаксический характер связи. Если переменный компонент выражается прилагательным, то наблюдается колебание в морфологической форме слова *какой:* может сохраняться согласование (*Какая там сильная; Какие там сильные*), а может выступать на первый план фразеологизированный характер структуры, проявляющийся в том, что вопросительное слово используется в форме мужского или среднего рода (*Какой/ Какое там сильный/ сильная/ сильные*). В варианте структуры *Какой там успел* вопросительное слово *какой*, имеющее морфологические признаки прилагательного, соединяется с глаголом, тогда как грамматические закономерности построения свободного предложения не допускают сочетания **«прил. + глаг.»**. В этом варианте модели налицо ее

сугубо фразеологический характер, поэтому вопросительное слово *какой* может стоять также в форме среднего рода, ср.: *Какой там успел! Какое там успел!*).

Кроме того, во всех вариантах этой ФС опустошено и лексическое значение вопросительного слова *какой*, и наряду с ним свободно употребляется слово ***где:*** *Где там книги /книга / словарь / далеко / успел.* Эти нарушения синтаксических закономерностей построения фразеологизма – убедительное доказательство их фразеологичности.

Продолжая сравнение лексических фразеологизмов и фразеологизированных синтаксических структур, интересно обратить внимание еще на один момент. ЛФ и ФС базируются на переосмыслении входящих в них компонентов, но в лексических фразеологизмах переосмысление относится к знаменательным, полнозначным словам – существительным глаголам, прилагательным, а в ФС переосмысление касается слов, которые могут выполнять строевую функцию. Это служебные слова и знаменательные неполнозначные слова: частицы, союзы, междометия, местоименные слова.

Значение ФС, как и значение лексических фразеологизмов, не вытекает из семантики отдельных компонентов и их связей, а осознается, воспринимается и используется как данность. Однако семантика ЛФ – это семантика лексической единицы, слова, тогда как семантика ФС – это синтаксическая семантика, типовое значение предложения, получающее конкретную реализацию при лексическом наполнении переменного компонента структуры. ЛФ выражает конкретную мысль, обычно это образное обозначение, обобщенное поучительное, назидательное, характеризующее утверждение, которое используется в готовом виде. Фразеологизированная структура сама по себе не является готовой мыслью, она отражает ход мысли, логику мышления, это мыслительная формула, которая становится содержательным высказыванием, утверждением только после конкретного лексического наполнения свободного компонента.

В отличие от предложений свободных структур, предложения ФС не выражают сообщения о ситуациях реального мира. Они связаны с интеллектуальной и эмоциональной сферой человека и выражают отношение

говорящего к содержанию сообщения, являются реакцией говорящего на полученное сообщение.

ФС возникают на основе загадочной внутренней жизни языка, они постепенно складывался в сознании его носителей. Значение ФС – это результат обобщения работы сознания, мыслительных операций. Это особые, национально специфические формы, ходы, фигуры мышления, которые закрепляются в языке в виде специфических застывших синтаксических структур, моделей.

Значение ЛФ нередко связано с метафорическим переосмыслением лексического значения свободного слова или словосочетания, поэтому для многих ЛФ, для их внутренней формы характерна образность: *толочь воду в ступе, переливать из пустого в порожнее, перемывать косточки, попасть в струю.* Фразеологизированные высказывания лишены образности.

ЛФ как единицы лексической системы фиксируются в словарях – в общих толковых или в специальных фразеологических. ФС в таких словарях, естественно, не отражены.

Подводя итог сказанному, можно дать общее определение ФС. Предложения фразеологизированной структуры – это нестандартные предикативные структуры, знаки вторичного образования, которые включают компоненты двух типов, обеспечивающие сочетание в них признаков фразеологичности и синтаксичности. С одной стороны, это постоянные компоненты с утраченными или ослабленными лексическими и грамматическими значениями и функциями, являющиеся конструктивно и семантически образующими; с другой стороны, это переменные компоненты со свободным лексическим наполнением. Изложенное понимание предложений ФС содержится также в [Величко 2012], [Величко 2015 л].

2.3. **Предложения ФС как социолингвистический феномен**

Язык социален, он функционирует в социальной среде: «происхождение и преобразование языка никогда не принадлежит одному человеку, но только – общности людей, языковая способность покоится в глубине души каждого

отдельного человека, но приводится в действие только при общении» [Гумбольдт 1985: 381]. На функционирование и развитие языка влияют разные социальные факторы. Рассмотрим последовательно два аспекта ФС. в которых ярко проявляется их социальная природа: ФС как национально-специфические синтаксические единицы [Величко 2002] и проявление в ФС общего закона экономии языка [Величко 2015].

Национально-культурная специфика ФС. Общепризнанным является утверждение, что фразеологические единицы в принципе имеют в своем содержании национально-культурный компонент**.** В современной лингвистике есть стремление более глубоко и объективно рассмотреть эту проблему, определить, что считать национально-культурным компонентом высказывания и ко всем ли фразеологизмам это понятие имеет отношение. Здесь высказываются разные, подчас диаметрально противоположные точки зрения. Глубокий анализ разных точек зрения находим в работе [Добровольский 1997]. В ней представлена и обоснована точка зрения самого автора. Рассуждения автора о сути национально-культурной категории, как и у других исследователей, в основном относятся к лексическим фразеологизмам, где она связана с их образностью, и поэтому ее легче почувствовать, и где она проявляется гораздо разнообразнее.

Что касается фразеологизированных предложений, то в них эта категория имеет свои особенности. Применительно к ним сохраняет свое значение идея В. Гумбольдта о внутренней форме языка и воплощении в языке «духа нации». Национально-культурный компонент ФС не имеет образной мотивированности, но он непосредственно связан с когнитивно значимой спецификой русского языка и с существующими различиями в этом плане между языками. Содержательный план ФС, как неоднократно отмечалось, связан со способом интерпретации явлений, ситуаций реального мира, с интеллектуально-эмоциональной сферой человека, и человек может «помыслить» о мире только в выражениях этого языка, созданных им же самим. Другими словами, фразеологизированные высказывания представляют собой национально специфические мыслительные формулы, мыслительные модели, которые выработаны носителями языка для

использования в актуальных для него, часто возникающих ситуациях общения, и тем самым отражают особенности национального менталитета носителей русского языка, специфические черты их характера и речевого поведения. Показателем национально-культурной специфики ФС является тот факт, что они представляют трудности (в плане понимания и использования в речи) для тех пользователей русского языка, которые не являются его носителями, что они трудны для перевода, что не всегда можно однозначного ответить на вопрос, есть ли аналогичное явление в том или ином языке.

Закон экономии языка и его проявление в ФС. «Язык обслуживает общество во всех его сферах, является отражением общественного сознания, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни и, наконец, сам создается и формируется обществом. Более того, люди, используя язык в своей общественной практике, по-разному относятся к языку, к одним и тем же языковым явлениям и, предпочитая одни, отвергают другие» [Швейцер, Никольский 1978: 11].

Одним из принципов организации и существования языка является принцип экономии. Язык стремится достичь наибольшего результата, используя меньшее количество средств. Эта проблема привлекала внимание разных исследователей. Одним из первых обратил на неё внимание А. Мартине. Исследуя закономерности формирования и изменения языка, он приходит к выводу: «Языковое поведение регулируется, таким образом, так называемым «принципом наименьшего усилия», мы предпочитаем, однако, заменить это выражение простым словом «экономия» [Мартине 2006: 126].

Принцип экономии охватывает все уровни языка и проявляется по-разному. «Термин «экономия» включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил» [Мартине, там же: 130]. Важно проследить, как этот закон проявляется в языке и чем обусловлено его регулярное действие.

В языке человек отражается как говорящая личность, и в то же время он проявляет себя как общественная личность во взаимодействии с другими людьми. «Язык является языком субъекта, инструментом его действия и практического отношения к внешнему миру, способом воздействия на людей», – отмечает [Шаклеин 1999: 507]. С учетом этого следует рассмотреть, с одной стороны, как принципы экономии связаны с особенностями, потребностями и возможностями человека как говорящей личности, с другой стороны – как они реализуются человеком в процессе общения, когда он выступает как коммуникант.

В первую очередь действие закона экономии касается фонетической стороны языка. Известно, что органам произнесения приходится прилагать разные усилия для произнесения разных звуков, и естественно стремление говорящего человека облегчить выговаривание трудных звуков и их сочетаний. Некоторые варианты более легкого произнесения имеют закономерный характер, обусловлены фонетическими законами редукции, оглушения и т.п.

С другой стороны, в языке имеются сочетания звуков и целые слова, трудные для произношения, и в узусе для них вырабатывается общепринятый вариант «легкого», «упрощенного» произнесения. Так, приветствие «*Здравствуйте, Александр Александрович*!» произносится как «*Здрасьте, Сан Саныч!»,* вопрос «*Вы не видели Павла Павловича?*» звучит как «*Вы не видели Пал Палыча?»* и т.п. Е.Д. Поливанов отмечал, что «экономия рабочей энергии – это типичная черта нашей фонационной деятельности» [Поливанов 1968: 60].

В морфологической системе разных языков отмечается стремление к освобождению от некоторых трудных, не очень частотных морфологических форм. Так, в русском языке исчезла категория двойственного числа. Может быть, по причине экономии ушли формы деепричастий, оканчивающиеся на -учи, -ючи (*идучи, играючи, сидючи, глядючи*). Их вытеснили современные формы, более короткие и более легкие для произношения.

В области словообразования огромное количество аббревиатур (*вуз, МГУ*) обусловлено стремлением к краткости и простоте произношения. Типичны существительные, образованные с помощью суффикса *–к* от прилагательных и

эквивалентные по содержанию словосочетанию, например: *Третьяковка* (= *Третьяковская галерея*), «*Вечерка», зачетка, читалка, манка, гречка*.

Человек способен присваивать себе язык в процессе его применения. Об этом писал Э. Бенвенист: «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда тот обозначает себя как *я*, как бы присваивать себе язык целиком» [Бенвенист. 2002: 296]. Присваивая язык, человек способен подчинять его своим потребностям и целям, изменять его, приспосабливая к своим возможностям, а иногда и к своим вкусам. При этом он действует в рамках закона экономии, стремится сделать средства языка более удобными в процессе применения.

Принцип экономии органично сочетается с другим фундаментальным свойством языка – тенденцией к развитию, обновлению, совершенствованию. «Явственно воздействуют на язык не только исконный уклад национальной самобытности, но и всякое привносимое временем изменение внутренней направленности, всякое внешнее событие» [Гумбольдт 1984: 169].

Язык – орудие мыслей и чувств человека. Человек постоянно расширяет свое познание мира, углубляет его осмысление, развивается сознание, мышление человека, и у него возникает потребность обозначить новые объекты, с наибольшей глубиной выразить свои мысли, отношения, но закон экономии сдерживает включение для этого в состав языка новых единиц, поэтому используются более рациональные механизмы. А. Мартине, анализируя естественную тенденцию к расширению средств языка и принцип экономии, пишет: «Расширение круга единиц может привести к большей затрате усилий, чем та, которую коллектив считает в данной ситуации оправданной. Такое расширение является неэкономичным и обязательно будет остановлено. С другой стороны, будет резко пресечено проявление чрезмерной инерции, наносящей ущерб законным интересам коллектива» [Мартине 2006: 126].

Взаимосвязь двух свойств языка – процесса развития и стремления к экономии – получает разнообразное проявление. Язык имеет ресурсы и механизмы для обозначения новых явлений, понятий, представлений, которые

возникают в жизни данного социума, избегая при этом слишком большого появления новых языковых единиц. Для этого язык всегда подключает возможности словообразования, синтаксиса, а также когнитивные механизмы..

В синтаксисе связь тенденции к развитию языка и стремления к экономии проявляется в том, что значение одной и той же структуры может осложняться дополнительными смысловыми компонентами или оттенками. Ср. предложения с союзом *если*, в которых значение условия осложнено дополнительным смысловым компонентом: *Если урока не было, учительница заболела; Если мальчик и видел слона, то только на картинке; Если письмо и придет, оно меня не обрадует.* Один и тот же союз может использоваться для выражения разных отношений: *Когда приедешь, позвони; Я люблю, когда в комнате светло; Я помню день, когда первый раз пришла в цирк.* Таким образом, принцип экономии является тем механизмом, который обеспечивает, с одной стороны, развитие и обогащение языка, с другой стороны – его стабильность и системность.

Закон экономии предусматривает строгое соблюдение принципа целесообразности существования в языке того или иного слова, словосочетания, грамматической формы, синтаксической конструкции. Так, если языковая единица оказывается «без работы», язык, пользователи языка освобождаются от нее. Например, некоторые слова сопровождаются в словаре пометой «устаревшее», предупреждающей, что слово скоро может попасть и «архив» языка или уже находится там. Слова *очи, ланиты, перст,* не выдержав конкуренции, уступили место современным словарным единицам, а слова *дрожки, кокошник, кичка, мортира* ушли из языка вместе с ушедшими из жизни предметами, ими называвшимися, см. [Аркадьева, Васильева и др. 2005].

Рассматривая причины, обусловливающие последовательное и разнообразное проявление закона экономии, следует учитывать, что язык – это основное средство общения. Все названные выше явления экономии обусловлены не только теми причинами, которые были названы, но также (а может быть, прежде всего) особенностями, условиями процесса общения. Общение – это речевое взаимодействие, и человек, участвуя в коммуникации, проявляет себя как

общественная личность – ориентируется на адресата, учитывает его интересы и возможности, так как хочет быть правильно понят, надеется получить ответную реакцию. В связи с этим для эффективного общения важное значение имеет еще один принцип лингвистической экономии – тенденция к стандарту.

Стандарт – это использование в речи готовых, воспроизводимых единиц языка в их постоянном оформлении, формальном составе и в закрепленном, неизменном значении и условиях функционирования. Эта «система общественно релевантных стереотипов присутствует в каждом акте живой речи. Общее и частное здесь выступают в неразрывном единстве» [Серебреников 1983: 15].

Образование и функционирование стандартных, воспроизводимых языковых единиц, построений обусловлено прагматикой языка, его установкой на общение. Для общения необходимы воспроизводимые единицы, они обеспечивают такую важную черту общения, как динамизм. В процессе коммуникации ход мысли говорящего должен получить такое словесное воплощение, чтобы адресат не тратил лишних усилий и времени на восприятие информации. Стандартные, воспроизводимые языковые единицы облегчают говорящему формулирование сложной мысли (не требуется заново подбирать слова и связывающие их конструкции), поэтому наличие воспроизводимых единиц – важнейшее условие и требование эффективного общения.

Е.Д. Поливанов писал о принципе экономии энергии как о типичной черте не только фонационной деятельности, но и как о естественном условии обыденной речи, где «приходится исключать из акта мышления как такового творчество символа, долженствующего выразить известное внеязыковое представление: этот символ, «речение» оказывается уже готовым» [Поливанов 1968: 59]. Как пример он приводит фразу «*Да, благодарю*», которая традиционно используется в общении как готовый ответ на предложение чего-либо. «Чтобы функционировать как единое целое, как сложная социальная система, общество должно установить такие рамки поведения индивидов, в которых поведение становится единообразным, стабильным, повторяющимся» [Левкович 1976: 212].

Ситуации и аспекты взаимодействия людей в их повседневной жизни часто повторяются и поэтому стереотипны. В языке сложился ряд функционально-семантических систем стандартных, воспроизводимых языковых единиц: речевой этикет, пословицы и поговорки, афористика, лексические фразеологизмы, синтаксические фразеологизированные конструкции и обороты, стационарные предложения и др. Они выполняют в процессе речевой деятельности, в общении разные функционально-семантические роли.

Предложения ФС, являющиеся объектом нашего исследования, как один из видов воспроизводимых синтаксических единиц самым непосредственным образом связаны с коммуникативным процессом, играют в нем свою специфическую роль. Они сложились и закрепились в языке для выражения типичных, коммуникативно значимых для общения (и следовательно, чрезвычайно частотных) реакций говорящего на содержание сообщения.

Специфика ФС в том, что они, в отличие от других воспроизводимых единиц, которые представляют собой выражение готовой мысли, отражают только мыслительный процесс, а не его результат, движение мысли, а не законченную мысль. Во фразеологизированных предложениях проявляется динамика мышления. ФС – это сложные, многокомпонентные информативные знаки, и в этом отношении они представляют собой сложные сценарные фреймы. ФС представляют собой формулы, модели мысли. В них воспроизводимая часть, задающая форму выражения, сочетается с производимой, свободной частью, позволяющей варьировать .

Фразеологизированное высказывание, состоящее из небольшого количества слов, позволяет говорящему быстро оформить сложную мысль, и при этом оно легко понимается собеседником /собеседниками, так как такие воспроизводимые построения в виде готовых образцов, формул существуют в сознании носителей языка, имеются в «ассортименте словарного, фразеологического мышления» [Поливанов 1968: 59]; они находятся в распоряжении говорящего, и он может использовать их для реализации своих коммуникативных потребностей согласно сложившейся ситуацией общения.

Таким образом, ФС живут и действуют в языке как социально ориентированные языковые единицы. Они представляют собой сложные национально-специфические мыслительные построения, отражающие особенности менталитета носителей русского языка, а будучи связанными с законом экономии языка и с явлением языкового стандарта, они обеспечивают говорящей личности необходимые условия для комфортного пользования средствами языка, способствуют более полноценному, эффективному общению.

ВЫВОДЫ

Тема, объект исследования показывают, что в работе связаны теоретические проблемы исследования синтаксиса, с одной стороны, и фразеологии – с другой, т.е. для определения лингвистической, грамматической сущности предложений ФС и их комплексного анализа необходима опора на положения этих двух областей лингвистики Глава включает два раздела.

В первом рассматриваются два подхода к исследованию языковых фактов: традиционной лингвистики и лингвистики современного этапа. Традиционная лингвистика изучала язык как систему. Ставилась цель показать устройство языка, закономерности структурной организации единиц языка с целью выделить его синтаксическую основу, базу. Развивался формально-структурный, системно-классификационный подход к языку, который затем дополнился исследованием семантической и функциональной стороны языковых фактов. Сформировалась классическая лингвистика, которую определяет структурно-грамматический и структурно-семантический подход к языку.

Современная лингвистика характеризуется новыми идеями, которые открывают новые направления исследования языка. Ее главенствующей идеей является признание антропоцентрической сущности языка. Предполагается исследование языка в его связи с человеческой личностью. Человек как создатель языка отразил в нем не только свое видение окружающего мира, но также и свои потребности, свой духовный мир, свои мысли, чувства, эмоции

В данной работе положения классической лингвистики и современной расцениваются как взаимосвязанные. Современная научная парадигма, ее свежие

идеи не отрицают положений, которые сложились, разработаны в классической лингвистике, они дополняют, обогащают, расширяют ее возможности. ФС – сложное явление языка, что требует их исследования с позиций комплексного подхода. Такие возможности дает использование положений и классической лингвистики, и современного ее периода.

Предложения фразеологизированной структуры пока остаются недостаточно исследованными, и положения классической структурно-семантической лингвистики в этом отношении чрезвычайно важны, они позволяют определить грамматическую природу предложений ФС, их построение, семантику, их «предложенческую» сущность.

Обращение к исследованию фразеологизированных предложений с точки зрения антропоцентрического подхода к языку позволяет полнее раскрыть выявить их специфику, выявить, для чего они существуют в языке, для чего они предназначены, какова их роль в речи, для чего они наработаны человеком, как они связаны с человеческой личностью.

Антропоцентрическая лингвистика выдвигает на первый план изучение языка в связи с жизнью человека и общества. Этим определяется направленность современной лингвистики на изучение языка как средства общения.

Теория общения рассматривает общение как специфический вид речевой деятельности, отражающий межличностный характер языка. Это обусловливает особенности языкового оформления общения. В языковом отношении общение шире, чем говорение. Выделяются особые средства, используемые именно для организации общения, специфические для него. Выделяются разные типы таких специфических коммуникативных средств, и предложения. ФС представляют собой один из них.

Теория общения характеризуется как имеющая междисциплинарный характер, она связана с такими смежными дисциплинами, областями знания, как прагматика, когнитивистика, социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология. Это позволяет провести комплексное исследование предложений ФС, исследовать их с точки зрения данных аспектов.

Анализ ФС как коммуникативных единиц предполагает также их рассмотрение с точки зрения отражения в них экстралингвистической стороны речевого взаимодействия коммуникантов, т.е. национальных правил, традиций поведения личности в процессе общения. Для характеристики этой стороны общения используется понятие «коммуникативное поведение» [Прохоров, Стернин 2006].

Таким образом, теоретическую основу исследования предложений ФС определяют положения классической лингвистики и современного ее этапа. Именно сочетание структурно-семантического подхода, который выработан в классической лингвистике и максимально полное использование характерной для современной лингвистики идеи антропоцентризма во всей ее многогранности позволит наиболее полно решить поставленные задачи.

При этом исследование проводится с учетом основных концептуальных принципов функционально-коммуникативной грамматики РКИ, которая во многом опирается на подход к исследованию языка, выработанный теоретической лингвистикой, но при этом творчески воспринимает ее положения, подчиняя их задачам теории и практики преподавания РКИ.

Во втором разделе главы рассматриваются теоретические вопросы изучения фразеологии, содержится обзор работ, посвященных истории вопроса, представлено общее понимание предложений ФС, принятое в работе, дается их определение.

Обзор работ, посвященных вопросам синтаксической фразеологии, показывает, что эти работы имеют важное значение: привлекают внимание к проблеме, выявляют определенные важные признаки синтаксических фразеологизмов, выделяют круг языковых фактов, связанных с данным явлением. В то же время они отражают и недостаточную изученность данного явления синтаксиса, показывают вопросы, требующие дальнейшего решения.

Основной и первоочередной задачей является необходимость дифференциации синтаксических фразеологизмов, выделение их типов и разновидностей, что позволит глубже исследовать само явление синтаксической

фразеологии. В этом отношении исследование предложений ФС – важный и необходимый шаг в решении этой общей, более широкой задачи. Оно позволяет рассмотреть, как реализуется явление фразеологичности в основной синтаксической единице – в предложении.

При определении понятия фразеологизированных предложений учитываются основные признаки фразеологичности, характерные для всех фразеологических единиц (ФЕ) и определяющие их сущность. Это семантическая несвобода, устойчивость и воспроизводимость. На их основании все ФЕ определяются как единицы вторичного образования, сформировавшиеся в результате семантического сдвига или переосмысления значения компонентов, характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью.

Однако в предложениях ФС эти признаки получают свое специфическое проявление, что позволяет характеризовать их как особый языковой и социолингвистический феномен.

Основополагающим языковым признаком предложений ФС является то, что их грамматическая природа имеет двойственный характер. Они образовались, сложились как фразеологизированные структуры и в то же время сохранили основные грамматические признаки предложения. Соответственно, их образуют компоненты двух видов, имеющие разную природу – постоянные и переменные (свободные).

Важнейшим признаком ФС является то, что они обладают основным грамматически признаком предложения – предикативностью

Фразеологизированные предложения живут и действуют в языке как социально ориентированные языковые единицы,Их социальная природа реализуется в двух аспектах. Они предстают как единицы, имеющие в своем содержании национально-культурный компонент, а также как единицы, сформированные коллективным сообществом, и отражающие такую важную особенность общественного сознания, как стремление к экономии средств языка.

ГЛАВА 2

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

Часть первая

Структурно-грамматическая характеристика предложений ФС

1. Компоненты и модель ФС

Фразеологизированные предложения, являясь синтаксическими единицами, имеют в своей грамматической основе отвлеченный формальный образец – структуру, по которой может быть построено большое количество конкретных высказываний. Структуру можно представить, записать в виде модели.

Два типа компонентов – постоянные и переменные (свободные), формирующие структуру фразеологизированного предложения, получают в модели разное представление. Постоянные компоненты – это служебные слова, частицы, местоименные слова, междометия, которые создают, определяют конфигурацию структуры и являются выразителями ее значения. Они обозначаются в модели в непосредственном виде как конкретные лексические единицы. Постоянные компоненты не могут быть обозначены условными символами части речи, так как они утратили или значительно изменили свою морфологическую природу.

Переменные (свободные) компоненты обозначаются через указание их морфологического статуса (часть речи), и при записи используются сокращенные наименования: **сущ.** – существительное; **глаг.** – глагол; **инф.** – инфинитив; **прил.** – прилагательное; **нареч.** – наречие. Конкретная морфологическая характеристика слова, занимающего позицию переменного компонента (падеж, число существительного и прилагательного, вид глагола и под.), обозначается при необходимости соответствующим индексом: **и.п.** –именительный падеж, **р.п.** – родительный падеж, **д.п.** – дательный падеж и т.д.; **ед.ч.** – единственное число; **мн.ч.** – множественное число; **св.** – совершенный вид; **нсв.** – несовершенный вид.

Имя существительное или прилагательное в форме именительного падежа в модели обычно дается без буквенного обозначения падежа.

Так, предложения *Тоже мне город! Тоже мне праздник! Тоже мне помощник*! образованы по модели ***тоже мне*** **+ сущ**., а предложения *Вот это дерево! Вот это спортсмен! Вот это неожиданность!* – по модели ***вот это*** **+ сущ**.; предложения *Нет бы нам поговорить с ней! Нет бы тебе подождать*! строятся по модели ***нет*** **+** ***бы*** **+ кому + инф**.; предложение *Какой там прочитал* – по модели ***какой*** **+** ***там*** **+глаг.** В качестве постоянных компонентов здесь выступают слова: *тоже, мне,* ***вот, это, нет, бы, какой, там.*** Как уже отмечалось, эти слова в составе ФС изменили или утратили свои грамматические признаки, например, принадлежность к данной части речи, грамматические признаки этой части речи, свое лексическое значение. Обычно, толковые словари не фиксируют то значение этих слов, которое они получают в составе ФС. Свободные компоненты в приведенных предложениях представлены существительными разной семантики (*город, праздник, помощник, дерево, спортсмен, неожиданность*) и инфинитивами (*поговорить, подождать*), глаголом (*прочитал*).

В предложении *Всем пирогам пирог*, построенном по модели ***всем*** **+ сущ.д.п. + сущ.,** постоянный компонент – слово ***всем***, а переменный компонент представлен повторяющимся существительным в разных формах – в форме дательного падежа множественного числа и в форме именительного падежа.

В записи модели учитывается также возможность или необходимость включения компонента с субъектным, объектным или обстоятельственным значением. Они обозначаются вопросительным словом соответствующей семантики, например: **кому +** ***бы*** **+** ***только*** **+ инф**. (*Ей бы только веселиться! Вам бы только спорить! Вере только бы поспать!*); **у кого /где +** ***только и*** **+ что... (** *У студентов только и разговор, что об экзаменах! В городе только и развлечение, что кинотеатр.*

Модель ФС нередко образуют не одно слово, а два или несколько и возникает вопрос о составе постоянного компонента, т.е. о том, как рассматривать

такое сочетание слов – как один компонент или как несколько. Например, составляют ли во фразеологизированных высказываниях ***Тоже мне*** *город!* ***Ох уж эти мне*** *мальчишки!* ***Что ни*** *день,* ***то*** *новые радости!* выделенные слова один компонент или, соответственно, два, четыре и три? Поскольку связи между этими словами внутри фразеологизированных структур носят идиоматический, а не грамматический, синтаксический характер, можно говорить об одном, едином постоянном компоненте, который является составным, т. е. состоящим из нескольких слов. Так, в предложении *Тоже мне город*! выделяется постоянный компонент ***тоже мне***, состоящий из двух слов, а предложение *Что ни день, то новые впечатления* построено на основе постоянного компонента ***что ни…то***, включающего три слова.

Здесь можно провести параллель с признаками лексических фразеологизмов. По отношению к ним признается, что семантическая монолитность, цельность номинации в них преобладает над структурной раздельностью составляющих его компонентов, вследствие чего они функционируют как эквиваленты одного слова. Так и во фразеологизированной синтаксической структуре формальная раздельность слов, образующих постоянный компонент, отступает перед единством, которое они образуют для того, чтобы построить модель и выразить ее значение.

С построением фразеологизированных предложений связана еще одна их особенность – ФС, включающие две части, как правило, представляют собой негибкие структуры, т.е постоянные компоненты позиционно закреплены, и части предложения не могут переставляться. Ср.: *Фильм* ***не такой*** *интересный,* ***чтобы*** *смотреть его второй раз* и * ***Чтобы*** *смотреть фильм второй раз, он* ***не такой*** *интересный;* ***Вот*** *спортсмен,* ***так*** *спортсмен* и * *Так спортсмен, вот спортсмен*; *Что ни день, то дождь* и * *То дождь, что ни день*; ***Стоило*** *учителю выйти из класса,* ***как*** *дети начали шуметь* и * *Как дети начали шуметь, стоило учителю выйти из класса*.

Отмеченная негибкость ФС является следствием их фразеологичноти. Ср., например, возможность перестановки частей в предложении свободной

структуры, аналогичном по содержанию приведенному предложению ФС **«стоило.., как…»** : ***Как только*** *учитель вышел из класса, дети начали шуметь – Дети начали шуметь, как только учитель вышел из класса.*

2. Вариативность модели ФС

Предложения ФС имеют сложную структурную организацию, что обусловливает характерную для многих из них вариативность построения. Вариативность, т.е. способность выступать в разных модификациях, – это объективное свойство всех единиц языка, непременное условие существования и функционирования живого литературного языка. Это свойство касается и фразеологизированных предложений. Устойчивость и воспроизводимость как главенствующие признаки фразеологичности не отвергают свойство изменчивости, не противоречат ему, они взаимосвязаны. ФС может допускать варианты, так как при этом остается понятной носителям языка, ибо существует в строгих рамках устойчивости и воспроизводимости.

Вопросу вариативности фразеологических единиц разных типов уделяли внимание многие исследователи, см., например, [Архангельский 1968], [Бондаренко 2011].

Вариативность ФС касается оформления компонентов, как постоянных, так и переменных. Переменный, свободный компонент во многих ФС может выражаться словами разных частей речи. Это объясняется тем, что выражаемое значение может относиться к действию, к лицу, объекту, признаку или обстоятельству: *Тоже мне помощник! Тоже мне помог! Тоже мне быстрый! Тоже мне быстро; Отдыхать так отдыхать! За город так за город! Конфеты так конфеты! Три так три.* Разные, вариативные возможности морфологического воплощения свободного компонента (часть речи) фиксируются в модели обычно через косую черту. Ср.: ***тоже мне*** **+ сущ./ глаг./прил./нареч.; инф. / сущ. / прил. / нар. +** ***так*****+ инф./ сущ./ прил./ нареч**. Кроме того, переменный компонент может быть представлен разными морфологическими формами одной части речи, например, инфинитивом и спрягаемой (личной)

формой глагола: *Как не пойти! Как не пойдешь!* Эти варианты не затрагивают типового значения структуры, но вносят в неё оттенки, связанные с различиями категориальных значений частей речи или грамматических значений морфологических форм (см. подробнее дальше).

Вариативность касается и постоянного компонента. В ряде ФС он может быть представлен разными словами, что не меняет его типового значения: *Нет бы тебе позвонить! – Что бы тебе позвонить; Где девочке все это съесть! – Куда девочке все это съесть!* При записи таких моделей варианты указываются в скобках: ***нет (что) бы* + кому + инф.; *где (куда)* + кому + инф.** В данном случае замена в составном постоянном компоненте одного слова другим является доказательством их фразеологичности: они образуются словами, полностью утратившими свое лексическое значение и грамматические функции.

Вариативность состава постоянного компонент может быть обусловлена и другой причиной. Так как степень фразеологизированности у ФС различна, в некоторых слова, образующие постоянный компонент, не утратили полностью, а только значительно ослабили свои грамматические и лексические признаки, и синтаксические связи между словами постоянного и свободного компонентов отчасти сохраняются. В таких случаях слово, входящее в постоянный компонент, должно координироваться в своем морфологическом выражении с формой слова, представляющего свободный компонент, или может заменяться другим словом в зависимости от особенностей лексического наполнения свободного компонента. Так, в высказывании модели какой + это + сущ. число и род слова какой обусловлены родом и числом существительного, заполняющего позицию свободного компонента (Какой это певец!; Какая это певица!; Какое это совершенство!; Какие это дети!). В той же ФС, если позицию свободного компонента заполняет одушевленное существительное, возможен вариант, где вместо слова это используется личное местоимение третьего лица: Какой он певец!; Какая она певица!; Какие они труженики!. Обратим внимание, что при существительном неодушевленном возможен только вариант модели со словом это: Какой это праздник! (* Какой он праздник).

Далее необходимо отметить вариативность модели, связанную с наличием факультативных компонентов, т.е. таких, которые обычно присутствуют, но могут опускаться, и их пропуск не разрушает значения модели. Так, во фразеологизированных предложениях Почему бы и не поехать! Почему бы и не спеть! Почему бы и не обсудить! слово и может опускаться без ущерба для смысла, это факультативный компонент, и в модели он указывается в круглых скобках: почему бы (и) не + инф.

3. Системные грамматические изменения ФС: формы и регулярные реализации

ФС существует в языке не как неизменная единица, неизменная данность. Она допускает изменения, обусловленные системным характером организации предложения. Для предложений ФС характерны два типа системных изменений. Первый обусловлен предикативностью как общим свойством всех простых предложений. Предикативность – это грамматическое значение предложения, которое реализуется в системе синтаксических времен и наклонений, образующих грамматическую категорию объективной модальности. Формирующие объективную модальность значения синтаксических времен и наклонений получают свое формальное выражение и реализуются в отдельных формах предложения.

«Формы простого предложения – это его изменения, осуществляемые такими грамматическими средствами, которые специально предназначены для выражения объективно-модальных значений – синтаксических времен и наклонений» [Русская грамматика 1980: 98]. Эти формы соотносят сообщаемое с тем или иным временным планом реальной действительности (настоящим, прошедшим, будущим) или позволяют указать, что выражаемое отношение мыслится как ирреальное (возможное, желаемое, должное, требуемое). Формы предложения образуют его грамматическую парадигму. Ср.: *Дом как дом – Был дом как дом – Будет дом как дом – Был бы дом как дом – Если бы был дом как дом – Пусть будет дом как дом.*

Характеристика структурных особенностей ФС включает демонстрацию ее парадигмы, т.е. указание на то, возможно ли использование всех форм индикатива, сослагательного и желательного наклонения, ср.: *Вот это концерт! – Вот это был (будет, был бы) концерт; Как не пойти к ней – Как было (будет, было бы) не пойти к ней*

Помимо парадигматических изменений, т.е. образования форм, ФС допускают регулярные изменения, связанные с введение в предложение так называемых полузнаменательных глаголов *бывать, стать, становиться, делаться, сделаться, казаться, оказаться, показаться, получиться, получаться. остаться, оставаться, представляться* (‘казаться’), *представиться* (‘показаться’): *Ученик как ученик; Бывает ученик как ученик; Стал ученик как ученик; Оказался ученик как ученик; Делается ученик как ученик.*

Указание возможных регулярных реализаций важно. С одной стороны, «регулярные реализации представляют собой семантические изменения модели на определенную, заданную величину» [Золотова 1973: 207], так как полузнаменательные глаголы варьируют значение предложения, вносят в него дополнительный смысловой признак непостоянного существования, перехода из одного состояния в другое, обнаружения, становления и др. С другой стороны, нужно «узнавать» фразеологизированную модель, «замаскированную» связочным глаголом.

4. Синтаксическая функция ФС в тексте

Интересный аспект структурной и грамматической характеристики ФС – показ их синтаксического поведения. Анализ употребления ФС показывает, что они могут быть законченным предложением, функционируют как самостоятельное высказывание или могут быть использованы в предложении свободной структуры как ее компонент. Так, предложения типа *Вот это мальчик! Вот это концерт! Какой он врач! Нет бы нам спокойно все обсудить!* употребляются обычно как самостоятельные высказывания, а ФС

Мальчик как мальчик может использоваться самостоятельно, как отдельное предложение, а может стать компонентом предложения свободной структуры, выступая как предикат, объект, субъект (подлежащее). Ср. *Мне нравится Коля. Мальчик как мальчик – Коля – мальчик как мальчик; Я увидела мальчика как мальчика; Перед нами стоял мальчик как мальчик.* Ср. также другие примеры употребления ФС в качестве члена предложения свободной структуры: *Петербург – всем городам город; Степан Петрович – вот мастер так мастер!……..*

ФС может входить в состав сложного предложения как предикативная единица: *Какой он певец, если ноты берет неверно; Она думает о стирке, когда вам не до стирки* (реклама стиральной машины).

Часть вторая

Семантическая характеристика предложений фразеологизированной структуры

Основную часть комплексного, многоаспектного описания фразеологизированных структур составляет их семантическая характеристика и семантизация. Семантика ФС сложна для осознания и описания, тогда как именно с семантической стороной связана сущность ФС и ею обусловлена специфика их употребления. Концепция значения синтаксических фразеологизмов пока детально не разработана, что связано с тем, что данными синтаксическими построениями занимались не столь активно.

Подход к решению этого вопроса обусловлен общими теоретическими принципами семантического синтаксиса и спецификой ФС по сравнению со свободными синтаксическими структурами. Чтобы определить значение ФС и дать достаточно полную их семантическую характеристику, необходимо рассмотреть целый комплекс вопросов. Основными из них являются следующие: природа и типы значения синтаксических структур; субъективная модальность и значение ФС; понятие эмоциональности и экспрессивности и их связь со значением синтаксической структуры; оценка как лингвистическое понятие и др.

1. Природа значения предложений свободной структуры и предложений ФС

Определяя подход к описанию семантической стороны ФС, обратимся сначала к тем концепциям значения предложения, которые сложились в синтаксисе, с целью определить возможность их применения к анализу семантической стороны ФС.

Существует логический взгляд на предложение, согласно которому предложение выражает законченную мысль. Именно способностью передавать мысль предложение отличается от слова и словосочетания. Такой взгляд известен, начиная с работ И.И. Давыдова 1853 г. Он писал: «Как слово с мыслию, так Грамматика и Логикою находятся в тесной связи» [Давыдов 1853: 16 – 17]. Логико-семантический подход к предложению развивает Н.Д. Арутюнова. Она так формулирует цель своего исследования: «Основное содержание работы состоит в выделении логико-синтаксических «начал», т.е. тех отношений, которые, будучи непосредственно связаны со способом мышления о мире. в то же время причастны к грамматическому строю языка» [Арутюнова 1976:17]. Она выделяет следующие логико-грамматические «начала»: 1) отношения экзистенции, или бытийности, 2) отношения идентификации, или тождества, 3) отношения идентификации, или именования, 4) отношения характеризации, или предикации в узком смысле этого термина [там же: 18].

Наиболее широкое распространение получила денотативная концепция предложения. Данное направление связывает значение предложения с положением дел или событиями действительности. Данная концепция ставит целью определение отношений между предложением (высказыванием) и обозначаемой им ситуацией, событием, фактом реальной действительности. Структура значения предложения отражает структуру ситуации. Денотативную концепцию значения предложения развивал В.Г.Гак. Он исходит их того, что «референтом высказывания является ситуация, т.е. совокупность элементов,

присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказывания» и обусловливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [Гак 1973: 358]. Т.П.Ломтев определял значение предложения как систему с отношениями [Ломтев 1972], [Ломтев 1978].

Распространенным является также подход к значению предложения с опорой на грамматические понятия и категории. Исследователи здесь по-разному определяют семантику предложения. Г.А. Золотова под типовым значением предложения понимает «Определенный тип отношений между определенными структурно-смысловыми компонентами предложения» [Золотова 1973: 226], «смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов предложения» [там же: 25].

Концепция значения Н.Ю.Шведовой, представленная в «Русской грамматике», выработала понимание значения предложения, основанное на его грамматической организации. Каждая структурная схема кроме грамматического значения предикативности имеет свое собственное значение – семантику. «Семантика структурной схемы предложения образуется взаимным действием следующих факторов: 1) грамматическими значениями ее компонентов в их отношении друг к другу (в однокомпонентных схемах – грамматическим значением компонента схемы); 2) специфическими для данной схемы лексико-грамматическими характеристиками слов, в конкретных предложениях занимающих позиции ее компонентов» [Русская грамматика 1980. Т.II: 93].

Анализ представленных концепций показывает следующее. Поскольку существующие решения проблемы синтаксической семантики осуществлялись применительно к предложениям свободных структур, ни одна из названных концепций не может быть применена непосредственно, в чистом виде, к описанию значения фразеологизированных структур.

Денотативная концепция, согласно которой семантика любой свободной синтаксической структуры представляет собой связь, соотносительность соответствующей языковой структуры с выражаемой денотативной ситуацией, не

может быть использована для характеристики семантики ФС. Для ФС характерна утрата такой соотносительности, что ведет к тому, что их семантика не вытекает из суммы лексических и грамматических значений фразеологизированных компонентов. Компоненты свободной структуры соотносятся с компонентами реальной ситуации, так как они являются знаками первичного образования, тогда как ФС формируются компонентами двух типов, и постоянные компоненты, утратившие свои грамматические признаки, лексические значения, переосмысленные, не соотносятся с компонентами реальной ситуации. Для ФС характерна утрата симметрии между исходной формальной структурой и фразеологическим значением. ФС в принципе вообще не отражают какую-либо ситуацию реальной действительности, так как используются с другой целью, у них иное функционирование в речевой деятельности.

Представление значения предложения, изложенное в «Русской грамматике», базируется на собственно языковом материале, без обращения к внеязыковой ситуации. В данной теории семантика предложения создается формальными и грамматическими значениями компонентов, правилами их лексического наполнения, взаимодействием компонентов (для неоднокомпонентных структурных схем).

С одной стороны, так как ФС – это предикативная единица, предложение, то к ней в определенной степени могут быть применены принципы, понятия, которые использовались для исследования семантики предложений свободных структур. Переменные компоненты ФС подобны компонентам свободных структур. Семантически они могут быть охарактеризованы с общих позиций семантического синтаксиса. По отношению к ним используются семантические характеристики, выработанные для компонентов свободных структур: действие, объект, субъект и др. Так, в предложении *Город есть город* переменный компонент выражен существительным *город* и обозначает объект, а в предложении *Как не помочь!* инфинитив обозначает действие.

С другой стороны, что касается других принципов, то их использованию противоречит языковая, грамматическая сущность ФС. Так, постоянные

компоненты ФС, хотя они выполняют строевую, конструктивную роль и являются показателями значения всей структуры, но при определении значения мы не можем опираться на грамматические и лексические характеристики этих компонентов, так как они переосмыслены, грамматически и лексически опустошены или ослаблены. Кроме того, взаимодействие компонентов, а здесь имеется в виду связь слов, образующих постоянный компонент и связь постоянного компонента с переменным, имеет специфическую природу: грамматически они не связаны как компоненты свободных структур. Эта связь здесь носит идиоматический характер. Отношения между постоянным и переменным компонентами являются индивидуальными для каждой фразеологизированной структуры.

Сказанное выше о семантике ФС можно обобщить в следующем определении: семантика ФС – это абстрактное языковое значение, возникшее как результат переосмысления лексического и грамматического значения его конститутивного компонента и отражающее его связь с переменным (свободным) компонентом, имеющую (носящую) идиоматический характер. Общее определение значения ФС должно определяться с учетом специфики этих синтаксических единиц, их синтаксической природы и роли в языке, и ориентация на современные направления изучения языка открывает путь к решению этого вопроса.

Понимание семантики свободных структур, характерное для классического синтаксиса, опирается в первую очередь на одну функцию языка – информативную, функцию сообщения. Действительно, большинство предложений что-то или о чем-то сообщает. Однако такой подход недостаточен для определения семантики всех предложения языка, ибо не все они (в том числе и ФС) служат для передачи информации. Люди говорят и слушают речь других не только чтобы что-то сообщить или что-то узнать. Можно констатировать, что вопрос «Зачем мы говорим?» подразумевает не такой простой и однозначный ответ.

Показательны в этой связи рассуждения Г.А.Золотовой о различных типах предложений с точки зрения их содержания и коммуникативного назначения. Закрепившееся понимание предложения как основной формы выражения и сообщения мысли справедливо, но не отражает всех предназначений этой языковой единицы. Она отмечает, что по этому поводу высказывались разные исследователи. В этой связи вспоминает «высоко оцененные В.В.Виноградовым (1957) рассуждения филолога и педагога конца XIX в. В Сланского. В Сланский заметил, что фактически далеко не во всех предложениях выражаются мысли. Предложения *На дворе холодно и сыро; У меня болит голоа; Квартира, в которой я живу, тесна и сыра; Принеси мне воды* не высказывают мысли. Это не мысли, а факты, события».[Золотова 1988: 6]. Сланский писал «Вся область того, что только может нами выражаться в предложениях, разделяется на два существенно различающихся разряда: на разряд мыслей и разряд фактов, событий. Факты –это все то, что делается достоянием нашего сознания через простое, непосредственное наблюдение или восприятие, а мысли суть продукты уже рассудочной – анализирующей и обобщающей деятельности» [цит. по кн. Виноградов 1957]. Как отмечает дальше Г.А.Золотова, В.В.Виноградов сопоставлял рассуждения В. Сланского с идеями Л.В.Щербы, который «намечал разграничение одночленных и двучленных предложений, т.е. «высказываний, посредством которых выражается та или иная наша апперцепция действительности в момент речи (*Дождь шел с утра до вечер; Светает*) и высказываний, в которых выражаются логические суждения с вполне дифференцированными S и P» (*Ленинград – большой город; Хороший врач должен быть хорошим диагностом*)» [Щерба 1974: 44].

В современном языкознании, отмечает Г.А. Золотова, идеи о разграничении двух рангов, двух ступеней среди типов предложений – апперцепционного ранга и логически опосредованного [Арутюнова1976; Золотова, 1982] – получают подтверждение, развитие, обогащение в опыте построения иерархической типологии предложения на коммуникативно-семантических основаниях, с

разграничением основных коммуникативных типов, или регистров, речи – изобразительного и информативного, в их разновидностях. [Золотова 1988: 6–7].

В этих интересных и глубоких рассуждениях, на наш взгляд, важны два момента: во-первых, само признание сложности и многогранности семантической и коммуникативной характеристики предложения, во-вторых, мысль о том. что предложение может называть событие, факт (нашу апперцепцию действительности) или выражать мысль. В этом признанном противопоставлении мы акцентируем идею, согласно которой в языке существуют предложения, которые не передают информацию, сообщение, а предназначены для выражения мысли. Если развить эту идею дальше, применительно к исследованию ФС, следует признать тот факт, что предложения, выражающие мысль, могут быть двух типов: они могут быть мыслительным отражением разных вещей – либо того, что происходит во внешнем для человека мире, в реальности, либо восприятия и осмысления говорящим информации о событии, о ситуации реальной действительности.

Такой подход к вопросу о значении и коммуникативной значимости предложения – это отражение современного направления лингвистики, заключающегося в необходимости описания языка в его функционировании. Оно исходит из идеи **полифункциональности** языка. Язык – это не только средство сообщения и получения информации, но и средство коммуникации, средство общения и самовыражения, средство воздействия. В языке отражается не только видение человеком реальной действительности и национальное своеобразие видения реального мира, но и его ментальность, раскрывается человеческая личность во всем ее богатстве и во всех ее проявлениях. Язык обладает эстетической функцией. «В языкознании существует непреложная истина: абсолютно все, что представлено в языке – от мелкой частицы до сложного предложения и тысяч самых различных слов, – создано человеком» [Омельченко 2010: 96]. В процессе познания человек отразил в языке объекты, явления, отношения реальной действительности. Он изучил и человека, человеческую личность и во всей полноте представил все в фактах языка. Антропоцентрическая

лингвистика предполагает исследование языка с точки зрения отражения в нем человеческой личности. А это означает, что и в структуре предложения, и в его семантике получили отражение эти разные предназначения языка, и это побуждает более гибко, более широко посмотреть на природу значения предложения, углубить понимание семантики предложения.

В первую очередь важно различать две основные функции языка – информативную и коммуникативную. Эти особенности функционирования языка, его использования реализуются в речевом поведении людей. Речевое поведение обусловлено коммуникативной целью говорящего, его интенцией, а именно тем, намеревается ли говорящий сделать сообщение или его целью является общение. На первый план в речевом поведении людей может выходить либо информация, либо контакт, общение и, соответственно, формируется коммуникативная роль говорящего и слушающего. На основании этой оппозиции «сообщение / общение» различаются варианты речевого поведения, а именно различаются информативное и фатическое поведение людей, которые противопоставляются по тому, какая интенция говорящих преобладает. При информативном поведении основной интенцией речевого акта (говорящего) является сообщение. Речевое поведение людей, выполняющих информативную задачу, нацелено на сообщение с разными целями, оно может сопровождаться (или не сопровождаться) когнитивными и экспрессивными коннотациями, может сопровождаться также и фатическими целями.

Основной интенцией при фатическом речевом поведении является сам речевой акт. Другими словами, говорящий произносит что-то, высказывается для того, чтобы вступить в общение, участвовать в общении, быть хорошим собеседником. Информативная цель отходит на второй план, а коннотативная и коммуникативно-стилистическая цель является основной или единственной.

Противопоставление информативного и фатического речевого поведения реализуется в существовании типов структур, типов предложений, различающихся своей функциональной предназначенностью, что, в свою очередь, обусловливает и неоднородность их семантики. Можно выделить

семантику двух типов. С одной стороны, это семантика, которая отражает информацию о внешнем для человека мире, результат познания этого мира, закрепленный в языке, в его синтаксисе. Условно назовем эту семантику информативной. Предложения свободной структуры чаще служат для выражения информативных целей. Их цель представить определенный фрагмент реальной действительности, сообщить о каком-либо положении дел.

С другой стороны, общение – это не только информативное, но и интеллектуально-эмоциональное взаимодействие коммуникантов. В процессе общения важно не только сообщить или получить информацию, но и определенным образом реагировать на нее или узнать реакцию собеседника. Поэтому предложение может фиксировать коммуникативное намерении говорящего, в частности, его субъективное отношение к сообщению. В этом случае предложение имеет коммуникативную семантику, которая направлена на выражение внутренних потребностей говорящего как коммуниканта. Такова природа значения предложений фразеологизированных структур, являющихся объектом нашего анализа См об этом подробнее [Величко 2015д].

Фразеологизированные структуры предложения связаны в первую очередь с фатическим речевым поведением. По своей семантике ФС ориентированы не на реальную действительность, ее осмысление и отражение, а на ментальную, интеллектуальную и эмоциональную сферы жизни человека. Они используются в первую очередь для того, чтобы говорящий мог адекватно участвовать в общении, чтобы мог выразить отношение к содержанию информации, ситуации реальной действительности в виде рациональной (объективной), субъективной, и эмоциональной реакции. Поэтому центральная общая категория предложения (предикативность) реализуется в ФС как выражение субъективной модальности.

Фразеологизированные синтаксические структуры по той роли, которую они выполняют в общении, следует считать особым коммуникативным типом предложений. Традиционно как особые коммуникативные типы предложений выделялись вопросительные и восклицательные предложения. В современной

лингвистике понятие коммуникативного типа расширяется и определяется исходя из роли тех или иных типов предложения в коммуникации

2.Субъективная модальность как общее значение предложений фразеологизированной структуры

Рассмотрение понятия субъективной модальности и ее конкретных частных значений и оттенков является исходной точкой описания семантики ФС.

«Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Ляпон 2003: 303].

Начало изучения этой категории положили В.В.Виноградов [Виноградов 1950], Пешковский [Пешковский 1956] и др. Модальность является языковой универсалией, она «принадлежит к числу основных центральных языковых категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем.., в языках европейской системы она охватывает всю ткань речи» (Виноградов 1950: 42).

Этот термин используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой системы. Вопрос о границах этой категории решается разными исследователями по-разному.

Большинство исследователей дифференцируют категорию модальности, противопоставляя объективную и субъективную модальности.

Объективная модальность выражает отношение содержания высказывания к действительности и реализуется в двух конкретных значениях – реальности или ирреальности. Объективная модальность входит в категорию предикативности – основного признака предложения и выражается морфологической категорией наклонения глагола через противопоставление форм синтаксического изъявительного наклонения формам сослагательного и повелительного наклонения. Объективная модальность – грамматическая категория и является обязательной для каждого предложения.

Субъективная модальность традиционно определяется как категория, которая выражает «отношение говорящего к сообщаемому» [Ляпон 2003: 303]. Сейчас, в свете современной лингвистической научной парадигмы, для которой характерно рассмотрение языка как средства общения, субъективная модальность понимается шире, с опорой на теорию коммуникации. Такое понимание восходит к концепции А,М. Пешковского. Он писал, что модальность выражает отношение говорящего к установленному им же самим отношению сообщения к действительности, т.е. выражает отношение к отношению. А.М.Пешковский писал: «… в категории модальности усматривается отражение сложных взаимодействий с четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью» [Пещклвский 1956: 88 – 89].

Данный подход получает развитие и в современных лингвистических концепциях. Так, «Краткая русская грамматика» отмечает: «Единицы с субъективно-модальным значением отражают сложные взаимодействия между участниками речевой ситуации и ее компонентами: говорящим, адресатом, действительностью, содержанием сообщения». [Краткая русская грамматика: 500]. «В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять ”я “ и “не-я “(концептуальное начало нейтрально-информативному фону) в рамках высказывания» [Ляпон 2003: 303].

Важное значение имеет идея Ш. Балли, который считал, что в любом высказывании есть противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки излагаемых фактов (модуса). Он определяет модальность как активную мыслительную операцию, проводимую говорящим по отношению к представлению, содержащемуся в диктуме [Балли. 1955].

Для выражения субъективной модальности используются разноаспектные и разнохарактерные средства и способы, существующие в естественном языке: вводные слов; специальные модальные частицы, междометия, интонационные средства, порядок слов, лексические повторы и т.д, см. подробнее [Русская

грамматика1980. Т.II: 214 – 236]. Используются также специальные синтаксические структуры. Одним из типов таких структур являются ФС.

Субъективная модальность понимается как комплексная и многоаспектная категория, активно взаимодействующая с целой системой других семантических категорий языка и тесно связанная с прагматическими категориями**.** Специфика языкового выражения этой категории в том, что многие из этих способов не имеют прямого отношения к грамматике, т.е. это не грамматическая, а лексико-грамматическая категория.

Обычно отмечают, что субъективная модальность, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком, дополнительным компонентом высказывания, составляет его второй модальный пласт. Действительно, многие из средств выражения модальности вводятся в предложение только по желанию говорящего, ср.: *Погода, вроде, хорошая*; *Хорошая погода!; Погода-то хорошая.*

Это такие высказывания, основной функцией и основной семантикой которых является сообщение информации. В них выражение субъективной модальности вводится на синтагматическом уровне. При этом не учитывают типы предложений, которые связаны в первую очередь не с функцией сообщения, а с функцией общения, что для ряда синтаксических построений именно выражение субъективной модальности является основной целью. К ним относятся, в частности, специальные схемы построения членов предложения (*Она возьми и скажи! А Илья взял и ушел*) и др., а также фразеологизированные структуры.

Для предложений ФС выражение значения субъективной модальности – главная и единственная цель их существования в языке. Они в принципе не передают информации о ситуации реальной действительности, а являются для говорящего способом и средством выражения своей реакции на нее.

Субъективная модальность в ФС характеризует высказывание как коммуникативную единицу и учитывает говорящего, адресат, их сложные взаимоотношения как коммуникантов, отношение говорящего к содержанию

высказывания и отношение высказывания к действительности. Так, предложение *Нет бы тебе подождать* отражает связь говорящего и адресата, и говорящего к действительности; *Добро бы погода была хорошая, а то дождь и холодно* выражает отношения говорящего и адресата или третьего лица / лиц и отношение говорящего к содержанию сообщения. В высказывании *Не ехать же поездом* налицо отношение говорящего к сообщению «ехать поездом» и к другому сообщению, представленному в предыдущем высказывании. *Тоже мне город!* – это отражение отношений «говорящий – адресат» (в случае диалогического общения) и «говорящий – объективная действительность».

Субъективная модальность – это способ для говорящего по-своему представить реальную действительность через свое собственное отношение, определенным образом интерпретировать ее. Одна и та же ситуация может получать разные характеристики, сообщаемое может сопоставляться, противопоставляться, выделяться, подвергаться сомнению и т.д. Специфика субъективной модальности в том, что отношение говорящего может относиться ко всему сообщению или к какому – либо его фрагменту, компоненту: Ср.: *Катя, конечно, прочитала рассказ; Катя-то прочитала рассказ (а другие не прочитали*); *Катя прочитала-то рассказ* (*а не роман или стихи).* В результате одна и та же информация может быть по-разному представлена разными людьми, разными участниками общения.

Это свойство проявляется и в ФС. Так, в ответе на вопрос «*Ты прочитал этот рассказ?»* говорящий может использовать разные ФС, акцентировав при этом разные аспекты действия: «*Какой там прочитал* (‘не прочитал’) или: *Когда мне было читать*(‘не было времени’), или: *Зачем мне читать!* (‘не смысла, цели, чтоб читать’). Использование средств субъективной модальности позволяют человеку правильно вести себя в речевом общении, реализовать свом потребности как коммуниканта.

Как отмечал Бенвенист, «Субъективность – фундаментальное качество языка, которое обеспечивает коммуникативную функцию языка» [Бенвенист, Общая лингвистика, 1974]. Субъективность проявляется в том, что говорящий на

данном языке соотносит содержание информации со своей субъективной сферой, причем с разными ее сторонами, со своим отношением к сообщаемому. Так, произнося высказывание *Ох уж эта мне жара!,* говорящий не информирует о погоде, а выражает свою личную субъективную негативную реакцию на состояние внешней среды. При этом другой участник разговора может реагировать на такое состояние атмосферы по-другому.

Выражение значения субъективной модальности – общая семантическая характеристика всех ФС. Но класс ФС насчитывает большое количество единиц (свыше пятидесяти), и каждая имеет свое собственное значение, отличается от других. Поэтому чрезвычайно важен вопрос о семантической дифференциации этой понятийной категории, о выделении частных, конкретных значений общего значения субъективной модальности.

3. Структура семантики предложений ФС

3.1. Об объективном и субъективном компонентах субъективной модальности

Объем субъективной модальности очень широк и значительно больше и разнообразнее семантического объема объективной модальности; исчислить, квалифицировать и систематизировать конкретные значения субъективной модальности трудно, как трудно определить и квалифицировать все виды и оттенки рациональных, оценочных характеристик, а также эмоциональных реакций, состояний человека.

Категория субъективной модальности определяется как выражение говорящим отношения к содержанию сообщения (т.е. к какому-либо объекту в широком понимании), поэтому возникает вопрос, из чего при этом исходит говорящий, из чего возникает его отношение. Если он реагирует, значит есть какие-то основания, какие-то критерии, причины, вызывающие данную реакцию у данного лица. Другими словами, следует определить, существует ли в значении субъективной модальности объективный компонент, рациональный критерий или это отношение является чисто субъективным.

Таким образом, для объективного исследования семантической характеристики ФС необходимо решить вопрос об объективном и субъективном факторах значения субъективной модальности.

В исследованиях эти аспекты субъективной модальности часто не различаются, точнее сказать, исследователи нередко не придают значения их разграничению и называют их в одном ряду, в обобщенном виде.

«Русская грамматика» отмечает неоднородность частных субъективно-модальных значений и делает попытку разграничить объективный (или объективно-субъективный) и собственно субъективные компоненты значения. С этой целью противопоставляются оценочно-характеризующие значения и собственно-оценочные. К оценочно-характеризующим значениям «относятся значения, совмещающие в себе выражение субъективного отношения к сообщаемому с такой его характеристикой, которая может считаться несубъективной, вытекающей из самого факта, события, его качеств, свойств, из характера его протекания во времени или из его связей и отношений с другими фактами и событиями» [Русская грамматика 1980. Т II: 216].

«Собственно оценочные значения целиком лежат в сфере субъективной модальности. Это – многообразные значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения» (там же).Таким образом, в принципе признается наличие в структуре субъективной модальности объективного и субъективного компонентов.

Правда далее подчеркивается сложное взаимодействие, пересечение субъективного и объективного моментов: «во всех подобных случаях обнаруживаются сложные объективно-субъективные значения, соединяющие в себе характеристику сообщаемого, отвлекаемую от него самого (т.е., с позиций говорящего, определяемую извне), и выражение отношения к этой характеристике: характеристика сообщаемого по его собственным признакам оказывается неотделимой от субъективного к ним отношения. Вследствие этого объективность самих этих идущих извне признаков предстает в свете субъективного их осмысления и оказывается сочлененной с этим осмыслением»

[там же: 216]. В итоге отмечается, что «противопоставление оценочно-характеризующих и собственно-оценочных значений оказывается условным», и все значения рассматриваются в целом и объединяются под общим названием «субъективной модальности [там же: 217].

Такая неоднозначная квалификация семантической характеристики этой категории, очевидно, связана с тем, что общее определение субъективной модальности относится ко всем случаям выражения этой категории, а для ее выражения, как известно, используется довольно значительный круг неоднородных средств, где эти аспекты в силу этого проявляются по-разному и в разном соотношении.

Исследуемый материал показывает, что в предложениях фразеологизированной структуры как конкретного и специфического класса языковых средств выражения субъективной модальности структура значения субъективной модальности реализуется следующим образом. Субъективно-модальное значение каждой ФС содержит объективный и субъективный компоненты. Под объективным понимается та объективная сторона объекта (действия, ситуации), которая отвлекается от него говорящим и относительно которой говорящий выражает свое отношение, свою квалификацию.

Специфика субъективно-модального значения в том, что объективный компонент дается через субъективное восприятие, субъективную оценку говорящего. Высказывания говорящего субъективны. Он выражает свое собственное видение объективного фрагмента реальной действительности, т.е. интерпретирует его по-своему, концептуализирует его. Однако в своем субъективном отношении он как член данного социума исходит из тех представлений, которые отражают коллективный (объективный) опыт членов того сообщества, в котором он живет. Так, высказывание *Ай да спортсмен*! выражает оценку ‘хороший спортсмен‘, которая, будучи в первую очередь субъективной, показывающей мнение самого говорящего, является в то же время и объективной, так как говорящий при оценке опирается не только на свое восприятие, свои критерии, но и на свой социальный опыт, учитывая социально

выработанный стереотип, определенную общепринятую шкалу оценок (объективно сформировавшееся общественное представление о том, кого считать хорошим, а кого плохим спортсменом). Когда говорящий говорит *Тоже мне город,* он выражает свое субъективное восприятие данного города, (‘плохой город’). Это его субъективная оценка (и вполне возможно, что другой человек тот же город оценит совсем по-другому), но при этом говорящий опирается на объективный момент, т.е. на сложившееся в данном социуме представление о том, какой город является хорошим, настоящим.

В высказывании *Как не пойти туда*! речь идет о выполнении действия «идти», которое говорящий интерпретирует, исходя из модального аспекта, как необходимое, а в высказывании *Не идти же туда!* выполнение того же действия «идти» рассматривается (другим субъектом) в том же модальном ключе, но как ненужное, нецелесообразное. При этом и одна, и другая характеристика, отражая личные взгляды говорящих (в данном случае несовпадающие), в то же время исходят из морально-этических представлений данного социума относительно норм поведения в данной ситуации.

В том, что субъективная модальность отражает индивидуальное отношение, индивидуальную реакцию говорящего проявляется особая функция языка, функция самовыражения. Возможность самовыражения – важное преимущество высказываний с субъективно-модальным значением, в том числе и предложений фразеологизированных структур Говорящий, давая свою субъективную интерпретацию, подходит к выработанной сообществом объективной шкале оценок индивидуально и может придавать разное значение имеющимся в ней признакам: какие-то игнорировать, какие-то ставить на первое место как наиболее важные, другие отодвигать как не очень для него существенные, и в этом проявляется субъективность рациональной, объективной характеристики. Но элемент объективности характеристики остается, сохраняется. Ср. использование ФС в текстовом фрагменте, отражающем разное восприятие одной и той же ситуации: *Подруги собираются на прогулку в парк и вдруг видят, что начался дождь. Каждая реагирует на это по-своему, проявляя*

*свое субъективное отношение к объективному факту. Катя: «**Ох уж этот мне дождь,** придется отказаться от прогулки и сидеть дома**».** Ире очень жалко отказываться от прогулки, она говорит: **«А что нам дождь!** Возьмем зонтики и наденем другую обувь**».** А Оля успокаивает: **«Какой это дождь!** Смотрите небо светлое, дождь скоро кончится**».***

3. 2. Об эмоциональности и экспрессивности предложений ФС

В структуру значения субъективной модальности ФС входит, кроме рассмотренного объективного компонента (еще используются термины «интеллектуальный» и «рациональный») также эмоционально-экспрессивный. Практически все исследователи отмечают эмоциональность как характерный признак субъективной модальности. Необходимо рассмотреть соотношение этих признаков в значении предложений ФС.

Вопрос о соотношении интеллектуального (рационального) и эмоционального в речи решается в русле психологии, и здесь основополагающим является положение Л.С. Выготского, который последовательно проводил мысль о единстве познавательных и эмоциональных процессов, о единстве двух противоположных компонентов – интеллектуального и «аффективного», из которого то один, то другой выступают в качестве преобладающего [Выготский 1958], [Выготский 1982]. Опираясь на данную концепцию, С.Л. Рубинштейн констатирует, что «самое мышление как реальный психический процесс уже само является единством интеллектуального и эмоционального, а эмоция – единство эмоционального и интеллектуального» [Рубинштейн 1989].

Глубокие рассуждения, касающиеся этого вопроса, содержатся у Ш. Балли. Он пишет, что речь выражает деятельность нашего разума, т.е. наши идеи. Речь призвана объективизировать интеллектуальную сферу нашей жизни. «Однако это усилие почти всегда тщетно, ибо мы являемся рабами собственного «я», мы постоянно примешиваем его к явлениям действительности. Он делает из этих рассуждений вывод, что «все дело в пропорциях» [Балли 2001: 22 –23].

А.Н. Леонтьев рассматривает вопрос об эмоциях в системе деятельности: «эмоции не подчиняют себе деятельность, а являются ее результатом и «механизмом ее движения» [Леонтьев 1975: 197]. В рамках антропоцентрической и когнитивной научной парадигмы эмотивность рассматривается как имманентное свойство языка, как свидетельство «человеческого фактора» в языке. Специалисты говорят о существовании самостоятельной междисциплинарной науки, научного направления – лингвистики эмоций, или эмотиологии, см. [Васильев, Поплужный, Тихомиров 1980]. [Шаховский 1995], [Шаховский 2010], [Эмотивный код языка и его реализация 2003], Предмет ее исследований – язык эмоций, способы их концептуализации, кодирование многообразной сферы психических переживаний. [Эмотивный код языка и его реализация, 2003: 5].

Все рассмотренные положения соотносятся между собой и позволяют дифференцированно подходить к вопросу об эмоциональном и интеллектуальном компонентах разных синтаксических структур языка.

Существует точка зрения, что языковые средства субъективной модальности в первую очередь используются для выражения эмоций говорящего. Л.А. Пиотровская, анализируя синтаксические идиомы, говорит о доминировании в них эмоционального плана над интеллектуальным, что, как она отмечает, обусловлено эмоциональным по своей природе восприятием действительности (и ее познания). Эмоциональный (эмотивный) компонент берется ею за основу анализа. Так, высказывания *Что вы говорите!; А еще инженер!; Это в 18-то веке!; Подумаешь, герой; Менделеев мне нашелся!* характеризуются как выражающие удивление, разочарование. [Пиотровская 1994].

Следует, однако отметить, что большинство современных исследователей языка признает наличие рационального, интеллектуального компонента в высказываниях. См., в частности, [Вольф 1985], [Телия 1996]. Е.М. Вольф пишет, что «в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект» [Вольф 1985: 40].

Относительно эмоционального компонента в семантике предложений ФС мы придерживаемся следующей точки зрения. В структуре их семантики, как отмечалось, выделяется объективный (рациональный) компонент и субъективный. Они образуют две стороны общего интеллектуального компонента семантики ФС. Он является основным, ведущим, и он определяет значение ФС. Эмоциональный компонент также присутствует в них, но он рассматривается как дополнительный, сопровождающий основное значение. Он составляет третий аспект субъективной модальности, отдельную самостоятельную ее сторону.

Выражая свое субъективное мнение о содержании высказывания, говорящий обычно сопровождает его эмоциями, т.е. передает свое эмоциональное восприятие, выражает свои чувства, вносит в характеристику объекта чувственный элемент восхищения, одобрения, удовлетворения или, напротив, неудовольствия, возмущения. Так, произнося высказывание *Тоже мне город*, говорящий характеризует город как плохой, исходя из определенной шкалы, закрепившей принятые в данном сообществе основные признаки города. Однако при этом говорящий выражает не только названную рациональную оценку (в своей субъективной интерпретации), но и свое эмоциональное состояние – разочарование, а может быть и неудовольствие, но эти эмоции только сопровождают основное интеллектуальное отношение.

В этом отношении у нас вызывает возражение представленная в «Краткой русской грамматике» позиция, согласно которой выделяемые в сфере субъективной модальности аспекты интеллектуальные компоненты и эмоциональные реакции. говорящего расцениваются как значения одного уровня, одного плана. Так, при обозначении частных значений субъективной модальности в значении оценки наряду с компонентами, которые, на наш взгляд, составляют рациональную оценку (одобрение, неодобрение, порицание, возражение) называются и эмоциональные реакции (ирония, раздражение, удивление) [Краткая грамматика 1989: 499]..

Следует еще уточнить содержание термина «эмоционально-экспрессивный», поскольку эмоциональность и экспрессивность – это понятия, которые в лингвистике однозначно не определяются, хотя используются постоянно. Существование единого термина «экспрессивно-эмоциональный» означает, что многие исследователи не считают нужным противопоставлять эти две стороны высказывания. Другие исследователи стремятся разграничить эмоциональность и экспрессивность, считают их разными категориями. Характеристикой этих понятий занимались многие исследователи, см. например, [Балли 2001]. . [Виноградов 1972], [Винокур 1959], [Галкина-Федорук 1958], [Востоков 1977] [Озаровский 1976], [Шмелев 1958] и др.

Очевидно, само существование в русском языке двух терминов («эмоциональный» и «экспрессивный») свидетельствует о том, что это разные понятия, и целесообразно уточнить их содержание, используя их применительно к синтаксическим построениям.

Е.М. Галкина-Федорук различала эти понятия: «эмоция – это чувственная реакция организма», а «экспрессия – это усиление выразительности, изобразительности» [Галкина-Федорук 1958:105]. Характеризуя их взаимосвязь, она отмечала, что «выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия не всегда эмоциональна» [там же: 124].

Эмоции, эмоциональность – это понятия, относящиеся к характеристике человека, к его внутреннему психологическому состоянию, к его социальному поведению, его реакции на реальный мир и проявляющиеся в переживаниях. ср. выражения *эмоциональный человек, эмоциональная личность, эмоциональность человека*. Именно поэтому эмоции описываются и изучаются в философии, психологии, филологии и других науках, изучающих человека. Так, в «Кратком словаре по философии» дается следующее объяснение: «Эмоции (чувства) – определенный способ отношения человека к окружающему миру, к другим людям и к самому себе, проявляющийся в форме непосредственного переживания» [Краткий словарь по философии 1982: 394].

Экспрессивность – понятие, указывающее на внешнее проявление отношения говорящего. Экспрессивность – это внешняя форма выражения отношения. Так как экспрессивность реализуется в первую очередь через язык, речь, то она изучается в лингвистике и определяется в ней как языковая категория. В качестве синонима к слову «экспрессивность» используется слово «выразительность». Естественно, что в философии, психологии, медицине эти понятия не рассматриваются.

В то же время в лингвистике нередко используется двойной термин «эмоционально-экспрессивный» (или «экспрессивно-эмоциональный»), что свидетельствует о том, что иногда эмоциональный и экспрессивный моменты настолько сливаются, что не поддаются логическому осмыслению и расчленению.

На наш взгляд, следует говорить не о совпадении, а о соотношении этих понятий, так как, с одной стороны, они различаются, с другой стороны, определенным образом сближаются, действуя вместе и не подавляя, не заменяя один другой, а поддерживая один другой. Сущностная разница понятий «эмоциональность» и «экспрессивность» заключается в том, что если эмоциональность является характеристикой человека, особенностью его психической психологической структуры, то экспрессивность – это характеристика речи человека. В то же время эмоциональность может характеризовать и речь человека, так как выражение чувств, эмоций нередко осуществляется через язык, с помощью экспрессивных средств. Можно сказать *эмоциональная/экспрессивная лексика, речь.* Это дает основание исследователям определять эмоциональность как одну из содержательных характеристик экспрессивности.

Сближает эти понятия, в то же время различая их, тот факт, что и эмоциональность и экспрессивность связаны с коммуникативным процессом, однако выполняют в нем различную роль. Эмоциональность высказывания, наличие чувств характеризует говорящего, его речь, т.е. направлена на говорящего, тогда как экспрессия – это способ воздействия. Экспрессивность

ставит целью в первую очередь воздействовать на собеседника или слушающего. Здесь важную роль играет убеждающее начало, что проявляется в усилении изобразительной (т.е. внешней) силы сказанного (написанного). Экспрессивность – это выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексикой, особыми аффиксами, тропами, фигурами и т.д. Различную роль эмоциональности и экспрессивности отмечает В.Г.Гак. Он пишет: «Иногда экспрессивность относят с сфере второго лица, тогда как эмоциональность – к сфере первого лица [Гак 1996: 21].

С воздействующей ролью экспрессивности связана и такая ее черта как преднамеренность и заданность. Для эмоциональности, связанной с внутренним миром говорящего, преднамеренность, заданность не характерны. Эмоции возникают в самом человеке и переживаются им, может быть, без внешних проявлений. Эмоции, чувства возникают незапланированно, неожиданно, без настроенности на них говорящего. [Акимова 1990: 83].

Приведем следующее определение экспрессивности, которое представляется удачным, так как оно фиксирует названные выше разные и очень существенные стороны этого понятия, а также позволяет отграничить его от понятия «эмоциональность». Р.Р. Чайковский определяет экспрессивность как «во-первых, объективно существующее свойство языковых средств увеличивать прагматический потенциал высказываний, придавая им требуемую психологическую направленность, и, во-вторых, созданную функционированием определенной совокупности экспрессивных средств языка специфическую атмосферу высказывания, заключающуюся в способности этого высказывания интенсивно воздействовать на восприятие читателя, вызывая у него определенную интеллектуальную или эмоциональную реакцию» [Чайковский 1971: 193].

Экспрессивность – это языковая категория, поэтому язык имеет определенные средства для ее выражения. Экспрессивный аспект высказывания ориентирован на слушающего. Говорящий специально использует для выразительности те средства, которые воспринимает слушающий (читающий).

Это открытый ряд лексических, интонационных, словообразовательных, синтаксических средств. Активно используются также мимика и жесты.

Вопросам экспрессивного синтаксиса посвящена книга А.П. Сковородникова. Он выделяет такие синтаксические средства выражения экспрессии, как парцелляция, эллипсис, усечение структуры, сегментированные конструкции, повторы, вставные конструкции, цепочки номинативных предложений, порядок слов и др. [Сковородников 1981].

Вопрос о роли и месте эмоций в организации высказывания (и в тексте). анализировал В.Г. Гак [Гак. 1996]. Он рассматривает его очень лингвистически, если можно так выразиться. Он различает выражение эмоций в высказывании и их описание, т.е.сообщение о них. Он отмечает, что эмоции выражаются интонацией, лексическими средствами и некоторыми специфическими типами предложений – «эмотивными предложениями, ср: *Какой чудесный день*!; *Будет он ждать!* (в значении ‘Он не будет ждать’).

В предложениях, сообщающих об эмоциях, описываются переживания, эмоции или жесты (*Он радуется успехам детей, Он удивленно развел руками*).

Противопоставление выражения и описания эмоций в высказывании – важнейшее положение для нашего исследования. ФС именно выражают эмоции говорящего и являются поэтому специфическими структурами выражения этого смыслового компонента. ФС при этом характеризуются экспрессивностью, т.е. являются эмоционально-экспрессивными высказываниями, ибо в них говорящий выражает свои эмоции в экспрессивной форме, преследуя коммуникативную цель воздействовать на собеседника. «В речевых актах экспрессивность оценочных выражений направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника, иными словами, увеличить перлокутивный эффект оценочного высказывания. Поэтому экспрессивность составляет характерный признак речевых актов, где оценка выступает как основная иллокутивная сила; ср.: *Как тебе не стыдно!* – осуждение, знак « – »; *Ты храбрый мальчик – одобрение, знак «+»* [Вольф 1985: 42].

Описанная особенность ФС объясняет преимущество ФС и причину их активности в устной разговорной речи и в публицистике,

Наличие в русском языке эмотивных высказываний, в том числе и ФС, непосредственно выражающих эмоциональное отношение говорящего, и позволяющих усилить воздействие на слушающего обогащает речь, способствует более эффективному общению. Правда, определить, квалифицировать конкретные значения и семантические оттенки эмоциональности, выражаемые в высказывании (это в первую очередь, значения, передающие состояние аффекта), отличить одно эмоциональное состояние от другого трудно, поэтому эмоции определяют нередко как «нерасчлененное выражение переживания». Эмоции, как отмечалось, тесно связаны с чувствами. Чувства – это одухотворенные эмоции. Жизнь смешивает чувства, как природа смешивает краски. В результате получаются тонкие, подчас неуловимые оттенки переживаний, которые очень трудно учесть, определить и описать.

Известны многочисленные высказывания о том, что человеку часто не хватает слов для выражения того, что он чувствует и переживает. Об этом писали поэты, писатели, философы и т.д. Вспомним, например, известные строки: «*Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь*» (Ф.И. Тютчев). Та же мысль отражена в пословицах и изречениях, ср.: *Нет ничего сильнее и бессильнее слова*. Со словом, как основным средством изображения связаны преимущества литературы перед другими видами искусства, а также и ее слабые стороны.

Н.Д. Арутюнова, исследуя закономерности формирования семантической структуры предложения, рассматривает сочетаемость имен чувств и обращает внимание на то, что в языке преобладает представление об эмоциях и эмоциональных состояниях человека как о жидком теле, наполняющем человека, и что это «жидкое состояние вещества наиболее подвижно. изменчиво, легко попадает во власть стихии, имеет многобальную шкалу градаций разных состояний и температур – от штиля до шторма, от ледяной холодности до кипения, и в то же время лишено дискретности» [Арутюнова 1976: 98 – 99].

Это наблюдение о текучести, подвижности, изменчивости эмоциональной составляющей нашей речи получает четкое подтверждение в высказываниях ФС. При их анализе нередко сталкиваешься с ситуациями, когда одна и та же ФС может сопровождаться разными эмоциями, которые трудно определить или можно трактовать по-разному. Кроме того, одна эмоция может сопровождать разные отношения говорящего к информации, например, чувство удивления может сопровождать как положительное, так и отрицательное впечатление. Другими словами, субъективно-рациональная оценка и эмоциональная реакция не находятся в прямой зависимости, не обязательно совпадают, соответствуют одна другой. Так, оценка (‘хороший’ или ‘плохой’) может вызвать у самого говорящего радость, восхищение или удивление, недоверие или иронию и разочарование (Ср.: *Вот так спортсмен! Замечательно выступил, Я в нем не сомневался* или; *Вот так спортсмен! Не ожидал, что он так хорошо выступит. Я думал, его результат будет скромнее;* или: *Вот так спортсмен. Совсем не подготовился к соревнованиям*). Согласие может быть спокойным, или принимаемым с легкостью и удовлетворением, а может включать внутреннее несогласие и сопротивление (Ср.: – *Илья Николаевич, вам надо ехать в Павловск. Там нужна наша помощь. – Хорошо, ехать так ехать. Там работают хорошие специалисты, но молодые и опыта им, наверное, пока не хватает.* Или: – *Здесь у меня тоже много работы, готовим новый вариант прибора. Но делать нечего, ехать так ехать.*).

Конкретные значения эмоциональности получили отражение в языке в семантическом классе глаголов и существительных, передающих эмоциональные переживания. М. Л. Крючкова, исследуя сочетаемость глаголов эмоционально состояния и отношения, приводит список таких глаголов, включающий 113 единиц. и разделяет ихна 9 классов.[Крючкова 1979]. Л.М. Васильев, выделяет для рассмотрения глаголы эмоционального состояния, эмоционального переживания и эмоционального отношения [Васильев 1981: 75 –125].

Таким образом, субъективная модальность в семантическом отношении представляет собой сложную комбинацию компонентов значения, включающую

рациональную и субъективную квалификацию объекта и разные виды эмоционального отношения, иррациональной реакции говорящего.

3.3. Субъективная модальность и оценка.

Спецификой субъективной модальности является то, что, разные типы значений (рациональные и эмоциональные), частные ее значения, семантические компоненты могут совмещаться. «Краткая русская грамматика», выделяя и противопоставляя конкретные субъективно-модальные значения, отмечает: «Все такие значения взаимодействуют друг с другом и могут совмещаться» [Краткая русская грамматика: 500]. В этой связи необходимо уточнить использование термина «оценка», когда речь идет об определении сути фразеологизированных предложений и их семантики.

Понятие оценки в лингвистическом отношении, т.е. с точки зрения его представленности в языке, многогранно.

Фразеологизированные структуры непосредственно связаны выражением оценки. Оценка входит в сущностные признаки семантики этих структур, является их внутренним признаком. Однако и в ФС под оценкой могут пониматься разные признаки, и проявляться она может в разной степени. Поэтому следует дифференцировать понятие оценки как с точки зрения внутреннего содержания, т.е. признаков, которые квалифицируются как оценка, так и с точки зрения важности, удельного веса оценочного компонента в общем субъективно-модальном значении ФС.

Субъективная модальность в семантическом плане нередко связывается с выражением оценки. Обычно отмечается, что семантической основой субъективной модальности является выражение различного рода оценок (оценок содержания сообщения). В этом случае термин «оценка» понимается в широком смысле, как субъективное отношение к содержанию сообщения, как реакция говорящего на сообщение. Оценка здесь расценивается как одно из проявлений взаимодействия человека и действительности. Такая оценка может даваться по самым разным признакам, основаниям. Реакция на сообщение в виде выражения

согласия/несогласия, указания истинности/ложности, указание важности, необходимости, типичности или исключительности сообщения, – все это может рассматриваться как проявление оценки

Так, высказывания *Это ли не удача! Это ли не победа*!, *Это ли не беда!,* выражая усиленное утверждение, в то же время передают положительное или негативное отношение к определенному событию, т.е. в определенном смысле оценивают его. Высказывание *Кто-кто, а Сергей хорошо разбирается в музыке*, имеющее значение акцентирования, выделяет субъект как лицо, обладающее определенным запасом музыкальных знаний, что воспринимается как положительная характеристика. Предложения типа *Ему бы только спать!; Ей бы только развлекаться*, указывающих на исключительную склонность субъекта к определенному занятию, в то же время и определенным образом характеризуют названный субъект, дают понять, что первый субъект немного ленив, а второй – легкомыслен.

Присутствующий в приведенных высказываниях элемент характеристики, оценочности не составляет семантическую основу структуры, не связан с ее значением, он «вытекает» из выражаемого отношения говорящего к содержанию сообщения, или прочитывается в контексте, в частности, благодаря лексическому наполнению.

В то же время можно говорить и об оценке в узком смысле слова, о собственно оценке, под которой понимается качественная характеристика объекта, его квалификация с точки зрения его качеств, свойств, признаков или поведения. Это оценка как определение ценностной стороны объекта. Она дается с опорой на шкалу ценностей по основанию «хороший – плохой». Так, содержанием высказываний *Всем городам город!; Тоже мне город!*; *Вот так подарок*!; *Концерт как концерт* является только оценка объекта по признаку «хороший – плохой».

В словаре слово «оценка» определяется следующим образом: «мнение о ценности, уровне или значении кого/чего-нибудь». Глагол *оценивать* означает: «устанавливать ценность, значительность кого/чего-нибудь, степень, уровень

чего-нибудь» [Словарь совр. рус. лит. яз.: В 17 тт. –Т. 8: 1779]. Е.М. Вольф отмечает, что «основная сфера значений, которую относят к оценочным, связана с признаком «хорошо – плохо» [Вольф 2002: 9].

Для нашей работы различение узкого и широкого понимания оценки важно, так как в анализируемом классе ФС выделяется самостоятельная группа ФС со значением оценки. Русский язык выработал совокупность структур со значением оценки, и это показывает важность оценочной характеристики объекта в жизни человека. Значение оценки можно дифференцировать 1) относительно нормы, с точки зрения внутренних качественных свойств, и здесь выделяют «хороший – плохой – нормальный» или «хороший – плохой»; 2) по степени проявления свойства («выше – ниже, большая – меньшая степень проявления»). Норма, – это «установленная мера, размер чего-н.». [Словарь совр. рус. лит. яз.: В 17 тт. –Т. 7: 1399].

Оценка в узком смысле исследовалась главным образом в логике. Это понятие привлекает и лингвистов, их интересуют в первую очередь языковые средства выражения оценочного значения. Оценка является универсальной категорией, но в способах выражения оценочного значения языки проявляют свою индивидуальность.

Приведенные рассуждения относительно оценочного компонента в семантике ФС являются еще одним основанием для того, чтобы говорить семантической сложности и иерархической организации значения ФС.

3.4. Частные значения субъективной модальности

Круг значений субъективной модальности чрезвычайно широк, поэтому исследователи и в теоретических работах, и при исследовании языкового материала стремятся дифференцировать это общее значение, выделить частные его значения, систематизировать их, представить в обобщенном виде.

Детальный и подробный обзор частных субъективно-модальных значений представлен в «Очерках по синтаксису разговорной речи» Н.Ю. Шведовой. Эти значения объединяются в шесть больших групп: 1) акцентирование,

выделительное ограничение и усиление; 2) оценка, отрицательное или положительное отношение, удивление; 3) утверждение или отрицание; 4) волеизъявление; 5) уяснение; 6) характеристика признака со стороны его подлинности, соответствия существу называемого. Каждое из шести названных значений конкретизируется далее в более частных значениях Шведова 1960 и 2003: 364 –366).

«Русская грамматика», дифференцируя значение субъективной модальности, представляет весь круг выделяемых ею значений в виде ступенчатой системы. Первичная группировка субъективно-модальных значений, основана на противопоставлении значений оценочно-характеризующих и собственно оценочных. Далее значения первого и второго типа представлены группами частных значений, а те в свою очередь уточняются указанием более конкретных значений (некоторые значения третьей ступени указаны здесь в скобках). Так, к оценочно-характеризующим относятся значения, которые характеризуют сообщаемое: 1) со стороны своих качеств и, свойств (полнота или неполнота проявления, возможность, но невыявленность осуществления, наличие или отсутствие результата, соответствие или несоответствие требуемому и т. д.); 2) с точки зрения протекания во времени (длительность или недлительность, регулярность или нерегулярность и т д.); 3) со стороны соотнесенности с другими событиями, фактами (по причинно-следственной обусловленности, зависимости или независимости от чего-либо и т. д.).

К собственно-оценочным относятся значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщаемого: согласие или несогласие, принятие или непринятие, положительную или отрицательную оценку, волеизъявление; представление чего-л. как подлинного или неподлинного и т.д.

В «Краткой русской грамматике» выделяется четыре общих группы значений: 1) квалификации достоверности или недостоверности, истинности или неистинности, подлинности или неподлинности, характеристика степени выявления признака; 2) положительная или отрицательная оценка; 3) разные

виды волеизъявления и соответствующих ответных реакций; 4) специально акцентируемая заинтересованность или безразличие. Каждая группа также включает перечень частных реализаций общего значения.

В другой работе выделяются такие оттенки субъективной модальности («яркие обертоны смысла»): определенность-неопределенность, известность-неизвестность, хороший-плохой, обычный-необычный – удивительный; ясный, открытый – тайный, сокровенный желательный – нежелательный [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 330 –331].

Сравнение этих перечней частных значений показывает, что они во многом совпадают и в то же время различаются, что объясняется сложностью самой природы субъективности как понятийной категории, а также тем, какой лингвистический материал привлекался для обобщений.

Попытаемся наметить общие семантические контуры субъективной модальности в виде перечня конкретных значений, наиболее регулярно выделяемых в известных работах и которые находят, как будет показано далее, отражение в семантической характеристике предложений ФС. Каждое конкретное значение обозначается не одним словом, а рядом слов, близких по смыслу, что позволяет, на наш взгляд, полнее, точнее, объемнее обозначить данное значение. Кроме того, один ряд включает обычно антонимичные группы слов, так как каждое субъективно-модальное значение, обычно, проявляется в виде противоположностей.

О с н о в н ы е с у б ъ е к т и в н о-м о д а л ь н ы е
з н а ч е н и я, п е р е д а в а е м ы е ФС.

1. оценка объекта с точки зрения качества или степени проявления признака;
2. сопоставление действий, признаков с точки зрения степени проявления; 3.принятие или неприятие; согласие или возражении; 4. утверждение – отрицание; 5. уверенность – неуверенность; 6. убеждение, воздействие; 7.акцентирование, выделение, подчеркивание; 8. возможность, долженствование, невозможность; 9. целесообразность – ненужность; 10.независимость осуществления действия от каких-либо условий; 11.существенность, значимость

– несущественность; 12. единственность – множественность; 13. исключительность, уникальность – разнообразие; 14. противопоставленность или сопоставленность; 15. независимость наступления, осуществления действия, события от его исполнителя; 16.характеристика со стороны связей с другими фактами и событиями (со значением временной, причинно-следственной, условной др.).

Приведенный перечень не является полным, но он дает возможность представить семантический объем этой категории и ее разноплановость при ее реализации в предложениях фразеологизированной структуры.

3.5. Типовое значение предложений ФС

Общее для всех предложений ФС значение субъективной модальности реализуется как отдельное, частное ее значение, и каждая ФС индивидуальна, уникальна не только в структурном, но и в семантическом плане. Центр семантики ФС – его типовое значение. Оно формируется и закрепляется в ее модели, структурном образце, представляющем собой соединение, соотношение постоянного компонента и свободного компонента с его обобщенным категориально-грамматическим значением. Модель имеет фразеологизированный характер, поэтому семантика и категориальные характеристики слов, образующих постоянный компонент, не участвуют в формировании ее значения. Типовое значение каждой фразеологизированной структуры выражает определенное конкретное значение субъективной модальности.

Для определения типового значения служит функциональный критерий – учитывается, с какой целью используется данная ФС (для характеристики и оценки, для согласия или отрицания, для выражения волеизъявления и т.д.). Оно определяется по основному семантическому компоненту, доминирующему среди семантических компонентов и оттенков, совмещенных в нем, составляющих его семантическую структуру

Типовое значение ФС вычленяется из множества предложений, постоенных по данной модели. Семантика ФС формируется независимо от конкретного

лексического наполнения свободных компонентов, т.е. представляет собой абстрактное языковое значение. Типовое значение ФС переносится на конкретные предложения, построенные по данной модели. Так, предложения *С ней чего только не случается; Кто здесь только не побывал; Каких только цветов нет в этом парке; Где только не побывал геолог Степанов,* хотя рассказывают о разном, но объединяются общим значением множественности. Высказывания *Нет бы мне позвонить ей заранее; Нет бы ему прислушаться к советам врача; Нет бы им приехать на неделю раньше; Нет бы мне не ходить туда* называют целесообразное действие, которое следовало выполнить, но выполнено не было.

В формировании смыслового содержания конкретных предложений одной ФС могут принимать участие также распространители: детерминанты, компоненты с обстоятельственным, определительным значением. Ср.: *Нет бы им приехать; Нет бы им приехать пораньше; Нет бы им приехать на все лето: Нет бы им приехать всем вместе*.

Семантическая специфика фразеологических предложений в том, что они выполняют в речи контактную роль, связующую роль, т.е. связывают определенным отношением содержание сообщаемого с последующим высказыванием. Поэтому при определении типового значения ФС следует учитывать смысловое содержание окружающих ее предложений. Другими словами минимумом для выявления значения фразеологических предложений служит типичный контекст, т.е. смыслообразующая комбинация высказываний. Например, предложения ФС *До театра ли ему* и *Что ему театр* оба передают значение отрицания, но точное значение одного и другого, их семантическое различие определяется по контексту, по смысловому содержанию соседних высказываний Ср.: (1) *Сейчас у Михаила напряженнее время, он готовится к экзамену. До театра ли ему; (2) Михаил очень любит театр, но он болен, у него температура, кашель. До театра ли ему; (3) Михаил вообще не любит театр, он заядлый футболист Что ему театр. (4) Что ему театр! Он предпочитает дискотеки. В театре ему скучно.* Понятно, что использовать предложение *До*

театра ли ему в контекстах (3) и (4), а предложение *Что ему театр* – в контекстах (1) и (2) нельзя.

Что же касается восприятия предложений ФС, они любому носителю языка в принципе ясны, понятны без контекста, вне контекста. Так, услышав, изолированное, вне контекста высказывание *Проблема проблеме рознь* любой носитель русского языка (хотя он не знает о какой именно проблеме идет речь и у кого она возникла) поймет, что речь идет о том, что проблемы бывают разные, а если скажут *Проблема есть проблема,* он поймет, что говорящий считает, что следует признать существование, наличие проблемы.

Кроме того, отдельную сторону субъективной модальности и, следовательно, семантики ФС составляет эмоциональный компонент, обычно сопровождающийся экспрессивностью выражения. Эмоционально-экспрессивный компонент является дополнительным в семантике ФС, он сопровождает ее типовое значение.

Таким образом, ФС с семантической точки зрения – это сложное, комплексное построение. Семантика ФС имеет структуру, которая включает компоненты разной природы – рационально-объективный, субъективный и эмоционально-экспрессивный. Эти компоненты выступают вместе, взаимодействуют, дополняя один другой и тем самым характеризуют разные стороны синтаксических фразеологизированных структур.

3.6. Лексическое выражение переменного компонента

Роль лексики в синтаксисе и в формировании семантики предложения общепризнанна. М.В. Всеволодова подчеркивает, что «лексика – интегральная часть синтаксиса» и проводит эту мысль через всю свою книгу о синтаксисе [Всеволодова 2000: 21]. Н.Д. Арутюнова пишет: «Область «стыковки» синтаксиса и лексики представляет особый интерес, поскольку именно здесь закладывается семантическая основа предложения.» [Арутюнова. 1976: 81].

Лексика играет определенную роль и в предложениях ФС, так как они включают переменный компонент, лексическое выражение которого свободно,

определяется говорящим. Характер лексического выражения этого компонента и формирование семантики ФС связаны между собой. Можно говорить о двух линиях связи. С одной стороны, значение структуры, заключенное в постоянном компоненте, обусловливает то, слова какой семантики и грамматичекой природы могут заполнять позицию свободного компонент. В большинстве ФС лексическое наполнение этого компонента не ограничено, однако ряд ФС характеризуется лексической ограниченностью. Так, в предложениях модели ***Ах ты /он* + сущ.** используются слова со значением оценки лица, в основном – негативной (*обманщик, хитрец, болтун, лентяй, баловник, озорник, хулиган* и т.д.), реже – положительной (*умница, прелесть, красавица*). Слова других семантических классов и групп для этой структур нехарактерны. Лексически ограничено также наполнение компонента в ФС **сущ. + *не в* + сущ.** (*Сон не в сон*). Ср.* *Словарь не в словарь*; *Город не в город.*

С другой стороны, можно говорить о влияющей, обусловливающей роли лексического значения слова, занимающего позицию переменного компонента. Как отмечалось, и совершенно справедливо, типовое значение ФС формируется независимо от лексического наполнения переменного компонента. Однако под влиянием конкретной лексической семантики слов в этой позиции значение ФС получает более конкретную и узкую реализацию.

Лексическое наполнение может быть показателем значения фразеологизированного предложения. Так, в предложениях модели ***что за* + сущ.** со значением недифференцированной оценки положительная или негативная оценка обусловлена лексическим значением существительного. Ср.: *Что за умница*! *Что за труженик!; Что за прелесть! – Что за безобразие! Что за баловник*! *Что за путаница*!

Как показал конкретный материал, для семантической организации предложения ФС может иметь значение:

– наличие у существительного оценочного значения. Здесь выделяются слова положительной оценки или имеющие в своей семантике такой оценочный компонент (*умница, красота, прелесть, герой, силач*); слова негативной оценки

(*лентяй, обманщик, ерунда*). Особо следует выделить группу слов, относящихся только к оценке лица (*баловник, озорница, хулиган, непоседа, лгун, умница, труженица*)

– отнесенность существительных к группе нарицательных или имен собственных: (*город, мальчик, студент – Рим, Арктика, Петя*). Ср.: *Город как город; Девочка как девочка – Рим как Рим; Света как Света*

– отнесенность существительного к группе одушевленных или неодушевленных (*пение, концерт, подарок, певец, старожил, помощник*)

– наличие или отсутствие у существительного формы единственного и множественного числа и грамматическое или специализированное (семантически мотивированное) значение этих форм (*экзамен – экзамены, пирог – пироги, вода – воды, мороз – морозы*), ср.: *Всем пирогам пироги – Всем пирогам пирог*; *Всей воде вода*; *Ох уж эти мне экзамены – Ох уж этот мне экзамен.*

Подробный комментарий относительно особенностей лексического наполнения ФС и его роли в формировании семантики самой ФС представлен в следующей главе, посвященной конкретному описанию всех ФС класса.

3.7. Перефразирование как способ семантизации предложений ФС

Важнейшая часть исследования ФС – их семантизация**,** т.е. выявление их значения, содержания. Семантизация связана с восприятием, пониманием и с передачей, толкованием, объяснением значения, смысла языковой единицы. ФС – это синтаксические единицы, их значение представляет собой закрепленный ход мысли. движение мысли говорящего, поэтому их семантизация реализуется через передачу значения с помощью предложений свободной структуры, т.е. описательно, через перефразирование.

Для перефразирования подбираются конструкции и соответствующие лексические компоненты, которые отражают типовое значение ФС. Так, значение предложений модели ***ай да*** **+ сущ.** (*Ай да сестра!; Ай да друг!; Ай да сюрприз*!) передается нефразеологизированными предложениями, которые раскрывают свойственное данной ФС значение положительной оценки, например *Это (Она)*

хорошая (*внимательная, заботливая, добрая*) *сестра; Это (Он, Ты) настоящий* (*верный, лучший*) *друг:, Это настоящий* (*удачный прекрасный*) *сюрприз*. Для семантизации ФС ***уж на что .., и то…***(*Уж на что в энциклопедии, и то я не нашла нужных сведений*) используются предложения, включающие слово *даже* (*Даже в энциклопедии я не нашла нужных сведений*). Смысл предложений модели ***что ни.., то..*** (*Что ни дом, то памятник архитектуры*) передают предложения свободной структуры со словом *каждый* (*Каждый дом – памятник архитектуры*).

Как неоднократно отмечалось, семантика ФС многогранна, имеет структуру, включает компоненты разного характера, поэтому при семантизации должны получить отражение также частные семантические компоненты, которые дополняют основное значение ФС, создают ее индивидуальность и отличают от других структур, входящих в ту же семантическую группу или подгруппу. Так, высказывание *Всем сестрам сестра*, передает значение положительной оценки, как и высказывание *Ай да сестра*, но первое включает компонент сравнения, превосходства, и это должно быть отражено в описании его семантики, например, с помощью конструкции, включающей лексический показатель превосходной степени (конструкция «*самый* + прил.+ *из кого*» или прилагательное превосходной степени), ср.: *Лучшая из сестер!; Она самая хорошая сестра.*

ФС, в которых говорящий выражает отношение через связь двух ситуаций, семантизируются с помощью соответствующих сложных предложений свободной структур. Так, фразеологическим предложениям модели ***стоило кому* + инф. .., как…** по смыслу близки предложения с союзом ***как только*** (*Стоило актеру выйти на сцену, как в зале раздавались аплодисменты – Как только актер выходил на сцену, в зале раздавались аплодисменты*), а смысловому содержанию предложений ФС с компонентом…***да что там*** соответствуют сложносочиненные предложения градации с союзом *не только, но даже и*.…(*Эту книгу за неделю, да что там за неделю, за две ребята не смогут прочитать – Эту книгу ребята не только за неделю, но и за две не смогут прочитать*).

Так как ФС семантически емки, семантика, смысловое содержание их выходит за рамки формальной структуры, в ряде случаев для их семантизации требуется не одно предложение, а больше. Таковы фразеологические предложения с компонентом ***добро бы…, а то (ведь)…*** Например, предложение *Добро бы погода была хорошая, а то всю неделю дожди* соотносится по содержанию с предложением *Если бы была хорошая погода, но ведь всю неделю дожди,* однако для раскрытия его значения следует указать на содержание ситуации реальной действительности, которая оценивается, т.е. требуется выйти за рамки самого фразеологизма. Так как ФС не выражает, не передает информации о самой ситуации (о теме разговора), а лишь являются связующим звеном, выражает и характеризует определенную связь между двумя ситуациями, то этот момент учитывается при семантизации: описание смысла таких предложений должно содержать указание на содержание ситуации, должно показать «в чем дело», в чем суть ситуации, которая характеризуется фразеологизированным предложением. Вне контекста смысл приведенного предложения содержательно не полон, и потому непонятен. Его смысл можно передать так: ‘Я понял бы то, о чем я узнал (‘Я согласился бы с тем, что я узнал’), если бы была хорошая погода, но так как погода плохая, идет дождь, мне не понятно то, что происходит’(‘я не согласен с данным развитием ситуации’).

Далее необходимо показать конкретные условия функционирования высказываний данной ФС, указать конкретные условия их употребления. Другими словами, необходимо раскрыть дискурсивно-прагматический аспект ФС, так как «сущность вторичного лингвосемиозиса определяется коммуникативно-прагматической природой его речемыслительной базы, реализующейся в разного рода дискурсах» [Алефиренко 2008: 92]. Так, ФС модели ***чем не*** **+ сущ./глаг/ прил.,** (*Чем не победа*!) передает значение положительной оценки,, как, к примеру, и ФС ***вот это*** **+ сущ. +** ***так*** **+сущ.,(***Вот это победа так победа!**)** но характеризуется специфическим функционированием – употребляется в ситуации убеждения.

Еще одна сторона семантической природы ФС в том, что они, как правило, эмоциональны, передают, кроме рационального, также эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому, поэтому эмоциональный компонент также указывается, однако так как одна и та же ФС может сопровождаться разными эмоциональными значениями и оттенками, то этот компонент логично передать в виде вариативного перечня возможных эмоциональных реакций, например, негативная оценка может сопровождаться такими окрасками, как неодобрение, огорчение возмущение, негативное удивление, изумление.

4.Интонационное оформление предложений фразеологизированной структуры

В связи с развитием коммуникативной лингвистики, связанной с изучением закономерностей устного (контактного) речевого общения, важное значение приобрели интонационные исследования. Интонационные средства участвуют в объективации всех аспектов коммуникативного содержания высказывания. «Интонация – это система звуковых средств языка, которые функционируют во взаимодействии с синтаксическим строением высказывания и его лексическим составом. К интонационным средствам относятся тип интонационной конструкции (ИК) во всем многообразии его реализаций (различающихся по темпу речи, яркости оформления интонационного центра, особенностями движения тона в предцентровой и постцентровой частях), передвижение центра ИК, синтагматическое членение, пауза» [Брызгунова 1980: 89].

Фразеологизированные структуры реализуются в первую очередь в устной, говоримой речи, и следовательно важной характеристикой ФС, является их интонационное оформление. Интонация, взаимодействуя с синтаксическими и словесными средствами, т.е. с моделью ФС и лексическим наполнением ее свободных компонентов, участвует в выражении субъективно-модального значения, формирует речевой смысл коммуникации.

Интонация сопровождает и оформляет любое предложение, однако выполняет при этом разные функции. Общепризнанно, что важнейшей функцией

интонации является различительная. Различительные возможности интонации определяются соотношением синтаксических, лексических и интонационных средств предложения. Эта общая закономерность действует по-разному в зависимости от характера структуры. Различительная роль интонации возрастает, если взаимодействие синтаксического строения и лексического состава оставляет возможность для выражения неоднозначной информации [там же: 89]. Особенно наглядно это в случаях, когда при одной структурной организации и лексическом составе посредством только интонации строятся (оформляются) повествовательные, вопросительные и восклицательные (побудительные) предложения, т.е. предложения, выражающие разные коммуникативные цели: *Павел едет с нами; Павел едет с нами?; Павел едет с нами!; Дождь идет, Дождь идет? Дождь идет! (Наконец-то)*. «Русская грамматика» приводит пример, когда с помощью интонации передается разная степень признака: *Холодно там* (ИК-1); *Холодно там?* (ИК-3) *Холодно там* (ИК-6). В этих предложениях соответственно выражается нейтральная констатация признака, вопрос и констатация высокой степени признака.

Различительная функция интонации регулярно и полно реализуется в предложениях свободных структур. В системе ФС интонация используется иначе. Различительная функция интонации при определении значения ФС действует не так часто и последовательно, как в предложениях свободной структуры. Такие случаи имеются, но они немногочисленны. Так, значение фразеологизированных предложений, реализующих модель ***какой он / это*** **+ сущ.,** проявляется именно при том или ином интонационном варианте произнесения высказывания. Предложение *Какой он певец,* произнесенное с ИК-5, выражает как правило, положительную оценку, восхищение, а при использовании ИК-7 (с центром на слове ***какой***) передает негативную оценку, пренебрежение.

Интонация может отличать также ФС от омонимичного предложения свободной структуры, построенного по той же модели: приведенное выше предложение *Какой он певец,* произнесенное с ИК-2, является предложением

свободной структуры и передает вопрос: *Какой он певец? Оперный или эстрадный?*

Относительно различительной функции интонации в ФС чаще действует второй вариант выведенной Е.А. Брызгуновой закономерности. она пишет: «Взаимодействие синтаксического строения и лексического состава высказывания может быть достаточным для выражения однозначной информации, например, при сообщении о высокой степени признака: *И высокий же он!; Ох и высокий же он!; Ну и высокий же он!* Различительные возможности интонации в таком высказывании минимальны, поэтому оно может быть произнесено с разными типами ИК и разным местом интонационного центра» [Русская грамматика 1980. Т. II: 89].

Эта закономерность функционирования интонации ярко проявляется в ФС. Само синтаксическое построение ФС (отраженное в его модели), которое характеризуется нестандартностью, яркой индивидуальностью, отражает, закрепляет одно конкретное значение, ради которого этот фразеологизм и существует в языке. «Русская грамматика» отмечает: «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой» [Русская грамматика 1980. Т.II: 383]. Суть ФС в их строгой семантической заданности, они, как правило, однозначны по своей природе и не допускают неоднозначного понимания, поэтому различительная функция интонации здесь не нужна, она является излишней.

Результатом этого является то, что фразеологизированные предложения одной модели могут произноситься с разными типами интонационной конструкции, и это не меняет значения высказывания и не приводит к его неправильному пониманию, например: *Чем не праздник*! (ИК-2) – *Чем не праздник*! (ИК-5) – *Чем не праздник* (ИК-3, центр на ***чем***), а разные ФС при реализации в речи могут сопровождаться одинаковой интонацией, например, следующие три высказывания могут произноситься с ИК-5, хотя они входят в разные семантические группы: *Какой это певец!* (положительная оценка)*; Как было не пойти к ней!* (долженствование)*; Какой там прочитал!* (отрицание).

Присущее всем ФС значение субъективной модальности достаточно полно выражено синтаксическими и лексическими средствами, и задача интонационных средств заключается в том, чтобы отразить специфику значения субъективной модальности во всей полноте, сложности и разнообразии его конкретных оттенков и нюансов. Е.А. Брызгунова отмечает: «Субъективно-модальное значение может быть выражено преимущественно словесными и синтаксическими средствами, и тогда роль интонации сводится к усилению такого значения или к осложнению его дополнительными оттенками. [Брызгунова 1980: 231].

Кроме того, с помощью интонации и возможной ее вариативности в таких высказываниях выражается эмоциональное состояние говорящего и его эмоциональное восприятие сообщаемого. Говорящий выражает свое эмоциональное восприятие сообщаемого, выбирая ту интонацию, которая наиболее точно выражает его эмоциональную настроенность, а, как известно, количество чувств и эмоций человека огромно и трудно исчислимо. Наконец, важную роль играет интонация в передаче экспрессивности речи говорящего.

Звучащее фразеологизированное высказывание – это единство выражения смыслового и эмоционального содержания. Смысловое содержание – это типовое значение структуры (согласия, несогласия, оценки, необходимости, невозможности, единичности, множественности и т.д.), а эмоциональный компонент выражает чувства говорящего (восхищение, удовлетворение, удивление, неудовольствие и т. д.). В оформлении ФС участвует вся система интонационных средств: разные типа ИК, вариативность синтагматического членения, передвижение интонационного центра, но организующим средством является ИК. Интонационная конструкция, как и любая единица языка, вариативна, то есть может быть представлена в речи в виде множества вариантов, реализаций. Вариативность звучания проявляется в том, что каждый тип ИК имеет нейтральную и модальные реализации, образующие интонационный ряд, члены которого различаются между собой акустико-артикуляционными особенностями. При произнесении ФС в его интонационном оформлении наряду

с нейтральной реализацией ИК (примеры их использования приведены выше) могут использоваться ее модальные, эмоциональные реализации. Нейтральные и модальные реализации интонационных конструкций различаются темпом речи, яркостью оформления интонационного центра, особенностями движения тона в предцентровой и постцентровой частях. Модальные реализации предназначены в первую очередь для выражения различных субъективно-модальных значений и эмоциональных различий речи, поэтому активно используются в звучащих фразеологизированных высказываниях. Покажем примеры использования некоторых типов интонации и их модальных реализаций при звуковом оформлении одного и того же синтаксического фразеологизма.

ФС со значением положительной оценки **сущ. + *это* + сущ**. может произноситься с двумя синтагмами: *Розы / это цветы*. Первая часть произносится с ИК-3, а вторая – с ИК-1 или ее модальной реализацией. Модальная реализация ИК-1 в данном случае характеризуется большей длительностью, более высоким уровнем тона гласного предцентрового слога и нисходяще-восходящим направлением тона на гласном центра; при этом гласный центра произносится ниже предцентрового слога, но выше начальных слогов структуры

Эта интонация активизирует внимание, подчеркивает взаимосвязь явлений. В условиях диалогового общения выражает утверждение, подчеркивает уверенность говорящего, например при сомнении адресата.

ФС ***это ли* + *не* + сущ**. передает усиленное утверждение названного свободным компонентом; произносится с ИК-2. Нейтральная ИК-2 отличается выраженным усилением интенсивности на гласном центра для активизации внимания: *Это ли не успех!* (В данном примере с центром на гласном первого или последнего слова). Возможная здесь модальная реализация характеризуется увеличением длительности гласного центра и усилением словесного ударения. В сочетании с ровным движением тона передает доброжелательность, удовлетворение.

Другая ФС ***мало ли* + *кто* (*что, почему…*) + глаг.** также произносится с ИК –2, обычно с центром на ударном гласном переменного компонента: *Мало ли*

почему опоздАл! Возможно использование модальной реализации ИК-2. Это двувершинная интонация. По сравнению с исходной (нейтральной) ИК-2 она имеет более высокий уровень тона. Высокий уровень тона начинается на ударном гласном первого слога и держится до слога, выделенного центром ИК-2. Модальная реализация передает недовольство, несогласие с собеседником. По контуру эта реализация сближается с ИК-5, но отличается от ИК-5 меньшей длительностью выделенных слогов.

ФС ***где,* (*куда*) + кому + инф**. также может произноситься с ИК-2 или с ее модальной реализацией, при которой «возникают дополнительные оттенки удивления, возмущения, недовольства, упрека» [Муханов 1989: 46–47], усиливающие значение невозможности действия, ср.: *Куда мне все это съесть! Это огромная порция, я столько никогда не ем.*

ИК-5 выражает разнообразие оттенков высокой степени проявления признака. Например, *Какой он певец*! (‘Он замечательный певец, я восхищаюсь его голосом’). Однако то же предложение, произнесенное с модальной реализацией ИК-5, которая характеризуется плавным восходяще-нисходящим тоном на гласном первого и второго центров, передает иронию при отрицании: *Какой он певец! Он фальшивит, не берет некоторые ноты* (‘Он плохой певец. он не певец’)

Для выражения субъективно-модальных значений активно используются синтагматическое членение и его варианты, передвижение интонационного центра, пауза. Так, ФС, состоящие из нескольких компонентов, могут быть разделены на две и более синтагм, каждая из которых имеет свой интонационный центр и тип ИК. С помощью синтагматического членения и передвижения интонационного центра выделяется тот или иной компонент. Например, предложение *Вот праздник, так праздник* можно произнести без синтагматического членения с центром на последнем слове, а можно выделить две синтагмы, и интонационно оформить каждую, причем здесь возможна вариативность типов ИК. Например:

2 2 *3* *2*

Вот мастер / так мастер; Вот мастер / так мастер;
3 2 3 2
Вот мастер / так мастер; Что за прелесть; Что за прелесть; Что за
6
прелесть!
5/7 2 2
Какой так прочитал; Мне ли не удивляться; Мне ли не удивляться.

В других случаях для наиболее точного выражения своего субъективного отношения говорящий использует передвижение интонационного центра, например: *Нет бы мне позвонИть ей заранее!; Нет бы мнЕ позвонить ей заранее!; Нет бы мне позвонить ей зарАнее!*

Если вернуться к различительным возможностям интонации в ФС, то можно дополнить сказанное ранее следующими замечаниями. Иногда даже при неоднозначности значения ФС интонация может не служить средством различения значений. В таких случаях вступает в действие широкий контекст, например, предложение *Работать так работать* может передавать разные значения, без изменения интонации: 1) – *Работать так работать! Нарушать обещание не будем. 2) Чего же мы ждем? Хватит разговаривать. Работать так работать! Не будем терять времени 3) Ребята, смотрите, работайте добросовестно. Чтобы весь сад стал чистым и красивым. Одним словом, работать так работать!. Гости приедут. А вечером на речку все вместе пойдем*

Этот пример подтверждает справедливость мысли о том, что в формировании субъективно-модальных значений «большую роль играет взаимодействие предложения с предшествующим или последующим текстом» [Брызгунова 1980: 231].

Различительная функция интонации проявляется в тех случаях, когда фразеологичность структуры ослаблена, где идиоматичность связи компонентов не так очевидна и просматривается связь с близкой свободной структурной схемой. Такова модель ***какой*** **+** ***это*** **+ сущ**. (примеры были рассмотрены ранее).

Кроме названных интонационных средств при выражении субъективно-модальных значений используются также некоторые артикуляционно-

акустические свойства звуков: придыхание, способ соединения согласного и гласного, смычка голосовых связок в начале гласного. Так, придыхание шумных согласных может явиться средством усиления презрения:

h h
Тоже мне, поэт!» [там же: 232].

Более подробные сведения об интонации ФС содержатся в [Русская грамматика 1980. Т.II: 89 -90; 99, 118 –119; 231 –236; Брызгунова 1969: 70 –71; 180 – 184; Брызгунова 1984; Муханов 1989а: 200 – 215; 269 –278; 313 – 321; 330 – 341; Муханов 2006].

* * * * *

Таким образом, закономерности интонационного оформления ФС – важный аспект их описания. Оно важно для их правильного произнесения, для передачи различных эмоциональных и экспрессивных оттенков, а также и для передачи из значения. Интонация вместе с синтаксическими и словесными средствами, т.е. моделью ФС и лексическим наполнением ее свободных компонентов, участвует в выражении субъективно-модального значения. При этом используются все интонационные средства.

Для интонационного оформления фразеологизированых структур характерна вариативность, т.е. возможность по-разному произнести одно и то же высказывание. Вариативность обусловлена спецификой их субъективно-модального значения, а также характерными для ФС эмоциональностью и экспрессивностью. Эта особенность затрудняет формулирование четких правил интонационного оформления ФС, что важно для целей обучении, и создает трудности для учащихся при работе над этим материалом.

5. Невербальные средства общения

Процесс коммуникации осуществляется не только через вербальную речь коммуникантов, но и через их невербальное взаимодействие. При этом

используется весь спектр невербальных (паралингвистических) средств: жест, мимика, контакт глаз, поза (кинетика), телодвижение, дистанция (проксемика). Е.А. Земская и Е.Н. Ширяев отмечают, что в коммуникации вербальные средства образуют с невербальными сплав, который становится средством общения. и общение идет по нескольким каналам [Земская, Ширяев 1988: 124]. Таким образом, «коммуникация – это целостно организованная континуальная система, элементы которой не следует делить на центральные и второстепенные, модифицирующие; роль невербальных средств в коммуникативном акте самостоятельна и высокозначима» [Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник, 2003: 444].

Паралингвистические средства сопровождают речевое общение, дополняют его вербальные средства и во взаимодействии с ними обеспечивают оптимально однозначную и экономную передачу, восприятие и декодирование информации при обмене мыслями между людьми, а также делают процесс коммуникации, общения полноценным как содержательно, так и эмоционально, способствуют взаимопониманию коммуникантов.

Изучение и описание особенностей протекания коммуникативного процесса «оказывается неполным, если мы отвлекаемся от невербальных средств» [Андреева 1980: 109]. Не случайно невербальные средства организации речевого взаимодействия коммуникантов привлекают внимание лингвистов, входят в лингвистические исследования: [Колшанский 1974], [Красильникова 1983], [Муханов 1989б], [Акишина, Кано, Акишина 1991], [Крейдлин 2001], [2007], [Костомаров 2010: 346 – 352].

Важнейшим средством неязыковой коммуникации является жест, и смысл, который он несет с собой, тесно связан с общим значением, а также с эмоционально-экспрессивным компонентом содержания высказывания. Жесты выполняют в коммуникативном акте информативную, экспрессивную, а также изобразительную функцию. В современных исследованиях рассматривается связь невербальных средств с эмотивной стороной общения [Сребрянская 2003] и с его стилистическим характером [Костомаров 2010: 346 – 352]. .

Комплексное описание ФС, предпринимаемое в данной работе, включает краткие замечания относительно использования жестов, сопровождающих фразеологизированные структуры при их устной реализации.

Жесты подчеркивают субъективно-модальное значение и экспрессивную окраску ФС; они выступают в сложном взаимодействии с интонационным оформлением ФС. В русской речи наблюдается устойчивая соотнесенность данного жеста с определенным типом ИК. Например, если предложение *Какой он певец!* передает значение “плохой певец”, оно оформляется ИК-7 и может сопровождаться жестом ‘махнуть рукой’; фразеологизм *Что за прелесть,* указывая на положительную оценку произносится с ИК-2 и сочетается с жестом ‘всплеснуть руками”. Высказывание *Ах ты баловник,* передающее осуждение, негативную оценку наблюдаемого неправильного поведения лица, сопровождаемую эмоциональным оттенком осуждения, может сопровождаться жестом “грозить пальцем». Сочетание жеста с вербальной и интонационной сторонами высказывания создает естественный живой коммуникативный процесс. В словарях жестов, к созданию которых в последнее время появился интерес, жесты описываются не только как отражение специфики национальной культуры, но в первую очередь как средство коммуникации [Муханов 1989б], [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001], [Пиз 1992]. Как отметил Аллан Пиз в аннотации с своему словарю, «жесты и движения – это наш второй язык, зачастую более правдивый и действенный, чем первый» [Пиз 1992].

Информация о жестах имеет практическое значение, так как известно, что в разных национальных культурах, во-первых набор жестов, используемых при речевом общении, может не совпадать (например, у одного народа могут отсутствовать жесты, соответствующие определенным смыслам, тогда как в другом языке такая связь существует; например, русские могут использовать жест, который отсутствует в культуре другого народа), а во-вторых, один и тот же жест может нести разный смысл у представителей разных национальностей. «Жесты могут быть универсальными и лингвоспецифичными, в связи с чем возникает проблема межкультурного соответствия жестов: межкультурная

омонимия (одинаковые или очень похожие жесты имеют в разных культурах разные смыслы …) и межкультурная синонимия (один и тот же смысл по-разному кодируется в разных культурах…)» [Культура русской речи: Энциклопедический словарь 2003: 445].

Часть третья

Классификация предложений фразеологизированной структуры

1. Принципы и виды классификаций ФС

Вопрос классификации любых языковых единиц и явлений очень важен, так как это путь к более глубокому их изучению. В основе любой классификации лежит определенный признак (или признаки), объединяющий часть единиц исследуемого множества и противопоставляющий их другим единицам множества. Одни и те же языковые объекты могут классифицироваться по-разному в зависимости от того, какие признаки избираются исследователем в качестве основания классификации, а выбор основания, в свою очередь, обусловлен целями и задачами проводимого исследования.

Классификация ФС важна, во-первых, в лингвистическом плане, так как открывает дополнительные возможности для выявления новых их черт и особенностей, во-вторых, для практических целей, например, для представления данного языкового явления в учебном процессе.

Вопрос классификации ФС пока мало разработан, что обусловлено тем, что они почти не анализировались как отдельная синтаксическая система, или подсистема в общей системе русского предложения. Как уже отмечалось в обзоре, фразеологизированные предложения в основном рассматривались в совокупности с другими синтаксическими построениями, с которыми они объединяются для тех или иных исследовательских целей.

Как особое явление русского синтаксиса фразеологизированные структуры предложений рассматриваются в «Русской грамматике», и здесь представлена их

классификация. Она опирается на структурные особенности ФС и осуществляется на основании параллельного использования признаков двух типов. Во-первых, они делятся по морфологической характеристике лексически закрытого компонента (постоянного компонента, в нашей терминологии), формирующего структуру. Во-вторых, различаются членимые и нечленимые ФС. К первым относятся такие построения, в которых может быть выделен член предложения, по форме и значению совпадающий с подлежащим, или в которые такой член предложения может быть введен. На основании этих двух типов признаков выделяются фразеологизированные предложения:

– с союзами:: 1) членимые предложения типа *Люди как люди – Все люди как люди; Все они люди как люди*. и 2) нечленимые инфинитивные предложения: *Нет чтобы(Нет бы) помолчать*;

– с предлогами: 1) членимые предложения типа *Праздник не в праздник* и 2) нечленимые предложения типа *Не до сна;*

– с частицами: 1) членимые предложения типа *Вот голос так голос* и 2) нечленимые предложения типа *Ехать так ехать;*

– с междометиями: 1) членимые предложения типа *Ай да плясун (этот парень)!; Ах она плутовка!; Ох он разбойник*! и 2) нечленимые предложения с междометием *ох* (*уж*): *Ох* (*уж*) *эти мне помощнички*!

– с акцентирующими и местоименными словами: 1) членимые предложения типа *Всем закускам закуска – Селедочка, матушка, всем закускам закуска*!; *Чем не жених*! – *Чем он не жених*! и 2) нечленимые предложения типа *Есть куда пойти*!; *Кто как не он поможет*! *Только и разговоров, что о погоде* и др.[Русская грамматика 1980: 383 – 386].

Эту формальную классификацию использует О. В. Нечаева, рассматривая виды предложений фразеологизированной структуры [Нечаева 2008].

Различаются также ФС, представляющие собой невопросительные предложения (ср. предложения, приведенные выше) и вопросительные: *Что я ему? Что мне до них? До шуток ли ему? Почему бы и не поехать? Как с этим не согласиться?* [Русская грамматика: 391 – 394].

Классификация ФС по формально-грамматическому признаку вполне естественна и обусловлена общей целью «Русской грамматики» – раскрыть. охарактеризовать грамматическую природу описываемых синтаксических структур, показать, что они собой представляют с точки зрения их организации. Приведенная классификация акцентирует внимание на тех компонентах предложений ФС, с которыми связана их фразеологичность и семантика, она помогает осмыслению их структурных особенностей, раскрывает в определенной степени механизм их построения. С другой стороны, сохраняется единый подход к классификации всех простых предложений (и фразеологизированных, и свободных): предложения свободной структуры также делятся в зависимости от морфологического оформления образующих их компонентов.

Вместе с тем, опора на морфологическую принадлежность постоянного компонента как на критерий для группировки структур может вызывать сомнение по следующим основаниям. В самом определении фразеологизированных структур отмечается, что грамматические признаки постоянных компонентов в составе ФС ослаблены или утрачены. Следовательно, нельзя с уверенностью сказать, является ли, например, в высказывании *Нет чтобы помолчать* слово *чтобы* союзом, а в высказывании *Праздник не в праздник в* выступает в роли предлога. Неясно также, к какой группе отнести, например, фразеологизированное предложение *Бывают встречи и встречи,* так как оно формируется с помощью глагола *бывать* и, следовательно не подходит ни к одной из пяти выделенных групп.

Ссылка при классификации на морфологический статус одного из слов, образующих модель ФС, не всегда достаточна, так как нередко модель (точнее, ее постоянный компонент) образует не одно слово, а сочетание слов, представляющее собой единое целое (с грамматической и семантической точки зрения). Так, ФС *Нет чтобы помолчать* относится в «Русской грамматике» к фразеологизмам с союзом, тогда как слово *чтобы* может быть заменено словом *бы*, т.е. частицей (*Нет бы помолчать*), кроме того в модель входит также слово *нет*, которое при этом потеряло свое лексико-грамматическое значение и не

передает отрицания. К какой группе следует отнести высказывания типа *У них только и разговоров, что о погоде,* в которых присутствует частица *только,* а также два союза (*и, что*), причем такая квалификация двух последних слов как союзов сомнительна, если учесть, что здесь эти слова утратили свой грамматический статус. И следует ли в принципе разделять эти два слова, если они выполняют одинаковую, общую роль в составе модели и в формировании фразеологизированного предложения?

Не совсем понятно выделение в отдельную группу вопросительных структур, если они по своей сути и по значению утратили свою вопросительность, переосмыслились в утвердительные, что, кстати, проявляется и в возможности их вариативного пунктуационного оформления – они могут заканчиваться на письме и вопросительным знаком, и восклицательным, и двумя этими знаками.

2. Семантическая классификация предложений ФС

В качестве основания классификации предложений ФС был выбран их общий сущностный, основополагающий признак. Таким признаком для них является значение субъективной модальности: все рассматриваемые ФС обладают этим значением, оно объединяет их в один класс. Основанием для классификации служат конкретные значения и оттенки значения субъективной модальности. Они дают возможность выделения групп и подгрупп внутри класса. Таким образом, наиболее эффективной и целесообразной представляется семантическая классификация: Семантическая классификация имеет значение для более полного теоретического осмысления ФС, так как дает возможность точнее понять их семантическую специфику и назначение в речи. Кроме того семантическая классификация учитывает когнитивный подход к языку, предполагающий опору на семантические универсалии, какими в принципе являются конкретные значения субъективной модальности. Носитель любого языка понимает такие смысловые (понятийные) категории, как оценка, согласие – отрицание, акцентирование, единственность–множественность и т.п. Ориентация на значение

позволяет с самого начала соотносить ФС с речевой ситуацией, в которой они могут использоваться.

Если учитывать практическую сторону предпринятого исследования, то семантическая классификация является эффективным способом организации этого языкового материала для учебных целей. Следует отметить, что в практике преподавания РКИ опора на семантику, на семантические классификации используется при изучении и представлении различного языкового материала

В классификации фразеологизированные структуры класса объединяются в шесть семантических групп, которые передают шесть конкретных общих значений: 1.оценка, 2. согласие-отрицание, 3. модальные значения, 4. единственность-множественность, 5. акцентирование, 6. обусловленность .Структуры каждой группы получают дальнейшую дифференциацию, в результате чего выделяются подгруппы ФС, отражающие дальнейшие, более глубокие связи между структурами группы по основанию большей или меньшей близости. В общем виде классификация имеет следующий вид.

1. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОЦЕНКУ

- ‘положительная оценка’:

(1) ***ай да*** **+ сущ.:** *Ай да помощник! Ай да жена! Ай да Петя! Ай да радость!*

(2) ***всем*** **+ сущ. д. п. + сущ.:** *Всем пирогам пирог! Всем городам город! всем праздникам праздник!*

(3) **сущ. +** ***это*** **+ сущ.:** *Розы – это цветы! Андрей – это спортсмен! Петербург – это город!*

(4) ***чем не*** **+ сущ.:** *Чем не словарь! Чем не отдых! Чем не еда; Чем не герой*!

- ‘негативная оценка’:

(5) ***тоже мне*** **+ сущ. / глаг.:** *Тоже мне город! Тоже мне врач! Тоже мне помог! Тоже мне выступил!*

(6) ***ах ты / он*** **+ сущ.**: *Ах ты озорник! Ах ты шалунья! Ах он хитрец!*

(7) ***ох уж этот / эта, эти мне*** **+ сущ.**: *Ох уж эти мне морозы! Ох уж эта мне работа! Ох уж этот мне Петя!*

- ‘недифференцированная оценка’:

(8) ***вот это*** **+ сущ. /** ***вот так*** **+ сущ. /** ***вот это*** **+ сущ. +** ***так*** **+ сущ.**: *Вот это спортсмен! Вот это день! Вот так ответ! Вот это игра так игра!*

(9) ***ну и*** **+ сущ.**: *Ну и спортсмен! Ну и денек! Ну и красота! Ну и Таня*!

(10) ***что за*** **+ сущ.**: *Что за прелесть! Что за неуважение! Что за сестра! Что за характер! Что за ответ!*

(11) ***какой + это / он, она, они*** **+ сущ.**: *Какой это концерт! Какая она певица! Какие это были дни!*

(12) ***из*** **+ сущ. р. п. мн. ч. + сущ.**: *Из хитрецов хитрец! Из мудрецов мудрец! Красавица из красавиц!*

- ‘нейтральная оценка (соответствие норме)’

(13) **сущ. +** ***как*** **+ сущ.**: *Город как город; Студент как студент!*

(14) **сущ. +** ***и*** **+ сущ.**: *Город и город; Студент и студент*

2. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СОГЛАСИЕ, ПРИНЯТИЕ, НЕСОГЛАСИЕ, ОТРИЦАНИЕ (ЗНАЧЕНИЕ (‘ДА – НЕТ’)

- ‘согласие, утверждение, принятие’:

(15) **инф. / сущ. / прил. / нареч. +** ***так*** **+ инф. / сущ. / прил. / нареч.**: *Работать так работать! Ехать так ехать! Цветы так цветы! Завтра так завтра!*

(16) ***почему бы (и) не*** **+ инф.**: *Почему бы и не поработать! Почему бы и не купить! Почему бы и не помогать*!

(17) **сущ. +** ***есть*** **+ сущ.**: *Праздник есть праздник! Студент есть студент; Учитель есть учитель!*

(18) ***это ли не*** **+ сущ.**: *Это ли не радость! Это ли не удача! Это ли не беда!*

- ‘несогласие, отрицание’:

(19) ***какой / какое там*** **+ глаг. / сущ. / нареч.**: *Какой там прочитал! Какое там отдохнул! Какие там книги! Какое там близко!*

(20) ***когда / где / зачем / что... (же)*** **+ кому + инф.**: *Когда же мне читать! Что же мне читать! Зачем же это читать!*

(21) ***до*** **сущ. р.п. +** ***ли*** **+ кому**: *До театра ли мне! До учебы ли ей! До разговоров ли нам!*

(22) ***что*** **+ кому / для кого + сущ.**: *Что ему театр! Что для него друзья! Что ей наши советы! Что мне деньги!*

(23) ***мало ли что / кто / почему / зачем / когда / какой...*****+ глаг.**: *Мало ли что он сказал! Мало ли почему он не пришел! Мало ли какая будет погода!*

(24) **а) кому + сущ. +** ***не*** **+** ***в*** **+ сущ. в. п. ; б) кому + сущ. +** ***не*** **+ сущ.**: *Ей сон не в сон! Ему радость не в радость! Ей беда не беда!*

3.ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

- ‘необходимость, долженствование’:

(25) ***как не*** **+ инф.**: *Как не помочь! Как не заниматься! Как было не пригласить! Как не обрадоваться!*

(26) кому +*ли* + ***не*** **+ инф.**: *Тебе ли не радоваться! Нам ли огорчаться! Саше ли не быть довольным!*

- **‘**ненужность’:
- (27) **не + инф. + же + (кому)**: Не уезжать же домой! Не переписывать же все заново! Не спорить же мне с соседкой!
- **(28)...не такой / не так.., чтобы…**: Рассказ не такой интересный, чтобы перечитывать его! Мастер еще не такой опытный, чтобы поручать ему эту работу; Это не так близко, чтобы идти пешком;

–‘целесообразность’:

(29) ***нет бы*** **+ кому + инф.**: *Нет бы нам заранее купить билеты! Нет бы отцу спокойно поговорить с Мишей! Нет бы мне одеться потеплее!*

(30) ***хоть*** **+ импер.**: *Хоть меняй работу! Хоть не выходи на улицу!*

- ‘невозможность’:

(31) ***чтобы*** **+ кто + глаг.**: *Чтобы он когда-нибудь опоздал! Чтобы Маша кому-нибудь нагрубила! Чтобы вы увидели его на стадионе или на катке!*

(32) **куда / где + (кому) + инф.**: *Куда ребенку все это съесть! Где мне все это запомнить! Где нам успеть!*

(33) **кому +** ***ли*** **+ инф.**: *Мне ли с ним спорить! Ему ли поступить в консерваторию;*

4. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕДИНСТВЕННОСТИ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ

.

- ‘единственность, ограниченность объекта’:

(34) **у кого / где +** ***только и*** **+ сущ., +** ***что...***: *У студентов сейчас только и разговор, что о каникулах; У нее только и радость, что семья; В городе только и развлечений, что театр;*

(35) **кому +** ***бы*** **+ только + инф.**: *Пете только бы поспать! Ей бы только развлекаться! Детям только бы побегать да пошуметь!*

- ‘множественность, разнообразие объектов’:

(36) ***кто / где / что / какой... + только + не*** **+ глаг.**: *Где только не побывал геолог Степанов за свою жизнь! Каких только животных не увидите вы в этом зоопарке!*

(37) ***...что ни ..., то...***: *У нас что ни день, то какие-нибудь новости! У этого художника что ни год, то выставка; Что ни дом, то памятник архитектуры*;

(38) ***бывают / существуют / есть*** **+ сущ. мн. ч. +** ***и*** **+ сущ. мн. ч.**: *Бывают встречи и встречи! Существуют проблемы и проблемы! Есть друзья и друзья;*

(39) **сущ. + сущ. д. п. +** ***рознь:*** *Встреча встрече рознь! Традиции традициям рознь! Ученик ученику рознь.*

5. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ АКЦЕНТИРОВАНИЕ

(40) ***кто-кто / что-что / где-где / когда-когда..., а...****: Кто-кто, а Илья хорошо знает север! Где-где, а в центральной библиотеке вы найдете этот справочник! Когда-когда, а в январе снега много;*

(41) ***на что.., и то / и тот, и та, и те...***: *Уж на что мастер, и то не смог починить эти часы; Уж на что старожилы, и те не помнят такого жаркого лета! На что летом, и то здесь прохладно;*

(42) ***...не + где-нибудь / кто-нибудь / не что-нибудь, а...***: *Мы учимся не где-нибудь, а в университете! Степан Петрович не кто-нибудь, а музыкант! Таня занимается не чем-нибудь, а фехтованием;*

(43) ***…, так это…***: *Но кто больше всех обрадовался его победе, так это родственники и друзья! Девочка растет умной, смышленой, а что самое приятное, так это то, что она добрая и отзывчивая! Чего нам не хватает, так это порядка!*

(44) ***кому / кто / чем / когда... + как не*** **+ инф. / глаг.**: *Кто как не родители больше всего заботятся о своих детях! Где как не на море можно хорошо отдохнуть*!

6. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

(45) **сущ. + сущ. т. п. + *а...***: *Дела делами, а отдохнуть тоже надо! Дружба дружбой, а служба службой! Лекции лекциями, но и самому приходится много заниматься*;

(46) **инф.-*то* + кто + *(не)* глаг., *а / но* (*зато*)**: *Приехать-то брат не приехал, но телеграмму прислал; Отдохнуть-то в праздники я не отдохнул, но зато статью закончил! Приходить-то Настя приходила, но всего на полчаса;*

(47) ***стоит / стоило* + кому + инф. + *как...***: *Стоит ему уехать из дома, как он начинает скучать; Стоило мне позвонить ему, как он приехал; Стоит выпасть первому снегу, как в парке появляются лыжники;*

(48) ***добро бы..., а то...***: *Добро бы фильм был интересный, а то второсортный детектив; Добро бы место было красивое, а то ни леса, ни речки; Добро бы день был хороший, а то ведь холодно и вот-вот пойдет дождь*;

(49) ***...да что там...***: *Эту работу за неделю, да что там за неделю, – за месяц не выполнишь! Я ей завтра же, да что там завтра, – сегодня вечером отвезу эти книги*.

3. Вопрос о границах класса

Вопрос о выделении точного списка фразеологизированных синтаксических структур, о границах этой синтаксической подсистемы пока не решен однозначно, что обусловлено как субъективными (внешними), так и объективными (внутренними) причинами. К субъективным относится недостаточная изученность явления синтаксической фразеологии, недостаточная разработанность критериев, по которым структура квалифицируется как фразеологизированная. К объективным причинам относится сложность, неоднозначность самих фразеологизированных синтаксических структур.

Анализ материала показывает неоднородность структур с точки зрения степени их фразеологизированности, и поэтому в отношении некоторых из них возникает вопрос, являются ли они фразеологизированными в полном смысле.

Таковы, например, построения типа *Есть что почитать! Нечего смотреть! Не спорить же с другом! Деньги на то и деньги, чтобы их тратить* и т.д. Разная степень фразеологизированности структур объяснима. Каждая из них прошла в языке свой путь, для каждой структуры потребовался свой временной отрезок, чтобы оформиться и закрепиться в языке. Они различаются исходным материалом, на основе которого сформировались. В одних случаях мы наблюдаем необъяснимое соединение, сцепление отдельных компонентов, в других случаях это переосмысление свободной структуры; в одних случаях имеет место полная утрата грамматических признаков и лексических значений слов, образующих постоянный компонент, в других – только их ослабление и т.д. ФС в разной степени «ушли» от свободных структур, и признаки фразеологичности, названные в определении, проявляются у них в разной степени.

Например, высказывания модели ***тоже*** **+** ***мне*** **+ сущ.** (*Тоже мне город!*) представляют собой чистые фразеологизированные построения, так как полностью отвечают критериям, названным в определении: связи между компонентами необъяснимы с точки зрения действующих синтаксических правил, словарные, прямые лексическое значение компонентов *тоже* и *мне* практически утрачены. В высказываниях модели ***какой*** **+** ***там*** **+ глаг.** также представлена полная фразеологизированность: вопросительное слово *какой,* в морфологическом отношении аналогичное прилагательному, в свободных структурах по законам грамматики не сочетается с глаголом, кроме того, его форма немотивированно варьируется по роду (*Какой / Какое там прочитал!*) или может заменяться словом *где* (*Где там прочитал!*).

То же можно сказать и о предложениях типа *Хоть бросай работу! Хоть не говори с ней! Нет бы ему позвонить мне! Что ни спектакль – то полный зрительный зал.*

В других случаях деактуализованность, опустошенность компонентов не столь бесспорна. Так, в предложениях модели ***какой*** **+** ***это*** **+ сущ.** слова *какой* и *это*, составляющие постоянный компонент, до определенной степени сохраняют свое словарное значение и грамматические свойства, поэтому они реагируют на

грамматическую форму существительного в позиции свободного компонента, а такжде на его одушевленность/неодушевленность.Ср.: *Какой это праздник – Какие это празднки – Какой это /он певец – Какая это/она певица – Какие это/они певцы.*

В ФС ***уж на что.., и то...***сохраняется грамматическая связь постоянного компонента с переменным по признаку «одушевленность-неодушевленность»: Ср.: *Уж на что старожилы, и то /и те / и они не помнят такой суровой зимы; Уж на что Федор, и то / и тот /и он не смог помочь;* но только: *Уж на что зима, и то здесь теплая.*

Некоторые ФС прозрачны по своему происхождению. Так, высказывания типа *Фонетика есть фонетика; Студент есть студент; Столица есть столица* – это результат переосмысления предложений свободной структуры типа *Фонетика есть наука о звуках, Студент есть учащийся вуза.* Высказывания типа *Какой это певец*!, *Какой это праздник!* также понятны по своему происхождению. Здесь фразеологичность связана с ролью интонации. Изменение интонационного рисунка и подключение эмоциональной окраски меняет свободную структуру на фразеологизированную. В данном случае также можно говорить о переосмыслении свободной структуры.

Язык так сложно устроен и так изменчив, что невозможно разделить отдельные его фрагменты непреодолимыми перегородками. Всегда найдутся факты, явления, по отношению к которым четкие, бесспорные характеристики и квалификации дать трудно, да и не столь обязательно. С этим свойством языка связана одна из особенностей практической грамматики, в том числе и грамматики РКИ, которая в определенных случаях не требует, не предполагает строгой теоретической однозначности трактовок. Важен материал и чистота, полнота его описания в нужном для целей обучения аспекте.

Для квалификации ФС по степени их фразеологичности и соответственно для решения вопроса о границах класса фразеологизированных единиц в синтаксисе, на наш взгляд, можно использовать тот подход, который разработан применительно к лексическим фразеологизмам в классической работе академика

В.В.Виноградова. [Виноградов 1972: 23 – 30]. Его рассуждения о типах лексических фразеологизмов применимы и к синтаксическим построениям. Вслед за академиком В.В. Виноградовым ученые обычно выделяют четыре типа лексических фразеологизмов в зависимости от степени семантической слитности или аналитичности значения: фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения. Это означает, что признается наличие общего класса лексических фразеологизмов в его внутренней неоднородности.

Аналогичный подход к ФС также означает признание общего класса фразеологизированных синтаксических структур как синтаксической подсистемы, которая объединяет построения с разной степенью фразеологичности. При определении принадлежности конкретного построения к числу синтаксических фразеологизмов и степени его фразеологичности мы опирались на принятое определение, в котором выделяем четыре основных признака, по которым квалифицируется каждая конкретная структура. Повторим их еще раз: 1) утрата или ослабленность (в той или иной степени) грамматического значения компонентов; 2) утрата постоянными компонентами прямого лексического значения; 3) отсутствие (или нарушение) традиционных синтаксических связей между компонентами; 4) наличие типового значения, характерного для ФС – субъективной модальности.

Что касается нашего исследования, то мы считаем, что все ФС, включенные в него, отвечают принятым признакам фразеологичности. Представляется разумным и оправданным признание структурной неоднородности ФС, что предполагает гибкий подход к отнесению тех или иных построений к числу фразеологизированных, показывает возможность переходных случаев, допускающих двоякую интерпретацию. Очевидно, имеются и другие синтаксические структуры, которые можно расценивать как фразеологизированные

В плане развития и иллюстрации этой мысли представим далее ряд дополнительных структур, которые, на наш взгляд, также обладают признаками

фразеологичности и потому заслуживают внимания. К числу дополнительных они отнесены потому, что семантически не совсем вписываются в шесть групп, которые образуют предложенную в работе классификацию, поэтому представляется более целесообразным их рассмотрение вне классификации, так как это позволит точнее определить их семантическую индивидуальность. Список содержит пять ФС. Они, как и все остальные ФС, будут подробнее рассмотрены в следующей главе.

Предложения ФС, не вошедшие в классификацию

(1) ***есть куда /кому. / с кем / чего /чему / где …*** **+ инф.** *Есть куда пойти; Есть где отдохнуть; Есть с кем поговорить; Есть чем гордиться;*

(2) ***еще бы*** **+ кому +** ***(не)*****+ инф.** *Еще бы Ирине не волноваться; Еще бы ему не покупать такие книги; Еще бы ей не проспать**;*

(3) ***дался (далось, дались)*** **+ кому +** ***этот /эта / это / эти*** **+ сущ.** *Дался ему этот словарь; Далась ей эта песенка;*

(4) **сущ. +** ***на то и*** **+ сущ.,** ***чтобы…*** *Деньги на то и деньги, чтобы их тратить*

(5) **(*и*) *что* + кому + в сущ. п.п.:** *И что ему в этой машине; И что ей в этом фильме; И что ей в этой шляпке.*

4. Место предложений ФС синтаксической системе и в системе языка

Проведенное исследование показывает, что предложения фразеологизированной структуры представляют собой единый класс синтаксических структур, образующих отдельный сегмент синтаксической системы языка. Они имеют свое предназначение в языке, обладают ярко выраженной спецификой. Вместе с тем они находятся в определенных связях с другими языковыми единицами и подсистемами языка, отвечают тем языковым закономерностям, которые характеризуют язык как систему. Это позволяет квалифицировать ФС как системное явление языка.

Система определяется как совокупность языковых элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенное единство и целостность. Систему характеризуют следующие условия 1) общность признаков, входящих в нее элементов; 2) наличие связей и отношений между элементами внутри системы; 3) наличие связей и отношений данной системы с другими системами [Азимов, Щукин Новый словарь методических терминов и понятий 2010: 274]. Рассмотрим фразеологизированные предложения с точки зрения этих трех аспектов.

1. Все ФС обладают следующими общими признаками, характеризующими их как единое множество.

– Они имеют единый лингвистический механизм зарождения и закрепления в языке.

– ФС имеют единую формально-структурную организацию: в их основе лежит модель, включающая компоненты двух типов – постоянные и переменные. Они отчасти воспроизводятся (как фразеологизмы), отчасти строятся (как синтаксические единицы) Ср.: (1)*Тоже мне город; Тоже мне праздни;. Тоже мне помощник; Тоже мне выступил* (2) *Хоть меняй работу; Хоть не говори ей ничего; Хоть садись на диету.* Другими словами, все они обладают сущностными признаками предложения и в то же время характеризуются фразеологичностью.

– ФС характеризуются единством семантической организации – они предназначены для выражения значений субъективной модальности.

2. Отдельные ФС внутри класса существуют не изолированно, а лишь в противопоставленности другим единицам системы. Внутренние системные связи ФС наиболее отчетливо и разнообразно проявляются при рассмотрении их с точки зрения их семантической и функциональной значимости. Если значение субъективной модальности объединяет их в класс, то конкретные значения субъективной модальности, свойственные каждой ФС, противопоставляют их друг другу и позволяют представить это множество как организованную структуру, имеющую внутренние связи. Эта структура представлена в семантической классификации.

Разработанная нами классификация представляет шесть семантических групп фразеологизированных предложений, каждая из которых получает дальнейшую семантическую дифференциацию. Так, группа ФС со значением оценки включает четыре подгруппы, а в подгруппу ‘положительная оценка’ входит четыре ФС, каждая из которых индивидуальна в семантическом и функциональном отношении.

Каждая ФС находит свое место в семантической системе, сближаясь с одними ФС, входя с ними в одну подгруппу, и противостоит другим, семантически более отдаленным. Всего класс фразеологизированных предложений образуют свыше пятидесяти структур, и каждая предстает как имеющая свою индивидуальность и уникальность. В совокупности все они отражают категорию субъективной модальности в богатстве ее конкретных значений и оттенков.

– Между отдельными ФС устанавливаются семантические связи по признаку синонимии, антонимии. Так, пары ФС, представленные высказываниями *Что за характер – Ну и характер*; *Лес как лес – Лес и лес, –* синонимичны, а пары высказываний *Всем цветам цветы – Тоже мне цветы* и *Ай да мастер! – Тоже мне мастер!* демонстрируют антонимичные структуры.

– Некоторые ФС характеризуются неоднозначностью, например, высказывание *Гулять так гулять* может означать принятие, согласие, побуждение к началу осуществления названного действия или желание, стремление осуществить действие в наилучшем его проявлении .

– Тонкие семантические различия между ФС одной семантической группы, позволяют передать то или иное значение с нужной точностью. Например, давая отрицательный ответ на вопрос *Ты прочитал роман*?, говорящий может использовать одну из следующих ФС в зависимости от своего коммуникативного намерения: (1) – ***Какой там прочитал****! Только начал;* (2) – ***Когда мне было читать.*** *Времени не хватает;* (3) – ***А что мне чтение,*** *я лучше фильм посмотрю;* или (4) – ***До чтения ли мне****! У меня скоро экзамен по физике.*

3. Для системы характерно также неразрывное ее единство с внешней средой, во взаимоотношении с которой она проявляет свою целостность. Любая система может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка.

Внешние связи класса ФС проявляются в его соотнесённости с другими синтаксическими подсистемами и с другими подсистемами языка. При этом акцентируются целостные свойства ФС как системы. Внешние связи ФС получают более глубокое освещение при опоре на идеи и принципы, характерные для научной парадигмы современной лингвистики

– На основании стилистической прикрепленности, эмоциональности и экспрессивной окраски ФС сближаются с системой структур и синтаксических построений, характерных для устной разговорной речи, противопоставляясь при этом синтаксическим построениям научной и официально-деловой речи.

– На основании семантической характеристики ФС сближаются с другими языковыми средствами выражения субъективной модальности, например. со стационарными предложениями и специфическими фразеологизированными оборотами (*О чем разговор!; Ну, уж я им покажу!; Как тебе не стыдно!; Делать мне больше нечего!; Вот еще!; Еще бы; Вот уж нет!*) [Матевосян 2005], [Володина 2008]. При этом общее значение субъективной модальности в классе ФС получает свою специфическую окраску.

– Идея антропоцентризма языка побуждает исследовать его в связи с человеческой личностью, которая проявляется в нем во всей сложности, разнообразии и богатстве. Появилось стремление выделять, изучать интересные с этой точки зрения языковые единицы и явления, и в этом плане фразеологизированные построения – привлекательный объект, так как по своей семантике они связаны с эмоциональной и интеллектуальной сферой человека, и таким образом сближаются с другими языковыми средствами, отражающими особенности человек как говорящей личности.

– Направленность современной лингвистики на исследование языка как средства общения делает актуальным выделение и изучение языковых средств, непосредственно используемых в процессе общения и специфических для него.

ФС характеризуются особым предназначением в языке и в речи. Они выполняют в речи фатическую функцию, на основании чего связаны с другими синтаксическими построениями и шире – с языковыми средствами, выполняющими аналогичную коммуникативную роль. При этом фатическая функция ФС имеет свою специфику: они используются в содержательной части коммуникативного текста, и способствуют продвижению процесса общения, углубляют его, способствуют его динамическому развитию. Другие группы контактных средств выполняют иные роли, например, организуют, регулируют процесс общения (ср. стереотипные выражения, оформляющие интенции участников общения: *в начале разговора стоит сказать ..; я другого мнения ..; хочу добавить к сказанному..; все это так, но..; однако вернемся к нашей теме* и т.п.) или обрамляют процесс коммункации (ср. средства речевого этикета).

– ФС находятся во взаимосвязи с предложениями свободных структур. ФС, будучи противопоставленными им по признаку «сообщение – общение», тем не менее тесно связаны с ними на основе других грамматических предложенческих характеристик:

1) характеризуются категорией предикативности и грамматической парадигмой;

2) имеют регулярные реализации;

3) при устном воплощении получают свое интонационное оформление;

Приведенные характеристики ФС дают основание рассматривать класс ФС как отдельный самостоятельный сегмент синтаксической системы русского языка. Именно так квалифицируются ФС в Академической грамматике 1980 года. Подтверждением является то, что «свободность – фразеологизированность структуртной схемы» используется в ней в качестве критерия для дифференциации структурных схем простого предложения. «В «Русской грамматике» принята классификация, в которой первичным основанием является деление на схемы свободные и фразеологизированные» [Русская грамматика 1980: 93]. Эта дифференциация последовательно проводится при дальнейшем рассмотрении простых предложений. В общей системе простых предложений

выделяется две подсистемы: невопросительные предложения, где отдельно рассматриваются предложения, строящиеся по свободным структурным схемам, и фразеологизированые предложения, см. схему в [Русская грамматика 1980: 97] и вопросительные предложения, где также проводится разграничение предложений свободных и фразеологизированных структур.

Таким образом, класс ФС живет в связях с другими подсистемами языка. Он не случаен в языке, он занимает в его системе свое место, выполняет определенную функцию, взаимодействуя с другими подсистемама или классами, группами языковых средств. Системность ФС, проявляющаяся широко и разнообразно, свидетельствует о больших возможностях использования ФС в процессе общения, об их высоком коммуникативном потенциале.

Часть четвертая

Функционально-коммуникативный аспект исследования предложений фразеологизированной структуры

Современная лингвистика осознает необходимость и перспективность изучения языка в более широком контексте, чем это делалось в недавнем прошлом. Это обусловлено характерным для нее переносом внимания с устройства языка, организации его системы на особенности его функционирования.

Для современной лингвистики с ее функционально-коммуникативной направленностью залогом последовательности и объяснительной силы исследовательских построений «служит комплекс взаимодействующих характеристик языкового явления – формы, значения и функции» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 26]. Поэтому следующий этап исследования ФС – показ их функционирования в речи, их функционально-коммуникативная характеристика.

Функции языковых единиц, как уже отмечалось, отличаются от их семантики, их значения. «Значение представляет собой знаковое содержание формы, ее системно значимое внутреннее свойство;…значения грамматических

форм относятся к содержательной стороне языка и включаются в понятие языкового строя. Что же касается функции, то ее реализация в речи может представлять собой цель употребления того или иного средства или комплекса средств, выходящую за пределы языка» [Бондарко 1984: 31 – 32]

Функционально-коммуникативное описание должно дать представление о языке как о коммуникативной системе, в которой каждая языковая единица рассматривается с точки зрения ее функционирования, использования в речи, и все они находятся между собой в определенной взаимосвязи для совместного участия в обеспечении коммуникации. Другими словами, здесь решается вопрос не о том, как устроен лингвистический объект, а о том, каково его назначение, каковы особенности его использования при общении. Описать функционирование языковых единиц – это значит описать их “жизнь”, описать их в действии.

Условия функционирования языковых единиц различны и зависят от их характера. Для некоторых они будут довольно простыми, прозрачными, логически связанными с их грамматической характеристикой и семантикой. Для других языковых единиц правила функционирования являются более сложными и включают совокупность обусловливающих факторов. Например, чтобы избежать коммуникативной неудачи при употреблении существительных *старуха*, *старушенция* и *старушка,* казалось бы, простых по значению и близких сочетаниям *старая женщина, пожилая женщина,* требуется тонко чувствовать специфические черты ситуации, в которых они возможны и будут уместны.

Функционально-коммуникативный аспект особенно важен для таких языковых явлений, которые характеризуются маркированностью. К ним относятся стилистически окрашенная лексика, слова со стилистически окрашенными словообразовательными компонентами, лексические фразеологизмы, синтаксические построения, связанные с определенной сферой употребления. Приведенный пример иллюстрирует это положение.

Что касается предложений ФС, то для них показ речевых и коммуникативных характеристик, определяющих условия их правильного использования, не менее, а даже более важен, чем для других фразеологических

единиц. Ср. ошибочное включение ФС в речь: (1) *Вчера я посмотрела новый немецкий фильм.* ***Чем не фильм!;*** (2) – *В чудесном парке мы побывали с вами вчера, правда? – Да!* ***Что ни скульптура, то очень интересная.*** Рассмотрение особенностей функционирования ФС позволит выделить комплекс ориентиров, показывающих, когда и как можно употребить ту или иную фразеологизированую структуру.

Основными положениями, на которых строится описание функционирования ФС, являются следующие.

– Так как функционирование связано с выходом ФС в речь, этот аспект описания осуществляется путем описания речевой ситуации, в которой используется ФС.

– Функционирование с содержательной точки зрения предполагает анализ смысловой, содержательной структуры речевой ситуации. Речевая ситуация включает цепочку смысловых звеньев, логически связанных между собой. ФС выступает одним из смысловых звеньев речевой ситуации /текста.

– Речевая ситуация при ее вербальном оформлении реализуется в широком контексте или тексте. Следовательно, важное значение имеет описание взаимосвязи ФС и текста.

– Текст понимается не только как монологическое, но и как диалогическое построение, и анализ структуры диалогического единства важен, что обусловлено тем, что диалог – наиболее типичная сфера функционирования ФС. В то же время анализ монологической речи в плане ее логического и смыслового построения и развития позволяет выявить закономерности вхождения в нее ФС.

– Отдельные смысловые компоненты речевой ситуации /текста могут оставаться вербально невыраженными, например, в случае устного общения, поэтому рассматривать поведение языковых единиц в общении необходимо с учетом особенностей ситуации реальной действительности, т.е. в широком социальном контексте.

– Функционально-коммуникативный анализ использует современные направления и принципы исследования языка, составляющие современную

лингвистическую парадигму. Это прагматика и связанная с ней теория речевых актов, когнитивная лингвистика, социолингвистика и др.

– Прагматика учитывает следующие моменты: потребности говорящего как коммуниканта, что предполагает, в частности, анализ интенциональных значений ФС; особенности адресата; характер отношений между говорящим и адресатом; характер ситуации общения, включая ее экстралингвистические особенности.

– Использование положений когнитивной лингвистики позволяет раскрыть некоторые особенности употребления ФС, обусловленные отражением в них национальной специфики языкового сознания русских.

– Стилевой аспект функционирования определяет стилистические границы и специфику употребления ФС в характерных для них функционально-стилевых разновидностях языка.

– Социокультурный аспект ФС важен, так как ФС более ярко, чем другие синтаксические единицы отражают специфику русской речевой культуры общения и раскрывает определенные черты языкового портрета носителей русского языка.

Важно отметить еще один момент, связанный с анализом функционирования предложений ФС. Как уже отмечалось, языковое значение ФС и функционирование ее в речи, в ситуации общения рассматриваются в работе как разные стороны фразеологизированного предложения. Вместе с тем, эти два аспекта их характеристики тесно связаны между собой, взаимно дополняют друг друга. Мало того, они могут переплетаться. Семантика структуры определяет условия ее функционирования в процессе общения (интенциональное значение, ситуацию общения), а ситуация, условия общения, особенности коммуникантов могут конкретизировать семантические рамки структуры.

Так, в семантике ФС может присутствовать и не выраженная в нем самом информация, которая остается за его рамками, но определяющая семантику окружающего контекста. Во фразеологизированном предложении нередко выражено больше, чем сказано, можно понять больше, чем произнесено. Это подразумеваемый, сопутствующий смысл, образующий его пресуппозицию.

Поэтому при последующем комплексном описании всех ФС мы будем параллельно описывать семантику той или иной ФС и ее функционирование, т. е. совмещать, сочетать эти стороны характеристики (не смешивая их).

Таким образом, функционирование – это многогранное явление, оно проявляется через широкий круг факторов – лингвистических и экстралингвистических.

ВЫВОДЫ

В главе представлены принципы теоретического исследования предложений ФС с целью определения их языковой сущности. Это исследование включает рассмотрения ФС с разных точек зрения, с разных сторон, с целью выявить их формальную, семантическую, коммуникативную природу.

Закономерности формально-структурной организации ФС фиксируются в записи их структуры – ее модели. Сама запись отражает их двойственный характер. Два типа компонентов, лежащих в их основе, фиксируются по-разному: Постоянные компоненты представляются в непосредственном виде, они показывают фразеологизированный характер структуры и ее воспроизводимую часть. Переменные фиксируются через их морфологическое обозначение, указывающее, что они заполняются по усмотрению говорящего и отражают свойство производимости ФС как второй ее сущностный признак.

Для ФС характерна вариативность модели, которая может быть связана как с варьированием постоянного компонента, так и переменного, что также обусловлено их двойственной природой.

Характеризуются особенности построения предложений ФС, связанные с его предикативностью (парадигматические изменения, а также возможность регулярных реализаций).

Второй стороной, определяющей сущность фразеологизированных предложенгий, является определение их семантики. Оно исходит из учета их специфика, их грамматической природы и роли в языке, их предназначенности, а также с ориентацией на современное направление лингвистики, что открывает

путь к более гибкому, объективному решению этого вопроса, побуждает к более широкому взгляду на природу семантики предложения.

Здесь учитывается идея полифункциональности языка. В первую очередь важно различать две основные функции языка – информативную и коммуникативную. В зависимости от того, информативную или коммуникативную функцию имеет в виду говорящий, произнося предложение, различаются предложения информативной семантики и коммуникативной, или фатической. В структуре предложения, в его семантике отражены эти разные предназначения языка; соответственно различаются предложения информативной и коммуникативной семантики.

ФС связаны в первую очередь с коммуникативным, фатическим поведением. По своей семантике ориентированы не на реальную действительность, ее осмысление и отражение в предложении, а на ментальную, интеллектуальную и эмоциональную сферы человека. Они используются в первую очередь для того, чтобы говорящий мог адекватно участвовать в общении, выразить свое отношение в виде рациональной, субъективной, эмоциональной реакции. Поэтому центральная общая категория предложений ФС (предикативность) реализуется как выражение субъективной модальности. ФС по роли, выполняемой ими в общении, предстают как особый коммуникативный тип предложений.

Для предложений ФС выражение субъективной модальности – главная и единственная цель их существования в языке; они в принципе не передают информации о ситуации реальной действительности, а являются для говорящего способом выражения своей реакции на нее, возможностью дать ее интерпретацию. Выражение значения субъективной модальности – общая семантика всех ФС, однако субъективная модальность в семантическом отношении – сложная понятийная категория, она представляет собой сложную комбинацию компонентов разного характера, включающую рациональную, субъективную квалификацию, разные типы эмоционального отношения

говорящего к сообщаемому. Соответственно каждая фразеологизированная структура имеет свое конкретное значение, отличающее ее от других.

Отдельная часть главы посвящена представлению классификации предложений ФС, разработанной в работе. Классификация расценивается как важный этап исследования предложений ФС, как возможность дальнейшего углубления их характеристики.

Классификация осуществляется с опорой на основополагающий признак ФС. Таким признаком является значение субъективной модальности в разнообразии его оттенков. Оно объединяют все структуры и позволяет их дифференцировать. Выделяется шесть групп ФС, которые передают с шесть конкретных универсальных значений Этот принцип учитывает когнитивный подход к языку, предполагающий опору на семантические универсалии.

Семантическая классификация имеет иерархическую структуру. Иерархический характер классификации отражает дальнейшую дифференциацию того или иного смысла. Одни семантические группы включают три, четыре подгруппы, другие – только две, некоторые вообще представлены одним рядом структур, т.е. не имеют дальнейшего деления с семантической точки зрения. Это отражает особенности когнитивного представления в языковых единицах того или иного универсального значения, мыслительного движения.

В связи с классификацией решается вопрос о границах класса.

В последнем разделе главы определяются основные положения, на которых строится описание функционирования ФС: описание речевой ситуации, учет контекста, принципы прагматики, когнитивной лингвистики, социолингвистики и др.

Результаты исследования, представленного во второй главе, позволили сделать следующие важные выводы, подтвердить следующие высказанные ранее предположения.

Во-первых. Предложения ФС представляют собой единый класс: 1) они обладают общими структурно-грамматическими, семантическими, функционально-коммуникативными признаками, характеризующими их как

единое множество; 2) отдельные единицы внутри класса существуют не изолированно, а в системных связях с другими (синонимия, антонимия, многозначность).

Во-вторых. Класс ФС существует в неразрывном единстве с внешней средой (термин А.В. Бондарко), т.е. находится в определенных связях с другими классами языковых единиц и подсистемами языка, которые отвечают тем языковым характеристикам, которые характеризуют язык как систему. Предложения ФС связаны 1) с устной непринужденной речью, 2) с другими средствами субъективной модальности, 3) с другими средствами, отражающими особенности человека как говорящей личности, 4) с другими фатическими средствами, 5) с предложениями свободной структуры. Эти характеристики ФС означают, что предложения ФС – это системное явление языка.

Таким образом, ФС не случайны в языке. Это системное явление языка, они образуют отдельный самостоятельный класс синтаксических единиц, входят в общую систему языка как ее отдельный сегмент, занимают в ней свое место, выполняют свои важные функции

ГЛАВА 3
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

Фразеологизированные предложения составляют самостоятельный класс синтаксических единиц, их объединяет много общих признаков, свойств, связанных с их общей грамматической природой, формально-структурной организацией, семантикой и функциональной предназначенностью. Рассмотрению этой стороны ФС, исследованию их как класса была посвящена вторая глава работы. Однако общие признаки ФС, рассмотренные в ней, объединяющие их в общий класс, находят особое проявление в конкретных фразеологизированных структурах класса. Все структуры индивидуальны, а фразеологичность делает каждую из них уникальной.

Третья глава посвящена комплексному рассмотрению всех ФС класса. Цель главы – выявить специфику каждой ФС, показать ее «лицо» – правила построения, семантическую структуру, условия функционирования, т.е. представить то индивидуальное, что отличает ее от других структур класса.

Данный аспект исследования целесообразен и важен также с практической точки зрения. Важным принципом грамматики РКИ является детальное описание конкретного языкового материала, которое может использоваться в практике преподавания.

Основой анализа и описания каждой структуры послужили те принципы исследования, которые содержатся во второй главе. Последовательность описания ФС соответствует их представлению в разработанной нами семантической классификации. Это определило композицию главы: шесть первых параграфов первой ее части посвящены соответственно шести семантическим группам классификации ФС. В седьмом – описываются дополнительные ФС, которые были представлены во второй главе

Часть первая

Семантические группы предложений фразеолгизированной структуры

1. Предложения ФС, выражающие оценку

Оценка – это семантическая универсалия. Она представлена теми или иными средствами в любом языке. В синтаксисе, как уже отмечалось, различаются структуры, описывающие оценку (например, *Мне нравится эта картина, Это хорошая картина*) и выражающие ее (*Какая картина!; Вот это картина!*). Выражение оценки мы наблюдаем тогда, когда она передается самой структурой, а не лексическими значениями входящих в нее слов.

В анализируемом классе фразеологизированных структур выделяется группа структур, для которых выражение оценки является их типовым значением. Именно такие структуры и составляют объект описания в этом параграфе работы. Они отличаются от таких, в которых оценочное значение является не типовым значением структуры, а сопутствующим, дополнительным семантическим компонентом. Например, структура ***Уж на что.., и то….*** (*Уж на что зимой, и то здесь не бывает сильных морозов*) передает значение акцентирования, но, относясь к структурам субъективно-модального значения, она содержит эмоциональный компонент оценки, который наслаивается на ее типовое значение и создает ее эмоционально-оценочную окраску. Предложение *Где Ване все это запомнить!* передает значение невозможности выполнить действие (*запомнить*), однако в ней в самом значении невозможности прочитывается характеристика того, что предлагается для запоминания как слишком объемного или сложного. Эти и подобные им структуры будут рассмотрены далее, в соответствии с их основным, типовым значением.

Оценка передает мнение о качестве, свойствах или значении, уровне кого/чего-либо относительно определенной ценностной шкалы. Эта шкала строится с учетом определенного эталона, сложившегося в социуме и в принципе принимаемого говорящим (с определенными субъективными особенностями

восприятия), и конкретные свойства названного объекта соотносятся с этими эталонными признаками на предмет соответствия им. Оценка может указывать на то, что свойства объекта: 1) выше эталона (превышают требования эталона), и тогда мы имеем дело с положительной оценкой, 2) не полностью отвечают требованиям эталона или вообще им не соответствуют (ниже нормы), тогда следует говорить об отрицательной или негативной оценке, 3) не содержат отклонений от нормы ни в одну, ни в другую сторону, тогда можно говорить об оценке как о соответствии норме, или о нейтральной оценке. Ценность объекта определяется по признаку «хороший – плохой» либо по степени («высокая – низкая») проявления признака. В соответствии с этим в группе ФС, передающих значение оценки, противопоставляются структуры, выражающие положительную оценку, структуры, передающие негативную оценку и структуры, указывающие на соответствие качеств объекта норме.

Следует отметить также, что некоторые ФС неоднозначны по значению, то есть в зависимости от тех или иных условий они могут передавать и положительную и негативную оценку, что каждый раз проявляется в конкретной речевой реализации фразеологизма. Такие ФС выделяются в отдельную, четвертую подгруппу. Это структуры недифференцированной оценки. Всего выделяется четырнадцать ФС со значением оценки.

Каждая из четырех подгрупп включает не одну, а ряд структур. Структуры каждой подгруппы различаются между собой конкретными семантическими компонентами, оттенками, поэтому каждая структура семантически индивидуальна, неповторима. Отдельные случаи семантической близости фразеологизированных структур рассматриваются специально. См. также [Величко 2013].

Специфика каждой ФС определяется также по тому, что является объектом оценки, и по какому критерию он оценивается. Объектом оценки могут быть конкретные предметы, абстрактные понятия, явления, действия, состояния. Оцениваться может весь объект или отдельные его стороны, аспекты. Основанием оценки являются качества, свойства, постоянно присущие объекту, либо

актуальные для определенного момента времени, характеризующие его внешний облик или внутренние черты. Они дают ответ на вопрос «Какой он?». Оценка может касаться поведения, деятельности, поступков субъекта, вытекающая из его качеств. В данном случае оценивается не то, какой он, а то, «Каков его поступок?» «Каковы его действия?».

Следует отметить, что фразеологизированные конструкции с оценочным значением привлекают внимание исследователей. Так, ряд таких структур делает объектом рассмотрения Н.А. Николина. Она довольно точно оценивает их с точки зрения их фразеологизированности и семантической специфики каждой [Николина 1988]. Я.И. Рословец рассматривает конструкции, в которых дается качественная оценка объекта при одновременном выражении эмоции говорящего [Рословец 1973].

1.1. Положительная оценка

Рассматривается пять структур, выражающих положительную оценку. Первая строится по модели (1) ***ай да*** **+ сущ.** (*Ай да хозяйка!; Ай да помощник; Ай да молодец!*) с постоянным компонентом, состоящим из двух слов – междометия и частицы.

Поскольку в анализируемом классе ФС имеется, кроме этой, еще несколько структур с междометием (Ср.; *Ох уж эти мне морозы; Ах он обманщик* и др), следует сделать ряд замечаний относительно слов этой части речи и относительно их функционирования в предложениях фразеологизированной структуры.

Междометия в системе частей речи занимают особое положение. Они не относятся к знаменательным частям речи и в то же время по своей роли в синтаксической организации предложения значительно отличаются от служебных слов – частиц, союзов, предлогов.

Суть междометий как части речи в том, что они стоят «вне предложения» [Овсянико-Куликовский 1912: 34], «синтаксически полностью обособлены» [Щерба 1974б: 81], не могут вступать в отношения с другими словами предложения. Они вводятся в предложение для выражения чувств, ощущений, душевных состояний и эмоциональных и эмоционально-волевых реакций

говорящего, «где они употребляются вне связи с другими словами (а также и не для связи последних)» [Русская грамматика1980. Т I.: 732]. Ср.: *Ой, как кольнуло!; Ах, годы-годы! Ах, совсем забыла! Ух, устал, сил нет!; Ох, несчастье!*

Междометие, не являясь обязательным компонентом предложения, может быть выведено из него, опущено и при этом само предложение сохраняет грамматическую правильность и значение, только исчезает или значительно ослабевает его эмоциональная составляющая, эмоциональная сила. Ср.: *Ой, как кольнуло – Как кольнуло; Ах, совсем забыла! – Совсем забыла!* .

В то же время «Русская грамматика» отмечает возможное для междометий усложнение и расширение их семантических и синтаксических функций, в частности, выделяет случай их функционирования в качестве модального компонента предложения, когда «модальная функция междометия неотделима от общего значения предложения, а междометие – от самой конструкции предложения» [Русская грамматика 1980, Т. I: 735]. К выполнению такой функции «способны только собственно эмоциональные междометия, преимущественно первообразные» [там же]. Таковы предложения: *Ох и красота!*; *Ах она змея!*; *Эх ты житье-бытье!*; *Ой как кольнуло*; *Ну (и) мороз!* и др.

Н.Ю. Шведова еще раньше обратила внимание на подобные конструкции с междометием и на особенность функционирования междометий в них: «В современной русской разговорной речи существуют такие типы предложений т сказуемых, в которых обязательным структурным элементом является непроизводное междометие или неразложимое сочетание такого междометия с частицей или местоименным словом. Изъятие междометия ведет здесь не к изменению эмоциональной и модальной окраски высказывания, а к разрушению данной предикативной единицы как определенного типа синтаксического построения» [Шведова 1960, а также 2003: 249].

Для нас важно признание за междометием роли конструирующего компонента, так как в предложениях фразеологизированной структуры междометие выступает именно в такой функции. Рассматриваемая структура ***ай да*** **+ сущ.** – яркий пример именно такого использования междометия. В ней оно

находится в связи с другими словами– компонентами структуры. Более того, оно выступает конститутивным, строительным компонентом структуры, формирующим ее не только в структурном, но и в семантическом отношении. В составе фразеологизированных структур изъятие междометия (в данном случае. междометия *ай*) разрушает структуру предложения как построения особого типа.

Использование междометий в позиции элемента идиоматизированной грамматической конструкции (фразеосхемы) отмечает А.И Шаронов [Шаронов 2008; 49 –51].

С этой специфической функцией междометия связан также интонационная его характеристика. В предложениях свободной структуры, включающих междометие, когда оно используется как дополнительный, факультативный компонент предложения для выражения чувств или эмоциональных и волевых реакций, оно интонационно выделяется (как отдельная синтагма), после междометия обязательна хотя бы небольшая пауза. Соответственно на письме после междометия в таком предложении ставится запятая, которая соответствует паузе при устной реализации высказывания: *Ах,* (/) *совсем забыла*. В высказываниях фразеологоизированныых структур междометия «не имеют синтаксической изолированности и самостоятельного интонационного контура» [Шаронов 2008; 51]. Так, рассматриваемой структуре ***ай да*** **+ сущ**., (а также в других ФС анализируемого класса), оно интонационно не выделяется, произносится слитно с частицей *да,* и интонационный центр падает на существительное.

Различное использование запятой, отражающее различие в интонационном оформлении высказываний, подтверждает мысль Н.И. Жинкина о том, что интонация «слышна» и в письменном представлении высказывания, что читающий должен почувствовать («вычитать») эту интонацию, чтобы правильно понять содержание предложения, текста, а пишущий должен правильно «распорядиться» запятой, чтобы его поняли [Жинкин 1955: 148-149].

В предложениях ФС междометие, получают другие синтаксические свойства, в силу чего трудно отнести их к классу междометий, они функционируют здесь как частицы,

Вернемся к анализу структуры **ай да + сущ**. Она выражает положительную оценку действий, проявлений объекта. Предложения этой структуры означают, что данный объект в определенное время хорошо проявил себя, сделал что-то полезное или правильное, приятное. При этом имеется в виду не оценка его самого с точки зрения его внешних данных или нравственных качеств личности (‘хороший’, ‘умный’ ‘красивый’, ‘добрый’ и т. д.). Речь идет не о нем самом, а о его действиях, поведении, проявлении им положительных качеств (а не об их наличии). Структура обычно используется как непосредственная положительная реакция на действия, проявления объекта. Говорящий выражает свою оценку сразу после того, как сам наблюдал проявление положительных качеств объекта, почувствовал положительный результат его действий или услышал о них от другого (от собеседника): *Ай да Петя! Опять порадовал бабушку.* Экспрессивность структуры связана с тем, что это похвала, возникшая у говорящего внезапно, неожиданно для него, как бы «вырвалась» у него.

Словарь отмечает возможность использования этого междометия «для выражения удивления, восхищения, одобрения**:** *Ай парни, ай молодушки. Умеют торговать* (Некрасов Кому на Руси жить хорошо)», а также выделяет фразеологизированное «выражение ***ай да…(***со значением ‘вот так’): *Даша до глаз закуталась в меховой воротник. Кто-то, перегоняя, проговорил ей над ухом: – Ай да глазки!* (А Толстой. Сестры)» [Словарь русского языка: в четырех томах. Т I: 27]. Однако не акцентируется внимание на том, что в обоих случаях значение создается не одним междометием, а именно в соединении его с существительным, т. е. в высказываниях, реализующих анализируемую ФС ***ай да* + сущ.**

Чаще объектом оценки является лицо: *Ай да сестра! Ай да Петя! Ай да помощник!* В то же время реакция относительно неодушевленного объекта возможна, если говорящий ощутил, испытал, почувствовал на себе действие объекта. Воздействие объекта может быть в том числе зрительным или вкусовым

или интеллектуальным и в то же время экспрессивно-эмоциональным. Ср. текст рекламы марки пива: *Ай да пиво! Ай да «Красный Восток»!*

Говорящий может использовать данную ФС также в том случае, если он о положительных свойствах объекта и его благотворном воздействии знает не из своего опыта, а просто хорошо осведомлен или наслышан. Ср. фрагмент газетной заметки, автор которой использовал данную ФС в качестве заголовка.

Ай да облепиха!

Облепиха едва ли не единственная ягода, которая не теряет аскорбиновую кислоту во время хранения. Этого витамина, защищающего наш организм от простуд и инфекций, много не только в плодах, но и в листьях растения. Листья облепихи богаты еще и биофлавоноидами.

Имеются лексические ограничения для существительных, заполняющих позицию переменного компонента. Так, для высказываний этой структуры нехарактерны существительные, обозначающие то, что не может непосредственно воздействовать на ощущения, не может вызывать связанного с воздействием экспрессивного отношения. Ср. сомнительное: *Ай да дом! Ай да подоконник!* Для подобных предложений обязателен специфический контекст, указывающий на то, что говорящий испытал непосредственно на себе результат воздействия. Например, хозяин, если он сам отремонтировал и покрасил подоконник, построил дом или после многих лет вернулся к старому дому и увидел дом по-прежнему красивым, не разрушившимся, выстоявшим, то может воскликнуть, используя названные предложения. Если же увидел подоконник где-то и не имеет никакого отношения к его сооружению и отделке, то такое восклицание, скорее всего, не подойдет. Здесь уместнее сказать: *Какой подоконник! Ну и подоконник! Вот так подоконник*!, что связано с тем, что последние фразеологизмы оценивает внутренние/внешние качества, свойства, присущие объекту, а не проявление или результат воздействия его деятельности.

В этой связи показательна текстовая ошибка учащегося, который неточно употребил эту структуру в : **Ай да Рига! Там хорошие соборы.* Текст не очень естественный, так как оценивается не лицо, а конкретный город. и нет указания в

тексте на то, что город Рига каким-то образом воздействовала на говорящего. Более естественным был бы контекст, где Рига как-то «персонифицируется», представляется как действующая, воздействующая: *Ай да Рига! Все так же хороша! Как порадовала нас своими древними соборами!* («порадовала» содержит компонент “воздействовала”). Именно поэтому из неодушевленных существительных чаще используются существительные со значением вещества, которые могут воздействовать на чувства, на вкус, осязание, обоняние (говорящий может как-то ощутить, почувствовать их воздействие, влияние): *Ай да мед! И в голову, и в ноги так и бьет!* Ср также приведенное выше *Ай да пиво!*

Еще одно замечание относительно лексического наполнения свободного компонента. Так как главное – положительно оценить воздействие, проявление, результат, качество выполнения действия, то довольно активно используются слова, никак не характеризующие, а лишь называющие лицо или объект Ай *да Миша!; Ай да сестра!; Ай да Иванов!; Ай да груши!* В то же время возможны слова, в своем лексическом значении содержащие оценочность: *Ай да помощник! Ай да смельчак! Ай да герой, Ай да повар*. В этих словах имеется указание на характер действий или результат деятельности, которая вызвала положительную реакцию говорящего (‘хорошо помог’, ‘проявил смелость’, ‘вкусно приготовил’): Оценочное слово может быть более широкого плана, без указания на конкретный характер деятельности: *Ай да молодец! Ай да умница!*

Обычно высказывания этой структуры передают оценку собеседника или третьего лица. Использование ее говорящим для самооценки, положительной оценки самого себя нехарактерно, однако если встречается, то говорящий избегает личного местоимения первого лица (высказывание *Ай да я!* звучит неестественно или употребляется специально и сопровождается шутливо-ироническим эмоциональным налетом) и называет себя по имени, как бы оценивает себя со стороны. Ср. классическое: *Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!* Это фраза самого Пушкина из его письма своему другу П. Вяземскому, в котором он описывает свою реакцию, свое впечатление от прочтения только что написанного «Бориса Годунова» вслух самому себе. Здесь точно отражается и

семантика высказывания данной ФС (возглас, которым выражается радость от удачно выполненной работы, блестяще реализованного замысла и т. д.) и ситуация употребления, когда говорящий читает вслух и сам является и объектом оценки, и оценивающим лицом). В данной случает такое употребление характеризуется как шутливо-разговорное.

Данное конкретное выражение, реализующее ФС ***ай да* + сущ.** оказалось настолько удачным, что стало использоваться в соответствующих ситуациях общения как крылатое выражение, и зафиксировано в словаре, см. [Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка 2008: 50]

Встречаются реализации модели с пропуском частицы *да,* если контекст четко указывает на положительную оценку: [Городничий:] – *Что за черт! в самом деле!* (Протирает глаза:) *Ах, батюшки, целуются! Точный жених!* (Вскрикивает, подпрыгивая от радости:) *Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вот как дело-то пошло!* (Н. Гоголь. Ревизор).

Парадигма ФС ограничена (ср. неестественность высказываний типа *Ай да Петя был / будет / был бы*), что связано с типовым значением структуры: непосредственное восприятие не может относиться к прошлому или быть ирреальным, предполагаемым.

Среди ФС, передающих оценку, частотны структуры, которые содержат элемент сравнения что обусловлено самой природой оценки как семантической категории. Когда человек хочет оценить, квалифицировать что-либо, он ориентируется на общепринятый эталон или на свой собственный, соизмеряет оцениваемый объект с этим эталоном. Н. Д. Арутюнова отмечает: «Оценка определяет выбор из некоторого ассортимента объектов или альтернатив. Она поэтому неотделима от сравнения. Сравнительная оценка выражает предпочтение, связывающее оценку с деятельностью» [Арутюнова 1988: 7].

Одной из ФС, предназначенных для выражения сравнительной положительной оценки, является структура (2) ***всем* + сущ.д.п. мн. + сущ. им. п. ед.**: *Всем пирогам пирог*! *Всем городам город!* Модель включает повторяющееся существительное, которое сначала выражается формой дательного падежа обычно

множественного числа и называет совокупность, класс предметов, а затем то же существительное стоит в форме именительного падежа и называет конкретный предмет того же класса, который является объектом сравнения. Положительная оценка этого объекта осуществляется через его сравнение с другими представителями данного класса. Говорящий выделяет в оцениваемом объекте наилучшие качества, свойства или отмечает у него наивысшую степень проявления каких-либо качеств и тем самым противопоставляет его другим представителям класса (существительное в форме дат. п. мн. ч.), указывает на превосходство данного объекта по сравнению с подобными. Смысл высказываний можно описать, используя форму превосходной степени: ‘Этот объект лучший (самый хороший) из всех подобных, аналогичных, других, входящих в эту группу’. Так, высказывание *Всем пирогам пирог* означает ‘Это самый хороший (вкусный, красивый) пирог из всех пирогов, которые я знаю, которые я ел’.

Интересны наблюдения над проявлением категории числа существительного в этой ФС. Первое существительное, т.е. первый свободный компонент, обычно используется в форме множественного числа, так как обозначает множество, группу, класс предметов, объектов, с которыми сравнивается оцениваемый объект: *Всем пирогам..; Всем городам…*Однако в ряде случаев возможно использование формы единственного числа. Это характерно для случаев, когда существительное в форме ед. и мн. числа различны по значению или существительное имеет только форму ед.ч. Ср.: *Всей воде вода! Всей рыбе рыба! Всей мебели мебель!* При таких существительных использование формы ед. или мн. числа указывает на различие в смысле высказываний, ср.: *Всей воде вода! –Всем водам вода!; Всей рыбе рыба! – Всем рыбам рыба/рыбина.*

Существительные с особой функцией формы единственного числа не всегда возможны в данной модели. Например, высказывания *Всему вину вино, Всей радости радость; Всей красоте красота, Всему порядку порядок* звучат не очень естественно, тогда как форма мн. ч. делает высказывание правильным: *Всем винам вино; Всем радостям радость, Всем порядкам порядок /порядки* (в последнем высказывании речь идет о правилах деятельности, а не и чистоте в

помещении). Эти примеры показывают определенную закономерность лексического наполнения структуры: существительное с особой функцией единственного числа используется, если обозначает объект (например, вещество или совокупность чего-либо), который осознается или воспринимается как делимый, как имеющий части, отдельные экземпляры, разные виды. сорта, которые могут, противопоставляться, сравниваться, сопоставляться. с точки зрения разнообразия, видов, разновидностей. Существительные, не отвечающие этой семантике, не могут использоваться в этой структуре в форме единственного числа. Таковы, например, существительные *порядок, красота, радость аккуратность, чистота, доброта, честность, любовь*. Например, высказывание *Всему счастью счастье* звучит неестественно, так как счастье не оценивается по шкале качества (‘плохое – лучше – хорошее’) или количества (‘мало, много, самое большое’).

Форма числа местоимения *весь*, образующего постоянный компонент, не остается неизменной в высказываниях этой модели, она обусловлена формой числа существительного. Ср. *Всем словарям словарь – Всей воде вода.* Следовательно, слово *весь* не утратило лексического и грамматического значения полностью. Эта особенность его функционирования в данной структуре говорит о степени ее фразеологичности.

Следует отметить также, что второе существительное, называющее оцениваемый объект, может использоваться не только в форме единственного числа, но и мн.ч., если это семантически мотивировано. Например, в высказываниях *Всем пирогам пирог* и *Всем пирогам пироги* использование форм *пирог* и *пироги* указывает, оценивается ли один общий пирог или порционные, маленькие пироги. В высказывании *Всем арбузам арбузы* оценивается данный сорт или партия арбузов (Например: *Арбузы в этом году уродились замечательные. Всем арбузам арбузы!; Я больше всего люблю астраханские арбузы и именно их выращиваю. Всем арбузам арбузы!*). В высказывании *Всем арбузам арбуз оценивается* один особенный экземпляр (Например: *Какой замечательный арбуз мы ели вчера Сладкий и сочный. Всем арбузам арбуз!*). Ср.

также: *В этом лесу часто попадаются белые грибы. Это всем грибам грибы! – Я нашла большой, крепкий, красивый подосиновик. Всем грибам гриб!*

В форме множественного числа используются также те существительные, у которых форма единственного и множественного числа семантически различаются, ср.: *Всем порядкам порядки; Всем курсам курсы*.

Значение положительной оценки в высказываниях рассматриваемой ФС может характеризовать объект не только по признаку «хороший, качественный», но и с точки зрения степени проявления качества, признака. Этот вариант значения проявляется при использовании в позиции переменного компонента существительного со значением характеристики лица или отвлеченных существительных с оценочным значением.: *умница, красавица, удовольствие*: *Всем умницам умница; Всем удовольствиям удовольствие.*

В высказываниях с этим вариантом значения могут использоваться и существительные негативной оценки: *лентяй, бездельник*, *урод, глупец, глупость беда* и под.: *Всем лгунам лгун! Всем обманщикам обманщик; Всем глупостям глупость!*

Еще одна ФС со значением положительной оценки с оттенком сравнения строится по модели (3): **сущ. + *это* + сущ.**: *Розы – это цветы; Петербург – это город!; Волга – это река!* Конститутивным компонентом является связка *это*, соединяющая два разных по значению существительных в форме именительного падежа. Первое существительное называет оцениваемый, сравниваемый объект, а второе – род объектов, к которому он относится как его вид. Оценка объекта осуществляется через сравнение названного вида объектов с другими видами объектов этого рода, т.е. устанавливаются родо-видовые отношения. Цель структуры подчеркнуть, что объект полностью соответствует признакам данного рода предметов или обладает лучшими, эталонными признаками, то есть является лучшим, достойным представителем рода. Смысл ФС передается с помощью конструкций ‘лучший из данного рода’, ‘вполне соответствует требованиям рода’, ‘достойный представитель рода’. Так, приведенные выше высказывания

означают: *‘Розы – лучше всех других цветов’; Петербург – это, конечно. настоящий, лучший город; Волга – настоящая, полноценная река.*

Приведем контексты функционирования высказываний этой структуры: – *Не смейте обвинять девушку, что она плохо знает свою профессию. Ей всего 19 лет. И естественно, что она несколько легкомысленно относится к учебе. – Нет, не будем восхвалять современный инфантилизм.* ***19 лет – это возраст.*** *И когда-то наступает время, когда надо сказать «надо»* (из телепередачи); – *Любишь ты этого Островского. А прежде об нем не слыхать было.* ***Хмельницкий – вот был сочинитель****… – Я знаю. Бабушка* (П.Боборыкин. Китай-город).

Встречается свободная вариация структуры, когда сравниваемый объект и существительное, называющее род, к которому объект принадлежит, находятся в разных предложениях или в разных частях сложного предложения, связанных причинной обусловленностью или уступительными отношениями: *Десять тысяч рублей… Как раз столько истратил Третьяков на одну картину «Боярыня Морозова». Так ведь это и картина; Полторы тысячи рублей стоит букет роз, так это же и цветы!* ФС в сочетании с частицами *так, ведь, же* используется как обоснование, причина действия (заплатил десять тысяч), а частица *и* используется для усиления положительной оценки (‘Третьяков много заплатил, но зато это настоящая картина’; ‘Третьяков много заплатил, потому что это настоящая картина’). Ср. также: *Достать билеты в Большой театр не так просто, но ведь это театр.*

Возможны парадигматические изменения структуры: *Розы – это цветы – Розы – это были / будут / были бы цветы*.

Высказывания данной структуры сближаются по семантике с высказываниями структуры ***всем*** **+ сущ.д.п. мн.+ сущ.** наличием компонента сравнения, но в структуре с местоимением *всем* объект сравнивается с объектами того же вида. Так, в высказывании *Всем розам розы* данные конкретные розы сравниваются с другими видами, сортами роз. В структуре с компонентом *это* объект (объекты) данного вида сравнивается с объектами другого вида, относящимися к тому же роду. Так, в высказывании *Розы – это цветы!* розы

сравниваются с другими видами цветов, т. е. противопоставляются любым другим цветам, например, лилиям, гвоздикам, тюльпанам. гладиолусам, ромашкам и т.д. Кроме того, первая структура обычно используется в ситуации, когда говорящий хочет оценить через сравнение конкретный, определенный объект (например, те розы. которые он видит, купил, получил), а во втором случае обычно сравнивается один вид объектов с другими видами объектов. Используя вторую структуру, выделяя данный вид объектов на фоне других видов того же рода, субъект говорит о своих предпочтениях. Сказав *Розы – это цветы,* говорящий указывает, что, по его мнению, настоящие, самые хорошие цветы – это розы и что розы нравятся ему больше других цветов.

Высказывания типа *Чем не подарок!; Чем не помощник!* представляют следующую, четвертую фразеологизированную структуру положительной оценки. Они строятся по модели (4) ***чем не*** **+ сущ.,** которая включает два компонента: постоянный, представленный вопросительным местоимением *чем* в сочетании с частицей *не*, и свободный компонент, выражаемый обычно существительным. Компонент *чем* всегда находится в абсолютном начале предложения, его прямое, исходное значение ослаблено, отрицательное значение частицы *не* утрачено. Нет однозначности в квалификации статуса частицы *не* в данной структуре. Н.Ю. Шведова также выделяет в структуре два компонента, однако частицу *не* связывает с существительным, т.е. переменным компонентом считает существительное с обязательным отрицанием при нем [Шведова 1960, а также 2003: 270]. В таком случае модель имеет вид: ***чем*** **+ не сущ.**

По характеру построения ФС напоминает вопросительное предложение, однако вопросительного значения она не имеет, напротив, передает усиленное утверждение. Говорящий использует высказывание этой структуры, чтобы выразить уверенную, не допускающую сомнений положительную оценку объекта. Качества, признаки объекта полностью соответствуют общепринятым критериям и критериям самого говорящего. Высказывание *Чем не подарок* – означает ‘Это настоящий подарок’. Поэтому вопросительная интонация необязательна, но даже, если при произнесении предложения сохранить вопросительную интонацию, оно

все равно будет выражать утверждение, а вопросительность будет выступать как средство усиления уверенности говорящего в правильности его оценки. Высказывания этой модели могут произноситься с ИК- 2, ИК- 3, а также с ИК- 4.

В этом фразеологизме отчетливо проявляется субъективный характер оценки: говорящий подчеркивает, что это его собственное мнение, что это оценка, к которой он пришел в результате раздумий и сомнений: *На портрете его написали стоя, с орденом на шее и с усмешкой, где можно было бы и не злоязычному человеку прочесть вопрос: «А чем же я, примерно, не министр финансов!»* (П. Боборыкин. Китай-город). Высказывание имеет оттенок усиления, передает уверенность говорящего,

С другой стороны, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «оценочные предикаты связаны не только с фактором говорящего. Они весьма активно обращены на адресата речи» [Арутюнова 1988: 6]. Специфика этой ФС в том. что в ней направленность на адресата выходит на первый план и формирует ее коммуникативную интенцию, которая закреплена в специфичной ситуации ее употребления. Высказывания этой структуры используются в ситуации общения, когда говорящий знает или предполагает, что его собеседник не уверен в достоинствах, в положительных качествах, признаках объекта, т.е. сомневается. Говорящий, придерживаясь противоположного мнения, хочет подчеркнуть соответствие качеств объекта норме и стремится повлиять на собеседника, изменить его мнение, склонить его на свою сторону, переубедить. Короче говоря, здесь есть компонент ‘убеждение’, ‘воздействие’, который входит в коммуникативное значение данной ФС. «Некоторые авторы даже видят главное назначение ценностных суждений в том. чтобы оказывать влияние» [Арутюнова, там же]. Эта ситуация возникает в реальном диалоге или в заочном, когда «сомневающийся собеседник» отсутствует, но говорящий знает его мнение и при разговоре с другим собеседником (третье лицо) отвечает на мнение прежнего собеседника. Ср.: *Я слышала, он не любит лилии. Мне это не понятно. Они красивы, с тонким ароматом, очень нарядны. Чем не цветы!*

Возможна другая ситуация употребления ФС, когда в ценностных свойствах объекта не уверен сам говорящий. Выбирая что-либо, он перебирает варианты, сомневается, колеблется, наконец, сделав выбор, чтобы покончить со своей нерешительностью, успокаивает, убеждает себя (внутренние размышления, внутренний диалог с самим собой): *Зинаида ходила по магазину, решая, что купить подруге в подарок:* «*Что же выбрать? Духи, конфеты, украшения…. Все не то. Ладно, куплю эту книгу о живописи. Чем не подарок! Она любит живопись, бывает на выставках. Книга должна ей понравиться*»

Важно, что и в одной, и в другой ситуации проявляется компонент ‘убедить, развеять сомнения’. Ср.: *Я закончила Институт Кинематографии, Андрей, мой сын, закончил тот же институт. А теперь сын Андрея, Ваня, мой внук, учится там же. Чем не династия!* (из интервью киноартистки, журнал «Крестьянка»). *Анна Дебри – светская девушка. Она умеет интересно рассказывать о светской жизни, а молчаливый Альфред Нобель умеет слушать. Чем не идеальная пара! Но их союзу помешал молодой математик* (из журнала)*; Почему я не женюсь? Да, женюсь, и на богатой, дам щелчка судьбе рогатой. Чем не муж я? Чем не зять? Штаб, густые эполеты, шпоры, конь, усы и лета! Что ж, в поре я просто хват.* (П. Федотов. Поправка обстоятельств, или женитьба майора).

Компонент убеждения обусловливает характер окружающего контекста: в нем есть указание на другую точку зрения, против которой выступает говорящий (обычно это предыдущее высказывание или информация, вытекающая из самой ситуации), а также доводы, аргументы говорящего, подтверждающие его оценку. В качестве аргумента обычно называются положительные черты, свойства обсуждаемого объекта, что, по мнению говорящего, должно повлиять на собеседника. Это может быть предшествующий или последующий текстовый фрагмент: *– На роль Маргариты было много кандидатур? – Я сразу понял, что Маргариту должна сыграть Изабель Аджани. Это роскошная, загадочная, роковая женщина. Такая женщина не может не нравиться. – Но сколько ей лет? – Изабель в свои 50 выглядит на 35. Чем не Маргарита* (из газет)*.*

Возможны парадигматические изменения структуры по категории времени и наклонения: *Чем не подарок – Чем был* (*будет, был бы*) *не подарок*. Показательно, что грамматические показатели значений времени и наклонения могут занимать место после *чем* или после свободного компонента: *Чем был* (*будет, был бы*) *не праздник – Чем не праздник был* (*будет, был бы*).

Функционирует чаще как самостоятельное предложение (*Чем не подарок!; Чем не помощник!*) или как сказуемое двусоставного предложения. Во втором случае включает подлежащее, которое ставится после слова *чем* или после существительного, выражающего свободный компонент: *Чем книга не подарок! Чем она не помощник*!; *Чем не помощник она?*; *Чем это не подарок*... Ср. также приведенный выше пример: *«А чем же я, примерно, не министр финансов!»* (П. Боборыкин. Китай-город).

Допускается распространение за счет дополнительных компонентов, обусловленных характером существительного, представляющего свободный компонент: *Чем не подарок молодой девушке ко дню рождения…*

Структура имеет варианты со словом ***разве*** или сочетанием ***как же,*** заменяющими ***чем: – Ну как же не*** *герой! В воду пьяных немцев бросает! – А ты и того не сделал, – возразил Берсенев* (И.Тургенев, Накануне); *Только за эту зиму музыканты дали в Москве несколько концертов, ставших, безусловно, без преувеличения, событиями. Ну в самом деле****, разве не событие*** *– исполнение грандиозной Третьей симфонии Малера под управлением Евгения Федоровича Светланова?* (из газет).

1.2. Негативная оценка

Подгруппа включает три фразеологизированные структуры. Первая ФС имеет модель (1) ***тоже мне*** **+ сущ./ прил./ нареч./ глаг.** (*Тоже мне город; Тоже мне спортсмен*), однозначно выражает негативную оценку. Она интересна тем, что это фразеологизм чистой воды. Слова *тоже* и *мне* постоянного компонента утратили свое лексическое значение и свой грамматический статус. Связи между

этими словами, а также между ними и переменным компонентом не объяснимы с точки зрения действующих синтаксических закономерностей.

Переменный компонент вариативен в отношении морфологического представления переменного компонента: кроме существительного могут использоваться имена прилагательные, наречия или глаголы: *Тоже мне красивый! Тоже мне выступил! Тоже мне далеко.*

Данная ФС указывает на неполное проявление у объекта признаков, характерных для данного класса предметов, для данного действия или полное отсутствие этих признаков. Эмоциональный компонент передает осуждение, неудовольствие, упрек, иронию, иногда смягченную или шутливую: *– Я поэт – Что, стихи пишете? – Ну, иногда прозу. – Господи, поэтов развелось, только что-то Пушкина среди вас все на наблюдается – Да хватит вам Тоже мне Белинский!* (из газет).

Описательно смысл структуры можно передать с помощью фраз типа ‘*Это плохой, не настоящий ….*’, ‘*Он* (*она, они*) *плохо. неудачно сделали это’*, например: *Тоже мне город – Это плохой, некрасивый, неинтересный город; Тоже мне красивый – Он некрасивый, Он не очень красивый; Тоже мне выступил – Он плохо, неудачно выступил; Тоже мне далеко – Это недалеко, не очень далеко.*

Парадигма образуется формами прошедшего времени, условного наклонения: *Тоже мне был / будет /был бы руководитель; Тоже мне выступает /выступил/ выступил бы.* При выражении переменного компонента существительным возможны также реализации с полусвязочными глаголами: *Тоже мне стал руководитель; Тоже мне помощник оказался.* Правда, эти варианты менее естественны и частотны. Высказывания, реализующие эту структуру, избирательно относятся к полузнаменательным глаголам. Однозначная, уверенная негативная оценка, передаваемая высказываниями этой ФС, не всегда допускает те семантические изменения, которые вносятся полузнаменательными глаголами.

Наряду с основным видом ФС встречаются следующие варианты ее структурного оформления. Во-первых, может опускаться слово *мне*, хотя, как

правило, оно участвует в оформлении предложения, и пропуск его встречается довольно редко: *Тоже город! Все дома одноэтажные и даже театра нет*. *Тоже мастер! Крючок для полотенца в ванной прикрепить не может.* Во-вторых, вместо слова *мне* (а иногда и вместе с ним) может использоваться слово *еще*: *Тоже еще (Тоже мне еще /Тоже еще мне*) *помощник!. Как было неубрано, так и осталось*. В предложение, где переменный компонент представлен существительным, может включаться глагол *нашелся;* он занимает позицию после существительного: *Тоже мне гуманист нашелся! Тоже мне защитник нашелся!* Этот глагол не имеет здесь своего прямого лексического значения и используется только для усиления негативной оценки и выражения эмоционального оттенка осуждения: Используется, если речь идет о лице. Ср. **Тоже мне подарок нашелся!; * Тоже мне словарь нашелся; *Тоже мне праздник нашелся.*

В-третьих, переменный компонент может занимать позицию перед постоянным (*Город тоже мне!; Помог тоже!: Сказал тоже!*), что допустимо, хотя опять-таки встречается не часто: – *Это, Нюра, женщина, перед которой – плащ в грязь! Нюра подумала: «Недаром писатель. Придумал тоже – плащ и вдруг – в грязь С чего это?...Впрочем, к красоте чей бы то ни было Нюра относилась уважительно, может быть потому, что сама была кургузенькой женщиной* (Д. Рубина. День уборки). Возможность изменения порядка следования компонентов в данной ФС не отрицает отмеченного раньше признака негибкости ФС. Этот признак характерен в первую очередь для структур с составным постоянным компонентом, включающих две части типа ***что ни.., то..; добро бы…, а то…***(*Что ни день, то новые впечатления; Добро бы времени было достаточно, а то три дня всего осталось до отъезда*)**.** Если же ФС состоит из одной части, то некоторая перестановка компонентов в отдельных случаях возможна, но тоже проявляется далеко не во всех ФС.

Высказывания этой структуры произносятся как одна синтагма с ИК-2 с интонационным центром на переменном компоненте. Возможно интонационное членение высказывания на две синтагмы, например: *Тоже мне / помощник / Тоже мне / помощник нашелся.* Первая синтагма произносится с ИК-2 с центом на

первом слове, вторая синтагма произносится также с ИК-2. Слово *тоже* может произноситься с придыханием, что усиливает негативность оценки и придает высказыванию оттенок пренебрежения.

При использовании в высказываниях этой ФС существительных, выражающих положительную характеристику, негативный характер оценки сохраняется и сопровождается иронией: *Тоже мне герой!; Тоже мне красавица!. Тоже мне радость!* Иронический характер всего высказывания усиливается при использовании существительных с суффиксами коннотативного характера, ср.: *Тоже мне подарочек!; Тоже мне помощничек!; Тоже мне порядочки!; Тоже мне сюрпризец.*

Следует отдельно выделить фразеологизированные предложения, построенные по модели ***а еще*** **+ сущ.** (*А еще инженер!; А еще ученый*). Эта структура, как и структура ***тоже мне*** **+ сущ.**, связана с выражением негативной оценки и может рассматриваться как вариант последней. Ср.: *А еще инженер / Тоже мне инженер! Не смог кран на кухне заменить*. Однако в ней значение негативной оценки получает несколько иную, более тонкую интерпретацию и представлено как ‘несоответствие лица или объекта, действия своему названию, сущности, предназначению’. Так, высказывание *А еще ученый!* используется не столько для того. чтобы выразить мысль ‘Он плохой ученый’, а чтобы подчеркнуть несоответствие действий лица его профессии, статусу и означает ‘Хотя он ученый, но делает то, что не должен делать ученый, или не делает того, что ученый должен делать и знать’. Ср. также: *А еще студент. Никогда его с книжкой не видел; А еще спортсмен! Холодной воды боится;* Ср. также известное выражение *А еще учительница!* в кинофильме по рассказу В.Распутина «Уроки французского».

Следующая ФС подгруппы негативной оценки имеет модель (2): ***ах ты*** **(*он / они / они /я*) + сущ**., постоянный компонент которой включает междометие ***ах*** (реже – ***ох***) в сочетании с личным местоимением, а переменный компонент представлен именем существительным, например: *Ах ты озорник!; Ах ты*

плутовка!; Ах он хитрец!; Ох он разбойник!. Структура является лексически ограниченной: допускает в качестве свободного компонента существительное оценочного значения, называющее лицо или используемые по отношению к одушевленному существу: *озорник, озорница, проказник, проказница, хитрец, разбойник, обманщик*. *плутовка, плут, мошенник.*

Входящее в структуру личное местоимение указывает на лицо, являющееся объектом оценки; обычно используется местоимение второго лица (*ты*), или третьего лица (*он, она, они*), так как объектом оценки может быть или собеседник, или третье лицо. Структура используется как непосредственное обращение к собеседнику, непосредственная реакция на его действия, поведение (*Ах ты озорник!*) или как выражаемая собеседнику реакция на действия третьего лица, непосредственно наблюдаемые или кем-то описанные (*Ах он хитрец!*). Предложение может включать местоимение первого лица, если говорящий, адресуясь к собеседнику, корит себя за что-то, или выражает сожаление о неправильном поведении, поступке, о чем-то невыполненном и т.п.: *Ах я глупец! Почему сразу не догадался!* Местоимение не может считаться грамматическим подлежащими, такие высказывания нельзя разделить (как и другие ФС) на отдельные члены предложения. Это неразделимое сочетание.

Первообразное междометие *ах* является постоянным компонентом фразеологизированной структуры, выполняет конструктивную, строительную роль. Такие предложения четко противостоят предложениям, где междометие выполняет свою прямую функцию, используется для выражения чувств, ощущений, эмоциональных реакций (*Ах, совсем забыла!; Ух, трудно подниматься без лифта*). В предложениях ФС (*Ах ты озорник!*) междометие неразрывно связано с существительным и местоимением, а «изъятие междометия ведет здесь не к изменению эмоциональной и модальной окраски высказывания, а к разрушению данной предикативной единицы как определенного типа синтаксического построения» [Шведова 2003 и 1960: 249].

Об особой функции междометия в составе этой фразеологизированной структуры свидетельствует также ее интонационное оформление в устной речи и

пунктуационное – в случае письменного воспроизведения. В высказываниях ФС ***ах ты*** **+ сущ.** запятая после междометия, как правило, отсутствует, что соответствует интонационному оформлению высказывания: междометие, выступающее здесь в роли организатора всего построения, произносится слитно со следующим за ним словом. Высказывание обычно произносится как одна синтагма, с ИК-2, интонационный центр находится на существительном, а междометие произносится без паузы, слитно со следующим за ним местоимением (см. о функции и роли междометий в ФС в начале этой главы).

С семантикой структуры связан характер лексического наполнения свободного компонента. Во-первых, как правило, это существительное, обозначающее лицо. Неодушевленные существительные практически не встречаются. Во-вторых, типовое значение структуры (негативная оценка) представлено не только синтаксически – самой структурой, но и подтверждается, уточняется семантикой существительного: используются существительные негативно характеризующие лицо: *хитрец, обманщик. лентяй* и под. В связи с этим практически не используются существительные, которые просто называют лицо по профессии, возрасту, полу, статусу (*учитель, врач, спортсмен, старик, девушка, пациент, посетитель* и т.п.), т.е. не имеющие оценочного значения, ср. **Ах он спортсмен!; *Ах ты. мальчик; *Ах они пациенты.*

В русском языке группа существительных негативной характеристики лица довольно обширна, при этом оцениваются разные стороны человека, его личности: внешность, нравственные качества (*обманщик, хитрец*), умственные способности, образованность (*глупец, дурак* (разг.), *невежда*), отношение к другим людям (*врун* (разг.), *грубиян*), отношение к труду, работе (*лентяй, бездельник*), манеры, воспитанность (*невежа*), поведение (*озорник, баловник, непоседа,*) и т.д.

Следует обратить внимание и на то, что многие из них парные, различаются отнесенностью к лицу мужского и женского пола, *баловник – баловница, озорник – озорница, врун* (разг.) – *врунья, ворчун* (разг.) – *ворчунья; шалун – шалунья, проказник – проказница, хулиган – хулиганка, болтун – болтушка, болтунья.*

В этом перечне есть близкие по значению слова, называющие одно свойство личности, но различающиеся степенью его проявления, интенсивностью и соответствующей эмоционально-экспрессивной окраской: *озорник, шалун, баловник; невежа, грубиян, хам* (презр. и бран.)*; хитрец, хитрюга* (разг.)*; болтунишка, болтун* (разг.)*; дурачок* (разг.), *дурашка* (разг.), *дурак* (разг.)*; трепач* (прост.), *трепло* (прост. пренебр.)*; вор, ворюга* (прост. презр.)*; жадина* (разг. презр.), – *жадюга* (прост. презр.).

Можно акцентировать внимание на словах общего рода, которые являются одной из особенностей проявления морфологической категории рода: *соня, сладкоежка, сластена, непоседа, егоза*. *забияка* (разг.)*, задира* (разг.), *жадина* (разг. презр.)*, жадюга* (прост. презр.)*, подлиза* (разг., пренебр.), *подпевала* (разг. неодобр.), *разиня* (разг. пренебр.)*, растяпа* (разг. неодобр.), С другой стороны, есть существительные, характеризующие только лиц мужского пола: *хитрец, подлец, наглец.*

Как видно из перечня, многие слова со значением негативной оценки стилистически окрашены (они относятся к разговорным или просторечным), а также многие из них характеризуются как выражающие негативное эмоциональное отношение («пренебрежительное», «неодобрительное», «бранное»).

Специфическое лексическое выражение переменного компонента и типовое значение структуры обусловили социальные условия использования данной структуры. Если объектом оценки является собеседник, то эту структуру можно использовать по отношению к лицам, с которыми говорящий находится в неофициальных отношениях, и если подбирает соответствующее существительное. Этим обусловлено преимущественное использование для обозначения второго лица местоимения *ты*, а не *вы*. При этом следует дифференцированно подходить к выбору существительного, которым выражается оценка. Так, использование слов *дурак, негодяй, пройдоха*, оправдано, если такая характеристика отвечает сути дела и если говорящего не очень волнует перспектива дальнейших отношений с собеседником.

Обращение на «вы» говорит о статусе собеседника (он выше по рангу или старше по возрасту), с одной стороны, и о характере отношений с ним говорящего (официальные, не очень близкие), с другой, что не позволяет использовать данную структуру в подобной прагматической ситуации: здесь она окажется слишком резкой, неуместной из-за своей грубоватости или некоторой фамильярности. Неуместны здесь и многие характеризующие существительные в силу их эмоционально-экспрессивной окраски. Обращенное к собеседнику высказывание *Ах вы хулиган* (*болтун*) звучит некорректно (ср. *Ах ты хулиган!; Ах ты болтун*).

Есть однако ситуации, когда эта структура используется с несколько иной коммуникативной целью. Негативная оценка нередко звучит как смягченная, шутливая, иногда с легким оттенком восхищения, любования, умиления, например, если речь идет о ребенке, его поведении, которое хотя и осуждается, но умиляет говорящего: *Ах ты баловник! Ты зачем игрушки разбросал?; Катенька! Ах ты непоседа! Сиди спокойно и кушай!; Ах ты хулиган: Зачем ты сломал машинку?* Негативная оценка может звучать смягченно, звучит как укор, а не осуждение также при обращении к юной девушке (конечно при использовании соответствующего существительного): *Ах ты баловница! Ах ты сластена!; Ах ты обманщица!* В таких ситуациях используется интонация, которая не содержит эмоции возмущения, презрения, недовольства. Такие высказывания ставят целью не отругать или наказать ребенка, а чтобы отвлечь его от неправильного действия, переключить его энергию на что-то другое. Снисходительное отношение к неправильному поведению девушки объясняется нежеланием обидеть, унизить резким замечанием еще неопытное юное существо, не знающее, может быть, правил поведения в социальной среде.

В устной речи такое смягченное негативно-доброжелательное высказывание данной структуры нередко сопровождается жестом «грозить пальцем».

Иногда высказывание этой структуры выражает значение положительной оценки, одобрения, восхищения (*Ах ты милашка! Ах ты красавица!*). Для

передачи такого оттенка используется ограниченный круг существительных положительной характеристики: *умница, молодец, трудяга, скромник, скромница.*

Следующая фразеологизированная структура со значением негативной оценки строится по модели (3) ***Ох уж этот* (*эта /эти*) *мне* + сущ.** Коститутивный компонент модели включает междометие, за которым следует местоимение *этот* в нужной форме и дательный падеж личного местоимения *мне* со значением воспринимающего (оценивающего) субъекта. Переменный компонент представлен именем существительным в форме именительного падежа. Например: *Ох уж этот мне экзамен.; Ох уж это мне солнце!; Ох уж эти мне приятели!; Ох уж эта мне Вера!* Местоимение *этот* согласуется в роде и числе с существительным, занимающим позицию переменного компонента.

Семантика ФС имеет сложную структуру, включает несколько компонентов информационного, оценочного и эмоционального характера. Специфика ее в том, что она негативно оценивает не сам объект, названный существительным с точки зрения его внутренних качеств, являющихся неотъемлемой его характеристикой, или внешних данных (нехорошие, недобрые, неприветливые, неаккуратные и т.п.), а его действия, поведение, проявление. Например, произнося фразу *Ох уж эти мне соседи*, говорящий волнуется не из-за того, что его соседи не очень хорошие люди, а из-за того, что они совершают неправильные, с его точки зрения, действия, плохо поступают. Ср.: *Ох уж эти мне соседи! У них допоздна звучит громкая музыка, и я не могу заснуть.* Высказывания этой ФС используются, чтобы выразить негативное отношение к действиям, поведению, проявлению объекта, которое продолжается долго или часто повторяется и поэтому мешает говорящему в осуществлении его действий.

Другими словами, предложения этой ФС выражают сложную мысль, в которой сочетаются, взаимосвязаны следующие моменты: ‘Он опять это делает, так поступает’, ‘Эта ситуация повторяется’ ‘Это мне не нравится и мешает мне’; «Происходящее утомляет, беспокоит меня’. Высказывания, кроме оценочного, содержат также эмоциональный момент – недовольство, осуждение, раздражение,

возмущение по поводу сложившейся ситуации. При этом свое отношение и эмоции он сообщает собеседнику, чтобы пожаловаться, высказаться, вызвать сочувствие, надеясь на понимание.

Данная ФС может сопровождаться жестами «всплеснуть руками» или «развести руками».

Содержание и смысл ФС формируется взаимодействием следующих моментов: 1) объект совершает определенные действия или проявляет какие-то свойства, качества (они называются за пределами ФС), 2) это происходит неоднократно, часто или продолжается длительное время, 3) говорящий негативно относится к происходящему, так как это нарушает нормально течение его жизни, 4) говорящий выражает собеседнику (или слушателю) свое огорчение и осуждение. Недовольство говорящего связано с тем, что он как-то ущемлен, испытывает эмоциональный дискомфорт или волнение, вовлечен в определенные дополнительные действия из-за того, что происходит:. Ср.: *Ох уж эти мне приятели! Все время куда-то приглашают Колю: то на стадион, то в кино, а он уроки не успевает сделать; Ох уж этот мне экзамен. Такой трудный, скорее бы сдать его; Ох уж эта мне Вера! Опять с кем-то спорит!*

Вариативность построения может проявляться в нескольких моментах. Наряду с междометием *ох* (именно оно в данной структуре наиболее типично и частотно) может встречаться междометие *ах*: *– Это значит, ты даром отдал лес,– мрачно сказал Левин. – То есть почему же даром? – сказал Степан Аркадьич. – Потому что лес стоит по крайней мере пятьсот рублей за десятину, – ответил Левин. – Ах, эти мне сельские хозяева! – шутливо сказал Степан Аркадьич. – Этот ваш тон презрения к нашему брату городским!.. а как дело сделать, так мы всегда лучше сделаем* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Форма *мне* может опускаться без непосредственного ущерба для выражения типового значения. Тем не менее можно выделить некоторые мотивы, регулирующие возможность или предпочтительность ее пропуска. Структура без местоимения *мне* используется в тех случаях, когда вывод, утверждение говорящего относительно объекта не касается лично его, а лишь отражает его

наблюдения, известную информацию об объекте: *Ох уж эти Ивановы с восьмого этажа! Они часто устраивают шумные вечеринки, соседи на них жалуются.* Форма *мне* опускается также в случае, если имеется в виду обобщенный субъект восприятия, т. е. утверждение относительно объекта относится ко всем, к кому оно обращено, ко всем, кто с ним связан. Например, журналист, написавший статью о негативных явлениях, возможных при приеме аспирина, использовал в качестве заголовка высказывание *Ох уж этот аспирин!* Вполне возможно, что негативное побочное действие этого лекарственного средства не касается автора, может быть, ему вообще не приходилось принимать его, и оценка носит теоретический характер, а не вытекает из его практики, опыта, поэтому форму *мне* логично опустить. В то же время вполне естественно будет восприниматься и заголовок *Ох уж этот мне аспирин!* Он может означать, что автор активно относится к сведениям, которые он изложил, причисляет и себя к числу воспринимающих информацию.

В высказывании врача *Ох уж эти мне нервы!* использование местоимение *мне* означает не огорчение относительно своего здоровья, а сетования на частые обращения пациентов с жалобами на нервную систему, признание того, что заболевания, связанные с нарушением деятельности нервной системы, встречаются часто.

Вариативность структуры может проявляться в пропуске междометия *ох* или частицы *уж*, либо обеих. Важно отметить, что компонент *этот* не может быть опущен без разрушения смысла (**Ох уж мне морозы; *Ох уж мне мужчины*). Таким образом, возможны следующие варианты построения: *Уж эти мне морозы!; Ох эти мне морозы*; *Эти мне морозы!*; О*х уж эти мне мужчины! Ох уж эти мужчины! Уж эти мне мужчины! Уж эти мужчины!; Эти мне мужчины***!** Такая неполная реализация структуры возможна, если контекст поддерживает ее типовое значение.

То, какое именно проявление/поведение объекта вызвало негативную реакцию говорящего в самой ФС обычно не выражается, но может быть сообщено

в окружающем контексте или понятно из контекста или ситуации. Приведем примеры.

– Что это! Опять все окна раскрыты настежь, и в квартире никого нет, а свет в комнате горит. Наверно, мальчики опять где-то во дворе бегают. Ох, уж эти мне сорванцы! Доиграются они у меня!; – Я бы на вашем месте давно бы помирилась с Савиным и Колобовыми. А то у вас бог знает, что делается, вы волками друг на друга глядите. Ох уж эти мужчины: чистые петухи! – Как ты сказала? – Чистые петухи, сказала. Тесно вам, подумаешь, в Белоглинском-то заводе.(П. Боборыкин. Китай-город).

Негативная оценка, выражаемая в данной ФС – это вывод, который складывается у субъекта в результате повторяющегося или длительного наблюдения нежелательного действия или ситуации. В контексте, как правило, имеются лексические показатели неоднократности, повторяемости или продолжительности. Эти смысловые компоненты входят в семантическую структуру данной ФС. Такими показателями являются слова *опять, снова, по-прежнему, все еще, постоянно* и под.: *Ох уж эти мальчишки!* ***Опять*** *все игрушки разбросали; Ох уж эти мне дожди!* ***Всю неделю*** *идут, не переставая; Ох уж эта Юля! Она* ***все еще*** *обижается на Никиту.*

С названным моментом вывода, результата, связана следующая особенность функционирования структуры. Она довольно широко используется в языке для выражения и закрепления обобщенных оценок, которые сложились (и складываются) в обществе по отношению к типичным объектам, их признакам, проявлениям, типичным жизненным (бытовым, общественным) ситуациям, т.е. к тем явлениям, которые распространены в жизни, с которыми встречаются члены данного сообщества. Такие оценки возникают в коллективном сознании как результат осмысления происходящего и отражают взгляды, вкусы (часто стереотипные) членов сообщества, их отношение к важным, интересующим многих явлениям. Конкретный субъект в актуальной для него ситуации может применить такое закрепившееся суждение к конкретному случаю, к конкретному объекту, если видит в нем еще одно проявление типичного, характерного,

волнующего. Таковы следующие распространенные в настоящее время оценочные утверждения: *Ох уж эта молодежь!; Ох уж эти мужчины(женщины)!; Ох уж эти родители;, Ох уж эти налоги!; Ох уж эти цены!; Ох уж эти прогнозы!; Ох уж эти реформы; Ох уж эти дожди!; Ох уж эти праздники!; Ох уж эта бесконечная домашняя работа* и т.п.

Такие суждения отражают изменения во взглядах и мнениях, бытующих в обществе, поэтому одни уходят, другие получают распространение. Еще недавно многие сетовали *Ох уж эти мне короткие юбки!; Ох уж эти очереди!*. теперь людей волнуют другие вопросы: *Ох уж эти пробки! Ох уж эта реклама!* Такие закрепившиеся оценки могут сложиться и у отдельного человека и отражают определенные принципы его отношения к жизненным явлениям. Ср.: *Ох уж эти мне современные молодые люди с волосами до плеч и с серьгой в ухе!; Ох уж эти пропахшие нафталином правила этикета!* (из частных разговоров).

Описанной особенностью этой ФС можно объяснить тот факт, что реализующие ее высказывания активно используется в качестве заголовка заметок, статей:. *Ох уж эта эстрада*!; *Ох уж эти спонсоры*. Такой заголовок привлекает читателя, у него возникает желание прочитать статью, так как сама проблема, тема интересует очень многих в обществе, а исходя из значения структуры, он уже догадывается, что его ждет интрига, неожиданная информация. У него возникает вопрос: «*А что же неблаговидного, неправильного сделали спонсоры?»,* или: *«За что ругают эстраду, что с ней происходит?*» и желание узнать отношение к названной проблемы, которое сложилось в обществе, сравнить со своим. Ср. также высказывание *Ох, уж эти заборы!*, которое было предложено как тема для обсуждения в радиопередаче прямого эфиро.

Контекст необязателен для понимания мотивов высказывания, если у представителей социума сложилось одинаковое отношение к названному в высказывании объекту. Так, по заголовку статьи *Ох уж этот аспирин*!, помещенной в журнале, большинство читателей поймет, о чем в ней говорится, так как аспирин у большинства русских вызывает настороженное отношение из-за прочно закрепившейся информации о его негативном побочном воздействии.

1.3. Недифференцированная оценка

Как уже отмечалось, ФС этой подгруппы могут выражать и положительную и негативную оценку. Конкретное значение структур формируется под влиянием разных факторов – языковых (лексических, контекстуальных, интонационных) и неязыковых (ситуация, мимика, жесты). В группу включено пять ФС.

Первую ФС недифференцированной оценки образует слово *вот* – одно или в сочетании с частицей *так*, и связкой *это,* поэтому в языке представлен вариативный ряд моделей, в которых постоянный компонент представляет собой разные комбинации названных слов. Ряд имеет следующий вид:

вот + **сущ. /глаг. / прил.:** *Вот мастер! Вот выступил!*

вот так + **сущ. /глаг., прил., нареч.:** *Вот так мастер; Вот так выступил! Вот так далеко!*

вот это + **сущ. глаг. / прил./ нареч.**: *Вот это мастер! Вот это выступил! Вот это далеко.*

вот + **сущ. / глаг. / прил. / нареч. +** ***так*** **+ сущ. (глаг. / прил. / нареч.**: *Вот мастер так мастер!; Вот выступил так выступил!; Вот далеко так далеко.*

вот это **глаг. / прил. / нареч.** + **сущ. +** ***так*** **+ сущ. / глаг./ прил./ нареч.**: *Вот это мастер так мастер!; Вот это выступил так выступил!; Вот это далеко так далеко.*

В организации данной ФС, как и многих других, важная роль принадлежит частицам, а именно одному типу частиц, которые традиционно называют модальными, экспрессивными. Т. М. Николаева в книге о частицах определяет их как слова, значение которых «соотносится со способностью языковой единицы выступать в функции передачи разнообразных коммуникативных характеристик сообщения» [Николаева 2005]. Книга Т. М. Николаевой о частицах – глубокое и полное исследование, посвященное проблеме лингвистического статуса этих единиц и проблеме их описания, которое осуществлено с позиций современной лингвистики. Ее трактовка понятия частиц и их участия в функционировании

высказывания соответствует той роли, которую они играют в формировании структуры ФС и ее значения. Что касается данной конкретной ФС, то ее постоянный компонент представляет собой частицу *вот*– одну или в сочетании с частицами *так* и *это* в разных вариантах: *вот так ...; вот это..,; вот это ... , так ...* Они связаны с высказыванием в целом и передают отношение говорящего к содержанию объекта, названного переменным компонентом. То, что структура в большей части случаев строится на основании сочетания двух или трех частиц, является, как отмечают все исследователи, отличительной характерной чертой их использования.

Роль и функция частицы *вот* в данной ФС характеризуется в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой следующим образом: «7. Употр.в знач. связки при именном сказ. (разг. ирон.) – употр. для выражения общей оценки чего-н. *Вот так игрок! Вот так ручища! Вот так повеселились*» [Ожегов и Шведова. Толковый словарь русского языка, 2007: 100]. В той же словарной статье отдельно приводится структура ***Вот...так...***, которая оформляет предложение со значениеv оценки или высшей степени проявления чего-л.: *Вот мастер так мастер! Вот уж пляшет так пляшет!* [там же]. Другие особенности употребления частицы *вот* в разговорной речи, в том числе в диалогической, рассматриваются в [Прокуровская 1974].

Как показывает запись моделей, переменный (свободный) компонент тоже вариативен, может быть представлен словами разных частей речи. Это связано с тем, что оценка может относиться не только к предмету, но и к действию, состоянию, признаку, обстоятельству. Положительная оценка, означает, что оцениваемый объект обладает высокой степенью характерных признаков. Негативная оценка указывает на недостаточно полное или недостаточно качественное проявление объектом полагающихся ему свойств, признаков.

Основным средством, дифференцирующим значение высказываний, построенных по этой модели, является контекст или ситуация. Это особенно четко проявляется при существительных, не имеющих оценочного значения (*человек, день, обед, книга* и т.д.): *Пирожков услыхал имя Осетрова ...Вот это*

человек! Университетский кандидат, до всего дошел умом, знанием, безупречной честностью (П. Боборыкин, Китай-город); *Депеша была не городская, а из Петербурга. Вот это новость! Она рассчитывала на брата, служащего за границей, думала вызвать его из Парижа, – а он в Петербурге и будет через три дня в Москве* (П. Боборыкин. Китай-город); *Вот это был забег! Мы стали свидетелями нового рекорда* (из телерепортажа).

Однозначно обычно понимается высказывание, включающее негативно-оценочное слово: *Вот болван! Вот дурак! Вот простофиля! Вот ротозей!* Однозначно понимаются также высказывания, включающие отвлеченное существительные, выражающее негативную реакцию на ситуацию: *Вот досада! Вот неприятность! Вот неудача! Опять не удалось хорошо выступить* (здесь характеризуется не конкретный объект, а ситуация в целом). Употребление слов положительной оценки не обязательно гарантирует стремление говорящего положительно характеризовать объект или ситуацию. Здесь может содержаться ирония, разочарование по поводу отсутствия ожидаемого качества лица: *Вот мастер! Не может простой будильник починить!; Вот пианист! Простой вальс сыграть без нот не смог*; *Вот так радость! Завтра придется идти на работу*.

Следует отметить, что в русском языке активны формулы, клише *Вот это да*!, *Вот так так*, которые тоже выражают эмоциональную реакцию на ситуацию, причем как положительную реакцию, так и отрицательную.

Следует отметить, что дифференцирующая сила интонации в этой ФС не столь велика, как иногда считается. Сам фразеологизм можно произносить с одной и той же интонацией, но выражать при этом разную оценку. ФС с составным постоянным компонентом можно произносить с одной синтагмой или с двумя, что также не влияет на выражаемое значение. Наличие множества экспрессивных вариантов интонации позволяет выразить свое эмоциональное отношение, эмоциональную реакцию, причем, одна и та же эмоциональная интонация может быть связана и с положительной, и с отрицательной оценкой. Например, удивление может сопровождать положительную оценку (удивление + восхищение) и отрицательную (удивление + неожиданное разочарование).

Из перечисленного вариативного ряда структур наиболее часто используются более короткие. Более распространенные варианты, создаваемые на основе составного переменного компонента, являются более экспрессивными, Они чаще используются при выражении положительной оценки: *А отправлю-ка я вас на Запорожье. Вот где наука так наука. Там вам школа, там наберетесь знания* (Н. Гоголь. Тарас Бульба). Однако варианты с составным постоянным компонентом при поддержке контекста могут выражать и негативную оценку, Ср.: *Вот это помог так помог! Теперь придется неделю все переделывать!*;

Что касается синтаксической функции ФС, то она чаще используется как самостоятельное высказывание, но может выступать в роли сказуемого при подлежащем, выраженном существительным, называющем оцениваемый объект или лицо: *Идей у него своих не имеется! Это несомненно. А кажется, чего было проще сообразить насчет смерти Лещова?... Вот дядя так голова*! (П. Боборыкин. Китай-город).

Предложение, реализующее данную структуру, может включать частицу **уж** для подчеркивания, усиления оценки и слова типа *действительно, и в самом деле, и вправду*, передающие твердую уверенность: *Швеция – очень дешевая страна. Если покупать шерстяные вещи, так только там. Вот уж действительно дешевка так дешевка*! (Ю Трифонов).

Вторая ФС, входящая в подгруппу недифференцированной оценки строится по модели ***что за*** **+ сущ.:** *Что за сестра!; Что за характер!; Что за прелесть!* Конкретный характер выражаемой ею оценки обусловлен лексическим наполнением свободного компонента.. В этом отношении следует различать существительные трех семантических разрядов.

1. Существительные, называющие объект (лицо или предмет, действие)., которые сами по себе не содержат оценки и не выражают ее: *сестра, студент, врач, характер, дом, праздник, выступление, день, ручка, магазин.* При таких словах характер оценки определяется по контексту. Названный объект воспринимается как обладающий либо положительными, либо отрицательными

качествами в зависимости от того, как он проявил себя в той конкретной ситуации, в которой с ним столкнулся говорящий. *Что за врач! Не может посоветовать никакое действенное лекарство; Что за врач! Такой опытный, внимательный, думающий; На памятник Стягин посмотрел еще, пристально и с оттянутою губой. «Это полуштоф какой-то! – выговорил он – Что за пьедестал! Настоящий полуштоф с пробкой…»* (П. Боборыкин. Китай-город).*Что за дом! Мрачный, окна маленькие, комнаты темные; Десять раз перевернулась Анна Серафимовна с боку на бок. В спальне воздуху много, и засвежело немножко. Чего бы, кажется, не спать? Что за положение ее теперь! Вдова не вдова. И не девушка, и свободы нет*. (П. Боборыкин Китай-город); *Вчера – ненастье, А сегодня – что за день! Солнце, птицы! блеск и счастье! Луг росист, цветет сирень* (А. Майков. Боже мой! Вчера ненастье.).

2. Существительные, лексическое значение которых содержит положительную оценку: *умница, талант, помощник, скромница, труженик, радость, счастье, удача, успех*: *Что за удача! Мне удалось попасть на концерт моего любимого ансамбля; Что за радость! Мы едем всей семьей на Волгу.*

3. Слова, лексическое значение которых содержит негативную оценку: *лентяй, растяпа, безобразие, хулиган, ерунда, глупость, кошмар, обман,*: *Что за растяпа! Опять потерял ключ от письменного стола; Что такое нес генерал? О чем он просил его? Что за нелепость давать ему поручение к богатому родственнику?* (П. Боборыкин. Китай-город). *Что за безобразие! Кто-то разбил лампочку в подъезде.*

Естественно, что при словах второй и третьей группы характер оценки понятен без контекста (случаи иронического использования, безусловно, возможны), и контекст используется для аргументации, уточнения причин выраженной оценки.

Лексическое наполнение свободного компонента семантически не ограничено. Существительные, используемые в высказываниях этой структуры, относятся к разным разрядам с точки зрения их номинативного значения. Обычно используются существительные, называющие: лицо (*сестра, студент, врач*),

лицо через характеризующий его признак, качество (*красавица, умница, скромник, труженик, упрямец, лентяй*), конкретный предмет (*книга, часы, чемодан, комната, яблоки*), признак, качество (*трудолюбие, упрямство, усердие*), отвлеченное понятие, состояние (*тишина, спокойствие, радость, огорчение*), явление природы (*гроза, дождь, метель, жара*) и др. Существительные разного номинативного значения определенным образом варьируют общее оценочное значение ФС. Так, предложение *Что за сестра*! выражает общую характеристику лица (по признаку ‘хорошая’ – ‘плохая’), высказывания *Что за красавица!; Что за помощница!* выражают конкретную характеристику лица по одному признаку, предложения *Что за ручка! Что за груши!* указывает на ценностные качества конкретного предмета, а высказывания *Что за радость! Что за безобразие!* характеризуют ситуацию в целом.

Рассматриваемая ФС используется обычно как самостоятельное высказывание (см. приведенные выше примеры). Далее приведем ряд примеров, которые демонстрируют другие синтаксические возможности вхождения предложений этой модели в синтаксический контекст, а именно, что они могут выступать в предложении свободной структуры в качестве предиката (пример (1), могут входить в сложное предложение в качестве самостоятельной предикативной единицы (примеры (2)и (3). Предложение этой структуры может разрываться каким-либо сочетанием, высказыванием уточняющего или поясняющего содержания (пример (4). Ср: (1) *Гостья радостно воскликнула: «Что за чудо эта сельская жизнь!»;* (2) *В пятьдесят лет он написал «Снегурочку», сколько в нем, оказывается, было тогда молодых сил и свежести чувства. Он и сейчас дивится: что за энергия, что за избыток духовных сил в нем, в шестьдесят-то с лишком лет* (М. Лобанов. Островский, роман-газета, 2009, № 4). (3) *Ты ухаживаешь, стараешься понравиться – и вдруг видят тебя из окна, что летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени* (А. Островский Женитьба Бальзаминова). (4) *Что у них, – а еще молодые люди, – за замашка: ко всему относиться с недоверием, с злобностью какой-то!* (П. Боборыкин. Китай-город).

В высказывание этой модели могут включаться, распространяя ее, смысловые компоненты, указывающие на лицо, на время, место или другое обстоятельство: *Что за избыток сил в нем; Что за странные принципы у этого руководителя!; Что за воздух в сосновом лесу; Что за капризы из-за пустяка; Что за привычка спать до полудня!*

Оборот «*что за»* является объектом рассмотрения исследователя конца XIX в А. В. Попова. [Попов 1879]. Статья интересна тем, что автор детально анализирует процесс развития оборота «что за ...», для чего он привлекает данные других языков и констатирует, что аналогичный оборот имеется «во всех славянских наречиях, кроме болгарского и сербского; в литовском, латышском и в некоторых романо-германских языках» [Попов, там же: 1].

Третья фразеологизированная структура этой подгруппы имеет модель ***Ну и*** **+ сущ. /глаг./ прил./ нареч.** Она строится с помощью частицы *ну* и частицы *и*: *Ну и праздник!; Ну и погода!; Ну и придумали!; Ну и близко!*

Диагностирующим фактором при определении характера оценки является лексическое наполнение переменного компонента (существительного в первую очередь) и контекст. При заполнении этой позиции негативно-оценочным существительным или глаголом выражается отрицательная оценка-реакция: *Ну и растяпа! Ну и досада! Ну и не везет!* Ср.контекст употребления ФС: *–А что ж тогда здесь делать? И ящика нет.. – Какого ящика? – Ну, телика…ТВ! – А-а… Да, это у нас планируется не скоро. – Ну и тоска!...– Можно патефон завести, – предложил Андрей. Ему было неловко: ни радио, ни телевизора, ни кино….* (А. и Б.Стругацкие. Град обреченный). Контекст усиливает негативную оценку ситуации, содержащуюся в высказывании, аргументирует мнение говорящего, передает связанное с оценкой чувство досады, разочарования, раздражения. Эта структура может рассматриваться как близкий синоним структуры ***что за*** **+ сущ.**

Частица *и* может опускаться, без нее (особенно при поддержке усилительной интонации) значение сохраняется: *Ну растяпа!; Ну тоска!*

Три рассмотренные структуры недифференцированной оценки с компонентами (1) ***вот так..;*** (2) ***что за..;*** (3) ***ну и..*** семантически очень близки. Об определенном различии между ними свидетельствует разное их отношение к введению прилагательного с оценочным, характеризующим значением перед существительным, обозначающим переменный компонент. Структура ***что за*** **+ сущ.** свободно допускает использование перед существительным прилагательного, и оно своим лексическим значением, однозначно выражающем оценку, усиливает, акцентирует ее: *Что за* ***ужасный*** *день!; Что за* ***приятная*** *встреча!; Что за* ***капризный*** ребенок*!; Что за* ***деликатный*** *молодой человек*!. Некоторые прилагательные не столько указывают на характер оценки (она становится понятной из контекста), сколько на эмоциональное состояние, эмоциональную реакцию говорящего: *Что за неожиданная встреча*!; *Что за непонятное, странное письмо*!; *Он носился по плоской пустынной равнине, над которой стремительно проносились тучи и гудел ветер*. *Что за нескончаемый зеленый ад, из которого нет выхода!.*

Использование прилагательного перед существительным в структуре ***вот так*** **+ сущ**. нетипично, сама структура имеет сильное оценочное значение и не нуждается в каких-либо уточняющих «вставках». Ср. некоторую неестественность предложений типа *Вот так чудесный мастер!; Вот так замечательный праздник;! Вот так внимательный врач!; Вот так ужасный день* при выражения оценки. Если же прилагательное все-таки используется, то его роль иная: предложение в таком случае имеет ироническую окраску и указывает, что подлинная оценка объекта говорящим противоположна той, что названа сочетанием «прилаг.+ сущ.». Ср.: *Вот так опытный мастер! Возится уже три дня, а причину неполадки до сих пор не нашел; Настя испугалась и крепко прильнула к брату. Никита покровительственно поднял ее на руки и рассмеялся. Вот так храбрая Настя! С мальчишками дерется, лазит на деревья, ни перед кем не знает страха, и даже не боится спать в темноте, а тут испугалась!; Вот так плохая хозяйка! Такие пироги испекла. И с капустой, и с яблоками. Объеденье!*; *Вот так ленивый сотрудник! Первый выполнил работу и так*

аккуратно; Вот так непопулярный спортсмен! А зрительный зал полон и билетов на концерт уже две недели назад не было.

В структуре ***ну и*** **+ сущ.** использование прилагательного возможно, но не столь частотно. Эта структура предпочитает для более четкого проявления ее значения опору на контекст или на ситуацию. Если прилагательное вводится, то оно выполняет две роли: либо усиливает выражаемую оценку (как в ФС ***что за…***), либо выражает иронию и оценку, противоположную той, которую говорящий услышал от другого лица (как в ФС ***вот так…***): *Ну и трудный день! Я очень устал, хочется домой и отдохнуть; Ну и трудный день! Полдня только болтали да чай пили*.

Рассмотренная ситуация с введением в три ФС прилагательного, очевидно, обусловлена различной степенью их фразеологичности. Структура ***что за***… в большей степени связана со свободной структурой (со значением вопроса) и поэтому легко допускает прилагательное, уточняющее ее значение. Структура ***вот так….*** отличается большей фразеологичностью, более жесткой закрепленностью компонентов и поэтому более строго относится к вставкам, допускает их только с особой целью.

Следующая, четвертая ФС, входящая в подгруппу недифференцированной оценки, имеет модель ***какой это*** **+ сущ.**: *Какой это праздник*! *Какой это артист!* Вопросительное местоимение ***какой,*** входящее в постоянный компонент, согласуется в роде и числе с существительным, занимающим позицию переменного компонента: *Какая это помощница! Какой это помощник! Какие это помощники! Какое это удовольствие!* Значение структуры – характеристика качеств объекта по признаку ‘хороший’ – ‘плохой’. Оцениваться могут внутренние, внешние, содержательные качества или признаки, постоянные свойства или же проявленные в определенных условиях или в конкретной ситуации.

Это одна из немногих структур класса и единственная в этой подгруппе фразеологизированная структура, в дифференциации значения которой

определяющую роль играет интонация. В устной речи значение высказывания данной модели легко понять по тому, какая интонационная конструкция участвует в его оформлении: если высказывание произносится с ИК-5, то оно, как правило, передает положительную оценку (*Какой это праздник* – 'Это хороший праздник'), а произнесение того же высказывания с ИК-7 (с центром на *какой*) означает, что говорящий оценивает объект негативно (*Какой это праздник*! – 'Это плохой праздник, праздник не получился'). В письменном тексте средством определения значения является контекст: *Какой это праздник! Город украшен, всюду слышна музыка, люди радостные, приветливые, смеются, поют песни. – Какой это праздник! Город украсили, а праздничной атмосферы не чувствуется, люди так же торопливо идут по своим делам, каждый погружен в свои мысли*

Следует отметить, что ИК-5 может использоваться также для передачи негативной оценки, и тогда акцентируется компонент возражения, полемической заостренности, категорического несогласия. Такое интонационное оформление используется, например, в ответной реплике при диалогическом общении, если говорящий услышал положительную оценку собеседника и стремится активно возразить, выразить свою противоположную оценку. Высказывание этой ФС, выражающее негативную оценку и произнесенное с ИК-5, дополняется аргументацией, пояснением, например: – *Хорошо, что сегодня праздник, Можно отдохнуть. – Какой это праздник! На улице дождь, холодно, и мы сидим дома и скучаем*; *Ребят на разъезде мало: Васька, Петька, Сережка. Остальные ребята – вовсе мелкота: одному три года. другому – четыре. Какие же это товарищи?* (А. Гайдар. Дальние страны). Произнесенные с ИК7, такие высказывания не столь экспрессивны, в них интонация выполняет в первую очередь смыслоразличительную функцию.

Следует отметить, что слово *какой,* вопросительное по природе, в составе этой ФС утратило свое прямое значение, то есть не выполняет вопросительной функции. Напомним, что та же модель при использовании слова *какой* в прямом своем значении оформляет высказывание свободной структуры со значением вопроса. Такое предложение произносится с ИК-2 с интонационным центром на

вопросительном слове и используется в вопросно-ответном контексте, главным образом, в диалогическом: – *Какой это певец? – Это оперный певец / Это певец Петербургской филармонии.* На письме в этом случае высказывание заканчивается вопросительным знаком. Синтаксические и семантические особенности функционирования местоимения *какой* в вопросительных и восклицательных конструкциях детально анализируются в статьях [Крейдлин, Рахилина 1984] и [Крейдлин, Рахилина 1984а].

Лексическое наполнение переменного компонента свободно, однако характер существительного влияет на содержание, смысл самого высказывания. Существительное может только называть оцениваемый объект, и тогда положительный или отрицательный характер оценки определяется по интонации и контексту: *Какой это словарь (обед, дом, спектакль, город, помощник, специалист*)! Ср также*: Ах, какие это были ночи! Что лучше их!* (Вс. Гаршин. Очень коротенький роман); *Ее теперешняя «хозяйка» – миллионщица – настоящий человек, управляет двумя фабриками, сколько народу под командой! И какая у ней выдержка! Всегда ровна, приветлива, а на душе у ней, наверно, неладно…* (П. Боборыкин. Китай-город).

Если в позиции переменного компонента используется абстрактное, отвлеченное существительное оценочной семантики, тогда характер оценки определяется самим значением существительного, а все предложение указывает на полную или неполную степень проявления признака объекта. Сам оцениваемый объект ясен из контекста или ситуации. Объектом оценки в таком случае может быть ситуация в целом: *У меня в саду распустилась белая роза. Какая это красота!*; *Мы весь день провели на пляже. Купались в море, загорали, играли в волейбол и снова купались. Какое это было удовольствие!; Мы уже две недели работаем без выходных, чтобы закончить проект и предупредили, что эта суббота тоже будет рабочей. Какое это безобразие!*

Лексическое наполнение переменного компонента влияет на возможность структурного варьирования модели. В случае выражения свободного компонента одушевленным существительным со значением лица вместо частицы *это* в

составе переменного компонента используется также личное местоимение третьего лица соответствующего рода и числа (*он, она, они*): *Какой это музыкант! – Какой он музыкант!* Ср также: *Какая она певица! Какие они помощники!* Для высказываний с неодушевленным существительным такой вариант отсутствует: *Какой это праздник! – * Какой он праздник!*

Если объектом оценки является собеседник, собеседники или сам говорящий (ситуация самооценки), то в постоянный компонент входит личное местоимение второго или первого лица (*ты, вы, я, мы*): *Какой ты помощник; Какие вы помощники!; Какая я художница!; Какие мы музыканты!* В таких высказываниях личное местоимение нельзя заменить местоимением *это*, так как оно имеет указательное значение и не соотносится с первым и вторым лицом

Следует отметить следующий семантический вариант этой ФС, который может возникать при выражении негативной оценки. Степень, интенсивность негативной характеристики колеблется и может занимать разное положение на шкале отрицательных оценок. Другими словами, высказывание этой модели может оценивать объект как недостаточно хороший, качественный, как сочетающий негативные качества с положительными. Но высказывание может указывать также на то, что объект вообще не обладает качествами и свойствами, определяющими сущность объектов данного класса, следовательно его, по мнению говорящего, вообще нельзя причислить к данному классу объектов, и значение негативной оценки объекта может приближаться к значению отрицания статуса, сущности объекта, т.е. значение негативной оценки может переходить в значение отрицания. Так, высказывание *Какой он артист* может означать 1)‘Он не очень хороший, плохой артист’ или 2) ’Он не артист»’, так как он по своим профессиональным качествам не соответствует требованиям, предъявляемым к людям данной профессии. Ср. также: *Какой вы охотник! Вот вовсе вы не охотник!* (А. Чехов).

Слово *это* постоянного компонента иногда может опускаться, если контекст достаточно однозначно указывает на характер оценки: *В Куоккале Репин*

увидел сюжет большой картины, который он обозначил возгласом «Какой простор!»

К структурам недифференцированной оценки относится также ФС, имеющая модель **сущ. + *из* + сущ.р.п. мн**. Она включает повторяющееся существительное в форме им.п. и р.п.мн. ч. Две формы существительного соединяются предлогом *из*: *Красавица из красавиц! Хитрец из хитрецов!* Возможна инверсия, перестановка компонентов: *Из хитрецов хитрец! – Хитрец из хитрецов!*. Специфика значения этой структуры заключается в том, что она не дает общую оценку объекта с точки зрения его соответствия эталону, т.е. не выражает положительную или негативную оценку объекта, не оценивает его по признаку ‘хороший’ – ‘плохой’, а указывает на высшую степень проявления у объекта определенного качества, свойства. Структура характеризует объект как такой, в котором характерные для него черты, свойства, качества проявляются в наивысшей степени. Структура содержит в семантике элемент сравнения, выражает оценку через сравнение объекта с другими, обладающими тем же признаком. Смысл высказываний этой модели передается с помощью сочетания ‘самый…. из всех подобных’.

Лексическое наполнение ограничено и определяется типовым значением структуры: это существительные, называющие лицо по характерному для него положительному или негативному качеству, свойству, признаку (*хитрец, смельчак, подлец, умница, красавица, лентяй, обманщик*) или слова, называющие лицо по роду занятий (*мастер, умелец, знаток, фокусник, музыкант*). Используются также отвлеченные, абстрактные сущесвительные, существительные, называющие событие, явление, ср.: *Радость из радостей, Из неприятностей неприятность*; *Из праздников праздник*. Конкретные существительные редки (ср.: *Подарок из подарков!*).

ФС используется как самостоятельное предложение (См приведенные выше примеры) или как сказуемое двусоставного предложения.: *Пройдоха, мошенник из мошенников этот Миша* (А. Чехов. Иванов).

Возможна условно-временная парадигма: *Был / будет / был бы / будь из хитрецов хитрец.*

Вариантом рассматриваемой ФС является структура: **сущ. + сущ. р. п.. мн.**, включающая две формы одного существительного, следующие одна за другой и ничем не соединенные: сначала идет существительное в форме именительного падежа, а за ним следует то же существительное в форме родительного падежа множественного числа: *Талант талантов*. Эта структура используется как самостоятельное предложение, но чаще как предикат двусоставного предложения: *Пасха – праздник праздников*! (из газет*); Рапсодия для фортепиано с оркестром С. Рахманинова 1934 года – это шедевр шедевров. Предельный аскетизм и напряженность духовная* (из док. фильма о С. Рахманинове).

Можно было бы сказать, что это вариант с пропуском предлога *из*, однако пропуск здесь представляется семантически мотивированным. Модель без предлога является лексически ограниченной, в ней используется сравнительно небольшое количество существительных, причем только положительной семантики. В собранном нами материале нет примеров, в которых эта структура включала бы существительное негативной оценки. На этом основании можно утверждать, что структура однозначно предназначена для выражения только положительной оценки объекта или высокой степени проявления его признака, сущностных черт.

Возникает необходимость сопоставить ФС, включающую предлог *из* (1) *Хитрец из хитрецов!; Красавица из красавиц!,* с двумя ФС положительной оценки, также содержащими оттенок сравнения: (2) *Всем цветам цветы* и (3) *Розы – это цветы*. Эти три структуры, сближаясь на основании общего для них семантического компонента сравнения, по-разному реализуют значение оценки. С этим связана особенность лексического наполнения каждой.

Структура (1), представленная предложениями *Хитрец из хитрецов!; Красавица из красавиц!,* указывает на высшую степень проявления признака (положительного или негативного), поэтому она включает, как отмечалось,

довольно узкий круг существительных, так или иначе связанных с обозначением признаков, свойств (см выше).

ФС (2), представленная предложением *Всем цветам цветы* в основном используется для выражения положительной оценки, для указания на соответствие объекта эталону, поэтому она имеет довольно широкое лексическое наполнение: позицию переменного компонента заполняют существительные разной семантики, называющие объект, который говорящий оценивает (*цветы, пироги, помощник, словарь праздник, радость, работа, стройка* и т.д.). Однако при определенном лексическом наполнении переменного компонента высказывания этой структуры могут использоваться для указания на степень проявления признака *Всем радостям радость*!; *Всем хитрецам хитрец!* В этом случае она вступает в отношения синонимии со структурой (1), включающей предлог *из*: *Радость из радостей!; Из хитрецов хитрец*

Предложения структуры (3) *Розы – это цветы* оценивают данный вид объектов, сравнивая его с другими видами объектов данного рода, поэтому они включают два разных существительных, связанных видо-родовыми отношениями. В этой структуре нет указания на степень проявления признака, а только утверждается полное соответствие качеств объектов этого вида эталону.

1.4. Оценка как соответствие норме

Не случайно, совершенно логично, что для указания на соответствие объекта норме в русском языке выработано мало ФС. Действительно, то, что ничем не отличается от общепринятого, типичного, ничем не выделяется, не требует разнообразия выражения. Здесь нечего дифференцировать. Норма есть норма. Другое дело, если оценивающий указывает на отклонения от эталона в одну или в другую сторону. Там можно указать степень, характер отклонения сопоставить данное с подобным, можно оценить объект в целом или какую-либо его часть и т.д.

Значение соответствия объекта, его признаков норме (нейтральная оценка) передают фразеологизированные предложения модели (1) **сущ. + *как* + сущ.**,

включающей постоянный компонент *как*, соединяющий повторяющееся имя существительное в форме именительного падежа: *Лес как лес; Обед как обед; Неделя как неделя.* Объект характеризуется как соответствующий обычному, традиционному представлению о нем: ‘Это обычный лес, он не хуже и не лучше других лесов’; ‘Эта неделя ничем не отличается от других, она не легче и не труднее других’. Ср также: *Ни на кого не глядя, он устремился к зданию на правой стороне улицы. Здание это было как здание, ничем особенным оно не отличалось, разве что подъезд был пороскошнее да в общем облике чувствовался некий готический акцент* (А. и Б. Стругацкие. Град обреченный); *Он тут же вспомнил о сомнительном корейце Паке, и ему показалось, что появятся новые заботы, но он тут же легкомысленно махнул на это рукой. Кореец как кореец. Спокойный человек. Никогда ни на что не жалуется* (там же).

ФС образует все формы синтаксического индикатива, сослагательного, условного и желательного наклонения. *Лес как лес – Лес был, (будет, был бы) как лес – Если бы лес был как лес…/ Будь лес как лес…/Был бы лес как лес!* Возможны также реализации с полузнаменательными глаголами *бывать, выйти, стать, делаться, сделаться, оказаться: Стал ребенок как ребенок; Обед вышел как обед; Сделался человек как челове; Специалист оказался как специалист.*

Повторяемое имя существительное лексически не ограничено. В устной речи высказывания этой структуры обычно оформляются интонационно с ИК-1.

Предложения этой структуры принимают в свой состав подлежащее *Все они – люди как люди; Коля Капустин был мальчик как мальчик.* Первое имя ФС само может интонационно отчленяться и противопоставляться остальному составу как подлежащее. Такие расчлененные высказывания произносятся с двумя синтагмами: первая синтагма произносится с ИК-2 или ИК-3, вторая – с ИК-1: *Все они / люди как люди; Люди / как люди.*

Предложения распространяются обстоятельственными детерминантами: *Сегодня был вечер как вечер*; *У нас (Обычно, Со мной*) *он мальчик как мальчик*. Субъектная детерминация (*кому, для кого*) служит для обозначения воспринимающего или оценивающего субъекта (*Для меня он ученик как ученик;*

Для меня (*Мне*) *все люди как люди* или – для обозначения носителя ситуации (форма *у кого*): *У меня эта неделя как неделя*. Отрицание не принимается

Структура с *как,* указывая на соответствие норме, все-таки содержит возможность варьирования эмоционального отношения. Дело в том, что понятие нормы воспринимается людьми по-разному. Для одних норма – это стандарт, обыденность, отсутствие оригинальности. Для других же норма, напротив, то, что является классикой, к чему надо стремиться, то, чему можно доверять. Для третьих – это та «золотая середина», по поводу которой не стоит волноваться. Ее надо принимать без комментариев. Эти эмоциональные оттенки, которые могут сопровождать значение нейтральной оценки, проявляются в контексте, в смысловом содержании предшествующего или последующего высказывания. Приведем для иллюстрации несколько текстовых фрагментов.

(1) *Одежда его вечерами проста, всегдашняя – темно-серый пиджак, темные брюки. Также темная беретка. Туфли как туфли. Неприметные* (В. Маканин. Неадекватен).

(2) *Совсем спятила баба. Пока в сиятельство не лезла – была баба как баба, а теперь приступу нет* (А.Чехов Иванов*); Был у нас печник как печник. А теперь, прямо скажу, спятил! Картины задумал рисовать* (из кинофильма).

(3) *«Что же это такое… У всех дети как дети, а мой просто дикарь какой-то», – расстраивалась мама. Мальчик вцепился в мамину юбку и не хотел идти в новогодний хоровод*(из радиопередачи)**.**

(4).*Это была свадьба как свадьба. Шумная, веселая Гости кричали «горько»*

(5) *Таня, что происходи? У нас сегодня* какой-*то особенный день? – День как день. Солнышко светит, птички поют. – Не морочь мне голову. Я ведь вижу. Ты одета нарядно, что-то особенное готовишь* (из частных разговоров*)***.**

(6) – *Что я такое значу! Куда мне с суконным рылом! – Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове.*

Включение в структуру **сущ. + *как* + сущ.** вместо имени нарицательного имени собственного или названия места, города видоизменяет смысл

высказывания: оно указывает не на обычные качества объекта, ничем не выделяющие его, не отличающие от других, однотипных, родственных, а на неизменность свойств, поведения объекта по сравнению с другим, обычно предшествующим отрезком времени. Например, назвав газетную статью *Рим как Рим,* ее автор вовсе не имел в виду, что ‘Рим – это самый обычный город‘, а хотел подчеркнуть, что он увидел и на этот раз Рим таким же, как и прежде, как всегда. Ср. подзаголовок, который дается после этого заголовка: *Изменившись за тысячелетия, он остался самим собой*. Ср также: *Саша как Саша. По-прежнему увлекается шахматами, книгами и не любит спорт.* Смысловое содержание таких высказываний передается предложениями, включающими слова *такой, как и раньше, такой же, совсем не изменился, так же.., как и всегда* и т.п.

Слово *как* может соединять две одинаковые предложно-падежные конструкции обычно со значением обстоятельства места. Например: *На войне как на войне; В лесу как в лесу.* Цель таких предложений – подчеркнуть, что в данном месте сейчас все обстоит именно так, как и должно быть, ничего особенного, выходящего за рамки нормы, не происходит. Использование в этом варианте ФС названия места передает значение неизменности, постоянства состояния, качества: Ср.: *В Арктике как в Арктике. Кругом льды, снега и температура под шестьдесят градусов.*

Встречаются случаи, когда в позиции переменного компонента используется глагол. Грамматическое значение глагола как части речи видоизменяет значение структуры, вносит нюанс. Ср: *Живу как живу* (‘как умею’, ‘как хочу’, ‘как получается’); *Могу как могу* (‘по-другому не умею. не надо ждать от меня другого’*); Получилось как получилось* (‘принимайте тот вариант, который получился , соглашайтесь с ним’).

Существует устойчивое сочетание *Нет как нет,* означающее полное и длительное отсутствие чего-либо и используемое в сочетании с формой родительного падежа существительного: *Дел еще много, а времени нет как нет.*

Для указания на то, что объект, его качества, свойства соответствуют норме, используются также предложения фразеологизхированной модели (2) ***сущ.*** **+** ***и*** **+ сущ.,** включающей два одинаковых существительных, соединенных союзом *и: Лес и лес*; *Обед и обед*. Эта ФС синонимична структуре **сущ. +** ***как*** **+ сущ**.: *Тебе нравится этот лес? – Лес и лес* (*Лес как лес*). *Ничего особенного*.

Сравнение этих двух синонимичных структур показывает, что структура с компонентом *как* более частотна, может быть оттого, что она более экспрессивна, тогда как ФС **сущ. +** ***и*** **+ сущ.** подчеркивает отсутствие эмоциональной реакции говорящего, его безразличие к качественной стороне объекта.

Возможностью придать различные дополнительные семантические оттенки значению структуры **сущ. +** ***как*** **+ сущ**.объясняется ее использование в качестве заголовка, чтобы настроить на ожидание чего-то необычного, показать, что на фоне этой нормы (‘как все’, ‘как обычно’, ‘ничего особенного’) вдруг возникает что-то неожиданное, или вызвать неприятие этой «тишины», желание уйти от ординарности, стандарта. Ср. название статьи *Дети как дети,* а также популярной повести *Неделя как неделя.* Высказывание этой структуры может стать началом повествования, если автор хочет рассказать о чем-то, что произошло неожиданно, внезапно, на фоне спокойного, без отклонений начала, например: *Был день как день. Светило солнышко, мы собирались за город. Вдруг…неожиданно поднялся ветер, небо потемнело….*

Структура **сущ. +** ***и*** **+ сущ**.в этом значении используется намного реже, чем структура **сущ. +** ***как*** **+ сущ**. Очевидно, потому, что она семантически не столь однозначна, не столь выразительна, что уменьшает ее воздействующую роль и сужает ее коммуникативные возможности.

Несколько забегая вперед, отметим, что есть еще одна ФС с союзом *и.* В ней в качестве переменного компонента функционирует повторяющийся глагол или наречие, ср.: *Выступает и выступает; Пригласил и пригласил; Подарил и подарил*; *Далеко и далеко*. Она рассматривается как самостоятельная ФС и входит во вторую группу ФС на том основании, что она имеет другое самостоятельное значение – выражает пассивное принятие чего-либо. Например: *–Ты знаешь, Коля*

приехал. – Приехал и пирехал. Подробнее эта ФС будет рассмотрена далее, в этой главы.

2. Предложения ФС, выражающие принятие и отрицание

Структуры данной группы, как видно из названия параграфа, делятся на две подгруппы. Термины «принятие» и «отрицание» – самое общее обозначение значения структур (как аналогичные им будем использовать также обозначения «да» и «нет»). Общие значения принятия и отрицания варьируются от структуры к структуре. Значение «да» может реализоваться в таких семантических вариантах, как согласие, принятие, утверждение, значение «нет» – в таких вариантах, как несогласие, возражение, отрицание.

2.1. Принятие

В эту подгруппу входит шесть структур. Первая строится по модели (1), включающей в качестве постоянного компонента частицу *так*, соединяющую две одинаковые формы одного и того же знаменательного слова. Это может быть инфинитив, существительное в любой падежной форме с предлогом и без предлога, прилагательное, наречие: **инф. /сущ./ прил./ нареч. + *так* + инф. /сущ./ прил./ нареч.** Например: *Ехать так ехать; Синие цветы так синие; Домой так домой; В три часа так в три.* Частица *так* в данном фразеологизме всегда безударна и произносится [т∧к] или [тык].

Возможность использования для заполнения позиции переменного компонента слов разных частей речи обеспечивает широкие семантические возможности структуры. При выражении свободного компонента формой инфинитива она передает согласие говорящего принять, осуществить действие, а следовательно, всю ситуацию: *– Давай поговорим – Поговорить так поговорить; — Нам уже надо ехать. — Ну что ж, ехать так ехать!; – Пора начинать работу. – Начинать так начинать*; [Большов:] – *Стряпчий был?* [Подхалюзин:]– *Был-с*. [Большов:] – *Говорил ты с ним?* [Подхалюзин:] *Да что, Самсон Силыч,*

разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с. Одно ладит – объявиться несостоятельным. [Большов:] – *Что ж, объявиться так объявиться – один конец*. [Подхалюзин:] *Ах, Самсон Силыч, что вы изволите говорить!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся).

При выражении свободного компонента неглагольным словом передается согласие с определенным аспектом ситуации: – *Пойдем в парк. – В парк так в парк; Давай встретимся завтра – Завтра так завтра. Включи звук погромче – Погромче так погромче*; *— Давай купим Ире книгу в подарок. — Давай. Книгу так книгу. Я согласен; – По домам, что ли, командир? Он угрюмо оглядывал улицу. – Ну что ж…– произнес тот, – По домам так по домам. Он повернулся и первым направился к грузовику* (А. и Б.Стругацкие. Град обреченный); – *Как же тебя звать–то, батюшко? Я всё позабываю. – Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна. – Как же это так: Псович? По-каковски же это? – Отца звали Псой, – ну, стало быть, я Псоич и выхожу. – А Псович так Псович; что же, это ничего, и хуже бывает.* (А. Островский. Свои люди – сочтемся)

Типичной ситуацией реализации данной ФС является диалогическое общение. Фразеологизированная структура содержится обычно в ответной реплике и включает компонент в той форме, в которой он называется в реплике-стимуле. – *Печенья нет. Ты будешь чай с вареньем? – С вареньем так с вареньем. – Печенья нет. Я дам тебе варенья – Варенья так варенья*. Структура может использоваться также в монологической речи говорящего (в том числе во внутреннем монологе) как итог рассуждений (размышлений). Например: *Придется кое-что повторить перед выступлением, подобрать свежие примеры. Это, конечно, потребует определенного времени. Но без этого нельзя. Повторить так повторить.*

Парадигма четырехчленна: *Ехать так ехать — Ехать так ехать было* (*будет, было бы*)*./ Ехать было* (*будет, было бы*) *так ехать.* Возможно введение отрицания (*Не ехать так не ехать ;– Саша, до начала спектакля еще 40 минут, давай не спешить. – Хорошо, не спешить так не спешить!*), а также субъектного

детерминанта в форме *кому*, обозначающего субъект действия или состояния (*А мне уж ехать так ехать*).

В качестве структурно-семантического варианта используется структура, включающая во второй части спрягаемую форму того же глагола: *Ехать так поеду; Отдыхать так отдохну; Ты предлагаешь мне искупаться? Искупаться так искупаюсь.* В этом случает передается согласие с оттенком готовности выполнить действие охотно, без колебаний. Иногда возникает значение обусловленной неизбежности: *Искупаться так искупаюсь* (*хотя вода холодная*).

Возможно использование спрягаемой формы в обеих частях структуры, хотя такой вариант используется реже: *Ты предлагаешь отдохнуть? Отдохнем так отдохнем.* В ответной реплике спрягаемая форма глагола, обычно, повторяет форму, использованную в реплике-стимуле: *Может быть, не будем брать книгу в библиотеке, а купим ее, пока она продается? – Купим, так купим.*

И.Н. Кайгородова, исследовавшая проблему фразеологизации синтаксических построений, отмечает, что для ФС **инф. + *так* + инф**. исходной, является сложноподчиненная структура причинно-следственного значения: *Если решили идти, то одевайся теплее*, которая затем утрачивает союз *если*, включает частицу *так* и постепенно происходит формирование ее новых смыслов: *Драться так драться; Речка так речка, Вот уважил, так уважил* [Кайгородова 1999: 37]. Н.А.Николина также считает, что эта структура генетически связана с синтаксической структурой, имеющей значение обусловленности (*Если делать. то...*) [Николина 1995: 83].

Вторая ФС со значением согласия строится по модели (2) (***А*) *почему бы (и) не* + инф. (сущ., прил., нареч.)**: *— Вы поедете на экскурсию? — А почему бы и не поехать! С удовольствием поеду; — Вы будете покупать эту книгу? — А почему и не купить! Книга, кажется, полезная.* Частица *а* и союз *и* факультативны, могут опускаться. Например *— Может быть, лучше завтра сходим к ним? — Почему бы не завтра. Завтра мне тоже удобно;* В предложениях этого значения обычно употребляется глагол совершенного вида.

Вместо сочетания *почему бы не* возможно употребление сочетания *отчего бы не*, которое, однако, воспринимается как несколько устаревшее, или сочетание *что ж не*, имеющее разговорно-непринужденную окраску: [Раиса:] *Коли вы влюблены, отчего же вы мне письма не написали?* [Бальзаминов:] *Я не смел-с….А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту написать вам даже нынче. А вы мне напишите ответ-с?* [Раиса:] *Отчего же не написать* (А. Островский. Женитьба Бальзаминова). *Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками* (А. Островский Свои люди – сочтемся).

В диалогической речи, когда ФС используется в ответной реплике, инфинитив, названный в реплике-стимуле, может опускаться, и используется частица ***нет***: *– И вы посмели сказать про меня такое? – А почему бы и нет? Ведь это правда!; – Украдены 4 уголовных дела, Анастасия Павловна. – Вы предполагаете, он их украл? – Может быть. – согласился Миша. –А почему бы нет?– Да зачем ему?!– с досадой воскликнула Настя* (А Маринина).

Важно определить разницу в значении двух представленных ФС этой группы, обозначающих согласие: *Ехать так ехать* и *А почему бы и не поехать*. Первая может указывать на принятие говорящим того, что предлагается или предстоит сделать, вопреки его желанию, т.е. имеет оттенок вынужденного согласия. Этот оттенок иногда подчеркивается сочетанием (*Ну*) *что ж* (*же*), которое употребляется здесь в значении уступительной частицы «для усиления уступительного характера предложения, для выражения вынужденного согласия с чем-л.: н и ч е г о н е п о д е л а е ш ь, п р и х о д и т с я» [Словарь русского языка в четырех томах. Т. IV: 686]. Это сочетание обычно предшествует ФС. Предложение *Ну что же, ехать так ехать* может означать ‘Хотя и не хочется, но придется ехать’, ‘Я поеду, но без желания’. Вторая ФС означает, что говорящий соглашается охотно, легко, без внутреннего сопротивления, т.е. выражает согласие с оттенком готовности. Предложение *А почему бы и не поехать* имеет смысл ‘Я охотно, с удовольствием поеду’. Ср.: *Как-то в разгар лета приятель*

пригласил меня поехать с ним в деревню. Я сразу согласился. А почему бы и не поехать! Я уже более двух лет не отдыхал от работы и ежедневной утомительной городской сутолоки. Мне полезно совершить небольшую поездку (из телевизионного интервью).

Правда, контекст может стирать различие, в частности, говорящий может никак не выражать свое отношение к выполнению предлагаемого действия, и оттенок вынужденности в первой ФС может не проявляться.

Следует также обратить внимание на функционирование видовых форм в обеих ФС. В первой возможны оба вида: *Ехать так ехать; Поехать так поехать; Помочь так помочь; Кончать так кончать; Закончить так закончить; Переделать пак переделать.* Несовершенный вид обозначает процесс или указывает на согласие субъекта приступить к действию, начать его. Форма совершенного вида обозначает однократное конкретное действие или указывает на готовность субъекта выполнить это действие. Выбор вида обусловлен контекстом. В условиях диалогического общения обычно повторяется та видовая форма, которая используется в предшествующей реплике собеседника: – *Надо заканчивать работу, уже поздно – Заканчивать так заканчивать;*

В предложениях модели ***почему бы и не*** **+ инф.** более частотна форма совершенного вида, которая по значению эквивалентна форме совершенного вида инфинитива после модальных слов при передаче однократного действия. Например: *А почему бы и не выступить!* (‘Я готов, могу, согласен выступить’).

Интересно, что при употреблении в одной и той же ситуации обеих ФС, выражающих согласие, они могут различаться видом. Например:

(1)— *Вы должны сами поехать в этот город и все проверить. Вы согласны?*

(а) — *Ну что ж, ехать так ехать*. / (б) — *А почему бы и не поехать*.

(2)— *Бросайте дела, мойте руки, будем обедать.*

(а) — *Обедать так обедать. Я согласен*. / (б) — *А почему бы и не пообедать! С удовольствием*.

Две рассмотренные ФС (1) **инф. +** ***так*+ инф.** и (2) ***почему бы и не* + инф.** передают значение согласия и семантически близки. Это значение мы рассматриваем как основное для обеих структур, и с этим значением они входят в класс фразеологизированных предложений и в данную семантическую группу. Между тем и первая, и вторая ФС могут передавать и другие оттенки значения или самостоятельные значения, что позволяет говорить об их семантической неоднозначности или многозначности. Эти семантические возможности двух структур будут охарактеризованы дальше, см. § 8. работы.

Следующая ФС с общим значением ‘да’ имеет модель (3) ***это ли не* + сущ. /глаг./ прил./ нареч.,** конструктивной основой которой является составной компонент *это ли не.*: *Это ли не счастье!; Это ли не победа!* Структура имеет ярко выраженные признаки фразеологичности: лексическое значение местоимения *это* значительно ослаблено, частица *не* утратила свою отрицательность, как в лексическом, так и в синтаксическом плане. Наличие частицы *ли* придает структуре вид вопросительной, однако она является вопросительной лишь по форме, не предполагает ответа, напротив, используется для выражения акцентированного, подчеркнутого утверждения. Значение утверждения усиливается эмоциональным компонентом уверенности, убежденности. Мнимая вопросительность структуры, частицы *не* и *ли,* используемые в переосмысленном, вторичном значении, создают ее повышенную экспрессивность.

Позицию переменного компонента, кроме существительного, могут заполнять также глагол (обычно в форме прошедшего времени), прилагательное и наречие: *Это ли не помогли!; Это ли не мудрый!; Это ли не близко!*

Парадигма четырехчленна: *Это ли (было, будет, было бы) не счастье!* Допустимо распространение по правилам присловных связей и детерминации: *Это ли не равнодушие к новому!; Для учителя это ли не радость!; Это ли не проявление интереса молодежи к проблемам города!*

Смысл таких предложений, можно передать предложениями свободной структуры, в которых уверенность, безоговорочность утверждения, убежденность говорящего передается лексическими показателями *безусловно, конечно, действительно, настоящий, несомненно, без сомнения* и т.п. Ср.: *Это ли не счастье* – ‘Это настоящее счастье’, ‘Это, действительно, счастье’.

В отличие от первых двух ФС этой подгруппы эта структура не является, ответом на побуждение другого лица выполнить действие или согласие с аспектом действия. Это не согласие, а утверждение ситуации или объекта и его качеств (*Это ли не цветы*) или сообщение о принятии ситуации (*Это ли не удача*!). Такие высказывания чаще используются в конце смыслового фрагмента, монологического рассуждения, объясняющего, аргументирующего факт уверенного принятия говорящим действия или ситуации *В любой ситуации Михаил Федорович поступает как настоящий товарищ, как защитник и помощник. Это ли не пример для молодежи!; Здесь рядом река с прекрасным пляжем, есть хорошая спортивная площадка. Мы много купались, загорали, катались на лодке, играли в волейбол, гуляли в лесу. Это ли не отдых!; Слава и Аня просто молодцы. Вчера приехали ко мне на дачу, мы вместе убрали яблоки с дерева, подмели дорожки. Это ли не помогли. Теперь в саду порядок; У Юли опять болит горло, она простудилась. Это ли не огорчение; Мальчишки гоняли мяч во дворе и сломали молодое деревце, да еще нагрубили женщине, которая сделала им замечание. Это ли не безобразие.* Использованная в конце приведенных фрагментов ФС – это уверенное утверждение говорящим того итога, к которому он пришел в результате восприятия реальной ситуации. Итог выражен в ФС, а сама ситуация представлена в предшествующем контексте.

Семантической спецификой обусловлена особенность лексического наполнения свободного компонента. Употребляются слова разных частей речи, однако, как показывает материал, наиболее частотны высказывания с абстрактными существительными, которые используются для характеристики ситуации: *радость, счастье, удача, везенье, огорчение, беда, горе, проблема, забота, уважение, трудность* и др. Они называют чувство, состояние,

ощущение, с помощью которого характеризуется возникшее отношение говорящего к ситуации. Это обобщенно выраженный характер восприятия ситуации, показывающий, что именно так принимает ситуацию сам говорящий и побуждает так же воспринимать ситуацию тех. к кому она относится. Например: *Из за нелетной погоды мы на два дня задержались в Красноярске. Но зная, что недалеко от города находится озеро Байкал, мы воспользовались случаем, чтобы увидеть это уникальное место. Это ли не удача!*

Частотны также существительные, называющие объект (конкретный предмет, лицо, событие, явление), который утверждается как обладающий определенными признаками, качествами, достаточными для того, чтобы принять его: *Это ли не словарь!; Это ли не дом!; Это ли не праздник!; Это ли не друзья!; Это ли не метель!*

Утверждаемый говорящим характер восприятия ситуации может быть представлен через действие. признак. обстоятельство, ср.: *Это ли не выступил!; Это ли не погуляли!; Это ли не близко!; Это ли не красивые!*

Значение уверенного, акцентированного утверждения, выражаемое сочетается в рассматриваемой структуре с оценкой, характеристикой, что естественно. Если говорящий утверждает свое восприятие ситуации, то этим она и оценивается. На основании этого высказывания рассматриваемой структуры семантически могут соотноситься с высказываниями структуры ***чем не*** **+ сущ.,** которая выражает оценку и также содержит компонент убеждения (См. ФС группы «Оценка»). В обеих структурах ярко проявляется направленность на адресата, стремление воздействовать на него, на его мнение. Различие между ними заключается в следующем. Основное значение структуры ***это ли не*** **+ сущ. –** утверждение, принятие говорящим ситуации такой, какой она сложилась, с тем характеризующим признаком, который говорящий выделил в ней. Основное значение структуры ***чем не*** **+ сущ. –** выражение положительной оценки объекта, утверждение наличия у него положительных ценностных признаков с целью убедить в этом собеседника. Другими словами, значение обеих структур включает компоненты «характеристика объекта», и «принятие объекта», но в них по-

разному расставлены смысловые и коммуникативные акценты, они отражают разные движения мысли. Используя структуру ***это ли не*** **+ сущ.,** говорящий ставит целью заявить о своем принятии ситуации такой, какой он ее охарактеризовал, а цель структуры ***чем не*** **+ сущ. –** убедить собеседника (слушателя), что объект обладает положительными качествами, признаками.

Не случайно, значение принятия, свойственное структуре ***это ли не*** **+ сущ.** ,означает принятие объекта, обладающего и положительными качествами, и отрицательными. Ср.: *Это ли не счастье! – Это ли не горе!; Это ли не победа! – Это ли не поражение!;* Структура ***чем не*** **+ сущ.** предназначена, как правило, для выражения положительной оценки.

С различием значения двух структур связано различие в морфологическом выражении переменного компонента. В частности, структура со значением оценки не допускает в этой позиции глагола.

Следующая, четвертая ФС этой подгруппы строится по модели (4) **сущ. +** ***есть*** **+ сущ.** Она включает повторяющееся существительное, соединенное связочным глаголом *есть*: *Лес есть лес; Семья есть семья; Зима есть зима.* Данная структура в силу ее формальной специфики, связанной с тавтологией образующего компонента, неоднократно привлекала внимание исследователей, см, в частности [Янко-Триницкая 1967], [Тулина 1970], [Андрамонова и др. 1982: 91 - 103], [Эйхбаум 1986], [Туровская 1986], [Русская грамматика 1980, Т. II: 285], [Иевлева (Газизова) 2000].

Мы квалифицируем данную структуру, как и другие рассматриваемые в нашей работе высказывания с тавтологией («повторной номинацией), фразеологизированной и характеризуем ее семантику и коммуникативный потенциал следующим образом. Она означает принятие объекта с теми качествами, свойствами, которые он проявил в данной ситуации. Предложения данной структуры выражают полное, безоговорочное принятие объекта, так как те его свойства, которые проявились в данном случае, типичны для него, входят в его содержание. Эта ФС нередко употребляется в контексте аргументации, когда

необходимо объяснить данное, может быть, неожиданное для собеседника или не понравившееся ему проявление предмета, явления, лица, показав, что это — норма. Например: *Тебе придется привыкнуть к тому, что домашняя работа отнимает много времени. Семья есть семья*; *Ну, что ж, нашу встречу пора заканчивать, хотя об этой теме можно говорить еще очень долго, но время есть время* (из телепередачи); *А ты тоже хорош! Обещал писать два раза в месяц, а я до сих пор получила только одно короткое письмо. Знаю, что очень занят, но мать есть мать и об этом забывать не должно* (В.Каверин Наука расставания).

Г.Н. Эйхбаум, анализируя коммуникативно-прагматический аспект данных построений, относит их к объяснительно-аргументирующему интенциональному типу высказываний [Эйхбаум 1986: 32].

В значении ФС закреплен тот факт, что у данного объекта наряду с категориальными, т.е. сущностными признаками и качествами, всегда присутствующими у объектов данного класса, есть также дополнительные, не основные, коннотативные, которые, в отличие от категориальных, проявляются не всегда и не обязательно. Категориальные признаки являются обязательными для всех объектов данного класса, они всем известны, так как составляют суть объекта. Именно эти признаки называются при словарном толковании слова, называющего данный объект. Однако конкретный объект класса в той или иной ситуации, в определенном коммуникативном акте может проявить и другие, необязательные, но тоже характерные признаки.

На наличии этих двух типов признаков и строится ФС. Повторение одного и того же существительного используется для передачи значения идентификации объекта самому себе и привлечения внимания к не основным, периферийным компонентам значения (признакам объекта). Она указывает, что если эти дополнительные признаки проявляются, то это, естественно, является нормой, они также входят в содержание данного класса объектов, и поэтому не следует их отрицать, следует их принять как факт, как данность.

В значении данной ФС как лингвистической единицы отражена специфика лексического значения слова, которое, как показывают коммуникативная лингвистика и коммуникативная лексикология, оказывается гораздо глубже и объемней, чем это представляется. И.А. Стернин, подчеркивает, что в понятие значения необходимо включать «все семантические признаки, выявляющиеся в слове, – как структурно релевантные, так и структурно избыточнее, но коммуникативно релевантные» [Стернин, 1985: 8]. Он приводит слова А.Ф Лосева, что «каждое слово и каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков, и мы даже и сами не замечаем, какое огромное количество этих оттенков выступает в наших словах и какое огромное количество этих оттеков должно заключаться в наших словах, чтобы мог состояться самый обыкновенный разговор» [Лосев 1981: 410]. В другой работе мысль о «беспредельности» смыслового содержания слова И.А. Стернин формулирует так: «Коммуникативный подход к слову показывает, что значение, реализуемое в коммуникативном акте, не может быть сведено к небольшому числу ядерных сем, выполняющих дифференциальные функции в структуре языка. Оно включает обширную периферию, образуемую семантическими компонентами, которые не выполняют дифференциальных функций в системе лексических оппозиций, хотя оказываются чрезвычайно важными для коммуникации и часто актуализируются в речи» [Стернин 1988: 105]. В другой работе И.А. Стернин развивая свою мысль о важности углубленного описания лексической семантики, говорит о целесообразности выделения еще одного типа значения –психолингвистического значения слова [Стернин 2012: 16].

Именно эта функция периферийных компонентов лексического значения существительного и играет основную роль в формировании анализируемой ФС. Повторение одного и того же существительного используется в ней для передачи значения идентификации объекта самому себе и привлечения внимания именно к не основным, периферийным компонентам смыслового содержания объекта.

Значительное число периферийных компонентов (подчас совершенно неожиданных), которые можно выделить в значении существительного, позволяет

использовать высказывание этой структуры с одним и тем же лексическим выражением свободного компонента в самых разных ситуациях общения. Это обеспечивает возможность семантического варьирования высказываний ФС этой модели, обеспечивает ее коммуникативную гибкость.

Поясним это на примере *Лес есть лес.* Употребляя это высказывание, говорящий имеет в виду, что *лес* это не только ‘место, где растут деревья, территория, покрытая деревьями’. Лес имеет и множество других признаков, например: ‘место, где могут быть ягоды, грибы, звери’, ‘место, где можно заблудиться’, ‘место, где можно достать строительный материал’ и т. д. На наличии этих дополнительных свойств и строятся контексты типа *Мы прекрасно отдохнули в лесу, набрали ягод, грибов. Лес есть лес*; *Вы идете в лес, будьте внимательны, не заблудитесь. Лес есть лес!*; *Я боюсь одна ходить в лес, там можно встретить волка, лису и даже медведя. Лес есть лес.*

Конститутивным структурным признаком этой ФС является обязательное наличие связочного глагола *есть***.** Пропуск его невозможен, без него структура распадается (ср. * *Лес – лес*). Этот факт имеет следующее объяснение. Он обусловлен фразеологичностью структуры и в то же время – историей ее возникновения.

Данная ФС сформировалась в результате фразеологизации двухкомпонентной структуры **кто/что (*есть*) кто/что**, которая в настоящем времени чаще употребляется без связки (ср.: *Брат учитель; Волга – река; Студент – учащийся вуза*)**.** Известно, что связка *есть* используется в этой структуре в ограниченных особых случаях [см., например, Розенталь 1974: 203], и в данном случае мы имеем дело с таким случаем.

Регулярное употребление в рассматриваемой структуре глагола *есть* мотивируется ее фразеологичностью, наделившей связку статусом постоянного компонента. Отметим кстати, что в книге [Арутюнова, Ширяев 1983: 27] обязательное использование связки в предложения типа *Лес есть лес* также объясняется специфическим (т.е. фразеологическим) характером их структуры, и

такие предложения противопоставляются нормативным предложениям структуры с нулевой связкой типа (*Брат учитель*; *Волга – река*).]

Кроме того, обязательное наличие глагола *есть* в рассматриваемой структуре связано и с ее содержательной стороной. Так как данная ФС выражает принятие данной конкретной ситуации как естественной, типичной, она получает значение широкого обобщения, умозаключения, по сути дела, формулирует правило восприятия подобных явлений действительности, а в таких предложениях-формулировках связка типична, точнее – обязательна. С грамматической стороны эта ФС характеризуется вневременным значением формы настоящего времени, указывает на признак вне его отношения к моменту времени. Поэтому данная ФС не соотносится с планом прошедшего или будущего (* *Лес был / будет лес*). Таким образом, предложения с нулевой связкой и предложения ФС с компонентом *есть* двумя самостоятельными структурами, см. об этом также [Туровская 1986].

Структура очень употребительна, частотна, что связано именно с тем, что она строится на выделении говорящим дополнительных, не обязательных, но характерных свойств объекта, а таких свойств может быть очень много, и это открывает широкие возможности для ее использования. Эта структура отражает жизненную философию восприятия реальных ситуаций, показывает, что окружающий нас мир чрезвычайно богат и разнообразен, и следует воспринимать и принимать его объекты, факты, явления во всем их объеме, и во всем многообразии проявлений. Ср.: *Толпа есть толпа, достаточно искры, чтобы подтолкнуть ее на дикие поступки.* (их газет); *Киплинг писал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись…». Похоже, Киплинг ошибался* (их газет)*; Фельетон есть фельетон, и его автору свойственно представлять недостатки в смешном и нелепом виде* (из журнала); *Собираясь в отпуск, продумайте, что взять с собой. Отдых есть отдых, и одежда для него должна быть соответствующая* (из газет); *От обилия пищи в праздник страдает печень, возможны отравления. Но праздник есть праздник, и вряд ли кто откажется от застолья. Поэтому надо знать, как этих неприятностей избежать* (из газет);

Суббота есть суббота – бегу от всех забот. Суббота есть суббота – и никаких хлопот. Суббота есть суббота, и я чего-то жду и не спеша по городу вечернему иду (песня); *Трудно поверить в такую удачу, но факт есть факт. Он своими глазами выдел приказ.* (А.Маринина).

Если в позиции переменного компонента используется имя собственное или название какого-либо объекта, то высказывание утверждает постоянство, неизменность признаков данного конкретного объекта, его сути, причем объекта, который говорящий хорошо знает: *Иностранные туристы стремятся побывать В Петербурге. Это понятно: Петербург есть Петербург; Его всю жизнь недооценивали. Знакомые снисходительно говорили: Лёня есть Лёня*.

Данная ФС допускает несколько модификаций основной модели. Это изменения двух типов: первый тип изменений касается замены глагола *есть* другими лексическими единицами, а второй связан с вводом в модель дополнительных компонентов, структурно осложняющих исходную модель. Нами отмечено два варианта модификаций первого типа и три варианта – второго типа. Охарактеризуем эти варианты.

Модификации первого типа

Вариант 1.Вместо глагола *есть* используется частица ***это,*** выступающая в функции связки и постоянного компонента: *Ребенок есть ребенок – Ребенок – это ребенок; Лес – это лес; Семья – это семья; Работа – это работа; Волга – это Волга.* В этом проявляется соотнесенность ФС со свободной структурой (ср.:– *Волга – это река*). Такая вариативность ФС не затрагивает ее значения, однако использование связки *это* снимает излишнюю книжность высказывания

Вариант 2. В данном случае вместо глагола *есть* используются лексические конкретизаторы, осложняющие основное значение ФС – уточняющие, ограничивающие или, напротив, расширяющие границы, сферу действия, распространения объекта. Соответственно это слова и сочетания, указывающие на регулярность, повторяемость, постоянство, т.е. соотносящиеся с закрепленным в ФС признаком обобщенности, закономерности. Частица *это* может сохраняться*:* *Праздник **всегда** праздник; Любая схема **всего лишь** схема; Закон **для всех** закон.*

*Праздник – **это всегда** праздник; Джигит **всегда** джигит* (название кинофильма)*; Дети **всегда** дети. Они всегда одинаково любят плоды и сказки. И эти плоды и сказки неизменны. Аглая, например, больше всего любила апельсины.* (В. Инбер. Майя).

Модификации второго типа

Вариант 3. Исходная модель включает перед глаголом *есть* частицу *и* – одну или в сочетании с частицей *это,* в результате чего образуется составной постоянный компонент: *и есть* или *это и есть*: *Дети и есть дети; Дети это и есть дети; Дети – дети и есть; Дети – это дети и есть.* Как видно из примеров, место постоянного компонента может меняться.

В данной структуре *и* «в значении присоединительно-заключительной частицы перед глаголом обозначает соответствие случившегося тому, что ожидалось, что изложено выше. *Так оно и случилось*» [Ушаков 2005. Словарь..: 286]. Это значение частицы *и* не меняет основного значения ФС, но вносит в нее дополнительный эмоционально-смысловой компонент и уточняет ситуацию ее употребления.

Выказывания, реализующие этот вариант структуры, выражают дополнительное, повторное подтверждение того отношения к объекту, которое говорящий уже высказывал ранее или предполагал. Говорящий еще раз убеждается сам и хочет убедить собеседника, что проявленный объектом какой-либо новый, неожиданный признак, не только не меняет, но и подтверждает его подлинную суть. Ничего другого говорящий не ожидал и не стоит ожидать.

Данный вариант чаще используется для подтверждения отрицательной черты объекта (*Бандит и есть бандит*), но может усиливать и положительный признак (*Талант и есть талант*). В обоих случаях говорящий выражает своего рода удовлетворение от ощущения своей правоты. В первом случае выражается эмоция неудовольствия, раздражения, а во втором – дополнительная радость, восхищение, восторг. Этот эмоциональный момент может получать языковое выражение в контексте в обращенных к собеседнику высказываниях типа: *Я же говорил; Меня это не удивляет; Конечно, это естественно; А ты как думал!; А*

ты как хотел? и под. Ср.: *Я же говорил, что он не сделает! Лентяй и есть лентяй; – Представляешь, в конкурсе победил самый молодой пианист. – Конечно! Я слышал его выступление и был уверен в его победе. Это естественно. Талант и есть талант.*

Вариант 4. связан с вводом в глагольный вариант структуры личного местоимения третьего лица, дублирующего первое существительное, являющееся подлежащим.: ***Мастер он и есть*** *мастер*; *Не говори мне: «Малая река». **Река она и есть** река. Любая. Над нею тоже ходят облака, Зеленая она иль голубая*. (С. Островой). *Приговор он и есть приговор, даже если он модный* (фраза. повторяемая ведущим в конце телепередачи «Модный приговор»*). – Дональд все возмущался: почему, чтобы свалить мусор, надо стоять в очереди? – Ты понимаешь, что учетчик – человек подневольный. Поставили его учитывать, он и учитывает. А поскольку он учитывать не успевает, образуется очередь. А очередь она и есть очередь* (А.и Б.Стругацкие. Град обреченный). – *Это ужасно, сделайте что-нибудь. К меня там жена осталась, вы можете это понять? Жена! Понимаете ее состояние: просыпается, а на подоконнике обезьяны сидят.– Слушайте, ничего страшного. Обезьяны они и есть обезьяны* (там же). *Об этом человеке я все тебе расскажу, что знаю. Да только что тут рассказывать. Бандит он и есть бандит (*из кинофильма);

Вариант 5. связан с вводом личного местоимения третьего лица, дублирующего первое существительное, являющееся подлежащим, в структуру с лексическими конкретизаторами: *Спору нет**, мастер – он во все времена** мастер, его интуиция и дар уникальны. И если педагог – мастер, ему не надо объяснять, как и чему учить; В России или в Бурятии художник **он везде** художник и между ними больше сходства, чем различия; Закон **он всегда и для всех** закон*; *Даже если рядом с вами в Женский день нет никого с щеточкой усов и веточкой мимозы, **праздник он все равно праздник**, милые дамы! Примите ванну, сделайте красивую прическу… Не кисните весь день у телевизора, обязательно сходите с подружкой в кафе или просто прогуляться* (из газет).

Интересующие нас фразеологизированные предложения с плеонастическим местоимением (*Ребенок он ребенок и есть; Женщина она и есть женщина*) анализирует О.Б Сиротинина. Она отмечает их фразеологический характер, а также отмечает, что они семантически отличаются от предложений без местоимения (*Ребенок есть ребенок*). Представляется справедливым ее замечание, что предложения с местоимением выражают качественную характеристику, а предложения без местоимения передают обобщение. Однако трудно согласиться, что в разговорной речи в таких фразеологизированных предложениях плеонастическое местоимение обязательно, а предложения без него (*Ребенок есть ребенок*) характерны для письменной речи [Сиротинина 1974].

Таким образом, как показывает наш материал, структура модели **сущ.+ есть + сущ**. выступает в следующих структурных вариантах:

Мастер есть мастер – 1. Мастер – это мастер; 2. Мастер всегда мастер; 3. Мастер и есть мастер; 4. Мастер он и есть мастер / Мастер он мастер и есть; 5. Мастер он всегда мастер.

Последняя, пятая ФС, входящая в подгруппу со значением принятия, образуется в результате соединения при помощи союза *и* двух одинаковых форм одного и того же глагола, наречия, прилагательного (5) **глаг. /нареч. /прил. + *и* + глаг./нареч. /прил.** Например: *Приехал и приехал; Сказал и сказал; Купил и купил; Домой и домой; Желтые и желтые.* Такие предложения указывают на принятие говорящим того, что называется, и при этом отмечают его незаинтересованное, спокойное, равнодушное отношение к принимаемому. Это событие, обстоятельство, признак не вызывает ни радости, ни огорчения, ни волнений, и поэтому говорящий не собирается предпринимать каких-либо встречных действий (поддерживающих или препятствующих), т.е. принимает к сведению и не более того.

Нередко высказывания этой структуры связаны с действием, которое, во-первых, уже осуществилось или осуществится, во-вторых, выполнено другим и не связано непосредственно с говорящим.– *Ты знаешь, такой сильный дождь пошел,*

выйти невозможно, Просто ужас. – А какая нам разница. Пошел и пошел. Мы ведь никуда не собираемся; *– Маша опять твою юбку надела. – пусть. Надела и надела. Наверно, она ей нравится.*

Используется обычно в ответной реплике-реакции на сообщение о каком-либо факте или действии. В контексте обычно имеется указание на то, что говорящий не собирается придавать полученной информации большого значения, как бы отстраняется от нее Например: *— Ты знаешь! Федя приехал! — Ну и что, приехал и приехал. Кричать-то зачем!; — Сергеев сказал, что эти таблицы надо переделать. — Сказал и сказал! Я ничего переделывать не буду.*

Ранее речь шла о соотношении этой ФС с внешне сходной ФС **сущ. + *и* + сущ. ,** также включающей союз *и* (см.стр. 215).

2. 2.Отрицание

Значение отрицания передают шесть ФС. Общее значение ‘нет’, объединяющее их, дифференцируется, отражая разные проявления этой смысловой категории. Отрицание может относиться к разным объектам, быть полным или частным.

Первая ФС имеет модель (1): ***какой/ какое/ куда / где* + *там* + глаг. /сущ., прил., нареч.** Она включает частицу *там* и стоящее перед ней вопросительное местоимение *какое, какой* или местоименное наречие *где* или *куда.* В составе ФС эти местоимения и наречия утратили свое грамматическое и лексическое значение и потому употребляются как частицы, синонимичные друг другу. *Какой,* (*Какое, Куда, Где*) *там прочитал*!; *Какие там книги!; Где там близко!* Структура выражает полное отрицание, т.е. отрицает ситуацию в целом. Например: *Какое* (Куда) *там успел!* (‘Я не успел’); *Где там далеко!* (‘Это недалеко’); *Какие там книги!* (‘Это не книги’) и т. д. О других типах функционирования местоимения «какой» в восклицательных предложениях см. [Крейдлин, Рахилина 1984а].

Ср. также: *Вы успели к началу фильма? – Где (Какое, Какой, Куда) там успел! Опоздал на 10 минут*; *– О! Да ты артистка! – Какая там артистка! В школьном спектакле когда-то Офелию играла!*;*– До меня дошли слухи о вашей*

болезни. Я рада, что это была ошибка. – Какая там болезнь! Подумаешь, мигрень! У кого не бывает мигрени. – Я рада, что вы здоровы.(из кинофильма); – *А может быть, по чашечке кофе? – Какой там кофе! Поздно уже! Да и для нервов вредно* (из частного разговора); *Проснуться бы в ясное, тихое утро, почувствовать, что жить ты начал снова.. Начать новую жизнь… Подскажи мне, как начать… с чего начать…*– [*Астров с досадой*:] *–Э, ну тебя! Какая там еще новая жизнь! Наше положение, твое и мое, безнадежно* (А.Чехов. Дядя Ваня); – *У тебя там ёж бегает, я испугался: урчит. Злой! – Куда там злой, он тебя испугался – ручной* (Из частных разговоров); [Губин:] *Здорово, Василий…* [Достигаев:] *Вот не ожидал1 Рад … Очень рад …* [Губин:] *Ну, где там – рад?!* (М.Горький. Достигаев и другие).

Следует обратить внимание на форму местоимения *какой.* Если позицию свободного компонента занимает глагол или наречие, обстоятельство, то оно используется в форме единственного числа мужского или среднего рода. Такая вариативность обусловлена фразеологичностью структуры: в свободных структурах глагол и наречие не вступают в синтаксическую связь с вопросительным местоимением, поэтому в закрепленном, фразеологизированном употреблении возможны обе морфологические формы рода: *Какой (Какое) там успел!; Какой (Какое) там близко!; – Слушай, мне надо уйти пораньше. Ладно? – Какое там пораньше. У нас ведь сегодня совещание. Ты что, забыл? – Ой, правда. А на завтра нельзя перенести? – Какое там на завтра. Люди решения ждут.*

В высказываниях, где позицию свободного компонента заполняет существительное, вопросительное местоимение также может быть не согласовано с ним, что опять-таки обусловлено фразеологичностью структуры*: Ее этот человек очень интересует. Только она-то для него, должно думать, не занимательна. Не бывает у ней по целым месяцам… Какое там месяц. С самого рождества не был! Ему не с такими женщинами, как она, весело..* (Боборыкин Китай-город). Однако чаще компонент *какой* согласуется с существительным в роде и числе: *Какая там консерватория!; Какой там театр!; Какие там развлечения!,* что можно объяснить неполной степенью фразеологизации этого

структурного варианта. Ср.: [Серафима Карповна:] *Какие там обороты! Мы и так можем жить. Всего у нас много*. (А.Островский. Не сошлись характерами).

В высказываниях данной ФС позицию свободного компонента нередко занимает не глагол, представляющий ситуацию, а существительное, именная группа, прилагательное или наречие, обозначающие отрицаемые объект или обстоятельство. При этом значение полного отрицания сохраняется. Пропуск глагола объясняется тем, что он ясен из контекста (особенно, если речь идет о диалогическом общении), и легко восстановить ситуацию, которая отрицается. Например: – *Слушай, мне надо уйти пораньше. Ладно? –* ***Какое пораньше****. У нас ведь сегодня совещание. Ты что, забыл? – Ой, правда. А на завтра нельзя перенести? –* ***Какое на завтра****! люди решения ждут.* В данном случае отрицаются ситуации ‘уйти пораньше’ и ‘перенести совещание на завтра’.

Ср. также: *– В городе есть консерватория? – Какая там консерватория! Наш город ведь совсем небольшой; – Наверно, Саша будет поступать в консерваторию? – Какая там консерватория! Она собирается на исторический факультет МГУ* (из частной беседы). *– Мужчины любят, чтобы жена о них заботилась, пылинки сдувала… – Какие там пылинки! – считают женщины.– Это мужчины должны нас обхаживать и лелеять!* (из газет); *– Вам бы надобно учиться, работать – пока вы молоды, – а вы что делаете? – Вы не можете знать, работаю ли я дома, – возразил я. – Какая уж тут работа! У вас не то на уме. Ну, я не спорю… в ваши годы это в порядке вещей* (И. Тургенев. Первая любовь)*; Кто-то спрашивал, как же быть с опозданием на службу, хорошо бы справку какую-нибудь получить… Рассудительный и тут нашелся: сегодня все на работу опоздают, какие там еще справки* (А. и Б. Стругацкие. Град обреченный).

Вместо частицы *там* иногда употребляется частица *тут*: *– Поздравляю. – Спасибо. А с чем? –Ты получил премию Станиславского! – А, шутишь? – Какие тут шутки!* (‘Я не шучу’, ‘Это не шутки’); *Как тут успеешь! Времени осталось мало.* (‘Я не успею’); *Может с дороги чаю покушаете, – спросила дьячиха. – Куда тут чаи распивать! – нахмурился почтальон* (А Чехов. Ведьма).

Употребление *там* или *тут* зависит от временного плана высказывания: если отрицание относится к плану настоящего или будущего, если описываемая ситуация не завершена, а планируется или протекает в момент речи, то чаще используется частица *тут*, если же речь идет о прошедшем событии, то типична частица *там.* Глагол в позиции свободного компонента, употребляется в разной форме в зависимости от содержания высказывания: *Какой там успел* (‘не успел’); *Какой там успевал* (‘не успевал’); *Какой там успеваю* (‘не успеваю’, ‘боюсь, что опоздаю’); *Какой там успею* (‘не успею’). Такие высказывания могут касаться как говорящего, так и собеседника или третьего лица: *Какой там успею; Какой там успеешь, Какой там успеет, Какой там успеют;*

Вместо частицы *там* или *тут* может использоваться соответствующее личное местоимение, если отрицаемым является лицо: [Красавина:] *Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?* [Бальзаминов:] *Да какой же я вор*! (А. Островский. За чем пойдешь, то и найдешь*); – Ася всегда была жестокой девочкой, а как фрейлиной стала, совсем в злодейку превратилась. – Какая она злодейка! Так, несчастная женщина. Плохо ей здесь у нас, так плохо!* (из кинофильма). Если отрицаемым является неодушевленный объект или одушевленный объект, но не лицо, то вместо *там* возможна частицы *это: Началось все с гуся. С того самого гуся, которого держал под мышкой Вольдемар. «Да какой же это гусь!» – сказала Нина. Не гусь это вовсе. Лебедь. И тут все сразу же разглядели: точно, лебедь!* (Е. Габова).

Иногда частица *там* **(***тут***)** может опускаться, однако значение полного отрицания сохраняется благодаря поддержке контекста: – *Замуж меня зовет. Решать надо быстро, он уезжает. Решусь, наверно. Да и лет мне уже немало! – Немало! Ребенок ты еще! – Какой ребенок! Ваш ребенок в этом возрасте на войну ушел. – Смотри сама*. (Е. Габова. Бабушка Колобкова); – *У меня был интересный случай. Я ужасно опаздывал на репетицию, и мне было страшно неловко, потому что режиссером была женщина. И вдруг я увидел, что продают цветы и купил какие-то хилые цветочки. Режиссер была обезоружена! Ситуация*

благополучно разрешилась. – И это были не розы? – Какие розы! С цветами тогда было трудно (из газетного интервью).

Данная структура в случае пропуска частицы *там* **(***тут***)** перед существительным внешне совпадает со структурой ***какой это* (*он*)**, передающей значение недифференцированной оценки, которая может пропускать частицу *это* или личное местоимение *он* (*она, они*). В результате предложения типа *Какой концерт!; Какой певец!* могут передавать и значение оценки и значение отрицания, т.е. возникает синтаксическая омонимия. Для их семантической дифференциации, кроме контекста, имеет значение интонация. Предложения, выражающие отрицание, могут оформляться с помощью двух интонаций – ИК-7 и ИК-5, которые не влияют на их значение, но ИК-5 сообщает предложению большую эмоциональную насыщенность: *–Кто к тебе приходил? У него очень артистичный вид. Певец, наверное? – Какой певец! Это мой школьный товарищ. Он талантливый математик*.

В предложениях недифференцированной оценки, как уже отмечалось, положительная и негативная оценка однозначно выражается соответствующей интонацией (соответственно, ИК-5 и ИК-7). Однако вариант с пропуском компонентов *это* или *он* возможен только для предложений положительной оценки: *Какой певец! Я с удовольствием хожу на его концерты.* При выражении негативной оценки (произносимой с ИК-7) пропуск еомпонента *это* или *он* не характерен (**Какой певец! Неправильно берет ноты и темп не выдерживает*).

Таким образом, смысловая неоднозначность предложений с пропуском частиц, входящих в постоянный компонент, может возникать только при произношении их с ИК-5, и тогда в определении их значения основную роль играет контекст. То же предложение с пропуском, произнесенное с ИК-7 однозначно выражает отрицание и не выражает негативной оценки.

В письменно зафиксированном употреблении таких внешне омонимичных предложений значение оценки или значение отрицания определяется по контексту. Ср.: (1) *Ничего не понимает в искусстве, а какое самомнение!* (А. Чехов. Дядя Ваня) и (2) *– Дядя Ваня, у тебя слезы! – Какие слезы! Ничего нет. Ты*

сейчас взглянула на меня, как твоя покойная мать» (там же); – *Кушай, батюшко, на здоровье! Садиться милости просим; Как живете-можете? – Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна; сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьевна* (А. Островский. Свои люди – сочтемся). В приведенных фрагментах окружение ФС ясно раскрывает ее значение: в первом случае на значение высокой степени признака указывает сама противительная структура, союз *а*, передает смысловую противопоставленность выражений *ничего не понимает в искусстве* и какое *самомнение*; во втором примере ФС выражает в ответной реплике значение отрицания, и оно подтверждается предложением *Ничего нет*. В третьем случае выражается негативная оценка. При устном воспроизведении данные высказывания будут оформлены интонацией, соответствующей их значению, которое понятно из контекста.

Следующая ФС (2) со значением отрицания использует вопросительные местоимения и наречия *когда, кто, что, куда, , где, как* и т. д., после которых стоит частица *же*, затем субъектный компонент (*кому*) и свободный компонент — инфинитив. Модель (2) имеет запись: ***когда /кто / что /куда , где, как …*+ (*же*) + **инф**. Например: *Когда же мне читать!; С кем же мне советоваться!; Что же мне ей писать!; Когда же мне готовиться к экзаменам!; Как же мне успеть! Чему же тебе радоваться!* Структура выражает частное отрицание, т.е. отрицание какого-либо аспекта действия: лица (*кто, с кем*), объекта (*что, чем, о чем, о ком*), места (*где*), времени (*когда*), цели (*зачем*) и т. д., например: *Когда же мне читать* (т. е. ‘У меня нет времени для чтения’).

Сравним три отрицательных ответа на вопрос:

— Ты написал Сереже письмо?

1) *— Где там (Какое там) написал!*

2) *— Когда же мне было писать!*

3) *–О чем мне было писать!*

Первый ответ означает отрицание действия в целом (‘Нет, я не написал’), второй указывает на отсутствие времени, что стало причиной невыполнения действия: (‘У меня не было времени, чтобы писать, и поэтому я не написал’); третий ответ означает, что не было темы, о которой можно было написать (‘Мне не о чем было писать’).

Все три высказывания могут использоваться при ответе на вопрос общего типа *Сделал или не сделал?* При ответе на частный вопрос о причине невыполнения, неосуществления действия (*Почему ты не написал Сереже?*) могут быть использованы только второе и третье высказывания.

Отметим, что обе рассмотренные ФС со значением отрицания имеют в качестве конструктивного компонента вопросительное местоимение или наречие – переосмысленные, утратившие грамматическое значение вопросительности. Такие вопросительные по форме структуры передают экспрессивное отрицание – полное или частное. Лингвисты давно обратили внимание на такое своеобразное употребление вопросительно-относительных слов и конструкций с ними, см. например, [Шмелев 1959].

Следующую ФС группы иллюстрируют предложения *Мне не до развлечений; Нам не до кино; Ей не до работы сейчас* Примеры позволяют определить модель ФС: **кому + *не* + *до* сущ.р.п.** Форма *кому* обозначает субъект, он может быть представлен существительным со значением лица или личным местоимением. Структура отрицает то, что названо существительным как несвоевременное, неактуальное для данного лица в данной ситуации. Так, приведенные выше предложения означают: ‘Я не могу, у меня нет возможности развлекаться’, ‘Мы не можем сейчас идти в кино (есть другие, более важные, нужные дела’), ‘В сложившейся ситуации она не имеет возможности работать’.

Ср. также:– *Ну да, – заметил Лушин,– каприз и независимость…Эти два слова вас исчерпывают: вся ваша натура в этих двух словах. Зинаида нервически засмеялась: – Опоздали почтой, любезный доктор. Наблюдаете плохо; отстаете. Наденьте очки. Не до капризов мне теперь! Вас дурачить, себя*

дурачить… Куда как весело! (И. Тургенев. Первая любовь); [Городничий:] – *Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла.* – [Хлестаков:] *Провались унтер-офицерша – мне не до нее!*. (Н.Гоголь. Ревизор); *Людей объединяет успех, а не обиды. Обиды разъединяют. Казанцеву не до гостей. Власть под ним качается, как земля во время землетрясения. Не знаешь, откуда упадет и придавит* (А.Маринина).

ФС допускает все формы индикатива, а также форму сослагательного наклонения: *Ему не до отдыха было (будет, было бы); Оставшемуся без родительского присмотра Антону было не до уроков* (из газет*); Думая позже о характере моего отца, я понял, что ему было не до меня и не до семейной жизни; он любил другое и наслаждался этим вполне* (И.Тургенев. Первая любовь).

Типичны реализации со связочными глаголами *стать, становиться, оказаться, бывать*: *Не до братьев ей было. Не до них стало и Наталье* (И. Бунин); *Школа в родном селе сгорела. Учиться было негде. Работал в колхозе. А дальше и вовсе стало не до учебы –революция, Гражданская война* (из газет).

Причина несвоевременности отрицаемого действия, объекта ясна из контекста, или на нее указывает распространитель, включенный во фразеологизированное предложение: *Мне теперь не до развлечений: С таким заработком ей не до дорогих покупок; Когда люди увлечены интересной работой, им не до споров и не до ссор; В такой опасной ситуации не до долгих раздумий; В двадцатиградусный мороз не до лыжных прогулок.*

Как синонимичная рассмотренной используется фразеологизированная структура с частицей *ли*: ***до*** **+ сущ.р.п. +** ***ли*** **+ кому**, которая имеет форму риторического вопроса*: До развлечений ли мне!; До кино ли нам! До работы ли ей сейчас!* Позиция предлога *до* и частицы *ли* закреплена.

«Русская грамматика» 1980 формулирует значение этой (и предшествующей) структуры как «отрицание касательства, вызванное ситуацией» [Русская грамматика 1980. Т.II: 393]. Парадигма структуры четырехчленна: *До сна ли (было, будет, было бы) ему?* Возможно распространение: *До разговоров ли мне было* ***с ней на эту тему****!; До сна ли ему было* ***тогда в Ярославле****! Он спешил*

осмотреть город; *Если болят ноги, возникает много проблем. Трудно ходить, ноги отекают. Это некрасиво. До мыслей ли* ***тут о своей красоте –*** *здоровье бы не потерять!* (из частных разговоров).

В обоих вариантах структуры по контексту возможна замена существительного, называющего отрицаемое, указательным местоимением *то, это*: *Я не мог слышать, о чем говорила матушка, да и мне было не до того; помню только, что по окончании объяснения она велела позвать меня к себе в кабинет* (И. Тургенев. Первая любовь*). Я почти не смотрю телевизор, мне сейчас не до этого.*

Для выражения отрицания используется также ФС (4) ***что*** **+ кому/ для кого + сущ.**. Она открывается вопросительным словом *что* и включает имя существительное в форме именительного падежа, называющее то, что подвергается отрицанию. Для данной ФС характерен субъектный детерминант, указывающий лицо, к которому относится отрицаемое: *Что ему работа; А что мне лекарства! Что мне праздник!*

Существительное в форме именительного падежа называет объект интереса. Предложения выражают экспрессивное отрицание важности, значительности, значимости, авторитетности названного объекта. Например: *А что ему работа! Он собирается уходить на другую* (т. е. ‘Он совсем не дорожит работой’); *А что мне праздник! Я должен работать* (т.е. ‘В данной ситуации праздник я не почувствую’). Ср. также: *– Зимний Дворец – это место, где плетутся интриги. – Что вам, Марья Александровна, интриги* (из кинофильма); *Что нам годы! Что напасти и болезни! Есть у нас еще с вами запал* (из песни); *Не может классика устареть – что ей взрывы и сдвиги* (из газет).

Рассматриваемая ФС (*Что ему театр*) может показаться семантически очень близкой третьей ФС этой группы (*Ему не до театра; До театра ли ему*) на том основании. что обе используются для выражения отрицания названного объекта и действия, связанного с ним. Принципиальное различие, имеющееся

между ними, заключается в том, что выражаемое отрицание обусловлено разными причинами, а именно разным отношением к отрицаемому объекту.

Если на предложение *Пойдем в театр! У меня есть два билета* следует ответ *До театра ли мне* или *Мне не до театра,* это означает, что говорящий хорошо относится к театру, любит театр, но сложившаяся ситуация лишает его возможности воспользоваться предложением. Если же на то же приглашение последует ответ *Что мне театр!*, это означает, что данный субъект вообще не любит театр, не интересуется им и не хочет идти в театр, у него другие интересы и увлечения. Другими словами, первая структура выражает отрицание возможности воспользоваться тем, что связано с объектом, из-за сложившейся ситуации, а вторая выражает отрицание важности, значимости, авторитетности для субъекта самого объекта, отсутствие интереса к нему.

Продолжим далее характеристику четвертой ФС группы. В ней для обозначения субъекта, кроме указанной в модели формы дательного падежа, может использоваться также форма ***для кого***:*– И я краснею за вас, недостойного носить это имя! – А при чем тут мое имя? Что для меня имя! – с хмурым видом спросил он. – Ничто. Для меня теперь ничто* (П. Дашкова. Чувство реальности). Обе формы (*кому* и *для кого*) семантически очень близки по, обе в данной ФС называют авторизатора – «лицо или одушевленное существо, с точки зрения или в интересах которого предицируемый предмет получает предикативную оценку (в модели с именным, адъективным, квантитативным, экзистенциальным, инфинитивным предикатом» [Золотова Г.А. 1988: 43]. Семантическое различие этих форм заключается в том, что форма *для кого* акцентирует оттенок ‘в интересах названного лица’.

ФС структура может осложняться за счет введения обособленного оборота или придаточного предложения, характеризующего лицо-авторизатор: *Что для Вадима,* ***эгоиста и себялюбца****, желания и просьбы близких людей*; *Что для людей,* ***единственная забота которых присваивать себе поместья знатных баронов****, что для них потеря Аквитании* (из газет). Введение характеристики

субъекта позволяет объяснить причину его негативного или безразличного отношения к названной ситуации (‘просьбы близких’, ‘потере Аквитании’).

Форма, обозначающая лицо-авторизатор, может отсутствовать, если лицо, с которым связано отрицание, ясно из контекста или если отрицанию придается обобщенный смысл, т.е., отрицание важности названного объекта актуально (затрагивает интересы) не только для данного, но и для многих лиц: *А что начальство! Надо только честно и добросовестно работать, и отношения с начальством будут ровными и спокойными.*

Высказывание может содержать также компонент, распространяющий структуру и называющий объект или обстоятельство, ограничивающее, уточняющее или аргументирующее отрицание: *Что **без друзей** праздник!* (т. е., ‘Без друзей праздник теряет свои свойства, свою ценность’); *Что нам **сейчас** эти рассуждения* (‘В данное время эти рассуждения нам не нужны’); *Что нам валенки **летом!**; Что **без страданий** жизнь поэта? И что **без бури** океан?* (Лермонтов).

Фразеологизированное предложение нередко открывает союз *а,* однако он не влияет на значение самой ФС, является факультативным и используется для усиления выразительности, убедительности. Обычно употребляется в ответной реплике диалогического общения или используется, если ФС представляет собой дополнительную информацию.– *Да, она не очень добросовестный работник, работает не очень хорошо, опаздывает на работу.– А что ей работа, она ведь учится на вечернем отделении, и главное для нее учеба; Зарплата у меня небольшая. А что мне зарплата, мне нравится моя работа и то, что график работы свободный.*

«Русская грамматика» отмечает, что данная ФС имеет четырехчленную парадигму, т. е. допускает формы настоящего, прошедшего, будущего времени и сослагательное наклонение, Однако следует отметить, что наиболее частотен в подобных предложениях план настоящего времени. Вводные слова и модальные частицы малохарактерны.

Близкими к рассмотренной ФС можно считать структуры, отличающиеся от нее формой представления объекта отрицания: а) ***что* + кому + *в* + сущ. п. п.**

(*Что ему в этой работе!*) и б) ***что*** **+ кому +** ***до*** **+сущ.р.п. (***_Что ему до этой работы!_**).** Возникает вопрос, являются ли эти структуры вариантами рассмотренной структуры с объектом, выраженным винительным падежом существительного, или это самостоятельные структуры.

Все три структуры выражают отрицание, но передают разный характер отрицания, что связано с семантикой самих форм, выражающих объект отрицания. Структура с форой винительного падежа объекта (*работа*), отрицает важность, значимость, роль, авторитетность названного объекта в целом. Высказывание с этой формой имеет более широкое значение, в ней используется широкий круг существительных, в том числе одушевленные существительные, имена собственные. Форма *в чем* (*в работе*) используется, чтобы подчеркнуть отсутствие в названном объекте какого-либо признака, аспекта, который привлекал бы субъекта, в котором он был бы заинтересован. Так, высказывание *Что ему в этой работе* означает: ‘В этой работе нет ничего, что могло бы прилечь субъекта, в ней нет ничего интересного, полезного для него, в ней нет такой стороны, в которой он заинтересован’. Высказывания этой структуры те так частотны, в ней используется более ограниченный круг имен существительных, например, представляются не очень естественными высказывания* *Что ему в сестре; Что Маше в друзьях,* хотя можно сказать *Что фирме в этом юристе, нам нужны программисты и экономисты*. Ср. также: [Фоминишна:] *Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус?* [Липочка:] *Ты, Фоминишна, родилась между мужиков, и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце? Какой он может иметь вес? Где у него амбиция?* (А.Островский. Свои люди – сочтемся).

Форма *до чего* означает касательство, связь, и структура с этим предложно-именным сочетанием отрицает причастность лица к названному объекту, акцентирует отстраненность лица от объекта, указывает на отсутствие касательства. Предложение *Что Михаилу до этой проблемы* означает, что эта проблема Михаила не касается, он не связан с ней, не имеет к ней отношения, поэтому она его не волнует (или может не волновать). Ср. также: [Аграфена

Кондратьевна:] *Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти, скоро-то только кошки мышей ловят*. [Липочка:] *Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно. Что это такое! Страм встречаться со знакомыми, в целой Москве не могли выбрать жениха – все другим да другим* (А.Островский. Свои люди – сочтемся).

Соответственно, в каждой конкретной ситуации может оказаться более предпочтительной одна из трех ФС. Ср.:

(1) – *Почему он часто опаздывает на работу, да и работает без особого желания. – что ему эта работа! Он собирается уходить отсюда, ищет другую.*

(2) – *Ему предложили работу в строительной фирме, а он отказался. Почему? – Что ему в этой работе. Он ведь не строитель, он юрист и хочет найти интересную работу по специальности.*

(3) – *Почему он отказывается исправлять ошибки в этой работе? – А что ему до этой работы! Ведь ее выполнял не он, и он не должен исправлять ошибки других.*

С другой стороны, в трех приведенных ситуациях можно использовать структуру с формой винительного падежа, следовательно оттенки, предаваемые двумя другими формами не столь существенны и не всегда четко проявляются, поэтому структуры (2) и (3) можно считать семантически близкими вариантами первой, отличающимися от нее меньшей частотностью и некоторой стилистической сниженностью.

Следующая ФС со значением отрицания строится по модели (5), имеющей два варианта оформления переменного компонента: а) **кому + сущ. + *не* + *в* + сущ.в.п.**, и б) **кому + сущ. + *не* + сущ.и.п.** Модель включает повторяющееся существительное, которое в первой части стоит в форме именительного падежа, а во второй — в форме винительного с предлогом *в* или в форме именительного падежа. Эти повторяющиеся словоформы соединяются отрицательной частицей *не*. Типичен детерминант со значением субъекта: *Ей радость не в радость; Ему радость не радость; Клаве беда не беда.*

Анализу данной структуры посвящена статья [Шеманаева 2010]. Автор рассматривает ее, включив в один ряд с другими конструкциями с тавтологическими словоформами: *Бывают аварии и аварии, Художник на то и художник, чтобы рисовать, Праздник так праздник, Праздник как праздник, Ну, медведь и медведь, Весело, весело было.* Однако объединение для рассмотрения структур только по формальному, внешнему сходству не очень помогает, так как семантическое несходство, смысловое различие очевидно. Для определения специфики интересующей структуры целесообразно рассматривать ее на фоне семантически близких структур, т.е в сопоставлении с другими структурами, выражающими отрицание структурами

Семантика этой ФС сложна и глубока. Отрицаются обычные, характерные признаки данного события, состояния, явления как не воспринимаемые, не реализованные, неактуальные для данного субъекта в силу каких-либо причин. Это может быть как положительная ситуация (*радость, праздник, отдых*), так и негативная (*тоска, беда, горе*).

Так, предложение *Ему радость не в радость* означает, что положительные признаки состояния радости не воспринимаются субъектом, они для него не актуальны, не ощущаются им, а предложение *Ей тоска не тоска* означает, что негативное состояние тоски лишено для субъекта обычного отрицательного содержания, утратило негативные признаки. Структура означает, что названное существительным состояние, событие для данного лица в данный период не реализуется в полном объеме, с должным качеством.

Лексическое наполнение структуры ограничено. В первую очередь используются слова 1. обозначающие психологическое, эмоциональное, физическое состояние человека, как положительное (*радость, удовольствие, отдых, сон*), так и негативные (*тоска, огорчение, горе, беда*); 2. представляющие ситуации, переживаемые, «проживаемые» человеком в (*праздник, свадьба, болезнь, жизнь*); 3. называющие род деятельности (*работа, занятия, учеба, игра*).

Значение отрицания, выражаемое структурой, осложнено косвенным указанием на новое обусловленное состояние субъекта: под влиянием

изменившейся ситуации, в которой оказался субъект, меняется его внутреннее состояние, у него появляется иное восприятие реальности. Какая-либо негативная ситуация (неприятности на службе, в учебе, болезни, неожиданно ухудшившиеся отношения с близкими людьми и т.д.) лишает субъекта адекватного, активного, радостного восприятия положительных явлений жизни, приводит его к подавленности, апатии, отсутствию интереса к окружающему. В таких случаях говорят: *Праздник не в праздник, Сон не в сон* и т.д. С другой стороны, появление факторов, которые уменьшают, нейтрализуют или устраняют негативное явление, негативную ситуацию, возвращает человеку положительное восприятие действительности, когда Ей *тоска не тоска; Беда не беда*; *Горе не горе* и т.п.

Смысл высказываний, реализующих эту структуру, может быть передан описательно. Например: *Ему праздник не в праздник* – ‘Праздник для него не является праздником’; *Ей радость не в радость* – ‘Она не чувствует радости’; *Анне сон не в сон* – ‘Анна не может спокойно спать, лишилась сна’; *Ей тоска не тоска* – ‘Она не чувствует тоски’, ‘Тоска покинула ее’, ‘Она не тоскует’ и т. п.

Причина невосприятия ситуации может быть ясна из ситуации, либо на нее есть указание в контексте, либо она названа в самом высказывании, реализующем ФС. Ср.: *У Антона неприятности на работе, и ему праздник не в праздник; Антон не веселится, сидит хмурый, ему праздник не в праздник. Наверно, у него что-то случилось; Декабрист Михаил Кюхельбекер, которого в ссылке разлучили с семьей, в отчаянии подает прошение: «Если меня разлучают с женою и детьми, то прошу записать меня в солдаты и послать меня в солдаты под первую пулю, ибо мне жизнь не в жизнь»* (З. Лопухина); *От гармониста зависело веселье на праздничной улице, на свадьбе. Без музыки, без гармони был бы и праздник не в праздник*. (В. Солоухин); *Без удивительных домашних фейерверков Новый год в Китае праздник не праздник* (из газет); *Весна не весна в Париже без Дягилева*(из газет); *На картинах А. Пластова рядом с человеком всегда домашние животные: коровы, овцы. И это не случайно. В деревне хозяйство без коровы не хозяйство; С хорошими друзьями любая беда не беда; В таком доме*

нам гроза не гроза, молния не молния; В такой теплой шубке тебе, дочка, теперь мороз не мороз; Когда находишься на берегу моря, любая жара не жара.

Таким образом, значение этой ФС имеет комплексный характер. Ее непосредственное, прямое значение – отрицание адекватного восприятия субъектом реальной ситуации дополняется характеристикой теперешнего его состояния. Поскольку ФС указывает, что характеризуемый субъект находится в состоянии, когда названная ситуация утратила для него свое естественное содержание, свою значимость, она дает также основание предположить (естественно, в самых общих чертах), каково же при этом его реальное состояние, реальная ситуация его жизни.

Что касается формы существительного, заполняющего позицию переменного компонента, т.е. использования формы именительного падежа, или же формы предложного падежа с предлогом *в*, то здесь, очевидно, в первую очередь играет роль морфологический фактор. Вариант структуры с предлогом (*Радость не в радость; Сон не в сон; Праздник не в праздник, Жизнь не в жизнь*) возможен только для небольшой, ограниченной группы существительных, у которых форма винительного падежа совпадает с формой именительного. Структура без предлога характерна, если у используемого существительного форма винительного падежа отличается от формы именительного падежа (*Мне беда не беда*; *Ей тоска не тоска, Нам жара не жара*), что, очевидно, связано с некоторым неблагозвучием выражений типа **беда не в беду, *тоска не в тоску, *жара не в жару **.

Можно отметить однако, что некоторые существительные, у которых формы именительного и винительного падежей совпадают, используются тем не менее именно в беспредложной структуре: *Море не море*; *Мороз не мороз; Театр не театр; Хозяйство не хозяйство* и не характерны для варианта структуры с предлогом (ср. **Море не в море, *Мороз не в мороз*). На наш взгляд, два варианта структуры передают определенные семантические оттенки, что обусловливает семантику и форму существительного. Беспредложная структура шире по

значению или неоднозначна, а значение варианта структуры с предлогом – уже и конкретнее, специфичнее.

Как показывает языковой материал, в варианте структуры без предлога *в* могут использоваться, помимо названых выше, те существительные с совпадающими морфологическими формами именительного и винительного падежей, которые обозначают состояния окружающей среды, явления внешнего по отношению к человеку мира, конкретные аспекты жизни человека (*буран, мороз, ураган, землетрясение* и др.). При таком лексическом наполнении высказывания указывают, что субъект (конкретный или обобщенный) не чувствует, не воспринимает основные проявления названного явления, не чувствует, не ощущает на себе его действия или что ситуация не реализуется по отношению к данному лицу в полном объеме: *Спортсмену мороз не мороз; Этим сортам хризантем заморозки не заморозки, цветут до поздней осени*; *В таких домах землетрясение не землетрясение.* Такие существительные не используются в структуре с предлогом (Ср.* *Спортсмену мороз не в мороз*), так как их семантика не соответствует семантическому оттенку этой структуры.

Вместо компонента *кому* со значением воспринимающего лица, может использоваться компонент, указывающий опосредованно на совокупность лиц, и тогда высказывание получает значение обобщения: ***В деревне*** *без коровы хозяйство не хозяйство.* ***В Китае*** *Новый год без фейерверка не Новый год.*

Нормативны формы настоящего, прошедшего, будущего времени и сослагательное наклонение. Возможны также реализации с глаголами *бывать, стать, становиться, делаться, сделаться*: *Если Саша с Олей не приедут, будет праздник не в праздник*; *Без Саши и Оли был бы паздник не в праздник*; *Иногда и радость бывает не в радость.*

3. Предложения ФС, выражающие модальные значения.

В эту группу включено довольно много ФС, причем выражающих четыре разных модальных значения – необходимости, целесообразности, ненужности,

невозможности. Такое объединение тем не менее оправдано и обусловлено двумя причинами. Во-первых, все четыре значения объединяет то, что они являются выражением модальности; во-вторых, одна и та же фразеологизированная структура, как будет показано в последующем рассмотрении, может выражать не одно, а два разных модальных значения. Поэтому рассматривать ФС, выражающие разные модальные значения, целесообразно в рамках общей группы, что обеспечивает их сравнение, дифференциацию и более полное исследование.

3.1. Необходимость

Для выражения значения необходимости используются две структуры. В первой постоянный компонент включает местоименное слово *как* и частицу *не*, которая утратила свое лексическое значение и грамматическую функцию, т.е. не указывает на отрицание и вместе со словом *как* образует единый компонент фразеологизированной структуры, формирующий ее типовое значение. Переменный компонент представлен инфинитивом; он лексически свободен, может употребляться в форме как совершенного, так и несовершенного вида. Таким образом, модель имеет вид: (1) ***как не* + инф.**: *Как не согласиться!; Как не читать!; Как не помочь ей!*

Структура указывает на необходимое, вынужденное, неизбежное действие. Смысл предложений данной структуры можно передать, используя предложения, включающие слова*, надо, вынужден, должен,* сочетание *нельзя не*, например: *Как мне не согласиться! – Я вынужден согласиться*; *Как не помочь больному! – Надо помочь больному*; *Как не огорчаться – Нельзя не огорчаться*.

На субъект действия указывает форма дательного падежа существительного или местоимения: *Как же ей не любить его?.. Только не желает показать этого… Нельзя не любить…* (П. Боборыкин Китай-город); *Я покраснел… «Она все понимает, она все видит, – подумал я. – Как ей всего не понимать и не видеть!»* (И. Тургенев. Первая любовь). Этот компонент может опускаться, если субъект, с которым связано выполнение необходимого действия, ясен из ситуации или контекста, ср.: *– А! Вот что! Валентин… Валентин Долгушин…– Вы его*

знаете? – Как не знать? Он выдает свою жену за мою прямую родственницу. (П. Боборыкин. Китай-город).

Данная ФС допускает парадигматические варианты. В нее может быть введен глагол-связка *быть* в форме прошедшего или будущего времени: *Как было не согласиться!; Как будет не поехать к ним, они так приглашают; Цветок был такой красивый. Как было не залюбоваться!*; *В книге было стихотворение на французском языке и перевод на русский язык. А перевод сделан моим родным дедушкой, Михаилом Дмитрием Лозинским. Как было этим не восхититься?* (из телепередачи).

Частица *бы* в сочетании со связочным глаголом *было* указывает на ирреальность: *Как бы было ему не рассердиться на такие слова, как было бы не нагрубить, а он только слушал и молчал и молчал!* (‘Он должен был рассердиться, но он этого не сделал’); *Вся жизнь ее прошла в горькой борьбе с ежедневной нуждой; не видела она радости. Не вкушала от меду счастья – казалось, как бы ей не обрадоваться смерти, ее свободе, ее покою? А между тем старушка все крестилась и все шептала: «Господи, отпусти мне грехи мои»* (И. Тургенев. Первая любовь).

Значение ирреальности, предположительности неизбежного действия может выражаться без частицы *бы*, только лексическими средствами (союзом *но*, словом *однако*, вводным словом *казалось* и др.): *«Вот это любовь»,– говорил я себе снова…**Как, кажется, не возмутиться**, как снести удар от какой бы то ни было!.. от самой милой руки! А, видно, можно, если любишь* (И. Тургенев. Первая любовь).

Возможно включение модальных слов *можно, мог: Замечательная, не только талантливая, но и симпатичная пара фигуристов. Ну как можно было не влюбиться в эту пару. Они чудесно выступили!* (из телепередачи).

Интересно отметить, что под влиянием, с одной стороны, лексического значения инфинитива ФС и, с другой стороны, смыслового содержания предложений, образующих контекст, значение конкретного высказывания, реализующего данную ФС, может меняться. Показателен в этом отношении

следующий фрагмент: *Для многих приезжающих эта канатная дорога в такой глуши в горах Грузии – большая неожиданность и настоящая диковинка. Как не сфотографироваться на память!* Здесь ФС выражает скорее не значение необходимости, а значение желательности. Действие (*сфотографироваться на память*) не является необходимым, просто необычность обстановки вызывает активное желание (внутреннюю эмоциональную потребность) запечатлеть себя в таком оригинальном виде, поэтому называется мотив действия: «*на память*». Ср. ситуацию, где то же высказывание передает значение необходимости: – *Ты будешь фотографироваться? – Придется. Мне нужна фотография, чтобы оформить пропуск. Как не сфотографироваться!*

Значение необходимости выражает также фразеологизированная структура, имеющая модель (2) **кому + *ли* + *не* + инф.**: *Тебе ли не понять этого!; Ему ли не справиться с этим поручением!; Мне ли не радоваться!; Тебе ли не быть довольной своей работой.*

Типовое значение ФС – значение необходимости дополняется указанием на субъект, который акцентируется вопросительной частицей *ли.* Другими словами, структура предназначена для указания на необходимость выполнения названного действия именно данными лицом. Субъектный компонент обязателен, не может быть опущен, так как участвует в выражении типового значения. При передаче смысла фразеологизированных высказываний предложениями свободной структуры необходимо вводить лексический показатель, акцентирующий субъект. Так, приведенные выше высказывания означают: ‘Ты в первую очередь должен это понять’; ‘Он лучше других должен справиться с этой работой’, ‘Я не могу не радоваться’, ‘Ты, конечно, должна быть довольна своей работой’.

Из приведенных примеров ясно, что инфинитив может иметь объектный или обстоятельственный распространитель, выраженный соответствующей предложно-падежной формой существительного, местоимения или наречием. Ср также: *Нам ли не огорчаться **из-за его неудачного выступления**; Маше ли не радоваться **теперь; –** Меня ее прошлое не смущает. Наказание не всегда бывает*

справедливым! Тебе ли не знать ***этой простой истины!*** *Вспомни своих родителей, сколько лет они были в изгнании? Шестнадцать? – Ну что вы сравниваете? Они пострадали за правду* (из кинофильма).

В предложение может быть введен связочный глагол как показатель прошедшего или будущего времени: *Мне ли было не радоваться!; Ему ли было не понять брата; Ей ли будет не волноваться.*

Данную ФС следует отличать от другой, внешне похожей, имеющей модель **кому + *ли* + инф.**, т. е. включающей инфинитив без отрицания. Предложения этой модели передают значение ненужности (*Тебе ли жаловаться! – ‘* Тебе на стоит жаловаться*’*) или невозможности (*Мне ли с ним спорить! –’ Я* не смогу с ним спорить*’*). Подробнее эта структура рассматривается далее, см. стр. 251.

3.2. Целесообразность

Это значение передают две ФС. Первая имеет модель (1) ***нет бы*** **+ кому + инф.**, включающую в качестве постоянного компонента сочетание двух частиц: *нет* и *бы* а в качестве переменного — инфинитив, который лексически свободен. Обычно в предложение включается местоимение или существительное в дательном падеже со значением субъекта. Например: *Нет бы нам подождать!; Нет бы Ольге прийти пораньше!; Нет бы мне купить этот словарь!*

Значение целесообразности представляется здесь как указание на правильное, разумное, логичное действие, которое следовало выполнить, но которое, однако, не было реализовано, т.е. в этой структуре налицо план ирреальности. На ирреальность действия указывает частица *бы,* входящая в постоянный компонент. Вместо целесообразного действия было совершено другое, оказавшееся неоправданным, нелогичным, ошибочным и потому не позволившее достичь нужной цели, о чем говорящий сожалеет. Этот компонент сожаления, огорчения также присутствует в общем значении ФС. Таким образом, данная ФС отражает сложный мыслительный процесс, который осуществляет говорящий, анализируя действие, совершенное или им самим, или другим лицом. Он включает следующие мыслительные звенья: 1. наблюдение и осознание

результата произведенного действия, 2. оценку его как ошибочного, 3. осознание и называние правильного действия, которое не было произведено, но которое позволило бы избежать ошибки, т.е. указание правильного, но не осуществленного действия. ФС словесно выражает именно третье, последнее звено мыслительного процесса говорящего, результат, к которому он пришел.

Совершённое ошибочное, нецелесообразное действие в самой ФС не называется, но оно указывается в контексте или ясно из ситуации. Содержание предложений этой ФС можно передать, используя сочетания *следовало, лучше было бы, было бы более разумным, напрасно мы не*... и т. д. Так, высказывание *Нет бы нам подождать его!* означает: ‘*Нам следовало подождать его’, ‘Напрасно мы не подождали его’*, а содержание высказывания *Нет бы тебе прийти пораньше* можно передать нефразеологизированным предложением *’Жаль, что ты не пришла пораньше’, ‘Тебе следовало прийти пораньше’.*

Как равнозначный названной структуре выступает вариант ***нет чтобы*** **+ кому+ инф**., в котором вместо частицы *бы* используется *чтобы*. Ср: *Моя соседка просто ходячая зависть…Что бы ни сказала я, она одно –«Тебе хорошо, а я…». Как-то мне совеем плохо стало, а соседка меня навещала.* ***И нет чтобы поддержать меня,*** *а она в своем духе: «Тебе-то хорошо, дети тебе все принесут, а я вот все сама…*(из журнала).

Имеется также структурный вариант, в котором постоянный компонент выражается сочетанием ***что бы*** или ***тут бы:*** *Что бы вам приехать к нам раньше; Тут бы тебе и рассказать все, что ты знаешь об этом; «Ведь каждый день за этим Байном машины вязнут. Что бы плетень там поставить? Нет никому до этого дела»… – Он смотрел на меня с такой укоризной, словно я-то и есть главный дорожный мастер* (Б. Можаев).

В вариативных фразеологизированных высказываниях с компонентом ***что бы*** значение ирреальности (‘следовало бы’) может ослабевать, значение целесообразности дополняется оттенком пожелания, приглашения, которое может стать основным. Так, высказывание *Что бы вам приехать к нам с детьми,* включенное в разные контексты, может либо называть целесообразное, но не

осуществленное действие, либо выражать пожелание, приглашение. Ср.: *Напрасно вы все праздничные дни были в городе. Что бы вам приехать к нам. Вы бы отдохнули, погуляли, и вашему Ванечке было бы веселее с нашим Колей* (‘Жаль, что не приезжали’); *Что бы вам приехать к нам с детьми. Мы хорошо проведем время, отдохнем, погуляем, и вашему Ванечке будет веселее с нашим Колей* (‘Приезжайте к нам с детьми’).

Высказывания основной модели с компонентом ***нет бы,*** скорее всего, не передают значения пожелания, и указывают только на целесообразное, но не осуществленное действие.

Следующая ФС со значением целесообразности строится по модели (2) ***хоть*** **+ импер.,** включающей союз *хоть* и императив глагола: *Хоть уезжай из города!; Хоть меняй работу!*

Данная структура, очень частотна в речи, что, очевидно, обусловлено спецификой и емкостью ее семантики, а также ее выразительностью. Важно подчеркнуть, что фразеологичность структуры обусловлена переосмыслением грамматической функции формы императива. Эта форма здесь не выражает побуждения, т.е. адресованной другому лицу просьбы, или совета, или приказа. Формой императива говорящий называет действие, которое следует выполнять ему самому. Структура употребляется как реакция на сложившуюся, как правило, неблагоприятную ситуацию, положение дел и называет действие, при осуществлении которого говорящий может изменить ситуацию к лучшему.

Содержание приведенных выше предложений может быть передано так: ‘*Разумно уехать из города’*, ‘*Приходит мысль (Стоит) уехать из города’*; ‘*Следует сменить работу’*, ‘*Хочется сменить работу’*, ‘*Надо бы сменить работу’*. Однако названное императивом действие является самой решительной, крайней мерой для разрешения сложиышейся ситуации, поэтому – и в этом специфика данной ФС – называемый выход не обязательно будет принят, говорящий скорее всего не сделает того, о чем говорит, и называемое действие останется лишь декларированным, заявленным, но не осуществленным.

Например, говоря *Хоть уезжай из города,* говорящий хочет показать, что у него сложилась трудная, сложная ситуация (например, *В городе трудно жить: шумно, воздух загрязнен, на улицах пробки, до работы долго добираться* и т.д.). Условия жизни в городе так раздражают, так мешают, что говорящий видит реальный выход в том, чтобы уехать из этого города. Однако смена места жительства – это очень серьезный шаг, и выполнить целесообразное бывает трудно (*В этом городе интересная работа, здесь живут родственники, к городу привык* и т.д.), поэтому скорее всего сказанное не будет осуществлено.

Другой пример: *Дел очень много, хоть отказывайся от загородной поездки.* Смысл этого предложения можно передать так: ‘Ситуация такова, что было бы разумным отказаться от загородной поездки’. Произнося фразу *Хоть отказывайся...*, говорящий совсем не обязательно действительно откажется от поездки, он просто хочет охарактеризовать сложность ситуации, пожаловаться собеседнику, а выход может быть найден другой. Таким образом, цель данной ФС не только в том, чтобы назвать целесообразное действие, но и в том, чтобы выразить свое отношение к ситуации.

Поскольку высказывания этой ФС называют целесообразное действие, которое скорее всего не будет выполнено, они могут использоваться для указания на всю сложность сложившейся у говорящего ситуации, Так, если на вопрос *Как у тебя дела на работе?* последует ответ *Хоть уходи с работы!* спрашивающий безошибочно поймет, что у собеседника серьезные проблемы, трудности с работой, если ему в голову приходят мысли об уходе с работы. В этом случае ярко проявляется фатическая функция этой ФС: говорящий произносит иногда подобное высказывание не для того, чтобы сообщить о предстоящем действии, а чтобы просто поддержать контакт с собеседником, поделиться своими мыслями, переживаниями.

При передаче смысла ФС не случайно используется частица *бы* (*было бы лучше, надо бы*). Она подчеркивает возможную ирреальность называемого действия. Но это не та ирреальность, которая отмечалась для ФС (1) ***нет бы* + кому + инф. (***_Нет бы нам подождать_). Та структура описывает ситуацию, когда

мысль о целесообразном действии возникает у говорящего после того, как было совершено другое ошибочное действие (ирреальность, направленная в прошлое). В ФС ***хоть*** **+ импер.** называется целесообразное действие, которое еще не выполняется и, скорее всего, не будет осуществлено, так как человек далеко не всегда решается на крайние поступки (ирреальность, направленная в будущее).

В связи с анализом ФС ***хоть*** **+ импер.** целесообразно обратить внимание на следующее явление. На основе модели этой ФС образовались сочетания союза *хоть* с императивом ряда определенных глаголов, которые закрепились в языке как устойчивые выражения: *хоть плачь, хоть умри, хоть караул кричи, хоть шаром покати, хоть отбавляй* и др. Глаголы в них утратили свое непосредственное лексическое значение, и сами выражения получили иное, переосмысленное значение. Другими словами, они стали лексическими фразеологизмами. Они используются говорящим как готовые единицы. Значение целесообразности, характеризующее фразеологизированные предложения той же модели, в них отсутствует. Их значение определяется как «допущение (некоторый предел, степень проявления чего-н. или допустимое следствие чего-н.), в знач.: так (такая), что в пору, до такой степени, [Словарь совр. рус. лит. яз.: В 17-ти тт. Т. 17: 414-415], Эти сочетания используются для оценки, характеристики сказуемого через указание крайней степени проявления.

Эти лексические фразеологизмы, в отличие от фразеологизированных предложений аналогичного построения, представлены в толковых словарях (см. [Словарь совр. рус. лит. яз.: В 17 тт. –Т. 17.– 415], [Словарь русского языка в четырех томах. Т. IV: 622], а также в общих фразеологических словарях [Фразеологический словарь русского языка 1986: 511] и в фразеологических словарях, предназначенных для иностранных лиц, изучающих русский язык [Кохтев, Розенталь 1990: 245 – 246], [Яранцев 1981: 87, 174 –175, 243]). Приведем перечень (неполный) таких устойчивых выражений и их толкование.

хоть волком вой — выражение сетования, отчаяния, бессилия. (*тоскливо, одиноко, скучно*);

хоть выжимай – О чем-то очень мокром

хоть глаз выколи — Совершенно, абсолютно (темно, не видно);

хоть караул кричи — очень, в высшей степени (страшно, больно...);

хоть кол на голове теши кому (прост.) – О чьем-либо упрямстве, непонимании, нежелании сделать что-либо и т.п.*;*

хоть лопни (прост.) – 1. все равно бесполезно, напрасно и т.п; 2. во что бы то ни стало (*сделай, выполни* и т.п.);

хоть плачь — Выражение бессилия, отчаяния, невозможности найти выход из затруднительного положения очень (*больно, обидно, не знаю, что делать*);

хоть умри — Обязательно, во что бы то ни стало (*надо выполнить, сделать*); совершенно невозможно (*доказать, убедить...);* никак (*не соглашается*);

хоть убей — Ни за что, ни при каком условии, никак (*не сделает, не соглашается, не добьешься, не вспомню...*);

хоть разорвись – Все равно бесполезно, напрасно. О бесполезности, тщетности каких-либо усилий, стараний. Синоним: *хоть лопни;*

хоть трава не расти – Выражение полного равнодушия, безразличия к чему-либо

хоть шаром покати — Нет ничего, абсолютно, совершенно пусто;

хоть отбавляй — Очень много, больше, чем нужно (*дел, проблем, друзей самолюбия, гордости*);

хоть пруд пруди — Очень много (*денег, приятелей*);

Примеры: *Зимой в деревне скучно, тоскливо,* ***хоть волком вой!;*** *На дворе было темно,* ***хоть глаз выколи.*** *Тяжелые, холодные тучи лежали на вершинах окрестных гор* (М. Лермонтов. Герой нашего времени); *Я и так перевернусь. и эдак лягу, а сна нет –* ***хоть плачь***(С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды)*;* *Самолюбия у Мамочкина было* ***хоть отбавляй*** (Э. Казакевич, Звезда)*;* [Любим Карпыч:] *Приятелей, друзей завелось,* ***хоть пруд пруди!*** (А. Островский Бедность – не порок)*;* ***Хоть убейте*** *не могу определить, что это за штука... А чертовски вкусная закуска* (Д. Мамин-Сибиряк. Горное гнездо)*;* *На гумне – теснота, В закромах – ни зерна: На дворе, на траве* ***хоть шаром покати*** (А.Кольцов); –

Разве я пел? – Пели! Орали на весь квартал! – Боже мой! Ничего не помню. Мы играли, а что было потом, когда кончили, ***хоть убей****, не помню.* (Б. Екимов); *А ему, аспиду,* ***хоть трава не расти****! Хоть умри я, ему все равно!(*А.Чехов Житейские невзгоды)

Иногда встречаются новые, авторские лексические фразеологизмы, подобные названным. Их смысл понимается из контекста. Ср. названия газетных статей: *Нефти у нас хоть залейся; Хоть пешком по облакам.*

Особенность ФС ***хоть*** **+ импер.** связана еще с тем, что *хоть* используется также в других функциях и значениях, например, для выражения ограничения (*Зайди ко мне хоть на минутку; Съешь хоть кусочек*) или в сочетании с частицей *бы* для выражения желания (*Хоть бы он поскорее приехал!; Хоть бы дождь не пошел!; Хоть бы заснуть!*).

Заметим, что для выражения желания и ограничения параллельно с частицей *хоть* используется частица *хотя*: *Хотя бы он поскорее приехал!; Хотя бы дождь пошел!; Зайди ко мне хотя бы на минутку!* В ФС ***хоть*** **+ импер.** употребляется только союз *хоть.*

3.3. Ненужность

Для выражения ненужности используется ФС, которая строится по модели (1) ***не*** **+ инф. +** ***же,*** включающей форму инфинитива с отрицанием и частицу *же*: *Не сидеть же здесь до утра!; Не спорить же с ней!; Не идти же пешком!* Инфинитив употребляется в форме несовершенного вида (известно, что значение ненужности действия выражается, как правило, глаголом в форме несовершенного вида). В структуру может быть введен субъектный детерминант (форма *кому*). Например: *Не сидеть же нам здесь до утра!; Не спорить же мне с ней!* Возможен план прошедшего или будущего времени: *Не сидеть же нам было* (*будет*) *здесь до утра*, а также изменение высказывания по категории сослагательности: *Не сидеть же мне было бы здесь до утра*

Инфинитив в подобных предложениях называет действие, которое, по мнению говорящего, является ненужным или нецелесообразным, так как не

является выходом из сложившейся ситуации, не решает ее. Это действие может относиться к говорящему, собеседнику или к третьему лицу, что обозначается соответствующей формой компонента *кому* или ясно из контекста. Смысл фразеологического предложения может быть передан предложениями, включающими модальные слова *не надо, не стоит, не нужно: Не спорить же с ней! – Не стоит, не надо спорить с ней.*

В данной ФС инфинитив является основной и обязательной морфологической формой выражения переменного компонента. В высказывании может находиться зависимый компонент с объектным или обстоятельственным значением, который обычно, по правилам синтаксической связи, стоит после инфинитива. См. приведенные примеры, а также: *И как хорошо, что я вчера гостинцев купил, – не ехать же в Петушки* ***без гостинцев****. В Петушки без гостинцев никак нельзя. Хорошо, что купил…* (В. Ерофеев. Москва – Петушки); *Перед обедом я опять надел костюм и галстук. – Это зачем? – спросила матушка. – Ты еще не студент и бог знает, сдашь ли экзамен. Да и давно ли тебе сшили куртку? Не бросать же* ***ее!*** (И. Тургенев. Первая любовь); *Но как же Настенька?.. Что делать! Не жениться же* ***на ней теперь****, когда это неминуемо должно было отравить бедностью его будущность* (Д. Мамин-Сибиряк); *Надо сделать копии тех фотографий, которые нужно показать во время доклада на конференции. Подлинные фотографии вклеены в альбом., он тяжелый! Не тащить же* ***его с собой!*** (Из частных разговоров).

Довольно часто, однако, встречается такой вариант структуры, когда зависимый от инфинитива компонент со значением субъекта, объекта или обстоятельства ставится перед инфинитивом, т.е. находится в препозиции. Это делается в тех случаях, когда необходимо акцентировать не само действие, не всю ситуацию в целом, а определенный аспект: *Первое время я удивлялся, почему в финских домах такие большие окна, так много застекленной поверхности стен. Ведь нельзя пренебрежительно относиться к ливням, снегопадам, метелям, потом внутренне рассмеялся –* ***не финнов же*** *мне учить!* (Н. Макаров). *Ну что ж, Жердево, так Жердево, поеду туда* ***– не век же мне*** *болтаться по свету (Б.*

Акунин). – По крайней мере, я бы лошадь не дала ему. – Что лошади сделается. Не убудет ее. Он хочет визиты делать. ***Не пешком же*** *ему по городу бегать****;*** *– И все это вы взваливаете на меня? – Прошу тебя, mon cher, как родного…****Не на коленях же*** *мне перед тобой стоять!* (П. Боборыкин. Китай-город); *Завтра поеду к Ольге Викторовне, отвезу ей то, что она просила купить. Ей восемьдесят лет.* ***Не ей же*** *ко мне ехать. Конечно, поеду я* (из частных разговоров).

Такое изменение порядка компонентов высказывания значимо: выбирая такой порядок слов, говорящий выражает мысль о ненужности, нецелесообразности не действия, названного инфинитивом, а определенного компонента ситуации – субъекта, объекта, обстоятельства. Компонент, вынесенный в препозицию и называющий отдельный аспект ситуации, акцентируется, на нем говорящий концентрирует внимание. Высказывание *Не идти же бабушке в магазин за хлебом в дальний магазин* означает ‘Не стоит бабушке идти ….’ и может быть, предлагает обойтись без хлеба, а высказывание *Не бабушке же идти в магазин за хлебом в дальний магазин* означает ‘Неразумно, не стоит, чтобы данное действие осуществила именно бабушка’ и, может быть, предполагается, что это может выполнить кто-то другой. Высказывание *Не в дальний же магазин идти за хлебом* означает нецелесообразность идти из-за хлеба в дальний магазин, если можно купить хлеб поближе.

Конечно, средствами контекста, а в устной речи также интонацией такое акцентирование можно осуществить и без изменения порядка слов: *Катя, сходи за хлебом. Не идти же* ***бабушке.*** С другой стороны, иногда изменение порядка не очень влияет на общий смысл высказывания, ср.: *Не дарить же молодоженам ромашки; Не ромашки же дарить молодоженам.*

Значение ненужности, нецелесообразности передает также ФС, имеющая модель (2) **кому** + ***ли*** + **инф**., включающая субъектный детерминант *кому,* частицу *ли* и инфинитив: *Тебе ли жаловаться!; Ему ли огорчаться!* Инфинитив употребляется в форме несовершенного вида. Основное значение ФС – значение

ненужности дополняется указанием на субъект, который акцентируется вопросительной частицей *ли.* Другими словами, высказывания этой структуры указывают, что названное действие рассматривается, характеризуется как ненужное, нецелесообразное для выполнения именно данными лицом.

При передаче смысла фразеологизированных высказываний предложениями свободной структуры необходимо вводить лексический показатель ненужности, а также акцентирования субъекта. Например, содержание приведенных выше высказываний можно передать так: *Тебе-то не стоит жаловаться; Вот у тебя нет причин жаловаться; Как раз ему огорчаться не стоит; У него нет оснований огорчаться.*

Инфинитив может иметь объектный или обстоятельственный распространитель, выраженный соответствующей предложно-падежной формой существительного, местоимения или наречием. Ср: *Нам ли бояться* ***дождя!;*** *Маше ли радоваться* ***теперь;*** *Тебе ли ссориться* ***с братом;*** *Ему ли огорчаться* ***из-за такого пустяка.***

Возможен план прошедшего времени: *Мне ли было спорить в этой ситуации.* Возможны фазовые реализации, например: *Мне ли начинать (пробовать) жаловаться; Мне ли продолжать жаловаться!*

Высказывание может открываться сочетанием с обстоятельственным или объектным значением: *Из-за такой ли мелочи огорчаться!; Такие ли задания давать ребенку!; В это ли время ехать к морю!; Так ли вести себя в ситуации с незнакомыми.* В них смысловой акцент переходит с лица на компонент, находящийся в препозиции, он указывает причину, по которой говорящий считает выраженное инфинитивом действие ненужным или нецелесообразным. При этом лицо может не называться, так как оно ясно из контекста, а все высказывание формулирует нормы разумного поведения в типичных обобщенных жизненных ситуациях. Так высказывание *Из-за такой ли мелочи огорчаться* обобщает мысль, что мелкие неурядицы не должны быть основанием для огорчения.

Данную ФС следует отличать от рассмотренной ранее внешне похожей ФС, имеющей модель **кому** + ***ли*** + **не** + **инф.**, т.е. включающей инфинитив с

отрицанием. Предложения этой модели, передают значение необходимости (*Мне ли не радоваться !* – ‘Я должна радоваться,’).

Третья ФС подгруппы, строится по модели (3), имеющей два структурных варианта: а)...***не такой... чтобы*** + **инф.,** б)...***не так... чтобы*** + **инф**. Использование двух вариантов, обусловлено грамматической характеристикой переменного компонента. Структура с определительным местоимением (*такой*) допускает в этой позиции полные прилагательные, а структура с местоименным наречием (*так*) – прилагательные в краткой форме и наречия. Ср.: *Фильм не такой интересный, чтобы смотреть его второй раз*; *Фильм не так интересен, чтобы смотреть его второй раз; Еще не так темно, чтобы включать свет; Он не так хорошо знает город, чтобы гулять по городу одному*.

Структура является двучленной, включает две предикативные единицы. Вторая часть, начинающаяся с союза *чтобы*. указывает на ненужность, нецелесообразность действия, обозначенного инфинитивом. Значение ненужности основное, ради него говорящий использует эту структуру. В первой части называется объект, с которым связано выполнение действия, и содержится его характеристика, обусловливающая нецелесообразность выполнения действия, выраженного инфинитивом второй части. Таким образом, в данной ФС содержатся два утверждения, связанных причинно-следственными отношениями: в первой части называется причина, по которой названное действие рассматривается как ненужное. Так, приведенное выше предложение *Фильм не такой интересный, чтобы смотреть его второй раз* означает: ‘Не стоит смотреть этот фильм второй раз, потому что он не очень интересный/ не очень интересен’, а содержание предложения *Еще не так темно, чтобы включать свет* можно передать так: ‘ Не стоит включать свет, так как еще не очень темно‘.

Фразеологизированный характер данной структуры обусловлен тем, что слово *чтобы* в своем основном значении выступает в роли союза цели. В рассматриваемом же случае союз *чтобы* входит в структурное объединение ***не такой….чтобы***. Построенные по этой модели высказывания, связывая два

действия, не выражают отношения цели, следовательно союз *чтобы* утратил здесь свое непосредственное грамматическое значение и связь, оформляемая с его помощью является фразеологизированной.

Приведем другие примеры, иллюстрирующие данную ФС и показывающие особенности оформления компонента, стоящего после сочетаний *не такой* или *не так*. Следует отметить, что во второй части инфинитив используется в форме несовершенного вида, так как передает значение ненужности: *Дети пока не такие большие, чтобы оставлять их дома одних; Его сочинение не такое плохое, чтобы ставить за него тройку; Мы не такие богатые, чтобы каждый год менять машину; Мальчик не так музыкален, чтобы приглашать для него учителя музыки; Деревня находится не так близко, чтобы идти туда пешком; Не так уж она ему доверяет, чтобы обсуждать с ним свои служебные дела. Мы не так молоды, чтобы совершать нелепые поступки.*

Первая часть структуры указывает, что названный признак, свойство объекта (положительный или негативный) проявляется у него не в полной мере, недостаточно ярко (Ср.: *не такой интересный* означает ‘не очень интересный’; *не такой простой* - недостаточно простой’; *не так далеко* – ‘не очень далеко’; не так плохо – ‘ не совсем плохо’, *не такой глупый* – ‘не очень глупый’; *не так умён* – ‘не очень умён’), и это обусловливает ненужность, нецелесообразность связанного с ним действия второй части или нецелесообразность выполнения его очень качественно, активно, с полной отдачей.

Данная ФС имеет структурно-семантический вариант, который, передавая то же общее значение нецелесообразности, имеет другое оформление первой части, свои особенности лексического наполнения свободного компонента и, соответственно, – иное смысловое соотношение частей. Первая часть такой структуры строится с помощью слов *слишком* или *чересчур*, и модель структуры имеет вид: …***слишком*** (***чересчур*)..., *чтобы*** + **инф.:** *Эта работа слишком сложная, чтобы давать ее первокурсникам; Книга была чересчур скучная, чтобы читать ее до конца; Книга слишком серьезная, чтобы читать ее в метро; Музыка – нечто слишком глубокое и прекрасное, чтобы так легкомысленно*

относиться к ней; Одно скажу: пишите повесть. Вы слишком презрительно относитесь к сцене и драматической форме, слишком мало уважаете их, чтобы писать драму (М. Горький).

Эта структура выражает ту же причинно-следственную зависимость между признаками объекта и выполнением связанного с ним действия. Однако в первой части объект характеризуется как наделенный высшей степенью качеств (отрицательных или положительных), что обусловливает нецелесообразность выполнения действия второй части таким образом или на таком уровне, который не будет соответствует характеру объекта или указывает вообще на нецелесообразность выполнения названного действия. Высказывания этой структуры отличаются большей категоричностью, твердостью, убежденностью.

Рассмотренные варианты структуры семантически соотносительны и могут взаимозаменяться. Например, выказывание *Фильм не такой интересный, чтобы смотреть его второй раз* можно преобразовать: *Фильм слишком неинтересный, чтобы смотреть его второй раз*. Вариант с местоимением (***не такой.., чтобы***…), т. е. указывающий на неполную степень проявления признака, звучит мягче, не так категорично, что определяет условия его функционирования. Он может использоваться с целью смягчить категоричность негативной оценки, что является проявлением деликатности, тактичности говорящего по отношению к собеседнику и оцениваемому объекту: *Ваши предположения не так бесспорны, чтобы брать их за основу.* Ср.: *Ваши предположения слишком спорны, чтобы брать их за основу.*

Такая фразеологизированная структура может разбиваться на два самостоятельных высказывания, как бы растворяться в тексте. Первая часть без изменений выносится как самостоятельное высказывание (парцеллят), вторая часть заменяется нефразеологизированным предложением со значением нецелесообразности : – *Петр предложил: «Давайте я возьму работу домой и в воскресенье все закончу». Иван Семенович махнул рукой: «Иди домой.* ***Это не такая срочная работа.*** *Сделаешь в понедельник.* ***Не стоит портить выходной»***. В таком употреблении смысл сохраняется, но утрачивается

эмоциональная окраска и экспрессивность выражения, свойственная фразеологизированному построению.

Отдельно следует коснуться варианта структур …***не так / не такой…, чтобы…*** и ***слишком / чересчур.., чтобы*** .., в которых вторая часть включает инфинитив с отрицанием, ср.: (1) *Я не так уж стар, чтобы не вскарабкаться на лошадь;* (2) *Путь не такой долгий, чтобы не преодолеть его;* (3) *Популярный певец и его красивая жена были слишком заметны, чтобы не вызывать к себе постоянного интереса.* Определенное лексическое наполнение первой и второй частей и смысловое соотношение информации этих частей могут создать другой смысл всего высказывания. Высказывания (1) и (2) означают возражение против неверной оценки возможностей совершить названное действие, возникшей из-за неверной, неточной оценки объекта (*стар, долгий*). Высказывания выражают утверждение возможности совершить действие: ‘Я еще не очень стар (‘достаточно молод’), поэтому смогу вскарабкаться на лошадь‘; ‘Путь можно преодолеть, потому что он не очень долгий’. Высказывание (3) указывает на неизбежность действия, обусловленную высокой степенью обусловливающих признаков: ‘Оба были слишком заметны и поэтому вызывали к себе постоянный интерес. Не могли не вызывать интереса)’. Экспрессивность высказываний усиливается использованием отрицательного построения второй части, которая, по сути, передает усиленное утверждение. В обоих высказываниях между частями устанавливаются отношения «основание – вытекающее из него следствие».

Другое соединение причинно- следственных смыслов двух частей отмечается в в высказывании без отрицания: *Артур был слишком уверен в себе, чтобы меня опасаться* Здесь выражается отрицание действия второй части (*опасаться*), так как это противоречит качествам лица, названным в первой части (‘*Артур был очень уверен в себе и поэтому не опасался меня’*).

Такой же смысл содержат предложения, образуемые по модели ***надо быть*** **кем/ каким…,** ***чтобы…***: *Ну что ж, поезжай, поезжай. Тебе тут скучно. Мне надо быть большим эгоистом, чтобы удерживать тебя* (А. Чехов. Попрыгунья).

Это структурный вариант предложения *Я не такой эгоист, чтобы удерживать тебя* и означает: ‘Я не эгоист и поэтому не буду удерживать тебя‘.

3.4. Невозможность

Модальное значение невозможности передают четыре ФС. Первая из них строится по модели (1) ***где / куда*** **+ кому + инф**. Например: *Где* (*Куда*) *мне с ним спорить!; Где* (*Куда*) *ему успеть!* Данная структура называет действие, выполнение которого невозможно тем субъектом, который назван. Субъект акцентирован. Смысл приведенных высказываний передается так: ‘Я не могу (Я не в состоянии, Мне невозможно) с ним спорить (так как мой спор с ним обязательно будет безрезультатным для меня, будет проигран мною)’; ‘Он не сможет успеть, Ему невозможно успеть‘.

Другие примеры: *Так вот вы спросили, может, я сама все это выдумала. Нет, голубчик, не сама. Где мне такое выдумать. Мне бы такое и во* сне не приснилось. Как мне рассказывали, так и я рассказала (А. и Б. Стругацкие. Град обреченный); – *Не понимают, ваше благородие, не понимают, где им понять! Глупые они [ребята], молодые!* (Гаршин. Ночь); *Где тебе тягаться со мною. Со мною, с самим Балдою?* (А. Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде);– *Скоро осень, польют дожди тут будет непролазная слякоть. Да и обстановка мрачноватая, куда тут работать!* (К. Паустовский. Золотая роза); – *А ты не будешь пить? – Нет, я не пью . – Разумеется, разумеется – куда ж тебе пить!* (М. Салтыков-Щедрин Губернские очерки); *Куда уж мне плясать! Людей смешить только* (М. Горький Детство).

При рассмотрении данной ФС важно обратить внимание на два момента. Первый касается вариативности структуры, связанной с возможностью употребления в качестве постоянного компонента двух местоименных наречий – *где* и *куда.* Они утратили свое лексическое значение пространственности, их связь с инфинитивом не диктуется значением местоположения или направления. Они утратили также свою грамматическое значение вопросительности, и данная ФС

является не вопросительной, а утвердительной. В составе данной ФС *где* и *куда* употребляются в значении частиц и образуют ее конститутивный центр.

В некоторых случаях взаимозамена этих слов представляется, однако, не очень естественной, ср.: *Где мне выполнить эту просьбу* (**Куда мне…*) *Где мне давать ему советы*(**Куда мне…*); *Где мне все это прочитать*(**Куда мне…*), но *Где ей /Куда ей идти в турпоход!; Куда / Где ей работать переводчиком!* Эта возможность/невозможность использования обоих слов легко чувствуется носителями языка за счет языкового чутья, интуитивно. Объяснить же, сформулировать правило, вывести закономерность трудно.

Второй момент касается видовой характеристики инфинитива. для этой ФС характерно употребление форм совершенного вида, что соответствует общему правилу использования вида при выражении невозможности: *Что вам кажется искренним, нам кажется нескромным… Вы хвастаетесь тем, что мы скрываем: где же нам понять вас*! (И. Тургенев Дворянское гнездо). *Небось не спросил обо мне: что, дескать, жива ли тетка? А ведь ты у меня на руках родился, пострел эдакой! Ну, да это все равно, где тебе было обо мне вспомнить! Только ты умница, что приехал* (там же).

Однако встречается также употребление глагола в форме несовершенного вида, что обусловлено лексическим значением глагола, конкретным оттенком общего значения невозможности. Так, форма несовершенного вида глагола указывает на процесс или на повторяемость действия. Ср.: *Я уж о сестре твоей не говорю. Известно, ты обуреваем страстью. Где тебе о сестре думать!* (И. Тургенев Дворянское гнездо); *Притом нравиться – это дело юношей: я слишком стар. Куда мне кружить головы? Дай бог свою сносить на плечах!* (И. Тургенев. Дворянское гнездо); *– Эх, молодой человек, молодой человек, – продолжал доктор. – Где вам хитрить, ведь у вас еще, слава богу, что на душе, то и на лице. А впрочем, что толковать?* (И. Тургенев. Первая любовь); *Впереди слева высунулся грузовик. Дональд помигал ему фарами, промчался мимо, а грузовик попытался их догнать, но не на таковских напал, где ему было тягаться с*

Дональдом. Так, посветил фарами через заднее окно и отстал безнадежно. (А. и Б. Стругацкие. Град обреченный).

В ряде случаев возможны обе видовых формы, но при этом передается разное значение: *Где ей поступать в консерваторию* (‘не стоит’, ‘не нужно’) – *Где ей поступить в консерваторию* (‘невозможно’).

Можно отметить нечеткость границ между группами структур с разными модальными значениями, о чем уже говорилось. Так, рассматриваемая ФС при определенном лексическом наполнении и при использовании глагола в форме несовершенного вида может передавать значение ненужности. Ср.: *Галина Ивановна могла бы вернуться в Ленинград, но там у нее никого не было. А если бы и был, то она об этом не знала. И куда ей было перебираться на новое место. С годами она и здесь хорошо устроилась* (Л. Улицкая).

Инфинитив, если он ясен из контекста, иногда опускается, и употребляется только зависящая от него объектная форма: *Куда ей в консерваторию! Она так плохо подготовлена. Пусть попытается поступить в музыкальное училище; Нет, зачем ей в больницу! С лежанки не сходит. Где ж ей в больницу! Ее станут поднимать, она и помрет* (И**.**Тургенев Рудин); *Любовь куда-то ушла… Боялся он ее, а теперь не боится… Все-таки она женского пола. Попросту – баба! Куда ей против него?* (П. Боборыкин. Китай-город); *Ток-шоу всегда будут пользоваться популярностью! Куда без них! Самый массовый– это, конечно, «Пусть говорят»* (из газет).

Отметим, что в непринужденном общении для экспрессивного выражения невозможности используются восклицания *Где мне* (*ему*)*; Куда мне* (*ему*); *Где уж; Где там, Куда там, Куда уж тут*. Они представляют собой сокращенный вариант рассматриваемой ФС, в котором называется только субъект действия, а инфинитив, обозначающий действие, отсутствует. В этих восклицаниях одинаково возможны оба вопросительных слова.. Ср.: *Нестеров долго не верил в себя как в портретиста. Он говорил: Вот бы заняться мне этим лет тридцать назад. Куда мне! Что я могу, если есть Серов.* (Н. Платонова, В.Тарасов. Этюды

об изобразительном искусстве)*; Ну а скирды молотить некому и некогда. Так? – Где уж тут! –ответил завхоз.– Пусть стоят.* (М. Бубеннов. Белая береза).

Вторая структура со значением невозможности имеет модель (2) **кому + *ли* + инф**., т.е. включает инфинитив, которому предшествует частица *ли,* и детерминант с субъектным значением. Например: *Мне ли перевести этот текст за вечер!* (‘Я не смогу (не в состоянии) перевести этот текст за вечер’). Структура указывает на невозможность выполнения действия данным субъектом. Субъект акцентируется. Так, в предложении *Мне ли с ним спорить*, означающем ‘Я не могу успешно провести спор с ним’, подчеркивается отсутствие у названного субъекта необходимых качеств для того, чтобы действие было успешным.

Как уже отмечалось, эта модель может передавать также значение ненужности, нецелесообразности (*Тебе ли жаловаться!*). Значение невозможности / ненужности в этой модели обусловлено формой вида. Например: *Ему ли прочитать эту книгу за три дня!* – невозможность; *Ей ли работать на Севере! Ей ли читать такие книги!* – ненужность. Значение невозможности в этой структуре возникает не так часто, намного чаще реализуется значение ненужности. Однако под влиянием контекста и лексического значения инфинитива значение невозможности может возникать и при использовании инфинитива несовершенного вида, ср. приведенное выше предложение *Мне ли с ним спорить!,* а также: *Мне ли с ней соревноваться, я совсем еще неопытная спортсменка: Мне ли покупать такие дорогие украшения, а на что я буду жить.* При этом одно и то же высказывание может пониматься и как выражающее ненужность и как указывающее на невозможность. Такое совмещение в одном высказывании двух значений естественно и отражает динамичность мышления, особенности движения человеческой мысли: часто мысль о нецелесообразности действия возникает и высказывается потому, что говорящий понимает невозможность его выполнения. Ср.: *Мне ли поступать в институт* (‘Не стоит поступать, потому что я знаю, что все равно не поступлю’). *М–те Четверикова*

была не лучше ее. На ней был надет простой черный шелковый капот. Ей ли, дочери преступника, было иначе одеваться? (Б. Акунин)

Третья структура подгруппы имеет модель (3)***...не такой / не так*** **+ прил. (сущ., нареч.) +** ***чтобы*** **+ инф.** Например: *Пьеса не такая простая, чтобы исполнить ее без нот; Правило не такое короткое, чтобы быстро его запомнить; Он не такой талантливый актер, чтобы сыграть ему эту роль.* Смысл этих предложений таков: ‘Пьесу невозможно исполнить без нот, так как она не очень простая’, *Правило невозможно быстро запомнить, потому что оно не очень короткое‘; Актер не сможет сыграть эту роль, так как он не очень талантливый’.* Предложения, реализующие эту структуру, указывают на невозможность выполнения, осуществления действия, названного инфинитивом во второй части, из-за присущих субъекту или объекту качеств, свойств, которые названы в первой части.

Выше уже рассматривались высказывания, построенные по той же модели, но выражающие ненужность. Таким образом, здесь мы встречаемся с семантической неоднозначностью фразеологизированной структуры: конкретные предложения, реализующие ее, могут передавать значение и ненужности, и невозможности. Ср.: *Текст не такой простой, чтобы давать его пятиклассникам* (‘не стоит давать’) – *Текст не такой простой, чтобы перевести его без словаря* (‘невозможно перевести’). Значение высказывания этой структуры обусловлено смысловым соотношением содержания первой и второй частей. В приведенных предложениях называется такое свойство объекта текста, которое делает одно действие с ним нецелесообразным (*давать его пятиклассникам*), а другое – невозможным (*перевести без словаря*).

В выражении названных модальных значений важную роль играет видовая форма инфинитива второй части: как известно, форма несовершенного вида типична для выражения ненужности, а форма совершенного вида обычна при выражении невозможности (см. приведенные примеры). Однако значение невозможности не обязательно требует для своего выражения формы совершенного вида. Иногда смысловое соотношение частей само по себе

указывает на значение невозможности. В таких случаях форма несовершенного вида глагола обычно обозначает длительное, регулярное или повторяющееся действие: *Работа не такая приятная, чтобы получать от нее удовольствие и удовлетворение; Он не так хорошо знает язык, чтобы переводить такие трудные тексты.*

Конкретные высказывания, реализующие разные значения модели ***не такой/не так.., чтобы ..***, допускают разные модальные реализации. При выражении невозможности типично использование слова *можно,* которое в составе такого высказывания передает противоположное значение, т.е. значение невозможности: *Конкурс не такой простой, чтобы можно было победить в нем* (‘победить было невозможно’). Значение ненужности более четко выражается при использовании слов *стоит, следует: Конкурс не такой интересный, чтобы стоило участвовать в нем.* (‘не стоило участвовать’).

Структура ***не такой.., чтобы*** может расчленяться, и первая часть используется как самостоятельное высказывание. Это вариант парцелляции. Например: *– Дадите сорок тысяч? – спросил Грин. – Не дам. Грин пошел к выходу. Хозяин догнал, пошел провожать. Неужели передумал? Вряд ли.* ***Не такой он человек****. Тогда зачем догнал?* (А. и Б. Стругацкие. Град обреченный). В этом фрагменте использована только первая часть ФС (*Не такой он человек*), но смысл всей структуры выражен в тексте (*Неужели передумал? Вряд ли*), поэтому нетрудно восстановить всю структуру: *Не такой человек, чтобы передумать*

Структура ***не такой.., чтобы…*** имеет вариант, в котором вместо компонента *не такой* используется слово *слишком*: *Пьеса слишком сложная, чтобы сыграть ее без нот; Правило чересчур длинное, чтобы быстро его запомнить.* Разница между вариантами заключается в разной степени категоричности выражения признака. Компонент *не такой* передает смягченную характеристику, равную по смыслу наречию *не очень*: *не такой простой* (‘не очень простой’), *не такой короткий, не такой легкий,* и под. Слово *слишком* указывает на максимальную, предельную степень признака: *слишком сложный* (‘очень сложный’), *слишком длинный, слишком трудный.*

Четвертая фразеологизированная структура, выражающая значение невозможности, имеет модель (4) ***чтобы*** **+ кто + глаг**. Например: *Чтобы он когда-нибудь опоздал!; Чтобы Андрюша нагрубил старшим!; Чтобы Надя кого-нибудь обидела!* Глагол употребляется в форме прошедшего времени. Высказывания этой ФС передают значение экспрессивно утверждаемой невозможности совершить данным лицом названное действие. Невозможность действия представляется как обусловленная характерной для данного лица чертой его характера, свойством его личности. Смысл и содержание приведенных высказываний можно описать предложениями типа: *Невозможно, чтобы он когда-нибудь опоздал!'; 'Андрюша не может нагрубить старшим!'; 'Невозможно, чтобы Надя кого-нибудь обидела'*.

В предложения, реализующие эту модель, нередко вводятся неопределенные местоимения и наречия *когда-нибудь, где-нибудь, что-нибудь* и т. д. или те же местоименные слова без неопределенной частицы *–нибудь*. Пропуск частицы характерен для современной устной разговорной речи и естественно сочетается с разговорным характером самой ФС: *Чтобы он когда-нибудь* (*когда*) *опоздал!; Чтобы он кому-нибудь* (*кому*) *нагрубил!; Чтобы он когда написал письмо!* Эти местоимения и наречия в высказываниях данной ФС используются для усиления значения, подчеркивают типичность такого поведения лица, например: *когда-нибудь, когда* означает 'никогда', *где-нибудь, где* – 'нигде' и т. п.:. Ср.*: Чтобы он когда-нибудь* (*когда*) *опоздал* – 'Он никогда не опаздывает'.

Высказывания данной ФС, как правило, употребляются в сочетании со следующими за ними экспрессивными конструкциями, словами, придающими особую категоричность значению утверждаемой невозможности, такими, как *Ни за что!; Ну что вы!; Это невозможно!; Это исключено!, Такого не бывало! Никогда! Я такого не помню* и т. п.: Например: *Чтобы он опоздал! Никогда! Ни за что!; Здесь рядом Ботанический сад, Яуза в живописных берегах. Но чтобы он вышел сюда погулять, отдохнуть! Такого не бывает.* Следует отметить, что высказывание этой модели произносится с особой интонацией – интонацией

незавершенности, так как следующая за ними конструкция с экспрессивно-усиливающей функцией интонационно завершает все высказывание.

Глагол в этой ФС употребляется, как правило, в форме совершенного вида прошедшего времени, типичной для выражения невозможности (см.приведенные выше примеры). Глагол в форме несовершенного вида употребляется для указания на повторяемость или регулярность ситуации, например: *Чтобы он пропускал занятия или опаздывал! Что вы!; Чтобы она ссорилась с кем-нибудь!; Чтобы он когда-нибудь отказывался помочь! Это невозможно*!

4. Предложения ФС, выражающие значение единственности и множественности

Выделятся две подгруппы: структуры, выражающие единственность и выражающие множественность**.** Как одно, так и другое значение получает более точную, конкретную реализацию в каждой структуре подгруппы.

4.1. Единственность

Первая ФС этой группы строится по модели (1) ...***только и*** **+ сущ. /глаг..,** ***что***...: *У нее только и радость, что ее работа; В городе только и развлечение, что кинотеатр; У студентов только и разговор, что об экзаменах; Он только и интересуется, что самолетами.* Структура включает две части, соединяемые составным постоянным компонентом ***только и.., что…*** Позицию переменного компонента могут занимать существительные или глаголы.

Высказывания, реализующие данную ФС, начинаются с детерминанта с субъектным (форма *у кого*) или с обстоятельственно-субъектным (форма *где*) значением, если свободным (переменным) компонентом первой части является существительное. Это существительное употребляется в одной из двух форм: в форме именительного падежа единственного и множественного числа или в форме родительного падежа, обычно множественного числа. Например: *У студентов только и разговор* (*разговоры, разговоров*)*, что об экзаменах; У нее*

только и обязанность (*обязанностей*) *в доме, что убирать свою комнату; В городе только и развлечение* (*развлечений*)*, что кинотеатр.* Построение второй части определяется грамматическими и семантическими требованиями существительного первой части, и соответственно допускаются варианты. Например: *У студентов только и разговор, что об экзаменах; У студентов только и разговор, какие будут экзамены; У нее только и обязанность в доме, что покупки* (*сделай покупки / сделать покупки*).

Если свободным компонентом первой части является глагол, предложение открывается одушевленным существительным или личным местоимением в именительном падеже, выполняющими функцию подлежащего. Вторая часть ФС включает существительное или инфинитив, зависящие от глагола первой части. Например: *Он только и интересуется, что самолетами; Она только и думала, что о сыне; Мы за это время только и успели, что сходить в книжный магазин*.

Значение данной фразеологизированной структуры — указание на абсолютное преобладание. В первой части называется действие, состояние, которые получают реализацию через единственный объект, аспект, названный во второй части. Он предстает как преобладающий, исключительный. Смысл предложений, построенных по модели, может быть передан предложениями, включающими лексические показатели единственности: *только, всего один (одна); один (одна); всего только; единственный*. Например: *В этом городе только и развлечений, что кино* – ‘В этом городе кино — единственное развлечение’; *У студентов только и разговор, что об экзаменах* – ‘У студентов одна (всего одна) тема разговоров – экзамены‘.

Значение преобладания, ограничения может быть усилено введением слов *один* (*одна, одно, одни*) или *всего*. Например: *Я только всего и прочитал, что два небольших рассказа; У нее только одна и радость, что ее работа.* Вместо сочетания *только и* может использоваться сочетание *всего и.* Например: *У нее всего и радость, что ее работа*. Союз *что* может опускаться: *У нее только и радость — ее работа.* При наличии слова *один* (*одна, одно*) существительное первой части употребляется в форме именительного падежа единственного числа:

В городе только одно и развлечение — кино (ср. невозможность * *В городе только одно и развлечений, что кино*).

Данная ФС имеет четырехчленную парадигму: *У студентов только и разговор* (*был, будет, был бы*), что об экзаменах. В структуру могут быть введены полусвязочные глаголы *стать, становиться, оказаться*: *Здесь только и работы оказалось, что расставить книги на полках.* Отрицание не может быть введено.

В языке закрепились устойчивые выражения типа *Только и дел; Только и радость; Всего и денег; Всего и забот;* и под. Они представляют собой вариант первой части анализируемой ФС (вторая часть, начинающаяся союзом *что,* отсутствует). Они используются после текстового фрагмента как обобщающие высказывания и означают наличие чего-либо в малом количестве (‘Есть только это’). Ср.: *Здесь несколько томиков стихов, словари и учебники. Всего и книг; Альбом дорогой, хватит ли у нас денег. Вот пятьсот рублей, да еще мелочь в кармане. Всего и денег!; Елка очень красивая, жаль, что украшать ее нечем. В коробке десяток шаров, правда красивые, и две гирлянда. Только и игрушек.*

Вторая фразеологизированная структура со значением единственности строится по модели (2): ***кому*** + ***бы*** + ***только*** + **инф**. Структура включает ограничительную частицу *только* и частицу *бы*; открывается она существительным или местоимением с субъектным значением (форма *кому*), переменный компонент выражен формой инфинитива: *Ей бы только развлекаться; Толику бы только спать; Вам бы только ссориться*. Частица *бы* может менять свое место в высказывании (*Ей только бы развлекаться; Ей развлекаться бы только*), однако порядок компонентов, указанный в первых примерах, наиболее характерен.

Данная ФС используется по отношению к существу (человеку или животному) и указывает на ограничение круга его занятий тем, что названо инфинитивом, на его преобладающую, исключительную склонность к названному действию.

Инфинитив называет занятие субъекта, которое он предпочитает (*развлекаться, веселиться, отдыхать, спать, играть в футбол, сидеть перед телевизором*) или которое типично, характерно для него, к которому он имеет склонность в силу его характера, особенностей личности, темперамента (*спорить, ссориться, капризничать, обижаться, упрекать* и т.п.). Обычно это несерьезное, нежелательное занятие, или которое расценивается говорящим как таковое. Высказывания типа *Ей бы только развлекаться; Толику бы только спать* означают, что любовь к названному занятию сопровождается у лица отсутствием интереса к другим, более серьезным, нужным занятиям. Смысл высказываний этой ФС можно передать так: ‘Единственное занятие, которое его (ее, их) привлекает, – это...’; ‘Он склонен к тому, чтобы…; ‘Он (Она) больше всего любит…‘, Для него характерно…’.

Основное значение ФС обычно сопровождается эмоциональным компонентом осуждения. Используя такое высказывание, говорящий обычно выражает негативное отношение к предпочтению лица, о котором идет речь. Высказыванием *Тебе бы только спорить,* говорящий выражает свое осуждение (‘Зачем, напрасно, зря ты так часто споришь’, я считаю, ты напрасно это делаешь’). Говоря *Лене бы только развлекаться,* говорящий хочет показать, что он замечает любовь этой девушки к развлечениям, и ему это не нравится.

Исключительная склонность к определенному занятию является внешним проявлением характера человека, особенностей его личности, отражением его внутреннего мира. Таким образом, за этой структурой просматривается также характеристика лица, являющегося субъектом названного действия. Эта характеристика вербально не выражена, но легко определяется, угадывается,. Например, предложением *Лене бы только развлекаться* говорящий хочет подчеркнуть, что Лена легкомысленна, любит весело проводить время, очевидно, в ущерб другим, более серьезным занятиям, а предложение *Вам бы только спорить* указывает не только на то, что люди, о которых идет речь, часто спорят, но и на то, что такое поведение обусловлено определенными свойствами их характера, их упрямством, несговорчивостью.

Иногда конкретное предложение, реализующее структуру вместо осуждения выражает одобрение, даже восхищение. Это возможно в тех случаях, когда называется действие, положительно характеризующее субъект, ср.: *Ей бы только читать; Ему только бы сидеть за шахматной доской и разбирать разные партии.* Однако и при таком лексическом наполнении копонента ФС может использоваться не только для положительной, но и для негативной характеристики лица, если говорящий хочет передать, что названная склонность лица нежелательна, не нужна. В таком случае основная роль в выражении эмоции принадлежит контексту. Ср.: *Она очень любит книги. Ей бы только читать. Для нее это лучший отдых; – Она очень любит книги. Ей бы только читать! А математикой не почти не занимается, да и на улице мало бывает*.

Данная ФС имеет структурный вариант, в котором постоянный компонент вместо слова *только* включает слово *всё*: *Ей бы все веселиться; Мише бы все гулять; Им бы все спорить.*

Рассмотренную структуру, следует отличать от внешне похожей структуры, имеющей модель **кому + *бы* + инф**.. Она указывает на желание субъекта: *Мне бы поспать!; Поехать бы мне сейчас домой!; Отдохнуть бы нам!* или передает совет, побуждение, адресованные собеседнику или третьему лицу: *Тебе бы поговорить об этом с братом; Ему бы только отдохнуть немного; Ей бы заниматься побольше, экзамен скоро.* Такие предложения имеют следующие структурные особенности. Частица *только* не входит в модель этих предложений, не является выразителем значения. Место компонента, называющего субъект действия (форма *кому*), строго не фиксировано (ср.: *Тебе бы поспать; Поспать тебе бы; Тебе поспать бы; Мне бы поспать!; Поспать бы мне!*), а форма *мне* как называющая говорящего, может опускаться (*Поспать бы мне – Поспать бы!* Различаются сравниваемые структуры также видовой характеристикой глагола. В ФС со значением ‘единственной склонности’ чаще используется инфинитив несовершенного вида: *Тебе бы только спать!*, в структуре, передающей желание или совет, часто используется инфинитив совершенного вида (имеется в виду одна конкретная ситуация): *Мне бы только поспать!; Тебе бы только поспать!*,

но возможен и инфинитив несовершенного вида (речь идет о повторяющемся действии): *Тебе бы спать побольше, и тогда ты лучше бы себя чувствовал*.

Внешнее сходство двух структур может привести к тому, что значение конкретного высказывания становится понятным только из контекста. Таково, например, предложение *Ему бы только отдыхать*. Ср.: *Ему бы только отдыхать побольше! Работать он не любит. На его усердие трудно надеяться – Ему бы только отдыхать побольше! Никакие лекарства ему не нужны Он просто устал.*

Третья ФС со значением ограничения, единственности иллюстрируется предложениями *Хорошо здесь* ***только то, что*** *станция близко; Интересно в этом городе* **только то, что** *он древний; Замечательного в этом саду только то, что он очень большой; Привлекательно в ней* ***только то, что*** *волосы у нее очень красивые.*

ФС строится по модели, включающей постоянный компонент ***… только то, что…*** который помещается в середине высказывания и делит его на две части, т.е. отражает двучастность структуры. В первой части переменный компонент представлен кратким прилагательным или прилагательным в форме родительного падежа. Используется ограниченное количество прилагательных оценочной семантики: *хорошо, плохо, интересно, привлекательно, увлекательно, замечательно, сложно, трудно* и др. Типичен пространственный распространитель (форма *где*). Реже включается компонент с субъектным значением (форма *у кого, в ком*). Правая часть (после компонента *что*), строится по свободной синтаксической структуре. Например: *Хорошо/хорошего здесь (в этом месте) только то, что воздух свежий (что тихо; что можно отдохнуть от города; что здесь я хорошо сплю* и т.д.). Ограничительная частица *только* иногда опускается: *Хорошо в этом месте то, что воздух свежий.*

Структура указывает единственный отличительный признак, который выделяется в объекте на фоне остальных, противоположного свойства. Возможны два варианта смысловой организации высказывания. В одном случае в объекте на фоне обычных, стандартных или негативных признаков говорящий выделяет один

положительный, и это делает самый обычный объект более привлекательным, смягчает его негативную характеристику. Так, высказывание *Хорошо здесь только то, что станция близко* отмечает, что близость станции – это единственный признак, уменьшающий непривлекательность места. В другом случае в объекте, обладающем многими положительными признаками, говорящий выделяет один нежелательный, который, хотя и уменьшает привлекательность объекта, но позволяет дать его полную объективную характеристику. Так, высказывание *Плохо в этой квартире только то, что нет балкона* называет единственный недостаток хорошей квартиры

Парадигма четырехчленна: *Замечательного в этом саду было (будет, было бы) то, что он был (будет, был бы) очень большой.* Отрицание не принимается.

4.2. Множественность

Первая ФС этой подгруппы имеет модель, постоянный компонент которой включает местоименное слово (*кто, что, когда, какой* и т. д.), частицу *только* Частица *только* употребляется для усиления представления о большом количестве, разнообразии чего-либо. и отрицательную частицу *не,* которая имеет здесь усилительное значение. Модель (1) имеет запись: ***кто /что / какой /где/ когда/...*** **+ *только не* + глаг/ сущ.** ... Например: *Кто только не приходил сюда*; *Какие только цветы не растут здесь!; Где мы только не побывали!*

Значение множественности связано с ослаблением прямых лексических значений как у местоименных слов, так и у частицы *не*. Частица *не* утратила здесь значение отрицания и получила значение усиленного утверждения. Местоименное слово теряет значение вопросительности и в сочетании с частицами *не* и *только* передает значение акцентированной множественности того, на что в обобщенном виде указывает его семантика. Так, приведенные выше предложение означают соответственно: ‘*Сюда приходили многие, разные люди*’; ‘*Здесь растут самые разные цветы’*; ‘*Мы побывали всюду*’

Местоименные слова разнообразны по значению. Они называют лицо (*кто*), объект (*что*), признак (*какой*), цель (*зачем*), место или направление (*где, куда,*

откуда), время (*когд*а), поэтому общее значение множественности может проявляться как указание на множественность, большое количество лиц, объектов, разнообразие качеств, обстоятельств. Местоименные слова *кто, что, какой* используются в высказываниях данной ФС, в той форме, которая определяется предикатом: *Кто только не побывал здесь*; *Кого только не увидишь в этом курортном городе*; *Каких только флагов не увидишь в Олимпийском Сочи* (из телерепортажа) *О чем только мы не вспомнили в этот вечер*; *С кем мы только не обсуждали эту проблему.*

Содержание таких высказываний передается нейтральными нефразеологизированными предложениями, в которых используются соответствующие местоимения и наречия со значением количества и разнообразия типа *все, всё, много, многие, всегда, везде, всюду* и т.п. или сочетания того же значения, например, *во многих местах, в разное время, многие люди* и т.п. Другими словами, при перефразировании постоянный компонент (он, как видно из записи модели, состоит из трех слов) заменяется эквивалентным по смыслу нейтральным невопросительным вариантом: *кто только не – все; с кем только не – со всеми; что только не – всё; о чем только не – обо всём; какие только не – любые, различные, всякие; где только не – везде, всюду; когда только не – в любое время, в разное время* и т.д.

Эта ФС выполняет в смысловой организации текста связующую роль, которая проявляется по-разному. Характерен контекст, когда после ФС перечисляются конкретные объекты из множества, что придает сообщению большую конкретность, значимость. Например: *Кому я только не звонил: и его сестре, и друзьям и даже Николаю Семеновичу – никто его не видел*; *Куда я только не заходил: в букинистический магазин, и в «Книжный мир», и в библиотеку — книги нигде нет*; *Чего только не было на его письменном столе: книги, тетради, исписанные листы бумаги, множество карандашей и ручек, очки, футляр, пачка сигарет и пепельница, и даже стоял горшок с кактусом!*; *Фанты наскучили нам. И мы играли на фортепьяно и пели, и танцевали. Да чего*

мы только не делали в течение этого вечера! Нирмацкого одели медведем и дали ему выпить воду с солью. (И. Тургенев Первая любовь).

Высказывания этой структуры могут использоваться также для обобщения, после перечисления объектов множественности: *Мама была прачкой, посудомойкой, работала на железной дороге. Да, кем она только не была* (из телевизионного интервью); *Кронштадт, Аден, Севастополь, Калькутта, Владивосток, бухта Ольга – где только не побывал он за годы морской службы !* (Рудный. Гангутцы).

Типично также включение таких высказываний в повествовательный контекст для констатации множественности без конкретизирующего перечисления объектов: *Рассказ Платона Афинского о мифологическом государстве Атлантида, о его местонахождении уже давно будоражит умы исследователей. Куда его только не помещали! Однако постепенно взоры историков и геологов обратились к Эгейскому морю, к острову Санторин, расположенному к северу от о. Крит, примерно в 120 км*. (из газет); *Игра в фанты продолжалась. Зинаида посадила меня около себя. Чего только не придумывала она! Смех не умолкал ни на минуту* (И. Тургенев. Первая любовь).

Встречаются высказывания (реализации структуры) с пропущенным словом *только*. Возможно также повторение местоименного слова, что усиливает экспрессию: *Да, Зинаида очень потешалась надо мной. В течение трех недель я ее видел каждый день – и чего, чего она со мной не выделывала!... Я перестал работать, читать. Как привязанный за ножку жук, я крутился постоянно вокруг любимого флигелька* (И. Тургенев. Первая любовь).

В этой связи можно обратить внимание на то, что высказывания данной структуры следует отличать от предложений с союзными словами ***как ни, сколько ни, где ни, какой ни*** и под., которые выражают уступительные отношения с оттенком усиления: *Где я ни бывал, всюду встречал приветливых людей*; *Какие книги я ни читал, нигде не мог найти сведения об этой экспедиции.* В таких предложениях частица *ни* используется в своем прямом, усилительном значении. В рассматриваемой ФС отрицательная частица *не* используется для

усиления другого значения, – значения множественности и выступает при этом в своем непрямом значении, ср.: *Где я только не бывал, и везде мне встречались добрые , интересные люди; Какие только книги я не читал в школьные годы, у нас в семье любили книги.*

Вторая ФС со значением множественности строится по модели (2) ...***что ни*** + **сущ., *то*...**. Составной постоянный компонент *что ни.., то* оформляет две части структуры. Структура, как правило, открывается компонентом с субъектным значением (форма *у кого*) или с обстоятельственно-субъектным (форма *где, когда*). Ср *У Сонечки что ни день, то новые игрушки; В тексте то ни страница, то ошибки; В деревне что ни вечер, то танцы; В январе что ни неделя, то экзамен*.

В первой части называется объект (в широком понимании – *день, страница, вечер, неделя*), а во второй части – характеризующая его черта, особенность, признак (*новые игрушки, ошибки, танцы, экзамен*). Форма единственного числа существительного первой части значима: она называет не один конкретный объект, а ряд, схожих, однотипных, т.е. «манифестирует» собой совокупность объектов. Совокупность представляется при этом как раздельное множество, в котором каждый конкретный объект является, с одной стороны, частью множества, целого, а с другой стороны – представляет собой отдельную, самостоятельную единицу. Семантическая функция второй части заключается в том, чтобы охарактеризовать объекты раздельного множества, т.е. содержащаяся в ней характеризующая информация относится ко всей совокупности объектов и к каждому объекту в отдельности.

Таким образом, данная структура употребляется для того, чтобы передать мысль о распространенности на определенную совокупность объектов какого либо признака, получающего при этом особое проявление в каждои объекте. Специфика характеристики в том, что все объекты ряда характеризуются на основании одного общего признака, однако поскольку каждый объект

раздельного множества представлен как самостоятельная единица, каждый из них получает и отдельную характеристику

В высказывании *Что ни дом, то своя архитектура* оценивается определенная совокупность домов, находящихся на определенной территории, по общему признаку – «архитектурный облик», при этом подчеркивается, что каждый дом имеет свои архитектурные особенности. Другими словами, все дома объединяет то, что все они архитектурно интересны, но различаются они при этом своей архитектурной индивидуальностью, а весь ряд объектов (домов) отличается разнообразием. В предложении *У меня что ни студент, то личность* речь идет обо всех студентах, с которыми связан говорящий, они рассматриваются с точки зрения одного общего признака – личностных качеств (этим они объединяются), цель высказывания – показать, что общее свойство получает индивидуальное воплощение в каждом студенте. Высказывание *Что ни день, то какие-то проблемы* информирует об определенном количестве дней с цлью показать, что все дни имеют какие-либо проблемы, но при этом проблемы одного дня не похожи на проблемы других дней.

В семантике высказываний акцентируются смысловые компоненты ‘все и каждый’, ‘каждый в своем роде’, ‘каждый по-своему’. Их содержание может быть передано предложениями свободной структуры, включающими слова *каждый*, *всякий*, *любой,* которые подчеркивают признак раздельности: *В этом городе что ни дом, то своя неповторимая архитектура – В этом городе все дома имеет свою неповторимую архитектуру, каждый дом по-своему интересен*.

Свободный компонент первой части структуры выражается существительными, обозначающими объекты, которые могут восприниматься как совокупность. Преимущественно используются имена существительные

– конкретного значения: *дом, город, картина, дерево* и т.д.: *Что ни платье, то свой фасон; Что ни дом, то интересная история;*

– со значением лица: *ученик, студент, ребенок, девушка, спортсмен, пациент, артист* и т.д.: *Что ни студент, то особый характер; Что ни спортсмен, то свой путь в большой спорт*;

– со значением временного отрезка: *день, сутки, месяц, год, вечер, век, эпоха* и под. В таких предложениях передается временная периодичность ситуаций: *У этого писателя что ни год, то новый роман;*

– называющие пространственные фрагменты или локумы: *метр, шаг, километр, город, деревня, река. улица* и др.: *Ноги у бабушки болят. Что ни шаг, то острая боль; Что ни деревня, то свои песни;*

– обозначающие результат деятельности *роман, картина, исследование разработка, проект, произведение, памятник* и под.: *Что ни роман, то новый захватывающий сюжет; Что ни проект, то новые идеи;*

– обозначающие природные явления: *метель, наводнение, гроза, ураган*, *землетрясение*: *Что ни дождь, то угроза урожаю; Что ни ураган, то поваленные или сломанные деревья.*

В то же время имеются существительные, которые не могут использоваться для заполнения позиции свободного компонента. Таковы, например, абстрактные существительные, обозначающие отвлеченные понятия, качества, свойства, эмоциональные состояния: *красота, трудолюбие, любознательность*, *твердость, радость, счастье* и под.). Лексическое значение таких существительных не соответствует общему значению данной ФС.

Во второй части структуры для характеристики объекта используются существительные самой различной семантики, не только оценочной, так как любое проявление объекта может восприниматься как его характеристика (*Что ни праздник, то веселье; Что ни студент, то личность; Что ни картина, то шедевр*) или существительные с определением или зависимыми словами (*Что ни дом, то своя архитектура; Что ни ученик, то индивидуальный подход; Что ни год, то новая экспедиция в Сибирь или на север*).

Первая и вторая части структурно не связаны, поэтому возможны самые разные варианты построения правой части, строгих правил оформления нет. Это может быть предложение (*Что ни обед, то повар старается приготовить что-нибудь новое; Что ни ученик, то ищи особый подход; Здесь что ни день, то я встречаюсь с новыми людьми /то возникают какие-нибудь проблемы /то я полон*

новых впечатлений). Это может быть, к примеру, фразеологизм, образное выражение (*Что ни ковер – невозможно глаз отвести*; *В саду что ни шаг, то райский уголок*; *Для школьника что ни день, то мозги набекрень* (из газет).

Вторая часть может содержать зависимую словоформу, тогда предикат опускается, и структура только угадывается по этой словоформе, что, впрочем, никак не мешает собеседнику однозначно понимать высказывание. Так, высказывание *Что ни воскресенье, то он на дачу (на даче)* означает ‘Каждое воскресенье он едет на дачу (проводит на даче)’.

Семантический компонент ‘разнообразие’ получает в высказывании лексическое выражение. Ср.: *Что ни студент, то* ***особый*** *характер; Что ни дом, то* ***неповторимая*** *архитектура: Что ни день, то* ***новые*** *радости; Что ни поездка, то* ***какие-нибудь*** *приключения.* Да и многие существительные, используемые в этой позиции, самим лексическим значением указывают на неповторимость, разнообразие: *Что ни картина, то* ***шедевр****; Что ни ученик, то* ***характер****, что ни день, то* ***неожиданность****; У писателя что ни год, то* ***роман.*** Понятно, что шедевр – это что-то неповторимое, чего не было раньше, что характер у каждого человека свой, а писатель каждый раз пишет другой роман.

При индивидуальной характеристике объекты одной совокупности, одного ряда могут быть представлены как обладающие одними и теми же свойствами, т.е. отмечается повторяемость характеризующего признака у всех представителей ряда. Высказывания *Что ни невеста, то красавица; Что ни книга, то талантливая; Что ни ученик, то отличник* означают, что все представители ряда (невесты, книги, ученики) обладают названным признаком и индивидуальные проявления признака не акцентируются. В семантике таких высказываний акцентируется компонент ‘*все’*.

Таким образом, можно говорить о двух семантических разновидностях: высказываний анализируемой структуры: она либо указывает на, индивидуальность, разнообразие проявлений общего признака в отдельных объектах множества (*Что ни дом, то своя неповторимая архитектура*), либо

акцентирует повторяемость одного и того же признака во всех объектах (*Что ни день, то дождь*).

Следует заметить, что частица *то* может опускаться, не нарушая смысла высказывания (*Что ни страница – ошибки; Что ни день, бабушка рассказывает новую сказку*), однако чаще употребляется полный вариант без пропуска частицы.

Парадигма ФС четырехчленна: *В этом городе что ни дом, то (была, будет, была бы) своя неповторимая архитектура.*

Третья ФС подгруппы строится по модели (3) ***мало ли + кто /что /почему /какой / сколько… + …***: *Мало ли почему она опоздала; Мало ли какая будет погода; Мало ли где люди проводят свободное время*!; *Мало ли кто приезжал сюда.* Модель организуется постоянным компонентом, включающим наречие *мало* и частицу *ли*, за которым следует местоименное слово различной семантики в зависимости от передаваемой информации:

В анализируемой ФС наречие *мало* утрачивает свое непосредственное лексическое значение, фиксируемое в словарях: «1. в небольшом количестве, в небольшой степени; немного. 2. меньше, чем нужно; недостаточно» [Словарь русского языка в четырех томах. Т.2: 219]. В условиях фразеологического использования слово *мало* в сочетании с усилительно-выделительной частицей *ли,* получает противоположное значение и указывает на большое количество, разнообразие того, что обобщенно представлено местоименным словом, следующим за сочетанием *мало ли.*

Местоимения и наречия в этой структуре сохраняют свое лексическое значение и употребляются в относительном значении для указания на соответствующий аспект ситуации: объект (*что*), лицо (*кто*) признак *(какой*), причину (*почему*) и т.д. Они вносят в значение ФС компонент потенциальности и альтернативности. Соединение сочетания *мало ли* с этими вопросительными наречиями или местоимениями грамматически не мотивировано и также свидетельствует о фразеологическом характере анализируемой структуры

Такое соединение слов, образующих постоянный компонент, в их специфическом, непрямом употреблении формирует фразеологизированное построение со значением утверждения потенциальной множественности, разнообразия вариантов исхода ситуации. Другими словами, произнося высказывание этой структуры, говорящий утверждает, что ситуация допускает, имеет множество, разнообразие воплощений, и неизвестно, какой вариант является (или окажется) реальным. Так, высказывание *Мало ли почему Нина опоздала* означает: ‘Возможны самые разные причины опоздания Нины, и неизвестно, какая из них является реальной; Множество причин не могли не позволить Нине прийти вовремя’, а высказывание *Мало ли кто мог приходить сюда* имеет смыл: ‘Сюда могли приходить самые разные люди’; ‘Возможно, здесь побывало много разных людей’.

Словарь фиксирует такое употребление слова *мало***:** «В сочетании с местоимениями и наречиями «кто», «что», «какой», «где», «когда», и частицей «ли» обозначает в с я к о е, р а з н о е, м н о г о е; р а з н ы е, м н о г и е; в р а з н ых, в о м н о г и х м е с т а х; в р а з н о е в р е м я, ч а с т о.– *Мало ли чего человек не соврет спросонья* (Н. Гоголь. Сорочинская ярмарка» [Словарь русского языка в четырех томах. Т. II.: 219]. Словарь, квалифицирует такое употребление слова *мало* как оттенок его значения и, естественно, не указывает на характер структуры, ее фразеологичность. Мы же акцентируем внимание на том, что именно фразеологический характер структуры является причиной такого изменения лексического значения этого слова.

При передаче содержания фразеологизированных высказываний используются предложения свободной структуры, включающие показатели потенциальности *мочь, возможно, можно предположить* и др., и слова, со значением большого количества и разнообразия, такие как *много, множество, всякий, самые разные, любой*: Например: *Мало ли почему Нина опоздала – Возможны самые причины, из-за которых Нина опоздала*; *Мало ли что могло произойти – Всякое могло произойти*.

Эмоционально-экспрессивная окраска ФС определяет характер ее интонационного оформления. Высказывания этой структуры обычно произносятся с ИК-5 или ИК-7 и с их эмоциональными реализациями. Показательно, что на письме в конце такого предложения ставится обычно не вопросительный знак, а восклицательный (знак усиленного, подчеркнутого эмоционального утверждения): *Даже когда Татьяна Власьевна передала ему эти слухи, он только улыбнулся и проговорил: – Вздор, мамынька… Мало ли про нас что болтают с зависти! Всех не переслушаешь, мамынька* (Д. Мамин-Сибиряк. Горное дело); – *Говорят, жена Цезаря была безупречна. – Мало ли что говорят! А некоторые грешки за ней водились* (из журнала).

Данная структура активно используется в монологической и в диалогической речи, а специфика ее семантики определяет типичное ее использование в ситуациях, когда речь идет о чем-либо неизвестном, не решенном, предполагающем альтернативность, множественность вариантов реализации.

Нередко эта ФС используется для аргументации, с целью воздействия, убеждения. В таком случае характерен контекст с последующим или предшествующим перечислением возможных вариантов исхода. *Александров всегда нуждался в свободном пятачке. Мало ли что можно на него купить: два пирожка с вареньем, кусок халвы, стакан малинового кваса, десять слив, целое яблоко, словом, без конца* (А. Куприн. Юнкера); *Она* [Анна Ахматова] *переводила Незвала, которого считала парфюмерным, Гюго, которого просто не любила, Тагора, да мало ли еще кого* (из журнала).

В диалогическом общении или монологическом рассуждении ФС часто используется говорящим как возражение против варианта собеседника или против первого своего собственного варианта-предположения, чтобы показать возможность альтернативного решения: – *Наташа не пришла на занятия, наверно, проспала. – Почему ты так думаешь? Мало ли что могло произойти.*; – *Оля давно не звонила нам. Наверное, обиделась – Ты сначала узнай, в чем дело. Мало ли почему она не звонит.* Смысл высказываний ФС при таком их

употреблении можно передать так: ‘*Я не согласен с вашим вариантом, так как в данной ситуации возможно множество других вариантов’*.

Выражение несогласия – довольно частотная коммуникативная ситуация употребления ФС, однако не менее характерно ее использование для других интенциональных целей. В диалогическом общении высказывания этого типа служат говорящему для выражения уверенности в своей правоте или просто для оправдания:– *Не бери много вещей с собой, тяжело будет нести. — Нет, я все-таки возьму и зонтик, и теплый свитер. Мало ли какая будет погода! Ведь сейчас только начало лета*; *– Зачем ты сшила черное платье? – «Да так. Сама не знаю»,– досадливо отмахнулась Нина. Мало ли что мы делаем не думая о цели*! (из записей устной речи).

Высказывания этой ФС используются как логическое звено в монологической речи говорящего для выражения: пояснения – (1), противопоставления с указанием другой альтернативы – (2) и (3), уступки – (4), причинного обоснования – (5) и (6) и т.д. Ср.: (1) *Все было как будто очень хорошо. Они удачно добрались, река никуда не делась. А мало ли что могло произойти за 12 лет с таким хрупким созданием, как текшая по земле вода?* (А. Варламов. Ночь славянских фильмов); (2). *– Кешка, ты дышишь? – Дышу… – Мало ли что … «Дышу», а может, у тебя полная внутренность воды* (Р. Погодин); (3) *– Какая я тебе Анна Гордеевна!. Придумал тоже… Вместе в снежки, бывало, играли, на салазках катались… Позабыл, видно? – Мало ли что прежде было…. И теперь можно бы когда на саночках прокатиться. Эх. Анна Гордеевна;* (4) *Казалось, такое единодушие должно убеждать. Однако давайте не будем спешить. Мало ли сколько было расхожих представлений, а потом выяснилось, что они не ценнее мыльного пузыря. Попробуем взглянуть на проблему непредвзято*; (5) *В этом эпизоде фильма не случайно за носилками, на которых несут фараона, ведут оседланного коня – мало ли что может случиться, или вдруг ему припадет охота прокатиться верхом* (из статьи о фильме); (6) *Выбирайте ту поездку, которая подороже. Сэкономив сотню*

долларов, вы можете оказаться не в лучшем отеле, не получить нормального питания. Да мало ли что еще может быть (их газет).

Предложения, реализующие эту структуру, могут звучать как выражающие подчеркнуто негативную реакцию, что ограничивает возможность их употребления в определенных ситуациях, например при выражении несогласия с мнением, предложением собеседника, с которым говорящий не находится в дружеских отношениях. Другими словами, фразы типа *Мало ли чего ты хочешь! Мало ли о чём ты мечтаешь! Мало ли что ты предлагаешь!* могут восприниматься как фамильярные, грубоватые. Неуважительно, грубовато звучат также высказывания типа *Мало ли что он сказал! Мало ли* о *чём он попросит*! а разговоре о третьем лице, если он старше по возрасту или по статусу. Вне этих оговоренных ограничений высказывания этой ФС употребляются как характерные для литературной, стилистически не сниженной разговорной речи.

Заслуживает внимания вопрос о том, каково значение временной формы глагола в данной ФС. Форма прошедшего времени относит ответную реакцию к ситуации прошлого, а форма будущего времени кроме отнесения к будущему может также иметь значение обобщения, потенциальности. Ср. две возможные ответные реплики:

– Почему ты не принимаешь лекарство? Ведь врач прописал тебе его

(1) *– Мало ли что он прописал. Я не хочу принимать его. Оно очень сильное.*

(2) *– Мало ли что он пропишет. Я вообще не верю в лекарства, предпочитаю лечиться травами.*

В языке закрепилось выражение *Мало ли что,* которое представляет собой неполный вариант анализируемой структуры и стало своеобразным клишированным устойчивым выражением, передающим значение ‘всякое может быть, всякое может случиться’: *Вообще-то Рифиниус не сомневался, но проверить на всякий случай все равно следовало. Вдруг у дискеты какая-нибудь хитрая защита и с ней нельзя списывать и даже считывать? Вдруг Сергун перепутал и по ошибке взял со стола не ту дискету? Да мало ли*

что…(А.Маринина); *Вдруг послышалось мне, словно кто-то ходит наверху. Чудно, думаю. Вообще-то у нас тихо тут, да только мало ли что? А вдруг жулик? И я решил: схожу и проведаю, что там такое* (из частных разговоров).

Эту конструкцию, являющуюся лексикализацией рассматриваемой ФС, не следует смешивать с омонимичной конструкцией ***мало ли что*** (разг.), которая являются лексическим фразеологизмом со значением ‘неважно, несущественно, что’ и входит в предложения свободной структуры, сообщающие о двух действиях, противоречащих друг другу, связанных отношениями противопоставления, и включающие поэтому союзы *а, но, все равно*. Ср.: *Мало ли что не хочешь, а идти придется. Мало ли что темно, все равно ждать утра мы не будем. Мало ли что устали, но отдыхать некогда.* Текстовый фрагмент с этим сочетанием может быть оформлен в виде двух предложений: *Идти все равно придется. Мало ли что тебе не хочется*.

Следует отличать от рассматриваемой ФС вопросительные предложения с тем же компонентом *мало ли*: *Мало ли мы заботились о ней?; Уж мало ли любовь играла в жизни мной? Уж мало ль бился я, как ястреб молодой, В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой*. (А. Пушкин). Такие предложения используются для выражения уверенного, экспрессивного утверждения, слово *мало* получает противоположное значение «много», а вопросительная форма высказывания используется для выражения усиленного утверждения. Другими словами, это пример типичного риторического вопроса.

Предложения с *мало ли* могут включать существительное. Такие предложения, вопросительные по форме, являются утвердительными предложениями свободной структуры, вопросительная частица *ли* придает им экспрессивность, поэтому в устной речи они могут произноситься с интонацией восклицания: *Но ведь можно было послать своих ребят на вокзалы или выделить других сотрудников, более опытных. Да мало ли способов контролировать, чтобы партнер не завалил операцию* (А.Маринина); *Рицин опасен не потому, что он ядовит. Мало ли на свете ядовитых веществ. Он опасен потому, что его легко изготовить* (из газет); *Вот кончат стены в новой церкви, нужно будет*

иконостас заводить, ризницу подновлять – да мало ли расходов найдется! (из устного интервью).

Представленные предложения с *мало ли* свободной структуры, в отличие от рассматриваемой ФС, не содержат после сочетания *мало ли* вопросительного местоименного слова (*почему, когда, зачем, како, где, когда* и др.) Ср.: *Мало ли он отдыхал?* (‘он много отдыхал/) – *Мало ли где он отдыхал*! (‘он отдыхал во многих местах’).

Четвертая ФС открывается одним из глаголов со значением наличия: с*уществовать, есть, бывать, встречаться, наблюдаться* и др., после которого следуют два одинаковых существительных в форме именительного падежа, соединенных союзом *и*. Например: *Бывают встречи и встречи; Есть друзья и друзья; Существуют проблемы и проблемы.* ФС строится по модели (4) ***существуют / есть / бывают*** **+ сущ. мн.ч.** + ***и*** + **сущ. мн.ч.** Она указывает на различие, непохожесть, различие конкретных объектов данной группы, класса. Так, высказывание *Есть друзья и друзья* означает; ‘Друзья разные, один друг не похож на другого. Один верный, преданный, надежный, другой ведет себя по-разному в разных ситуациях, третий немного легкомысленный и т.д’.

Существительное обычно используется в форме множественного числа (так как оно обозначает класс, совокупность объектов), за исключением существительных, которые не имеют формы множественного числа (*помощь, поддержка*) или имеют разное значение в форме единственного и множественного числа (*вода /воды*). Глагол является сказуемым, а сочетание двух существительных – подлежащим.

Выбор глагола со значением наличия, существования при построении высказывании этой ФС обусловлен семантикой существительного, обозначающего характеризуемый объект, и характером сферы его бытия. Глагол *существовать* указывает на существование объектов в реальной действительности или в определенной, значительной по объему сфере бытия: *Существуют традиции и традиции* (*проблемы и проблемы, обычаи и обычаи,*

законы и законы, правила и правила). Глаголы *есть, иметься* обозначают наличие в меньшей, но тоже значительной сфере бытия *Есть друзья и друзья* (*книги и книги. дети и дети, посетители и посетители, теории и теории*). *Бывать* указывает на периодичность проявления объекта во времени: *Бывают трудности и трудности* (*встречи и встречи, проблемы и проблемы, радости и радости; зрители и зрители*). Глагол *встречаться* указывает на распространенность объекта в пространстве, в том числе в образном, метафорическом его представлении: *Встречаются сосны и сосны* (*клиенты и клиенты, читатели и читатели, ошибки и ошибки*)

Одно и то же существительное может сочетаться с разными глаголами данной семантической группы, что позволяет говорящему дифференцировать значение множественности и разнообразия, по-разному интерпретировать одну и ту же ситуацию, например, или представить ее как отражающую обобщенное суждение, типичную жизненную закономерность (*Существуют друзья и друзья*, т.е ‘у всех ситуация с друзьями складывается примерно одинаково: один друг не похож на других, каждый имеет свои особенн6ости) или конкретизировать мысль применительно к конкретному человеку (*Есть друзья и друзья*). Во втором случае в высказывание можно добавить компонент со значением субъекта: (*У Сергея есть друзья и друзья*). Ср. также: *Есть радости и радости* (имеются в виду вообще радости, которые могут испытывать люди) – *Бывают радости и радости* (имеются в виду конкретные радостные ситуации, возникающие у человека в разное время); *Существуют проблемы и проблемы* (т.е. проблемы вообще, в жизни людей, безотносительно к конкретным людям и ситуациям) – *Бывают проблемы и проблемы* (у данного лица в разные периоды жизни, в разных ситуациях возникают разные проблемы); *Есть читатели и читатели* (утверждается наличие разных типов читателей) – *Встречаются читатели и читатели* (в процессе работы приходится общаться с читателями, и убеждаться, что они очень разные).

То, что в основе структуры лежат глаголы, передающие общее значения наличия, существования (и имеющие при этом каждый свое значение), придает

обобщенность и некоторую отвлеченность заключенному в ней значению. Структура выражает общую идею разнообразия, многообразия объектов, явлений реального мира и человеческого общества.

Возможны модальные реализации данной ФС: *Могут быть встречи и встречи; Должны быть друзья и друзья.*

Пятая ФС образуется по модели (5) **сущ. + сущ.д.п. *рознь,*** которая начинается с переменного компонента, представленного повторяющимся существительным в именительном падеже и следующим за ним тем же существительным в форме дательного падежа, а завершается постоянным компонентом, представленным существительным *рознь*: *Цветы цветам рознь!*; *Двойка двойке рознь!*; *Традиции традициям рознь!*

Этот фразеологизм очень яркий и экспрессивный благодаря своей краткости и выразительности слова *рознь*, а также за счет расположения компонентов: слово *рознь*, формирующее значение структуры, завершает высказывание и является его интонационным центром, оно указывает на различие называемых объектов, т.е. сохраняет свое лексическое значение.

Словарь С.И.Ожегова определяет слово *рознь* так: «в знач. сказуемого, кто-что кому- чему р. Далеко не одно и то же, различны (разг.). *Работник работнику рознь*».[Ожегов. Словарь русского языка: 681]. Четырехтомный словарь русского языка дает сходное толкование: «в знач. сказ. кому- чему о различии, разнице между кем- чем-л)» [Словарь русского языка в четырех томах. Т III: 727]. То же значение различия, разницы передается и другими однокоренными словами *рознить* (устар.), *розниться* (устар., прост.)*, разниться, розный.* Ср. также современное выражение «*в розницу*».

Слово *рознь* в словарях характеризуется как разговорное, однако, очевидно, что эта стилистическая характеристика слова относится к его использованию в современной речи, в предложениях свободной структуры, что же касается самой ФС, она сложилась в языке давно и, как и все ФС, характеризуется как относящаяся к кодифицированному литературному языку, т.е. не является стилистически сниженной.

Примеры: [Глумова:] *А вы вот родных и знать-то не хотите*…[Мамаев:] *Родня родне рознь*. (А.Островский. На всякого мудреца довольно простоты); [Вадим:] *Но труд труду рознь, и к профессору Аверину Петру Ивановичу я все-таки испытываю больше уважения, чем к нашей домработнице Клаве* (В. Розов В добрый час); *С мукой, с хлебом тогда было хорошо, не бедствовали. Но хлеб хлебу – рознь. Наша мамочка хороший хлеб пекла, пышный, подъемистый. И караваи большие. А у соседки маленькие каравайчики* (Б. Екимов. Рассказы). *Грешки грешкам рознь* (Н. Гоголь); *Ребята уже знали, что глина глине рознь. Есть глины тощие, есть жирные* (А. Гайдар. Дальние страны).

Две последние ФС (четвертая и пятая структуры подгруппы) очень близки по значению. Обе указывают на несхожесть, различие отдельных объектов одного класса, на наличие у представителей одного класса индивидуальных черт. Структуры имеют и внешнее сходство – обе строятся на основе повторения одного и того же существительного. Ср.: *Бывают встречи и встречи – Встреча встрече рознь*; *Бывают проблемы и проблемы – Проблема проблеме рознь*.

Семантическое различие двух ФС заключается в следующем. Четвертая структура ***существуют / есть*** **+ сущ. +** ***и*** **+ сущ**. выражает общую идею множественности и разнообразия объектов данного класса (‘все объекты разные, все не похожи один на другой’). Именно поэтому существительное используется в форме множественного числа и в первой и во второй части ФС. Пятая структура **сущ. + сущ.д.п. +** ***рознь***, в отличие от предыдущей, акцентирует внимание не столько на общей идее множественности и разнообразия (хотя она, естественно, тоже отражена), сколько на конкретном объекте класса, на его отличии от других, входящих в тот же класс, на его специфичности, «непохожести». Данный конкретный объект характеризуется на фоне других как обладающий своей индивидуальностью. Этой спецификой значения структуры обусловлено то, что существительное, выражающее переменный компонент, употребляется обычно в форме единственного числа: *Встреча встрече рознь*; *Праздник празднику рознь; Ошибка ошибке рознь.* Однако встречается и форма множественного числа, что можно объяснить спецификой формы множественного числа конкретного

существительного, например, в высказывании *Цветы цветам рознь* форма множественного числа показывает, что речь идет о различии видов, сортов цветов, а не о конкретных экземплярах, (цветках). Ср также: *Курсы курсам рознь; Трудности трудностям рознь.* Тем не менее указанное различие двух ФС довольно тонкое, ощущается не всегда отчетливо, поэтому они могут выстпать как синонимичные в ситуации, когда говорящий хочет выделить объект на фоне других, указать на его отличие, индивидуальность.

Содержание предложений обеих ФС можно передать предложениями свободной структуры, включив в них слова *разный, отличаться, не похожий, не такой, как,* и т.п., например: *Бывают проблемы и проблемы – Проблемы могут быть разные, и относиться к ним надо по-разному; Есть книги и книги – Книг очень много, каждая книга* (*или вид книг*) *отличается от других; Ученик ученику рознь – Все ученики имеют свои особенности, один ученик не такой, как другие.*

5. Предложения ФС, выражающие акцентирование

Данная группа объединяет пять фразеологизированных структур. Общим для них является то, что все они выделяют, акцентируют какой-либо смысловой компонент — объект, лицо, признак, обстоятельство. ФС этого значения содержат следующие смысловые компоненты: акцентируемый объект, другой объект, на фоне которого акцентируется первый, и основание, признак, по которому объект акцентируется.

Первая ФС группы представлена в таких предложениях: *Уж кто-кто, а Ирина Павловна найдет выход из этого положения; О чем-о чем, а о музыке она знает много; Уж где-где, а в этом сквере всегда тихо.* ФС строится по модели, состоящей из двух частей, разделенных союзом *а*, выражающим отношения противопоставления между содержанием первой части и второй. Модель структуры имеет вид (1) ***кто-кто /что-что /где-где ..., а*** **+сущ. /нареч. / прил.**

Во второй части называется акцентируемый компонент, который является лексически свободным (в приведенных предложениях это *Ирина Павловна, кино,*

сквер), а также признак, действие, которое является основанием для его акцентирования. Эта часть представляет собой предложение свободной структуры.

В первой части содержится повторяющееся (сдвоенное) местоимение или наречие, по значению эквивалентное акцентируемому компоненту и обобщенно представляющее все другие объекты того же класса, на фоне которых выделяется акцентируемый (*кто-кто, о чем- о чем, где-где*). Форма числа и падежа местоимений *кто, что, какой* обусловлена предикатом, находящимся во второй части предложения, р.: *Что-что, а музыку она хорошо знает; Чем-чем, а музыкой ей приходится заниматься серьезно!; Без чего- без чего, а без музыки жизнь была бы неинтересна и бедна*.

Нередко высказывание этой структуры начинается с факультативной частицы *уж*, которая не влияет на значение структуры, но выполняет усилительную функцию: *Уж где-где, а в сквере всегда тихо*

Структура служит для акцентирования компонента (лица, объекта, обстоятельства, признака) на фоне каких-либо других, потенциальных, предполагаемых, относящихся к тому же классу, и представляет его как самый подходящий для выполнения названного действия, наиболее уместный в данной ситуации. Основанием для акцентирования, выделения является наличие у акцентируемого объекта признаков, особенностей, соответствующих требованиям ситуации или, напротив, отсутствие таковых. Так, в приведенных выше высказываниях названные объекты акцентируются, так как они обладают нужными отличительными особенностями (‘найдет выход из этого положенгия,’ ‘знает много’, ‘всегда тихо’). В высказывании *Когда-когда, а по вечерам Кира всегда дома* выделяется время, когда названное лицо можно застать дома.

Смысл структуры включает семантический компонент уверенного противопоставления названого (акцентируемого) компонента, с которым говорящий связывает безусловную возможность, (или, напротив, невозможность) осуществления названного действия, другим потенциальным компонентам, обобщенно названным повторяющимся местоименным словом, в отношении

которых говорящий того же утверждать не может, в возможностях которых сомневается или о возможностях которых просто ничего не знает. Таким образом, структура выражает противительно-выделительную связь.

Так, в приведенном предложении *Уж кто-кто, а Ирина Павловна найдет выход из этого положения* содержится противопоставление названного лица каким-либо другим, предполагаемым, возможным лицам, о способностях которых говорящий не знает. Смысл высказывания таков: ‘Может быть, кто-нибудь другой и не смог бы, а Ирина Павловна обязательно сможет найти выход’; ‘В отношении других лиц можно сомневаться, тогда как в ее возможностях я, напротив, абсолютно уверен’. В высказывании *Когда-когда, а по вечерам Кира всегда дома* акцентируемое время (*по вечерам*), когда интересующее действие (‘Кира находится дома’) реально, противопоставляется другим отрезкам времени, относительно которых утверждать то же самое трудно и невозможно.

Следует подчеркнуть, что компонент может акцентироваться на основании как положительных, так и негативных его признаков, характеристик. Ср.: *Где-где, а в центральной библиотеке мы найдем интересующие нас рукописи; – Где-где, а в этой библиотеке мы не найдем интересующие нас рукописи.*

Примеры: *Дальнего конца стола не было видно, и Андрей с досадой подумал, что это, черт возьми, непорядочно, что уж кто-кто, а он должен был бы иметь возможность видеть, кто там – на том конце стола* (А. и Б.Стругацкие. Град обреченный)*; Водитель всю дорогу что-то рассказывал. Он, чувствовалось, был благодарен за то, что ему попались такие пассажиры, которые умеют слушать. Я имею в виду прежде всего свою жену, к которой он обращался куда чаще, чем ко мне. Я привык к этому. Что-что, а слушать Алла умеет.* (Р. Киреевский. Мой пропущенный джаз); *Чемоданчик был из натуральной кожи, а не из заменителя. В чем- в чем, а в этом он хорошо разбирался. И замки были качественные, с секретом* (А. Маринина); *– Ну ты знаешь, эти знатные дамы не далеко ушли от тебя в манерах. – Чего-чего, а хороших манер я что-то в последнее время у наших молоденьких дам не наблюдаю* (из кинофильма); *А времена-то нынче действительно плохие, трудные*

времена!.. Все эти войны, банкротства... Уж кому-кому, а честным купцам и честным художникам от них солоно приходится (из кинофильма).

Вторая фразеологизированная структура этой группы строится по модели: (2)***...не кто-нибудь/что-нибудь/где-нибудь, а....*** Например: *Мы учимся не где-нибудь, а в университете; Максим не кто-нибудь, а музыкант; Вам через неделю сдавать не какой-нибудь экзамен, а по истории языка. Я видел его не когда-нибудь, а сегодня утром.*

. Акцентируется какой-либо объект, определенная сторона объекта, что предполагает наличие у него определенных качеств, признаков, связанных с данной ситуацией, характерных для нее.

Акцентируемый объект (лицо, предмет, признак, обстоятельство и др.) противопоставляется другим схожим, но имеющим другое название, именование, статус, положение и т.д. и выделяется среди них, на их фоне как более значимый, более ценный, более предпочтительный для выполнения названного действия. Так, семантика приведенного предложение *Мы учимся не где-нибудь, а в университете* опирается на невыраженную, но подразумеваемую характеристику университета типа: ‘Университет – серьезное высшее учебное заведение, где можно получить глубокие знания, качественное образование’, ‘заведение, где трудно учиться’, ‘где нужно учиться несколько лет’ и т п. Эта характеристика объекта переносится на всю ситуацию, связанную с ним (*учимся в университете*), что в свою очередь обусловливает естественность, логичность, правильность другой ситуации (не представленной в ФС, но являющейся ее следствием), о которой идет речь, или которая ясна из ситуации общения. Таким образом, данная ФС связывает отношением логической обусловленности ситуацию фразеологизированной структуры и ситуацию общения. Так, приведенное высказывание *Мы учимся не где-нибудь, а в университете* означает, что учеба в университете (а не в каком-либо другом учебном заведении) объясняет другие действия названных лиц как естественные, правильные, логически вытекающие из акцентированного. Следовательно, естественным является употребление этого

высказывания в контекстах типа: *Мы много занимаемся, у нас мало свободного времени, потому что мы учимся не где-нибудь, а в университете.* или: *Мы учимся не где-нибудь, а в университете, поэтому надо серьезно относиться к учебе, нельзя пропускать занятия*. Используя высказывание *Максим не кто-нибудь, а музыкант*, говорящий акцентирует музыкальную образованность названного лица и наводит на мысль о логичности вытекающих из этого сведений типа: ‘Максим хорошо знает музыку, разбирается в музыке’; ‘Его музыкальному вкусу можно доверять’, ‘Его советы относительно музыки очень полезны, Он хорошо играет на каком-нибудь музыкальном инструменте’ и т.д.

Контекст, включающий ФС и связанные с ним по смыслу предложения, показывает, что возможны два семантических варианта значения этой ФС: 1) говорящий подчеркивает естественность положительного следствия, так как это соответствует особенностям акцентируемого компонента, и по-другому быть не может. Другими словами, структура передает причинно-следственные отношения между содержанием предшествующей информации и последующей. *Я еду не куда-нибудь, а на юг, поэтому теплые вещи я не беру, они мне не нужны* (Этот семантический вариант рассматривается выше); 2) говорящий выражает несоответствие между тем, что должно быть и соответствует признакам акцентируемого компонента, и тем, что есть в реальной ситуации, т.е. ФС выражает другой тип отношений обусловленности – противительно-уступительные отношения: *Оля взяла теплые вещи, хотя она едет не куда-нибудь, а на юг.*

ФС может быть частью сложносочиненного или сложноподчиненного предложения (ср. два предшествующих примера) или самостоятельным предложением (ср.: *Я с нетерпением жду лета. Мы собираемся не куда-нибудь, а в речное путешествие*). Логико-смысловая связь сохраняется в обоих случаях.

Характер смысловой связи ФС в контексте передают соответствующие союзы и лексические средства. При первом семантическом варианте ФС используются союзы *так как, поэтому, а* и слова, подчеркивающие логичность (*не случайно, понятно, естественно*), при втором – союзы *хотя, но, однако а* и

слова, указывающие на противоречие, нелогичность (*к сожалению, как ни странно*). Ср.: *Сергей учится не где-нибудь, а в спецшколе, а там дают хорошее образование; Сергей учится не где-нибудь, а в спецшколе, поэтому, конечно, он много занимается – Сергей учится не где-нибудь, а в спецшколе, но знания у него плохие; Мы были там не когда-нибудь, а зимой, поэтому мы, естественно, брали туда лыжи. – Мы были там не когда-нибудь, а зимой, но покататься на лыжах нам, к сожалению, не пришлось. Хотя мы были там не когда-нибудь, а зимой, покататься на лыжах нам не пришлось.*

В качестве акцентируемого может использоваться название, наименование, статус объекта (*Он учится не где-нибудь, а в МГУ; Летом я поеду не куда-нибудь, а на Байкал; Это не какая-нибудь река, а Волга; Об этом я узнала не от кого-нибудь, а от его сестры*), так как, по мнению говорящего, стоящий за наименованием объект значим, ценен, уважаем и т.д. и при этом хорошо известен собеседнику. Другими словами, характеризуется объект через акцентирование его названия, именования, статуса. В контексте не называются качества, признаки, служащие основанием для акцентирования, так как в этом нет необходимости, ибо название, статус объекта «говорят сами за себя», и этого достаточно, чтобы собеседник правильно понял и воспринял ситуацию.

То, что эта ФС может акцентировать только название, статус акцентируемого объекта и не называет основание для акцентирования, считая это излишним, отражает одну из важнейших особенностей общения. Говорящий, используя такие высказывания, уверен, что будет понят собеседником. Он рассчитывает, что тот обладает соответствующими знаниями, информацией об акцентируемом объекте, жизненным опытом, интуицией, достаточными, чтобы правильно воспринять высказывание адресанта, т.е. говорящий опирается на общность апперцепционных баз – своей и собеседника. Об этой особенности диалогического общения писал Л.П. Якубинский [Якубинский 1986: 42].

Так, адресуя собеседнику высказывания *Он учится не где-нибудь, а в МГУ, Максим не кто-нибудь. а музыкант; Через неделю вам сдавать не какой-нибудь экзамен, а по истории языка,* говорящий предполагает, что собеседник имеет

представление о специфике МГУ как учебного заведения, может оценить особенности, возможности профессии музыканта, понимает, в чем специфика экзамена по истории языка. Это позволяет говорящему, минуя объяснения, того, чем выделяется акцентируемый компонент, т.е. не пояснять того, что «и так всем ясно, само собой разумеется» переходить непосредственно к изложению той актуальной информации, которая является его целью. Так, сказав *Максим не кто-нибудь, а музыкант,* говорящий минуя дополнительные пояснения (ведь это и так всем известно, это само собой разумеется), развивает дальше свои рассуждения, переходит к следующей мысли, например, *Максим не кто-нибудь. а музыкан. У него, конечно, много книг о музыке; Максим не кто-нибудь. а музыкант. Его музыкальному вкусу можно доверять* и т.д.

Ср. также: – *Почему ты думаешь, что Олег любит именно классическую музыку а не современную? – Мне сказала об этом не кто-нибудь, а его сестра.* Это высказывание подразумевает, но оставляет невыраженной мысль: ‘Его сестра как близкий ему человек, по моему мнению, все знает о своем брате, и тому, что она сказала, следует верить’. Говорящий этого не говорит, опускает, так как уверен, что слово *сестра*, выделенное им, делает более подробные объяснения излишними.

Таким образом, употребление в речи данной ФС позволяет избегать ненужных, излишних объяснений и быстрее переходить к сути дела, обеспечивает динамику речевого процесса, общения.

Третья ФС данной группы строится по модели: (З) ***на что..., и то/и тот (и та/и то/и те)****...: На что первоклассники, и то* (*и те*) *старались сделать двор школы красивым; На что в октябре, и то здесь хорошая погода; На что специалисту, и тому трудно было разобраться в этом. Уж на что Сергей, и то справился с этой пьесой.*

Значение строится на противоречии, несовпадении качеств, свойств данного объекта и действия, проявления, которое называется. Структура выделяет, акцентирует компонент (лицо, объект, обстоятельство), который неожиданно,

вопреки традиционному о нем мнению, вопреки каким-то своим свойствам выполняет или не выполняет данное действие, проявляет себя с другой, нехарактерной, неожиданной стороны. В предложении таким образом содержится значение уступки, сопровождаемое акцентированием компонента, вопреки свойствам которого осуществляется или не осуществляется действие. Другими словами, передается значение акцентированной уступки. Содержание высказываний ФС можно передать предложением нейтрального синтаксиса с усилительной частицей *даже*, ср.: *На что первоклассники, и то старались сделать двор школы красивым.* – ‘Даже первоклассники старались. *сделать двор школы красивым*’.

Акцентируемым компонентом может быть:

– лицо(*Уж на что Маша , и то прочитала книгу, Уж на что дети, и то, выдержали трудную дорогу*);

– объект (*Уж на что персики, и то здесь вызревают; Уж на что конфеты, и то девочка не любит*);

– отрезок времени, сезон года (*Уж на что зимой, и то здесь не бывает снега; На что вечером, и то в это время в Петербурге светло*);

– место (*Уж на что в Москве, и то снега почти нет; На что в центре города, и то движение не очень напряженное*);

– другие компоненты (*Уж на что ради друзей, и то не захотел отказаться от своего плана*)

Смысл противопоставления уточняется в контексте. Так, предложение *На что первоклассники, и то старались сделать двор школы красивым.* может быть употреблено в двух контекстах: (1) *На что первоклассники, и то старались сделать двор школы красивым, а вы, старшеклассники, не захотели ничего сделать для благоустройства школьного двора* и (2)‘*Все ученики активно работали на школьном дворе. На что первоклассники, и то старались сделать двор школы красивым* Противоречащее свойство акцентируемого объекта, на котором строится уступительное значение, непосредственно в самой фразеологизированной структуре эксплицитно может быть не выражено, но

всегда подразумевается, выводится логически. В одних случаях лексическое значение слова, обозначающего акцентируемый объект, позволяет понять, какое свойство, противоречащее выполнению/невыполнению действия, имел в виду говорящий (в приведенных предложениях это слова *первоклассники, в октябре, специалист*). В других случаях в самом слове, обозначающем объект, не просматриваются соответствующие качества, но они известны говорящему из его опыта, знания объекта, и собеседник догадывается об их наличии из самой ФС, например, *Уж на что она, и то..; Уж на что Сергей, и тот…* Иногда этот компонент эксплицитно выражен, например, определением при акцентированном компоненте: *Уж на что* ***опытный и сильный*** *лыжник, и то не смог пройти до конца эту сложную дистанцию.*

Интересной особенностью данной ФС является возможность введения в нее вставной конструкции для сообщения информации об отличительном признаке акцентируемого объекта, являющемся основанием для его акцентирования, например: *На что Сергей,* ***еще неопытный музыкант****, и то справился с этой пьесой*; *– Вы знаете, уж на что я,* ***человек завистливый****, и то поняла, что тут завидовать нечему; Уж на что Антоша* (***он всегда такой непоседа***)*, и то сидел тихо и внимательно слушал сказку; На что Степан Викторович,* ***а он уже далеко не молод****, и то решил принять участие в лыжном кроссе*.

Возможность использования вставной конструкции в данной ФС показывает, что ФС в своей организации отражают общие специфические черты разговорного синтаксиса. Отмечено, что в устном непринужденном общении используются синтаксические построения, включающие дополнительные поясняющие конструкции, слова, словосочетания, которые говорящий дает, чтобы пояснить, уточнить свою мысль. Так, Ю.М. Скребнев, исследовавший синтаксические особенности разговорной речи (специфику коллоквиального синтаксиса, в его выражении), отмечает в частности характерную для разговорного синтаксиса «тенденцию к эксплицитно выраженному уточнению» и называет ее «расшифровки» [Скребнев 1985: 151–159]. См. подробнее о вставных

конструкциях в синтаксисе предложения, а также об использовании вставных конструкций в других анализируемых в работе ФС стр. 326\

К использованию вставных конструкций говорящий прибегает в том случае, когда он не уверен, что собеседник понял, почему акцентирован именно этот объект. Внося поясняющую информацию, говорящий проявляет внимание и уважение к своему адресату, а также заинтересованность в успешном общении.

Для полной характеристики особенностей ФС, кроме указания ее значение, важно также определить, ради чего она произносится, какова ее коммуникативная роль в процессе общения. Заключенная в ней информация важна, нужна не сама по себе. Она является способом охарактеризовать, оценить другую ситуацию, которая является непосредственной темой общения.

Когда в процессе разговора, обсуждения возникает вопрос, возможна ли определенная ситуация при тех условиях, в которых она протекает, говорящий, чтобы убедить собеседника, выражает, свое мнение через сопоставление реальной ситуации с другой, смоделированной им во фразеологизированном высказывании. Моделированная ситуация, аналогична по содержанию реальной, но говорящий рассматривает возможность ее выполнения в других условиях (либо более легких, либо более сложных в зависимости от характера реальной ситуации и от его коммуникативной цели).

Например, обсуждается ситуация «*Можно ли этот текст дать для перевода пятиклассникам? Не труден ли он для них?*». Если говорящий считает, что реальная ситуация может быть успешно решена, так как условия способствуют ее выполнению, то он для убедительности сравнивает ее с выстроенной им ситуацией, где она осуществлена вопреки наличию более сложных, препятствующих условий. Он выражает свое мнение так: «*Конечно, смогут. Уж на что третьеклассники, и то перевели этот текст. Пятиклассники тем более смогут перевести.* Сообщая, что аналогичная ситуация была реализована в более сложных условиях (‘третьеклассники хуже знают язык, но смогли перевести’), говорящий хочет показать, что она тем более выполнима в реальных условиях, более соответствующих для ее выполнения.

Если же говорящий считает, что планируемая ситуация трудна для осуществления, так как условия не способствуют этому, то он для подтверждения своего мнения смоделирует другую ситуацию, где она не выполнена, несмотря на то что имелись условия, способствующие ее выполнению. Он выражает свое мнение так: «*Нет, не смогут* (*Нет это для них трудно*). *Уж на что шестиклассники, и то не смогли хорошо его перевести».* Таким образом, говорящий использует ФС, чтобы его мнение прозвучало более убедительно, уверенно (ср. так называемое «доказательство от противного»).

Данная ФС закрепила сложный мыслительный процесс, ход рассуждений говорящего относительно возможности реализации конкретной ситуации, содержащий несколько пересекающихся, взаимодействующих утверждений и выводов. Утверждение выражается через сравнение и уступку: ‘Даже если ситуация Б выполнена, несмотря на неподходящие условия, тем более ситуация А может быть реализована, так как она имеет более подходящие условия’. И напротив: ‘Даже если ситуация Б не выполнена, несмотря на подходящие, способствующие условия, тем более ситуация А не может быть выполнена, так как имеются условия, препятствующие ее осуществлению’.

Другими словами, определенная ситуация осмысляется и характеризуется на примере аналогичной. Это делается для того, чтобы убедить собеседника в ее выполнимости или невыполнимости. Утверждается, что возможность выполнения ситуации обусловлена соответствующими условиями. Должно быть соответствие. Общий смысл ФС передается высказыванием, части которого связаны следующим образом: ‘Даже он... (Хотя он ..,), а ты тем более…’

Другой пример. В разговоре о том, что в Балтийском море в сентябре вода холодна для купания, говорящий использует, чтобы подтвердить свое мнение, высказывание ФС *Уж на что в Черном море, и то в сентябре вода может быть довольно холодной!* Он называет в нем место (*Черное море*), о котором не было речи, которое не связано с описываемой ситуацией. Говорящий, вызывает из памяти совсем другую ситуацию, опирается на нее, чтобы более убедительно доказать справедливость своих слов. В одном высказывании сочетается несколько

семантических, смысловых, эмоциональных компонентов. Здесь и оценка (во-первых, ‘*вода холодная’*, во-вторых, ‘*это типично’*), и сопоставление с этой точки зрения Балтийского моря и Черного моря, и спокойное принятие ситуации, и стремление убедить в ее естественности, сославшись на аналогичную, более показательную ситуацию.

Мысль о Черном море всплывает у говорящего, может быть, стихийно, неожиданно (такова особенность мышления), и в таком переключении мысли проявляется ассоциативность – также характерная черта мышления (кстати, проявляющаяся и в других ФС). Интересно заметить, что у говорящего вполне могла возникнуть и другая ассоциация, например: *Уж на что в Азовском море, и то в это время вода становится холоднее*; *Уж на что в августе, и то вода в Балтийском море бывает холодновата для купания.*

Показателем сложности семантической структуры этой ФС является также имеющаяся здесь неоднoплановость сообщения: речь идет о данном месте, о конкретном времени, а по ассоциации вспоминается и приводится сходная ситуация, характерная для другого места. Следовательно, семантическая организация ФС отражает ступенчатые, динамичные процессы познания, осмысления и представления реальных жизненных событий и ситуаций. Данная ФС фиксирует усложненные формулы мысли, цепочки мыслительных фрагментов, показывает, как сложен процесс интеллектуального и эмоционального осмысления ситуаций действительности, насколько богаты и многообразны могут быть реакции относительно содержания сообщения. Смысловую сложность фразеологизмов разных типов отмечают А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, подчеркивая, что их семантика может включать несколько «слоев в плане содержания» [Баранов, Добровольский, 1996: 51].

Следует обратить внимание на закономерности структурного оформления ФС. Если в первой части после сочетания *на что* называется обстоятельство, то вторая часть начинается с сочетания *и то*: *На что зимой, и то…* Если же в первой части называется лицо или объект, то может использоваться также сочетание *и тот* или *и он* в соответствующей форме рода, числа и падежа: *Уж на что Юлия*

Петровна, и то/и та/и она ничего не знала об этой выставке; Уж на что музыка, и то /и та/ и она ее не интересует больше; Уж на что музыкой, и то /и той/ и ею она не интересуется; Уж на что к музыке /и то /и к той /и к ней она равнодушна.

Высказывания этой ФС нередко открываются факультативной частицей *уж,* усиливающей значение акцентирования (см. приведенные примеры).

Иногда действию акцентируемого лица придается обобщающий характер, что усиливает содержащееся в этой ФС значение уступки. Ср.: *Этих делов не скроешь; уж на что батюшка ваш в этом разе осторожен – да ведь надобно ж, примерно, карету нанять или там что… без людей не обойдешься тоже* (И. Тургенев. Первая любовь). Здесь сообщение о том, что иногда данное лицо (*отец*) даже при его осторожности не могло скрыть задуманное, представлено на фоне утверждения обобщающего характера (ср. «*не скроешь»*, «*без людей не обойдешься тоже*»).

О модели четвертой ФС группы можно судить по примерам*: Что его особенно интересует, так это классическая музыка; Без чего невозможно изучать иностранный язык, так это без хорошего словаря; С кем я всегда рада встретиться, так это с Надей; Где приятнее всего отдыхать в жаркое время, так это на море; Какие цветы мне нравятся, так это лилии; Когда я совсем не могу работать, так это по воскресеньям;* Модель ФС имеет запись: (4): ***кто /что / какой/ когда/ где… , так это…***

Постоянный компонент модели составной, он делит высказывание ФС на две части. Открывает ФС местоименное слово *что, кто, где, когда, какой* и т.д., а сочетание *так это,* представляющее собой конститутивный компонент, начинает вторую часть структуры, в которой называется акцентируемый компонент (лицо, объект, состояние и т.п.). В первой части дается характеристика акцентируемого компонента, являющаяся основанием акцентирования.

ФС выделяет определенный компонент ситуации, характеризуя его по степени важности, ценности, значимости, привлекательности и т.п. Обращает на

себя внимание порядок частей ФС. Акцентируемое называется во второй части ФС, после компонента *так это*. Это может быть лицо, объект, признак, обстоятельство, целая ситуация. В первой же части дается характеристика акцентируемого, т. е. основание акцентирования. Этот компонент представляется как обладающий наибольшей степенью определенного свойства, признака (или положительного, или негативного) или выделяется по степени его важности, актуальности в ряду других. Таким порядком частей, при котором характеристика акцентируемого предшествует самому акцентируемому, обеспечивается особая экспрессивность высказывания. Так, в высказывании *Что его особенно интересует, так это классическая музыка* акцентируется компонент *классическая музыка* как самое интересное, привлекательное для него занятие, а высказывание *Без чего невозможно изучать иностранный язык, так это без хорошего словаря* выделяет компонент *словарь* на том основании, что без него успешное изучения языка невозможно.

В построении предложений этой ФС важная роль принадлежит предикату От него зависит выбор местоименного слова, а его управленческими свойствами определяется форма местоимений *что* и *кто* первой части: ***Где*** *больше всего хочется* ***побывать****, так это…* ***Куда*** *я часто* ***хожу****, так это…;* ***Чего*** *нам* ***не хватает****, так это…;* ***Чем*** *он больше всего* ***интересуется****, так это …;* ***С кого*** *надо* ***брать пример,*** *так это…;* ***Кому*** *я особенно* ***благодарен****, так это…*

Оформление второй части также обусловлено управленческими свойствами предиката: от него зависит значение и форма акцентируемого компонента.: *Где больше всего хочется* ***побывать****, так это* ***в Италии*** *; Куда я часто* ***хожу****, так это* ***в ближайший парк****; Чего нам* ***не хватает****, так это* ***современной библиотеки;*** *Чем он больше всего* ***интересуется****, так это* ***футболом****; С кого надо* ***брать пример,*** *так это* ***с моего старшего брата****; Кому я особенно* ***благодаре****н, так это* ***моей учительнице.***

Акцентируемый компонент может представлять собой не отдельную словоформу, а придаточное предложение, которое присоединяется соответствующим союзом, иногда в сочетании с соотносительным местоимением

то, ср.: *Что особенно важно, так это то, что Ольга прекрасно говорит по-итальянски. Но что самое неприятное, так это то, что Юра, приехав в Испанию, не знал ни одного испанского слова. С чем я полностью* ***согласен****, так это* ***с тем****, что нам нужны молодые специалисты.*

ФС структурно и содержательно связана с текстом. Это может быть текст-описание, текст-рассуждение и текст-повествование. Особенно важно смысловое взаимодействие с содержанием предшествующего высказывания. Это высказывание может принадлежать говорящему (в условиях монологической речи) или представлять собой реплику-стимул собеседника (в условиях диалогического общения). Оно содержательно подводит к ФС, которая продолжает, развивает сообщение, вводит новое содержательное звено в логическую цепь построения текста. Так, предложение *Что самое важное, так это то, что Ольга прекрасно говорит по-итальянски* может служить продолжением разговора, например, о поездке в Италию и о роли Ольги в этой поездке: *Хорошо, что в нашей группе едет Ольга. Она уже была в Италии, много читала об этой стране, неплохо знает Рим. А что самое важное, так это то, что Ольга прекрасно говорит по-итальянски.* Фразеологизированное высказывание дополняет рассуждения, подводит итог, становится кульминационным звеном текста или текстового фрагмента.

Ср. также: [Серебряков(Телегину):] *С нездоровьем еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, так это строя деревенской жизни. У меня такое чувство, как будто с земли свалился на какую-то чужую планету* (А. Чехов. Дядя Ваня); *В работе он действительно был очень энергичен. И очень ловок. А что меня действительно поразило, так это его терпение. Если у меня возникала проблема, он спокойно объяснял, что нужно сделать* (из частных разговоров). *– Извини, что не успел прийти домой к ужину. Очень сожалею. – Ничего, мясо и салат тебя ждут. Однако о чем можно действительно пожалеть, так это о десерте. Я испекла вкусный яблочный пирог, но зашла Верочка с дочкой, и я угостила их* (из кинофильма).

Не случайно, высказывания данной ФС, как видно из приведенных фрагментов, нередко открываются союзами *а, но, однако*, которые подчеркивают их связь с текстом, выделяют их на фоне предшествующих высказываний и заостряют на них внимание.

Таким образом, рассматриваемая ФС вносит в текст, обогащая его, компонент градации, степени проявления. Это обусловливает характерный для нее контекст: она обычно продолжает характеристику ситуации, добавляет новую информацию, выделяя ее как кульминационное содержательное звено.

Смысловая функция первой (акцентирующей) части ФС обусловливает ее лексическое наполнение и смысловое содержание. Она характеризует акцентируемый компонент как положительный или отрицательный и подчеркивает его градационную принадлежность. Акцентирующая часть включает одно из средств выражения высокой, высшей степени проявления:

– сравнительную степень прилагательного в сочетании с формой родительного падежа местоимений ***весь*** или ***всего*****:** *больше всего, лучше всего, красивее всех, умнее всех, труднее всего*: *Что удивительнее всего так это…; Кого больше всех хотелось бы видеть, так это..; Где быстрее всего узнают об этом, так это..; Чего я больше всего боялся, так это..; Что нас меньше всего интересовало в этом месте, так это...*

– прилагательные превосходной степени: *Но что самое необходимое для работы, так это…; Какое самое красивое место в городе, так это...; Кто оказался самым равнодушным к новой идее, так это ...*

– Другие лексические способы и средства выделения объекта, действия по степени проявления его положительных или негативных качеств и признаков: *Что меня действительно поразило, так это; Чего я не могу терпеть, так это..; Одно, что ему нравилось, так это; По кому я истосковалась, так это ...*

Акцентирующая часть нередко содержит также слова и сочетания *особенно, в первую очередь, безусловно, конечно*, указывающие на преобладающее значение акцентируемого, нередко в сочетании с модальными словами *важно, необходимо, нужно, следует*: *Что нужно в первую очередь, так это...; Кто нам, безусловно,*

нужен, так это..; Чему мы особенно рады, так это ..; Из-за чего Лена особенно огорчилась, так это...О чем следует в первую очередь позаботиться, так это ...

Данная ФС в своем построении имитирует диалогическое единство, включающее вопрос и ответ на него. Например, высказывание *Где приятнее всего отдыхать в жаркое время, так это на море* можно квалифицировать как преобразование и соответствующее синтаксическое оформление диалога типа – *Где тебе приятно отдыхать летом, в жаркое время года? – Летом, когда тепло, отдыхать приятно везде. А приятнее всего отдыхать в жару на море.* Приведенное фразеологизированное высказывание может восприниматься также как ответ на вопрос, а сам вопрос «слышится» в первой части ФС.

ФС допускает парадигматические изменения: *Чего нам не хватает* (*не хватало. не будет хватать, не хватало бы*), *так это хороших книг*. Возможны также регулярные реализации с фазисными глаголами: *Чего нам начинает* (*становится*) *не хватать. так это хороших книг, Что для нас оказалось самым необходимым, так это письма и звонки родителей.*

Пятая ФС группы иллюстрируется примерами: *Кто как не он поможет!; Когда как не летом ехать!; О ком как не о сыне ей заботиться!* Модель включает постоянный компонент *как не*, перед которым стоит местоименное слово (местоимение или наречие), служащее для введения акцентируемого компонента, а переменный компонент представлен существительным, местоимением, прилагательным, наречием, называющими акцентируемый объект. Местоименное слово отражает содержание акцентируемого компонента, а падежная форма обоих компонентов — местоименного слова и акцентируемого – определяется предикатом. Действие, с которым связано значение акцентирования, выражается инфинитивом или спрягаемой формой глагола. Модель ФС имеет вид: (5) ***кто / что / когда / где / какой* + *как не* + сущ. / нареч. /прил. + глаг. / инф.** Ср.: *На тумбочке возле кровати лежал Николай Васильевич Гоголь, которого не перечитывала после школы. Хорошо бы перечитать всю классику. Когда же и читать, как не на пенсии* (В.Токарева. На черта нам чужие);

Вы говорите, что не верите церкви. Кому же верить, как не церкви! (из телеспектакля); *Я всегда уважал вас. Вы мой самый близкий друг.И кто как не друг скажет вам правду* (из частных разговоров).

Данная ФС означает «акцентируемое утверждение целесообразности действия — именно для данного субъекта, по отношению к данному объекту, в данном месте, с данной целью, при данных обстоятельствах» [Русская грамматика 1980. Т. II: 385]. Характеристика действия в конкретных высказываниях этой ФС может восприниматься также как необходимое, неизбежное, или просто как обязательно выполнимое, предстоящее. Структура строится как вопросительное предложение, но не предполагает ответа. Это своего рода риторический вопрос, содержащий решительное утверждение по поводу реальности, осуществимости ситуации при участии в ней акцентируемого компонента Смысл предложений, реализующих ФС, передают предложения нейтрального синтаксиса, включающие лексические показатели акцентирования *именно, только, и никто другой* и т. п., а также слова выражающие модальную характеристику действия. Предложение *Кто как не он поможет!* означает ‘Именно он (только он, только он и никто другой) поможет’. Предложение *Когда как не летом ехать на море!* означает ‘Именно летом, а не в другое время года, надо, следует, целесообразно ехать на море’, высказывание *Кто как не друг скажет правду* имеет значение ‘Только друг может (решится, захочет) сказать правду’.

Данная структура, в отличие от других ФС данной группы, не содержит в своем значении семантического компонента сопоставления. Так, предложение *Кому как не Сергею ехать туда* не указывает, что акцентируемый компонент (*Сергей*) выделяется в ряду других. что он сравнивается с другими, он просто называется, утверждается говорящим как целесообразный, подходящий для выполнения действия. Естественно предположить, что говорящий сравнивал, перебирал разные варианты, выбирал, но в самой ФС этот момент не отражен. Не отражено в ней и само основание для акцентирования. Примеры: *Когда как не при написании сочинения, можно почувствовать себя настоящим творцом, померяться силами с классиками?* (из газет); *– Вы уже решили, как будет*

развиваться ВВЦ? – У нас есть ряд идей. Вот у нас в стране огромное число людей занимается народными промыслами. Где демонстрировать свое искусство и продавать эти уникальные изделия, как не на ВВЦ? (из газет).

Возможно введение субъектного компонента (*О ком как не о сыне* ***ей*** *заботиться; Кому как не столетней* ***Одри Стюббарт*** *знать секрет долгой жизни. Во всяком случае, ее жизни. Она никогда не курила, не пила и, как говорит сама, никогда не лгала. Не принимала лекарств. Зато всю жизнь работала школьной учительницей и воспитывала пятерых детей. Так в чем секрет долголетия*? (из газет).

Возможно дистантное положение сочетания *как не* по отношению к местоименному слову (ср.: *О ком ей заботиться, как не о сыне; Когда ехать туда, как не летом!; – Невозможно прожить жизнь без страданий. Может быть это и хорошо, что девушка уже сейчас переживет страдание, боль, волнение, чтобы понять сложность жизни – Что вы! Когда быть счастливой, как не в молодости* (из кинофильма).

В высказывание могут включаться частица *же*, союз *и* – по отдельности или вместе. При этом частица *же* усиливает значение вопросительного слова, а союз *и* семантически связан с глаголом, называющим действие, и используется как выделительный; этим определяется место того и другого дополнительного компонента (или обоих вместе) в высказывании. Ср.: *Когда как не на пенсии читать – Когда* ***же*** *как не на пенсии читать; Когда* ***же*** *читать как не на пенсии; Когда как не на пенсии* ***и*** *читать; Когда* ***и*** *читать, как не на пенсии; Когда* ***же и*** *читать как не на пенсии; Когда* ***же*** *как не на пенсии* ***и*** *читать.*

Выбор видовой формы глагола в данной ФС определяется общими правилами функционирования видов. Отрицание глаголом не принимается, парадигма четырехчленна.

6. Предложения ФС, выражающие значение логической обусловленности

В группу включено шесть ФС, которые с точки зрения семантики более отдалены друг от друга, чем это наблюдалось по отношению к структурам пяти семантических групп, рассмотренных ранее. Каждая структура имеет свое самостоятельное значение, поэтому следует дать некоторые пояснения, почему они объединены. Их объединение в рамках одной группы имеет языковые и смысловые основания. Пять структур группы биситуативны, т.е. включают две ситуации, связанные определенными отношениями, и таким образом по семантике эквивалентны сложным предложениям. Одна ФС представляет собой простое предложение осложненной структуры (осложнение за счет вставного оборота, фрагмента, в сокращенном виде представляющего вторую ситуацию). Семантически все ФС группы объединяет то, что они выражают то или иное значение обусловленности. Первая ФС группы строится по модели (3) **сущ. + сущ. тв. п…., *а / но…*** Структура включает две части. Первая строится по фразеологизированной модели — повторяется одно и то же существительное в форме именительного и творительного падежей. Вторая часть строится по свободной структурной схеме. Например: *Работа работой, а отдыхать тоже надо.* В приведенном примере вторая часть представляет собой безличное предложение с модальным словом. Она может также представлять собой двусоставное глагольное предложение (*Работа работой, но я хочу еще иметь время и для других занятий; Подарок подарком, а цветы мы купим ей обязательно*), или двусоставное предложение с именным составным сказуемым (*Шутки шутками, а дело у него серьезное*), или содержать императив (*Музыка музыкой, а дело знай*).

Исследователи отмечают специфику построения таких предложений. Так, авторы книги «Современный русский язык» квалифицируют их как предложения несвободной структурно-семантической модели, ср. их примеры: *Витамины витаминами, а хороший бифштекс ему очень полезен; Прогулки прогулками, а заниматься когда-нибудь надо* [Новиков, Зубкова, Иванов и др. 2001: 770 – 772].

Возможно также оформление правой части по той же схеме, что и левая (параллелизм структурного оформления). Примером может служить пословица *Дружба дружбой, а служба службой*; Ср.также: Р*абота работой, а семья семьей*; [Фоминишна:] *А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой. [Аграфена Кондратьевна:] Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да, как поспеет, вели сюда принести.* (А.Островский. Свои люди – сочтемся).

В ФС сопоставляются и противопоставляются две ситуации с точки зрения их важности, значимости, необходимости, качественности. Утверждаемое во второй части акцентируется как более существенное, важное, значимое, а сообщение первой, фразеологизированной части уступает ему по степени проявления того же признака. Другими словами, говорящий выделяет ситуацию второй части, как более важную, ценную, необходимую, не отрицая при этом важности, значимости второй ситуации, но отмечает меньшую степень проявления в ней этих признаков, т.е. устанавливает градацию двух ситуаций по названному основанию. Так, начало высказываний *Работа работой, а…; Тренер тренером, а…; Дожди дождями. а...* означает, что названному здесь говорящий хочет противопоставить то, что считает более важным, необходимым, например: *Работа работой, а отдыхать тоже надо; Тренер тренером, но от спортсмена много зависит; Дожди дождями, а без тепла огурцы тоже не растут.*

Важно отметить, что если сообщение частей поменять местами (сохранив модель построения), то, соответственно, изменится и смысл высказывания. Ср.: *Отдых отдыхом, а работу я тоже очень люблю* (*работа тоже очень важна для меня*); *Спортсмен спортсменом, но от тренера тоже многое зависит; Тепло теплом, а без дожей огурцы тоже не растут.*

При синтаксическом параллелизме оформлении частей их перестановка также меняет смысл всего высказывания на противоположный. Так, приведенная пословица *Дружба дружбой, а служба службой* означает, что служба, работа должна быть у человека на первом месте, поэтому служебными обязанностями, служебным долгом нельзя пренебрегать даже ради друзей, дружбы. Ср.: – *Что*

толку иметь друзей среди следователей, если ничего не можешь узнать у них? – Дружба дружбой, а служба службой (А и Б.Стругацкие. Град обреченный). Если же кто-либо скажет *Служба службой, а дружба дружбой,* то этим он хочет выразить обратное, что ради дружбы можно нарушить служебный долг, утверждает приоритет законов дружбы.

Смысл и содержание высказываний этой структуры передается описательно сложносочиненными предложениями с противительными союзами *а*, *но*, *однако*, а также сложноподчиненными уступительными предложениями с союзом *хотя*. В первой части таких предложений признаки, являющиеся основанием сопоставления, выражаются лексическими средствами. Например: *Работа работой, а отдыхать тоже надо – Работа важна* (*Работать я люблю*), *но отдыхать тоже надо*; *Зарплата зарплатой, но работа тоже должна нравиться – Хотя хочется* (*важно, приятно*) *иметь хорошую зарплату, но работа тоже должна нравиться; Зима зимой, а лето летом – Зима – хорошее время года, а лето намного лучше.*

Значение уступки, характерное для собственно уступительных предложений и понимаемое как отношение «основание – результат, противоречащий основанию», «информация – вывод, не соответствующий ожидаемому» (ср.: *Хотя он много работал, но не добился желаемого результата*), в анализируемой ФС проявляется неярко, неотчетливо. Оно реализуется скорее как противопоставление, несовпадение. В самом выражении противопоставления просматривается два варианта: 1) ‘вторая ситуация важнее, чем первая’, либо 2) ‘обе ситуации равнозначны, одинаково важны и необходимы’. Так, предложение *Работа работой, а отдыхать тоже надо* может означать, что отдых важнее (по крайне мере в определенный момент), чем работа, либо, что отдых и работа одинаково важны и следует их разумно сочетать.

Приоритет или равнозначность второй ситуации может подчеркиваться лексическими показателями в самом высказывании или в контексте. Ср.: *Работа работой, а отдых тоже необходим; Работа работой, а отдых для меня важен в первую очередь. Очень скоро Александр и Марина поженились. Правда, и*

развелись так же быстро. Страсть страстью, а совместная жизнь оказалась невыносимой. Говорят, Александр пил. И был груб (из телепередачи). – *Зачем же ты женишься? Она тебя любить не может – Любовь любовью, а супружество супружеством. Эти вещи не всегда сходятся. А еще лучше, если они вообще не сходятся* (И Гончаров. Обыкновенная история); *Закон законом, но есть человеческие отношения, и как важно бывает учитывать оба эти аспекта, чтобы справедливо решить проблему (из газет); Пиши пьесу. Горький Горьким, но все ждут освежения театра с твоей пьесой* (М.Громов. А.П. Чехов).

Вторую ФС со значением обусловленности проиллюстрируем следующими предложениями: (1) *Приехать-то брат приехал, но пробудет он у нас всего неделю*; (2) *Начинать-то читать эту книгу я начинал, а прочитать не смог;* (3) *Мастер-то он мастер, но такие машины он не ремонтирует*; (4) *Талантливый-то он талантливый, да только характер у него непростой*; (5); *Тепло-то здесь тепло, а листья на деревьях еще все равно не распустились*. (6) *Вечером-то мы вернулись вечером, но было еще светло.* Структура состоит из двух частей, которые соединяются противительными союзами *но*, *а* или *да.* Первая часть открывается переменным компонентом – повторяющейся лексической единицей: глаголом, существительным, прилагательным, наречием. Первое слово сопровождается усилительной частицей *то*. Если переменный компонент выражается глаголом, то он используется обычно сначала в форме инфинитива (с присоединяемой частицей *то*), а затем в личной форме. Первая часть является фразеологизированной. Фразеологичность создается повторением компонента, соединением разных форм одного слова, использованием частицы *то*.

ФС (ее первая, собственно фразеологизированная часть) строится по модели (2): **инф.-*то* + кто + глаг., *но/а*…** Вторая часть строится свободно. Эта запись модели имеет обобщенный характер, в ней для наглядности представлен только один вариант выражения переменного компонента (инфинитив и личная форма глагола). Однако он может быть выражен и словами других знаменательных частей речи (см. приведенные выше примеры (3), (4), (5) и (6).

Повторяющийся компонент первой части называет действие, объект, лицо, обстоятельство, признак. Цель повторения в том, чтобы акцентировать компонент, с которым связано содержание второй части. Вторая часть содержит информацию противоречащего, уточняющего, ограничительного характера относительно того, что выражается в первой части. Содержание предложений можно передать сложноподчиненным уступительным предложением с союзами ***хотя*** или ***несмотря на то что*** или сложносочиненным предложением с противительными союзами *но, однако*. Ср.: *Приехать-то брат приехал, но пробудет он у нас всего неделю. – Хотя брат приехал, но пробудет он у нас всего неделю – Брат приехал, но пробудет у нас всего неделю.* Ср. также: *После этого случая она решила: все, квартирантов больше не пускаю. Решить то решила, а все же сомневалась, подумывала про себя, попалась бы женщина одинокая, в годах, она бы пустила* (А.Маринина.); *Уголовное дело по обвинению в халатности – это все-таки не выговор, пусть даже и строгий. Конечно, посадить не посадят, но кровушки попьют* (А.Маринина).

Иное восприятие подобных предложений дает П.А. Лекант. В работе, посвященной типам сказуемого, он приводит такие предложения с повторяющимися формами глагола (*Помнить-то я помню, а что толку*), объединяя их с предложениями с тавтологическими образованиями и другими видами повтора (*Родион живмя жил на своей шахте; Жить живи, дышать не смей; Кричать – не кричит, а башкой ворочает; Что-то он все думал-думал*) и трактует их как грамматическое средство осложнения простого глагольного сказуемого с целью внести дополнительный оттенок модально-экспрессивной оценки действия [Лекант1976: 57 – 59].

То, слово какой части речи используется в качестве переменного в первой части, зависит от того, с каким смысловым компонентом связано значение уступки, противоречия. Вторая часть ФС может уточнять ситуацию в целом, тогда в первой повторяется слово, являющееся предикатом или его частью. Так, в приведенных выше предложениях переменный компонент представлен глаголом – пример (1), глаголом, называющим фазу действия, – пример (2),

существительным, прилагательным, наречием, образующими составное именное сказуемое, – предложения (3), (4), (5). Ср. также: – *Хороши ли устрицы? Ты смотри! – Фленсбургские, ваше сиятельство, остендских нет. – Фленсбургские-то фленсбургские, да свежи ли? – Вчера получены-с*. (Л Толстой. Анна Каренина).

Уточнение второй части может касаться не всей названной ситуации, а только ее отдельного аспекта. Слово, называющее уточняемый аспект, либо стоит при предикате и выделяется интонационно, а повторяется все равно слово, образующее предикат (*Приехать- то он приехал быстро, но помочь не смог; Приехать-то он приехал надолго, но квартиры пока у него нет; Купить-то мы купили красные розы, а хотели купить белые*), либо повторяется само слово, называющее соответствующий аспект ситуации, что чаще наблюдается при диалогическом характере текста (– *Он надолго приехал в наш город? – Надолго-то надолго он приехал, но квартиры пока у него нет*). Ответная реплика может представлять неполное предложение с опущенным предикатом (он ясен из контекста или ситуации): – *Он надолго приехал в наш город? – Надолго-то надолго, но квартиры у него пока нет; – Смотри, как быстро он идет! – Быстро-то быстро, да только ничего не замечает вокруг.*

На основании смыслового соотношения первой и второй частей выделяются два семантических оттенка в рамках общего противительно-уступительного значения данной ФС. Во-первых, в таких высказываниях могут называться два действия (события), находящихся в собственно уступительных отношениях, когда во второй части называется действие, наступившее вопреки первому и ограничивающее его, препятствующее его осуществлению, например: *Приехать-то брат приехал, но погостит у нас всего неделю; Видеть-то этот словарь я видела, а купить не смогла; Обещать-то книгу он мне обещал, но пока не принес ее*. Такая же трактовка высказываний этого типа дается в статье [Булыгина, Шмелев 1997].

Во-вторых, предложения данной ФС могут иметь противительно-уступительное значение с оттенком компенсации. Это происходит в том случае, когда говорящий сообщает о втором действии как о таком, которое

предвосхищает или компенсирует, возмещает еще не наступившее первое действие или смягчает, негативность его отсутствия. Смысл этих предложений таков ‘Хотя что-то еще не произошло, но произошло другое, связанное с первым и подготавливающее или компенсирующее его’. Например: *Приехать-то брат пока не приехал, но прислал хорошее подробное письмо; Купить-то словарь я не купила, но узнала, где он продается.*

В высказывания ФС, выражающие уступительные отношения с оттеком компенсации, можно включить союз *зато*, акцентирующий этот оттенок: *Приехать-то брат не приехал, но зато прислал хорошее подробное письмо*. В фразеологизированных высказываниях, передающих чисто уступительные отношения (*Приехать-то брат приехал, но погостит у нас всего неделю*), союз *зато* в нем не может использоваться.

Смысловое противопоставление фразеологизированных предложений с собственно уступительным и с оттенком компенсации находит отражение в смысловом соотношении частей. В первой части предложений с собственно уступительным значением, как правило, называется положительное, желательное, ожидавшееся действие (‘Брат приехал’; ‘Словарь я видела’), а во второй – нежелательное, не ожидавшееся действие, произошедшее вопреки первому (‘погостит всего неделю’*;* ‘купить словарь не смогла’. Смысловое соотношение первой и второй частей можно представить так: ‘«плюс» — «минус»’.

В предложениях с оттенком компенсации, первая часть содержит негативное, не ожидавшееся сообщение (‘Брат не приехал’; ‘Словарь я не купила’), а информация второй компенсирует, уменьшает отрицательный, нежелательный характер первого сообщения (‘Брат прислал хорошее, подробное письмо’; ‘Я узнала, где продается словарь’). В этом случае смысловое соотношение частей предложения можно представить так ‘«минус» — «плюс»’.

Повторяющийся глагольный компонент может быть выражен без инфинитива, повторением личной формой глагола: *Приехал-то брат приехал, но пробудет у нас всего неделю; Поможет-то он поможет, но мы не хотим его обременять просьбой; Начал-то читать книгу я начал, а дочитать не смог.*

Такие предложения являются структурными вариантами предложений с инфинитивом и не отличаются от них по значению. Они используются, в частности, при диалогическом общении, в ответной реплике и повторяют форму глагола предшествующей реплики-вопроса. Например: *– Ну как, приехал брат? – Приехал-то он приехал, но пробудет он у нас всего неделю. – Вы хотите пойти на этот концерт? – Хочу-то я хочу, только боюсь, что буду занята в тот вечер; – А ты захочешь второй раз пойти на концерт этого певца? – Захочу-то я захочу, но только билеты достать будет трудно.*

Что касается противительных союзов *а, но, да,* связывающих две части высказывания, то их выбор и использование обусловлено оттенками, которые передает каждый из них в рамках общего значения соединения. См. подробнее о выражении соединительных отношениях, в частности, [Величко 2009: 335 –347].

Третья ФС со значением обусловленности строится по модели (3): ***стоит /стоило*** **+ кому/чему + инф. сов. в. ...,** ***как...*** : *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее; Стоило матери получить письмо от дочери, как она сразу успокоилась* Структура включает две части, организуется составным постоянным компонентом *стоит.., как.* Первая часть фразеологизированная. Она включает в качестве постоянного компонента слово *стоит /стоило*; позицию переменного компонента заполняет инфинитив. Вторая часть начинается союзом *как*, она строится по свободной структурной схеме.

Фразеологизированная природа первой части данной ФС обусловлена следующими факторами. Слово *стоит* – это безличная форма глагола *стоить*, утратившая свое прямое лексическое значение и грамматические признаки и в сочетании с союзом *как* образующая постоянный компонент ФС. Это слово значительно ослабило грамматическое значение времени: оно употребляется в форме настоящего времени (*стоит*) и прошедшего (*стоило*) в зависимости от временного плана всего высказывания. При этом форма прошедшего времени используется, если действие относится в прошлому, тогда как форма настоящего времени относит время действия и к настоящему и к будущему (ср.: *Стоит ему*

узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее. / как он пойдет смотреть ее.). Временной план высказывания определятся по форме времени глагола второй части ФС. Фразеологический характер анализируемой ФС обусловлен также тем, что инфинитив, занимающий позицию переменного компонента, всегда употребляется в форме совершенного вида, независимо от видовременной формы глагола второй части и общего значения всего высказывания.

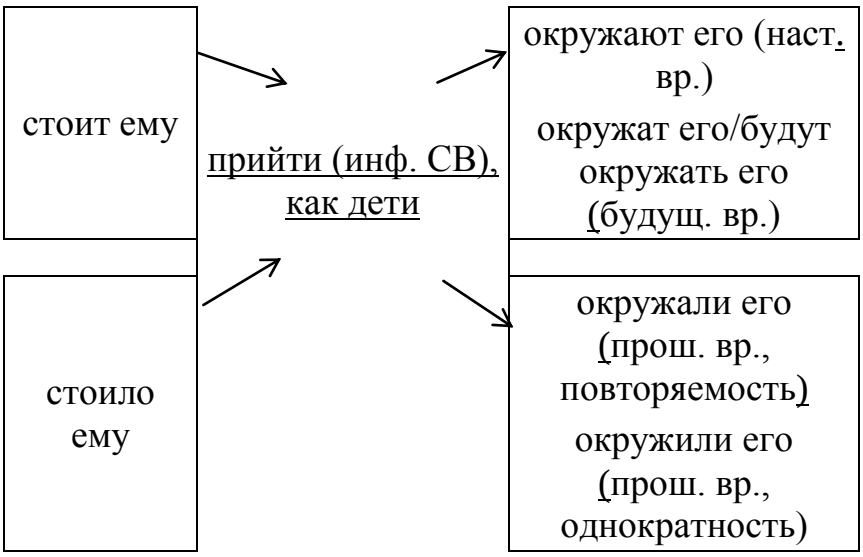
ФС называет два события, связанные временными отношениями со значением следования с акцентированием минимальности интервала между ситуациями, указывает, что действие, второй части, происходит сразу после действия первой части. Ее содержание может быть передано предложением с союзом *как только*. Например: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее — Как только он узнаёт о новой выставке, он идет смотреть ее; Стоило матери получить письмо от дочери, как она сразу успокоилась – Как тллко мать получила письмо от дочери, она сразу успокоилась.*

В высказываниях ФС слово *стоит* нередко сочетается с частицей *только,* усиливающей значение быстрого следования: *Стоило только матери получить письмо от дочери, как она сразу успокоилась*.

Значение непосредственного следования в русском языке представлено в сфере сложноподчиненных предложений широко. В таких предложениях, кроме названных, используются также специфические союзы **не успел.., как..; не прошло.., как/ и..; не... как...; еще не.., как... (** *Не успел я принять решение, как Степан вернулся; Не прошло и часа, как мы добрались до деревни; Еще не рассвело, когда мы двинулись в путь*). Некоторые исследователи расценивают такие предложения как фразеологизированные и стремятся аргументировать их фразеологический статус. Такая точка зрения интересна тем, что позволяет увидеть их специфику – как структурно-грамматическую, так и семантическую, см., например, [Салмина 1985], [Пирунова 1996]. Однако мнение о фразеологическом характере структуры таких предложений вызывает сомнение, если исходить из понимания фразеологического предложения, принятого в нашей работе.

Закономерности функционирования форм вида и времени глагола второй части ФС обусловлены временным планом передаваемой ситуации, а также свойственным этой ФС значением однократности / многократности. Значение однократности связано с планом прошедшего (*стоило .., как*) и будущего (*стоит .., как*), оно выражается глаголами совершенного вида прошедшего и будущего времени: *Стоило ему узнать о новой выставке, как он пошел смотреть ее; Стоит ему узнать о новой выставке, как он пойдет смотреть ее*. Значение многократности связано с планом настоящего и прошедшего времени, и на него указывает форма несовершенного вида глаголов настоящего и прошедшего времени второй части ФС: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее; Стоило ему узнать о новой выставке, как он шел смотреть ее.*

Это соотношение формы глагола *стоит* и видовременных форм глагола первой и второй частей ФС можно представить в следующей схеме.

Высказывания этой ФС, как уже отмечалось, синонимичны временным предложениям с союзами *как только*. Для сравнения следует отметить, что предложения с этим союзом являются построениями свободного синтаксиса, поэтому их оформление подчиняется грамматическим закономерностям построения сложного предложения, и, следовательно, видовременное оформление предикатов обеих частей подчиняется семантике всего высказывания –

обозначению временного плана и передаче значения однократности / много кратности. В этой связи показательно сравнить соотношение форм времени и вида в ФС и в сложноподчиненном предложении с союзом *как только.* Ср.:

1. план настоящего, многократность:

Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее

Как только он узнаёт о новой выставке, он идёт смотреть ее

2. план будущего, однократность:

Стоит ему узнать о новой выставке, как он пойдет смотреть ее

Как только он узнает о новой выставке, он пойдет смотреть

3. план прошедшего, однократность:

Стоило ему узнать о новой выставке, как он пошел смотреть ее. –

Как только он узнал о новой выставке, он пошел смотреть ее

4. план прошедшего, многократность:

Стоило ему узнать о новой выставке, как он шел смотреть ее.–

Как только он узнавал о новой выставке, он шел смотреть ее

Это соотношение, показывающее особенности ФС на фоне синонимичных ей предложений свободной структурной схемы и отчетливо демонстрирует фразеологичность структуры ***стоит* + кому.., + *как.*.**(точнее, первой ее части).

Компонент с субъектным значением (форма *кому*) может быть не выражен. Такие предложения получают значение обобщенности: *Стоит задуматься, как нахлынут воспоминания; В жизни Гумилева было много путешествий, приключений, даже подвигов. Но стоит внимательно присмотреться к его поэзии, как увидишь, сколь часто в ней фигурируют разные книги, имена поэтов, библиотеки, букинисты и т.п. Невозможно отрицать его блестящее знание русской и мировой поэзии* (Н.А. Богомолов. Предисловие к собр. соч. Гумилева); *Стоит только отъехать от столицы туда, где простираются поля, как убеждаешься, что французская деревня процветает* (Из телепередачи)

Следует обратить внимание на то, что в первой части в форме дательного падежа может употребляться как одушевленное существительное с субъектным

значением (см. примеры, приведенные выше), так и неодушевленное, обозначающее предмет, явление, событие. Ср: *Стоило начаться дождю, как все люди попрятались, пляж опустел; Стоит завестись в кармане деньгам, как они начинают франтить* (*из частных разговоров*); *Стоило этому роману выйти из печати, как о нем все заговорили*; *Лизе хотелось выйти из укрытия, но стоило загрохотать грому и заполыхать молнии, как страх опять охватывал ее* (И. Тургенев Дворянское гнездо).

Может возникнуть вопрос о правомерности отнесения предложений данной ФС к предложениям обусловленности, тогда как временные предложения свободной структуры обычно не рассматриваются как обладающие таким значением и не включаются в это объединение предложений. Анализируемая структура, в силу ее фразеологической связанности, получает ряд семантических и смысловых компонентов, не свойственных временным предложениям свободной структуры, но сближающих ее с предложениями данной классификационной группы, Так, предложения этой ФС, могут указывать на регулярный, закономерный характер связи соотносимых ситуаций, и это сближает структуру ***стоит.., как...*** со структурами со значением обусловленности. Кроме того, временное значение предложений этой структуры может быть осложнено дополнительным компонентом вневременного характера. Например, между двумя названными действиями, определяется также причинно-следственная связь, обусловленная характеристикой объекта или явления, названного в первой части структуры, ср.: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее*. Конкретная характеристика лица в самой ФС не выражается, но она или содержится в контексте (ср.: *Олег любит живопись. Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее*) или ясна из ситуации, во всяком случае, легко просматривается в самой ФС, логически «выводится» из соотношения двух действий, названных в ней. Так, предложение *Стоило этому роману выйти из печати, как о нем все заговорили* и без контекста позволяет предположить, что новый роман оказался интересным, раз о нем сразу заговорили.

Оттенок причинно-следственной связи отчетливо проявляется в высказываниях, в первой части которых называется событие, явление: оно само по себе является причиной быстрого наступления того, что названо во второй части. Например, предложения *Стоило пригреть солнышку, как трава зазеленела* и *Стоило начаться дождю, как все люди попрятались* означают, что теплое солнышко и дождь стали причиной изменения состояния травы и названного поведения людей.

При определенном лексическом наполнении частей значение ФС может приобретать другой оттенок, дополняющий временное значение и даже отодвигающий его. Так, в высказывании – *Теперь уж недалеко,– заметил Николай Петрович, – вот стоит только в горку подняться, и дом будет виден* (И. Тургенев. Отцы и дети) между сообщениями первой и второй частей возникают сложные отношения, при которых временное значение сочетается с оттенком условия и следствия (‘Если подняться в гору, дом будет виден’; ‘Поднимемся в гору, и дом будет виден’). Словарь отмечает, что глагол *стоит* «в сложном предложении (обычно с союзами «и», «как», «чтобы») обозначает условие быстрого наступления какого-л. действия или неизбежного возникновения какого-л. следствия, результата» [Словарь совр. рус. лит. яз.: В 17 тт. –Т. 14: 909],

В таких высказываниях вместо союза *как*, акцентирующего быстрое непосредственное следование во времени двух действий друг за другом, нередко используется союз *и* акцентирующий значение скорого, неизбежного следования второго действия как результата первого. См. высказывание, приведенное выше, а также: *В памяти отложилось все характерное в облике Алексея Семеновича. Стоит вспомнить разговор – и слуха касается знакомый, родственный голос спокойный, ровный, проникающий в душу своей добротой* (М. Лобанов Островский); *Зависть разрушает душу. Стоит лишь один раз поддаться своей слабости, и все в жизни рушится, как карточный домик* (из кинофильма). Кроме того при передаче условно-следственного оттенка, осложняющего значение следования во времени, вместо союза *стоит* может употребляться слово *надо*, а

вместо союза *как* – союза *чтобы,* ср.: *Теперь уж недалеко. Надо только на горку подняться, и дом будет виден».* Ср также: *Стоило только раз попасть рабочему в медный рудник, чтобы на веки вечные обречь следующие поколения на эту же работу* (Д. Мамин-Сибиряк. Горное гнездо).

Первая, собственно фразеологизированная, часть ФС ***стоит*** **+ кому...+ инф.** может использоваться одна, самостоятельно, если последующее действие, предполагаемое следствие или ожидаемый результат каким-либо образом выражены в предшествующем контексте или понятны из контекста или из ситуации: *Не спеши, ешь спокойно. Хочешь, еще что-нибудь закажем? Я уверен, что на кухне сколько угодно вкусной еды. Стоит только попросить официанта* (из частного разговора); *Найдите время и отправьтесь в увлекательное путешествие. Потому что вся эта красота находится рядом с вами – стоит только руку протянуть* (А. Низовский. Усадьбы России); *Художник рассказывает, что нет ничего легче, как попасть за границу. Для этого стоит только написать картину и продать* (А.Чехов. Талант); *Мартышка к старости слаба глазами стала; А у людей она слыхала, Что это зло еще не так большой руки: Лишь стоит завести очки* (И. Крылов. Мартышка и очки). Такое самостоятельное функционирование первой части ФС встречается чаще, если передается не чисто временное значение, а обозначается возникновение быстрого следствия, при котором союз *стоит* заменим словом *надо*.

Следующую, четвертую ФС иллюстрируют предложения: *Плачь не плачь, а горю не поможешь; Старайся не старайся, все равно никто не похвалит; Хочешь не хочешь, а ехать придется; Торопишь его не торопишь, он все равно все делает медленно.* В первой части содержится повторяющаяся глагольная форма (обычно императив, иногда личная, спрягаемая форма) с частицей *не* перед второй формой. Вторая часть строится по свободной структурной схеме.

ФС передает условно-уступительно-усилительные отношения и называет во второй части неизбежное, обязательно предстоящее действие, которое произойдет вопреки первому действию или состоянию (реальному или предполагаемому),

наступит даже при наличии первого. Вторая часть нередко присоединяется к первой противительными союзами *а* или *но*, однако две части могут соединяться без посредства союза. В первой части возможно значение гипотетичности, потенциальности, и поэтому ее смысл может передаваться условной придаточной частью. Смысл ФС в общем виде такой: ‘Несмотря на первое, второе произойдет’, ‘Даже если есть или будет первое, второе произойдет’. Так, предложение *Хочешь не хочешь, а ехать тебе туда придется* означает: ‘Ехать придется, несмотря на то что ты, может быть, не хочешь; Ехать придется, даже если ты не хочешь’. Ср. также: *Нюра часто смотрела на портрет Лины и однажды сказала: – Улыбается, а глаза грустные… А портретик-то кто с нее делал? – С Лины-то? – Брат. Он художник. – А-а…,– протянула Нюра. – Ну, тогда все понятно… От брата не скроешься. Брат родной – он все видит. Ему улыбайся не улыбайся* (Д. Рубина. День уборки).

Значение гипотетичности в первой части может быть очень сильным, т.е. может называться действие, которое субъект вообще не собирается совершать, и тогда цель первой части высказывания – лишь подчеркнуть, усилить осуществимость, неизбежность того, что названо во второй. Например: *Мне здесь нравится. Тишина! Ни души! Кричи не кричи, никто не услышит* (Очевидно, что кричать никто не собирается).

Данная ФС имеет целью указать на ненужность, нелогичность, бессмысленность того, что называется в первой части. Она используется, когда говорящий хочет внушить собеседнику другое отношение к тому, что называется во второй части, вызвать другую реакцию на него. Это интенциональное значение данной фразеологизированной структуры, ср.: *Плачь не плачь, а...* – ‘Не стоит плакать, так как это не поможет’, *Хочешь не хочешь, а...* – ‘ Надо спокойнее относиться к тому, что предстоит, так как это все равно произойдет’, *Спеши не спеши...* – ‘Не стоит спешить, если все равно это ничего не изменит’ и т. д. Ср.также: –*Что меня волнует, так это желание моей дочери стать фрейлиной. – Ну, тут волнуйся не волнуйся, а решение будет принимать ваша дочь, Ася* (из кинофильма); – *А ты не хочешь еще почитать что-нибудь Пушкина? Ведь*

завтра учительница может спросить. – А, читай не читай, а она придумает какой-нибудь неожиданный вопрос (из частных разговоров).

Во второй части глагол нередко используется в форме совершенного вида, так как выражается неизбежное действие (*Хочешь не хочешь. а поедешь*), а иногда — невозможное. Во втором случае используется глагол с отрицанием: *Спеши не спеши, все равно не успеем; Спорь не спорь, ее не убедишь*.

Что касается вопроса, когда используется в первой части императив, а когда спрягаемая форма, то здесь, очевидно, точное правило сформулировать трудно, но можно обобщить некоторые наблюдения. Оба варианта семантически равнозначны и часто взаимозаменяемы (*Старайся не старайся, / Стараешься не стараешься, никто не заметит*). Более частотен вариант с формой императива. Использование глагола в личной форме имеет определенные ограничения. Так, использование личной формы глагола вместо формы императива не всегда возможно, если во второй части глагол стоит в форме будущего и называет при этом невозможное или неизбежное действие. Ср.: *Требуй не требуй, ничего не добьешься! – *Требуешь не требуешь, ничего не добьешься; Проси не проси, он от своего мнения не откажется. – *Просишь не просишь, он от своего мнения не откажется; Уговаривай не уговаривай, он все равно поедет – *Уговариваешь его не уговариваешь. он все равно поедет.* Очевидно, здесь имеет значение несоответствие временных планов двух частей предложения (план настоящего в первой части и план будущего – во второй). Отметим, что если действие второй части представлено в плане настоящего, использование личной формы глагола возможно: *Просишь не просишь, он от своего мнения не отказывается*; *Отговариваешь не отговариваешь его , он все равно едет.*

Очевидно, использование формы императива преобладает, если в первой части выражен общий смысл переживания, эмоциональной реакции, а глагол употребляется в образном, обобщенно-переносном, отвлеченном значении. Так, произнося высказывания *Плачь не плачь, а горю не поможешь*; *Кричи не кричи никто не услышит* говорящий не имеет в виду что кто-то, действительно, плачет или кричит. Не случайно такое употребление этой ФС встречаем в пословицах,

которые закрепили выработанные в социуме определенные нравственные нормы поведения и правила психологической адаптации в разных жизненных ситуациях. Ср. некоторую неестественность высказываний **Плачешь не плачешь, а горю не поможешь *Кричишь не кричишь, никто не услышит.*

Примечание: В русском языке имеются сложные предложения, в которых придаточная часть оформляются без союза, а предикат выражается повторяющейся личной формой глагола: *Хочет не хочет, а поедет, Подготовлюсь не подготовлюсь, все равно пойду на экзамен; Обидится не обидится, а вида не подаст.* Они передают предаются условно усилительно-уступительные отношения и не являются фразеологизированными предложениями. Однако они интересны тем, что в них выражено субъективно-модальное значение с помощью повторения словоформы. Личная форма глагола возможна, если субъект действия первой и второй частей один и тот же, а временные планы двух частей находятся в соответствии: «настоящее – будущее», «настоящее – настоящее», «прошедшее – будущее», «будущее – будущее». Речь в таких случаях идет о том, что действие будет выполнено данным лицом независимо от его желания или возможностей: *Хочет он не хочет, а поедет в командировку; Нравится не нравится ему его работа, но он не уходит, работает; Обиделся не обиделся, все равно вида не покажет; Подготовилась она не подготовилась, однако на занятие приходит*.

Следующую, пятую ФС со значением обусловленности проиллюстрируем следующими высказываниями: *Добро бы погода была хорошая, а то две недели шел дождь и было холодно*; *Добро бы фильм был интересный, а то примитивный детектив; Добро бы платье было красивое, а то простое скромное деловое платье*. *Добро бы он был уже взрослым, самостоятельным, но ему всего 15 лет.*

Первая часть, фразеологизированная по построению, открывается сочетанием *добро бы*, входящим в постоянный компонент, вторая часть начинается союзом *а* с частицей *то* или союзом *но*. Модель ФС (5) имеет вид: ***добро бы .., а то ...***

Слово *добро*, которое входит в модель этой структуры, имеет разное употребление. Так. оно употребляется в безличном значении в качестве сказуемого как синоним слова *хорошо (разг.): Явились, артельщики? Ну и добро*! (Вс. Иванов. Партизаны). Используется оно также (с пометой «*устар. и прост.*») как утвердительная частица, «соответствующая по значению словам *ладно, хорошо, так, пусть будет»*: *– Добро,– сказал он ей после некоторого молчания, – жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате* (А. Пушкин. Дубровский) [Словарь русского языка: В 4-х т. Т. I: 409].

В анализируемой ФС слово *добро* получает особую функцию: оно входит в составной постоянный компоненти и в сочетании с частицей *бы* оформляет ее первую часть. Словарь фиксирует это употребление, отмечает: «*Добро (бы)* союз условный, употребляется в значении противопоставления чему-либо; *пусть бы, если бы еще,»* [Словарь совр. рус. лит. яз.: В 17 тт. –Т. 3.– 842]. Возможность такого употребления слова *добро* фиксирует также Словарь Ушакова [Словарь Ушакова 2005: 186]. Словари, естественно, не анализируют особенности грамматического оформления второй части структуры и смыслового соотношения частей. Между тем правильное понимание конструкуции ***добро бы.., а то...***требует восприятия ее как двучастного построения необычной организации и семантики.

Механизм образования таких построений анализирует Т.А.Колосова. Как одну из синтаксических особенностей устной разговорной речи она рассматривает построения с союзом *а то,* и отмечает, что на основе этого союза образовались союзные обороты *лишь бы/добро бы/ хоть бы… а то..,*которые служат основой двукомпонентоых построений с уступительно-противительным значением: *Хоть бы отступали, а то отступаем* (В. Шукшин. Горе); [*– Господи владыко,–простонал Савельич. – Заячий тулуп почти новешенький!*] *Добро бы кому, а то пьянице оголтелому* (А. Пушкин. Капитаеская дочка).

Важным является замечание Т.А. Колосовой, что такие построения являются результатом «сжатия» развернутых конструкций с условным союзом *если,* при котором *если* опускается, а оценочный компонент *добро* или *хорошо,*

хоть сливается с частицей *бы* и союзом *а то*. На основании этого она расценивает их как одно из средств, отражающих синтаксическую специфику устной разговорной речи. [Колосова 2008: 80 –91].

Однако «сжатие», так точно отмеченное автором, привело, на наш взгляд, и к более серьезным языковым последствиям – к структурному и семантичнскому переосмыслению таких построений, что обусловило их фразеологизацию. Они характеризуются специфическим грамматическим оформлением: в пераой части обязательна форма сослагательного наклонения, тогда как во второй части, следующей после союза *а то*, такая форма не используется (в отличие от предложений ирреального условия с *если бы*), так как называется реальное событие, относящееся в прошлому или настоящему. Таким образом, в семантике таких построений содержится имплицитный смысловой компонент, который вербально не выражен, но подразумевается, «прочитывается», что также доказывает фразеологический характер данной структуры.

Вторая часть присоединяется противительным союзом *а то* или союзом *но,* которые связывают два сообщения, содержащиеся в ФС, условно-уступительно-противительными отношениями. Фразеологизированная структура выражает две разные, противостоящие друг другу реакции, два мнения относительно разных (гипотетических, моделируемых и реальных) условий, обстоятельств протекания, осуществления ситуации, которая составляет тему общения (она представлена за пределами ФС – в контексте или ясна из реальной действительности). Реальные условия, в которых протекает ситуация, названы во второй части структуры, и ФС используется, чтобы выразить мысль о неприятии основной ситуации при этих условиях, обстоятельствах, и противопоставить им другие, подходящие условия, при которых осуществление ситуации было бы естественным, правильным, логичным. Эти гипотетические, не существующие, но адекватные условия названы в первой части ФС.

Другими словами, ФС выражает противопоставление того. что должно быть тому, что есть. Так, высказывание *Добро бы погода была хорошая, а то две недели идут дожди и холодно* указывает, что ситуация, о которой идет речь (в

самой ФС она не называется), не должна осуществляться, так как продолжительные дожди и холодная погода – неподходящие для нее условия, и приводятся другие условия (‘хорошая погода’), при которых осуществление ситуации рассматривалось бы как естественное и приемлемое. Содержание высказываний этой структуры можно передать предложением, включающим такие лексико-синтаксические показатели значения: «*пускай бы еще, можно было бы примириться, допустить, если бы...»* [Словарь Ушакова 2005: 186]

Ср. возможный контекст: *Почему Степан и Ольга весь отпуск проводят в этом месте, почему не уезжают, не хотят перебраться в другое место? Добро бы погода была хорошая, а то две недели шел дождь и было холодно*. Содержание фрагмента означает, что говорящий считает нелогичным, непонятным то, что его знакомые проводят отпуск в данном месте. Свою реакцию (несогласие и удивление) он выражает уже в первом предложении, не являющемся фразеологизмом, и развивает в самом фразеологизированном высказывании, смысл которого может быть передан так: ‘То, что я узнал, было бы естественно, если бы там была хорошая погода, но так как там две недели шел дождь и было холодно, я не могу понять, что побудило их так долго находиться там’. Другой пример: *Если мы решили погулять в лесу, то не обязательно было так далеко ехать. Добро бы лес здесь был настоящий, красивый, а то самый обычный лес. Можно было бы где-нибудь поближе найти место не хуже*.

Поскольку основная ситуация развивается (или развивалась) в неблагоприятных условиях, ФС, кроме неприятия, выражает и эмоциональную реакцию говорящего – удивление, осуждение или сочувствие, сожаление.

Высказывание ФС ***добро бы... а то...*** может быть оформлено как два отдельных предложения, где первая и вторая части представлены как отдельные предикативные единицы. Это явление парцелляции. оно используется для акцентирования каждой части, каждой мысли. Например: *И зачем мы купили здесь дачу. Добро бы место было красивое! А то ведь ни леса, ни речки! И до Москвы 100 километров.*

Вместо *добро бы* в качестве постоянного компонента иногда используется сочетание ***ладно бы*** или ***пусть бы, хоть бы***: *Ладно бы еще человек был хороший, а то ведь в нем столько изъянов; Пусть бы деревня была недалеко, а то ехали на автобусе, да еще пешком шли минут двадцать.* Словарь Ожегова рассматривает *ладно*, включая его в словарную статью слова «***Ладный***». Он выделяет использование сочетания *ладно бы* в качестве союза в устойчивых сочетаниях, выражающих «вынужденное допущение при сопоставлении с отрицательно оцениваемой ситуацией, пусть бы. *Ладно бы ворчал! Нет, еще и ругается. Ладно бы мороз, а то еще и ветер.*» [Словарь Ожегова: 318].

Шестую, последнюю ФС, входящую в описываемую группу, представляют предложения: *Эту работу за неделю, да что за неделю, за две, – не сделаешь; Я ей завтра же, да что там завтра, сегодня вечером, – отвезу эти книги*.

ФС образуется по модели (6) ***... да что там...***с помощью вставной конструкции. Предложение, построенное по какой-либо свободной модели (например, *Эту работу за неделю не сделаешь*), расчленяется, прерывается после обстоятельства, объекта или другого компонента (в примере это форма *за неделю*), и вводится конструкция с постоянным компонентом *да что там*, после которого повторяется тот же смысловой компонент, на котором оборвалось основное предложение, и добавляется другой, связанный с ним отношениями градации, сравнения (в нашем примере: *да что там за неделю, за две недели*). Вставная конструкция оформляется по модели, в соответствии с основным предложением.

Вставные (парентезные) конструкции – это один из видов осложнения структуры предложения, отличающийся как в формально-структурном, так и в функционально-семантическом плане от других синтаксических построений, выполняющих ту же осложняющую функцию, таких как вводные слова, словосочетания и предложения, полупредикативные обороты (причастные и деепричастные), парцеллированные конструкции. Так, если вводные словосочетания и предложения используются, в первую очередь, для выражения субъективно-модальных значений, то вставные конструкции содержат обычно

дополнительное сообщение, уточняющую информацию, относящуюся к базовому предложению в целом или к отдельному его члену [Акимова 1990: 62 – 64], [Лекант, Касаткин и др. 213: 712 – 714]. Вставные конструкции очень разнообразны по структуре и по функциям, однако их объединяет ряд общих признаков.

Вставка связана с основной структурой, но не нарушает ее синтаксической организации. Вставные конструкции нарушают синтагматическую плавность речи, являясь способом ее вторичного членения и тем самым они «напрямую связаны с текстообразующей функцией синтаксиса» [Сигал 2006: 10]. Их семантическая роль в том, что они используются для введения новой информации разного плана, поэтому общая отличительная особенность вставных конструкций в том, что они позволяют создать двуплановость изложения: информация вставки может уточнять содержание основного предложения, пояснять, предлагать другое решение обсуждаемой ситуации. Такой способ повествования отмечал Л.П. Якубинский, определяя его как «особенность высказывания» [Якубинский 1986].См. также [Шаймиев 1981]

Вставные конструкции, как правило, экспрессивны, их экспрессивность поддерживается интонацией Как отмечает К.Я.Сигал, вставные конструкции «маркируются в устной речи просодией вставки, а в письменной речи – парным пунктуационным знаком» [Сигал, там же].

Эти общие черты всех вставных конструкций характерны и для ФС с вставной конструкцией ***да что там…*** Эта ФС в смысловом отношении непосредственно связана с предшествующей информацией, предстает как ее осмысление и уточнение. Например, в предшествующем высказывании речь идет о сроке выполнения работы: *Нам предстоит очень важная и ответственная работа. Прелагают выполнить эту работу за пять дней.* Собеседник реагирует на это высказывание, акцентируя внимание на смысловой компонент ‘*выполнить за сколько’*, нуждающемся, по его мнению, в уточнении. Он использует для этого ФС со вставной конструкцией *Эту работу за неделю, да что там за неделю, за две – не сделаешь*. Здесь вставка прерывает изложение, переключает мысль

говорящего (и восприятие слушающего): названному ранее сроку (*за пять дней*) противопоставляются два других (‘*за неделю’* и *‘за две недели’*), и эти три срока связываются градационными отношениями/ Таким образом, ФС выражает последовательный переход от неточного, нереального к тому, что более соответствует существу обозначаемого. Тем самым говорящий, давая дополнительную информацию, вводит второй план рассмотрения ситуации и побуждает собеседников активно участвовать в общении, «втягивает» их в обсуждение, побуждает решать коммуникативные задачи на ходу, в процессе общения, т.е. обеспечивает, таким образом, динамизм общения, а используемый способ подачи дополнительной информации с помощью вставной конструкции в то же время обеспечивает лаконичность речи.

Эта ФС передает значение усиления с указанием градации, сравнения (по восходящей или нисходящей линии) по отношению к объекту, лицу, обстоятельству, количеству (ср. пары в приводимых далее предложениях*: учебник — записи лекций, ночью — вечером, втроем — вдвоем, в чемодан — в сумку, друзьям — братьям): Он даже учебник, да что там учебник, записи лекций не читал перед экзаменом; Она ночью, да что там ночью, вечером боится гулять в лесу; Эту работу и втроем, да что там втроем, вдвоем можно выполнить за это время; Зачем брать два чемодана? Вещей немного, все в один чемодан, да что там в чемодан, вот в эту сумку войдут; Он о своей женитьбе даже друзьям, да что там друзьям, братьям ничего не сказал.*

Роль вставных конструкций не исчерпывается передачей дополнительной информации. Предложения этого типа отражают модель диалогического построения, имитируя обращение к собеседнику, своего рода полемику (внутреннюю или явную) с ним или с самим собой. ФС с компонентом *да что там* уточняет условия выполнения или невыполнения действия, называет более реальные параметры действия, то есть, сама по себе содержит полемическую заостренность и придает активный характер общению [Рогова 1975].

Данная вставная конструкция считается фразеологизированной, так как включает утратившие (при данном употреблении) лексическое значение слова

что и *там,* а само соединение слов *да что там* не является грамматически мотивированным. Кроме того, вставка синтаксически изолирована от основного предложения (она помещена внутри основного предложения, но может быть опущена, что не нарушит синтаксической организации основного предложения), а ослабление синтаксической связи вставки с основным предложением придает всей структуре, принявшей эту вставку, признаки фразеологичности.

Содержание высказывания этой ФС может быть передано предложением свободной структуры, включающей градационные союзы *не только... но и; не только... но даже;* или частицу *даже*: *Эту работу не только за неделю, но и (но даже) за две недели не выполнишь.*

Возможна реализация этого синтаксического фразеологизма в усеченном виде, когда первая часть опускается. Тем не менее она легко понимается носителями языка, так как сама модель закреплена в системе русского языка и в репертуаре синтаксических средств его носителей. Услышав такое высказывание, адресат (слушатель) мысленно достраивает его и легко понимает: *Это Рублевка. Что там сотка, здесь каждый метр стоит миллионы* (из телерепортажа). Ср. полный, «восстановленный» вариант ФС: *Это Рублёвка. На Рублевке каждая сотка, да что там сотка, здесь каждый метр стоит миллионы.*

Данная ФС, как и другие виды вставных конструкций, связана с интеллектуальной сферой говорящего и отражает структуру, ход мысли, имитирует рассуждение в имплицитном виде. Структура с вставной конструкцией фиксирует усложненные модели мысли, показывает, как разнообразны и сложны мыслительные формулы, варианты логики осмысления человеком определенной ситуаци

7 Фразеологизированные структуры, не вошедшие в классификацию

В описываемом классе ФС есть ряд структур, которые по структурной и грамматической организации являются фразеологизированными предложениями,

как и все рассмотренные ФС, выражают значения субъективной модальности, довольно частотны, активно используются в общении, в разговорной речи, и это явилось основанием для включения их в исследуемый класс ФС. Однако эти структуры в силу индивидуальной их семантики трудно соотнести с другими структурами класса и определить их место в семантической классификации, поэтому, представляется более целесообразным представить их отдельным списком и рассмотреть их по тем же принципам, что и остальные фразеологизированные предложения. Выделим пять структур, не вошедших в основную семантическую классификацию:

(1). ***есть кому*** **/что/чему /куда /где/когда...+ инф.:** *Есть кому сходить в магазин;Есть что читать; Есть куда пойти; Есть где отдохнуть; Есть с кем поговорить*

(2) ***еще бы*** **+ кому + (*не*)+ инф.** *Еще бы Ирине не волноваться; Еще бы ему не покупать такие книги; Еще бы ей не проспать;*

(3) ***дался (далось, дались)*** **+ кому +** ***этот (эта, это, эти*****) + сущ.** *Дался ему этот словарь; Далась ей эта песенка;*

(4) **сущ. +** ***на то и*** **+ сущ.,** ***чтобы…*** *Деньги на то и деньги, чтобы их тратить*

(5) **(*и*) *что* + кому + в сущ. п.п.:** *И что ему в этой машине; И что ей в этом фильме; И что ей в этой шляпке***.**

ФС (1) представлена такими предложениями: *Есть кому сходить в магазин*; *Есть что читать; Есть куда пойти; Есть где отдохнуть; Есть с кем поговорить*. Модель структуры имеет вид: ***есть кому /кого /что /чему / куда / гзе / когда*** **+ инф.** Она включает в качестве постоянного компонента глагол ***есть*** и местоимения ***кто, что*** в разных предложно-падежных формах или местоименные наречия ***где, куда, откуда, когда, зачем.*** Переменный компонент – глагол в форме инфинитива.

Значение структуры определяется как констатация, утверждение наличия того, что достаточно для осуществления действия, названного инфинитивом.

Форма местоимения определяется синтаксическими свойствами инфинитива. В высказываниях *Есть что читать; Есть чем заниматься; Есть о чем думать; Есть чего бояться* сообщается о наличии объекта, связанного с соответствующим действием. Предложения *Есть где погулять, Есть когда отдыхать* указывают на наличие места и времени для осуществления действия и т. д.

Возможно включение компонента, обозначающего субъект (форма *кому* или *у кого*): *Детям есть где гулять; У нас есть с кем посоветоваться* или обстоятельство с пространственным значением для обозначения места осуществления действия: *Здесь есть где гулять*. Предложения этой ФС «образуют все формы синтаксического индикатива, сослагательного, условного и желательного наклонения: *Есть куда пойти – Было / Будет*) *куда пойти – Было бы relf gjqnb – Если бы было куда пойти – Будь* [*бы*] *куда пойти.»* [Русская грамматика 1980. Т II: 385]. Ср. также: *– Ты знаешь, очень непростая проблема! Не знаю, как найти правильный выход.– Да, сложная ситуация. Если бы было с кем посоветоваться!; Уходить от такого изобилия [ягод] ей было жаль. – Вот если б было куда собирать, – вздохнула женщина* (Ю. Лосинцев); *Художник, воспитай ученика, Чтоб было у кого потом учиться* (Е. Винокуров). Возможны «регулярные реализации со связочным глаголом *стать*: *Подросла дочка. Стало с кем малышей оставлять*» [там же] .

Предложения в форме прошедшего и будущего времени допускают отрицание: *Было (будет, было бы) куда поехать – Не было (не будет, не было бы) куда поехать.* Предложения исходной формы, т.е. настоящего времени, отрицания не допускают Ср.: *Есть куда поехать*, но **Не есть куда поехать.*

«Возможно замещение глагола *есть, было, будет* знаменательным глаголом со значением обнаружения» [Русская грамматика 1980, там же]. Ср.: *У нее всегда найдется чем угостить неожиданного гостя; Очень он был строг, наш прежний директор. У него нашлось бы к чему придраться* (из частных разговоров).

Рассматриваемые предложения находятся в регулярном формально-структурном соотношении по категории утвердительности /отрицательности с предложениями, которые строятся на основе отрицательных местоимений и

наречий типа: *Некуда поехать, Не с кем посоветоваться, Нечего читать; Незачем спешить; Некуда поехать; Не с кем посоветоваться; Нечего читать; Некуда спешить* и под. Между такими предложениями имеется также семантическая связь. Если рассматриваемые фразеологизированные предложения указывают на наличие объекта или обстоятельства, то предложения с отрицательными местоименными словами передают противоположное значение – значение отсутствия. Так, высказывание *Ей есть где отдохнуть летом* означает что у данного лица имеется место для летнего отдыха, а формально соотносительное с ним предложение *Ей негде отдохнуть летом* указывает на отсутствие у данного лица место для летнего отдыха. Ср. также соотношение пар предложений: *Есть что читать – Нечего читать; Есть о чем спорить – Не о чем спорить; Есть к кому обратиться – Не к кому обратиться; Нам есть чем гордиться – Нам нечем гордиться.*

Что касается грамматической природы предложений с отрицательными местоимениями и наречиями, то одни исследователи считают их также фразеологизированными, другими же они рассматриваются как предложения свободной синтаксической структуры (т.е. не фразеологизированные). Так, «Русская грамматика» относит их к предложениям свободной структуры схемы Pron neg. Inf [Русская грамматика 1980. Т II: 346 – 347].

ФС (2) имеет модель ***еще бы*+ кому+(не) инф.** (*Еще бы ему не волноваться! Еще бы Оле не радоваться!; Еще бы ей волноваться!*). Модель включает частицы ***еще*** и ***бы***, которые образуют ее постоянный компонент, формируют ее, присоединяя инфинитив глагола. Типично указание на субъект, он выражается формой дательного падежа.

Структура имеет два варианта – с частицей ***не*** перед инфинитивом и без нее, и это влияет на значение всей структуры. Предложения с ***еще бы ….не*** означают, что названное инфинитивом действие осуществилось, так как оно было необходимым, было обусловлено определенными причинами: *Еще бы ему не волноваться* (‘он волновался, так как он должен был волноваться, ибо были

причины, заставившие его волноваться’). Предложения с ***еще бы*** (без частицы ***не***) означают, что действие не осуществилось, так как оно было ненужным, нецелесообразным для названного субъекта. Ср.контексты: *Еще бы ему не волноваться перед экзаменом, ведь у него было мало времени на подготовку, и он боялся, что плохо ответит. – Еще бы ему волноваться перед экзаменом! Литература XIX в. – его любимый предмет, и он прекрасно знает все произведения этого периода и творчество писателей, и поэтов.*

Другими словами, данная ФС утверждает правильность, естественность осуществления /неосуществления названного действия. Данный исход ситуации характеризуется говорящим как естественный, логичный, ожидаемый, объективно предсказуемый. В условиях диалогического общения используется для убеждения собеседника.

Вместо формы инфинитива структура может включать личную форму глагола прошедшего времени (субъект действия выражается формой именительного падежа): *Еще бы он не волновался; Еще бы он волновался.*

Следующая ФС строится по модели (3), имеющей вид: ***дался*** **(*далась, далось, дались*) + кому + *этот* (*эта, это, эти*) + сущ.:** *Дался ему этот словарь; Далась ей эта песенка!* Она использует в качестве постоянного компонента форму 3-го лица прошедшего времени глагола *даться*: *дался, далась, далось, дались* и местоимение *этот,* форма рода и числа которых зависит от существительного, заполняющего позицию переменного компонента. Слово *дался,* в составе этой структуры имеет значение ‘стать предметом крайнего интереса, внимания, постоянных разговоров кого-либо’ [Словарь русского языка в четырех томах. Т I: 366] и сопровождается пометой «неодобрительное». Повышенный интерес названного субъекта к объекту проявляется в определенном действии, которое он, совершает по отношению к объекту, и говорящий выражает отношение не столько к самому названному объекту, сколько к действию, связанному с ним. Произнося подобное высказывание, говорящий в первую очередь высказывается по поводу самого действия субъекта, а не объекта. Об

объекте он может мало знать, но он точно знает, что субъект им интересуется, и этот интерес является предметом его высказывания. В чем проявляется интерес в самом фразеологизированном высказывании не называется, это ясно из контекста, или же из ситуации. Значение структуры заключается в указании на ненужность, нецелесообразность действия субъекта Например: *Зачем Егор так настойчиво ищет этот словарь? Дался ему этот словарь**!** Есть много других словарей / Этот словарь ему не очень нужен /Словарь не очень хороший/* и т.п. Данное высказывание, включающее ФС, означает, что, по мнению говорящего, названному лицу не стоит, неразумно тратить время на поиски словаря. Ср. также: [*Муромский*:] *Не знаю, что вам дался этот Кречинский. Конечно, мужчина видный, – ну, приятный человек, зато, говорят, как в карты играет!* (А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского). – *Вот теперь далась ей эта езда! Увидала раз графа верхом из окна и пристала ко мне: «хочу ездить», да и только!* (И Гончаров. Обыкновенная история). – *Ну и далась вам эта карета,– грустно засмеялся Лубенцов* (Э. Казакевич. Весна на Одере).

ФС (4) может быть представлена предложениями: *Деньги на то и деньги, чтобы их тратить; Праздник а то и праздник, чтобы отдыхать и веселиться.* Она строится по модели: **сущ. + *на то и* + сущ., *чтобы…*,** которая включает две части и организуется составным переменным компонентом *на то и.., чтобы.* Первая часть связывает с помощью сочетания *на то и* повторяющееся существительное, называющее объект. Вторая часть лексически свободна и обычно строится как инфинитивная конструкция (см. приведенные примеры), однако может представлять собой двусоставное личное предложение: *Перерыв на то и перерыв, чтобы мы отдохнули и пообедали.*

ФС – выражает цель, предназначенность объекта, которая, по мнению говорящего, является главной важной, логичной, для него. Так, приведенное предложение про деньги означает: ’правильно, если кто-то тратит деньги, так как это их основное предназначение’. Предложения этой ФС при определенном лексическом наполнении могут указывать на естественное, логичное развитие

ситуации или логичность действий с данным объектом, например: *Культура необходима всегда и даже сейчас, в кризис. А кризис на то и кризис, чтобы когда-то заканчиваться* (из газет). При этом говорящий стремится убедить собеседника, окружающих, что так и следует воспринимать этот объект.

Пятая ФС строится по модели (5): **(*и*) *что* + кому + *в* + *этот* п.п. + сущ. п.п.:** *И что ему в этой машине; И что ей в этом фильме,*

Структура означает, что говорящий не разделяет положительного отношения, повышенного внимания, особого интереса к объекту (*машина, фильм*), со стороны названного лица, так как качества, свойства объект не соотвествуют такому отношению. Таким образом, в семантической структуре данной ФС сочетаются три семантических компонента: 1. усиленное положительное или заинтересованное внимание к объекту какого-то субъекта (обычно это третье лицо или собеседник, но может быть и первое лицо, т. е. сам говорящий); 2. негативное или безразличное отношение говорящего к объекту; 3. несогласие говорящего с позицией названного лица в отношении объекта, неодобрение проявленной заинтересованности. Ср.: *Наташа третий раз идет смотреть этот фильм. И что ей в этом фильме. Традиционная комедия, мелодрама. Интерес Наташи к фильму непонятен.*

Приведем фрагмент из повести Троепольского «Белый Бим черное ухо», в котором хорошо раскрывается значение ФС: и отношение названного лица (Ивана Иваныча) к объекту (*цветку*), и противоположное отношение к тому же объекту «говорящего» (Бима), и его эмоциональное состояние: *Остановился Иван Иваныч и смотрит, смотрит по сторонам и нюхает. Потом шагнул к дереву, присел и тихонечко, одним пальцем, погладил цветок, малюсенький такой (для Ивана Иваныча он почти без запаха, а для Бима вонючий до невозможности).* ***И что ему – в том цветке?*** *Но хозяин сидел, улыбался. Бим, конечно, сделал вид, что ему тоже вроде хорошо, но это только из уважения к личности, а на самом деле он был немало удивлен*. (Г. Троепольский. Белый Бим черное ухо).

Часть вторая

Семантические и структурные связи и преобразования в системе предложений фразеологизированной структуры

1. Семантическая неоднозначность и семантическая соотносительность фразеологизированных структур

Как отмечалось, семантическая характеристика каждой ФС сложна, представляет собой набор компонентов разного плана, иерархически связанных между собой, образующих таким образом структуру семантики. Это позволило, с одной стороны, определить типовое значение каждой структуры и дать семантическую классификацию всего класса структур, с другой стороны, выявить индивидуальную семантику каждой структуры, показать ее уникальность. Эта сторона семантики анализируемых ФС подробно описана в предыдущем изложении.

В этом параграфе рассматривается, как семантическая сложность проявляется в семантической неоднозначности фразеологизированных структур и в их семантической и смысловой соотносительности.

1.1.Семантическая неоднозначность ФС

Явление семантической неоднозначности, т.е. способность одной структуры передавать разные значения, в системе фразеологизированных предложений довольно распространено, и в этом отношении синтаксические фразеологизмы принципиально отличаются от лексических. Лексические фразеологизмы, являясь номинативными единицами, полностью воспроизводимы (не содержат переменных компонентов), их лексическое наполнение постоянно, как правило невариативно, поэтому они семантически неизменны. Это лексические единицы в большинстве своем с одним, строго закрепленным значением. Каждый ЛФ выражает готовую мысль (оценку, нравственное правило, предписание) и поэтому

характеризуется строго однозначной ситуацией функционирования и использования в речи.

Что касается ФС, здесь дело обстоит иначе, что обусловлено их лингвистической природой. Фразеологизированные высказывания не только воспроизводятся (имея определенную модель), но и строятся, так как включают переменный компонент, который лексически свободен, и его словесное наполнение определяется говорящим в зависимости от темы, содержания сообщения. Поэтому ФС не представляет собой готовую мысль, а только отражает ход мышления, закрепляет определенную структуру мысли, и семантика ФС в той или иной степени может варьироваться под влиянием лексической семантики слов, заполняющих позицию переменного компонента. Лексическое наполнение структуры не только позволяет выразить нужное содержание (так как говорящий позицию переменного компонента заполняет теми словами, которые обозначают предмет его интереса, интересующее его действие), но и может повлиять на значение высказывания, реализующего структуру. Здесь играет роль также контекст, который отражает ситуацию общения.

Семантическая неоднозначность фразеологизированной структуры может быть заложена в самой грамматической структуре, и составляет ее постоянную характеристику. В этом случае речь идет о многозначности. В других случаях семантическая неоднозначность проявляется как семантическая вариативность (вариантность), обусловленная характером лексического наполнения переменного компонента структуры или возникающая под влиянием контекста, особенностей конкретной коммуникативной ситуации.

Многозначными ФС можно считать структуры недифференцированной оценки. Они составляют отдельную подгруппу в группе структур с общим значением оценки. Они предназначены для выражения двух противоположных, значений – положительной оценки или отрицательной, негативной в зависимости от лексического наполнения переменного компонента, интонации или под влиянием контекста*:* Таковы ФС ***вот это*** **+ сущ.** значение которой проявляется к контексте (*Вот это герой! Вынес двух детей из горящего дома – Вот это герой.*

Простого зайца испугался), ***что за*** **+ сущ**., в которой характер оценки зависит от лексического наполнения (*Что за прелесть; Что за радость – Что за безобразие; Что за досада*) или от контекста (*Что за сестра! Во всем помогает братишке –Что за сестра! Никогда не поможет брату*).

Высказывания модели ***какой /какая + это*** **(*он, она*) + сущ**. передают то же значение, но противоположные значения в них выражаются с помощью интонации: *Какая она хозяйка! В доме всегда чистота и порядок. И эти занавески на кухне с оборочками сама сшила – Какая она хозяйка! Готовить не любит, в комнате всегда беспорядок.* Подробно эти и другие ФС недифференцированной оценки их семантические возможности описаны ранее (см. стр.187 – 202).

Семантическая неоднозначность характерна для ФС **инф. + *так* + инф.** Кроме значения согласия, принятия, с которым входит в исследуемый класс ФС (*– Придется вам задержаться сегодня. Надо составить ответ на запрос наших партнеров. – Хорошо, задержаться так задержаться. Я все сделаю*), она имеет также другие значения, которые определенным образом связаны с основным ее значением, но осложняют, дополняют его значением обусловленности. Выделяются два значения.

Во-первых, ФС может передавать значение обусловленного побуждения. Если исполнителем действия, обозначенного инфинитивом, будет собеседник, то говорящий может использовать ФС, чтобы побудить собеседника к выполнению действия, «подтолкнуть» его начать выполнять намеченное : *Ты что же сидишь? Ехать так ехать. Время идет, уже полдень; Ты хотел отдыхать, а сам продолжаешь работать. Отдыхать так отдыхать.* Ср. также: *– Вы позволите мне написать одно последнее письмо? – Нет, кончать так кончать* (А. Куприн. Гранатовый браслет).

В этом случае ФС, включающая два инфинитива, синонимична структуре с формой императива во второй части, в которой оттенок обусловленности проявляется более отчетливо: *Ехать так поезжай! Отдыхать так отдыхай.* Смысл обеих структур можно предать так: ‘Если согласился ехать, то поезжай’;

‘Если решил отдыхать, то отдыхай’. Если исполнителем действия будет говорящий вместе с собеседником, тогда высказыванием он побуждает собеседника приступить к совместному выполнению намеченного: *«Что же мы сидим? Идти так идти. Путь у нас длинный надо успеть до темноты* (‘Если решили отдыхать, то пойдем’).

Во-вторых, эта структура также передает значение «утверждение неординарности», т.е. выражает принятие названного, предлагаемого, но только при условии его неординарности, т.е качественности, полноты реализации, оригинальности осуществления и т.п. Принятие, осуществление действия обусловлено значением «нормативной» оценки. Говорящий выдвигает неординарность как непременное условие принятия названного действия,: *Отдыхать так отдыхать! Не будем вообще думать о делах и проблемах! Будем веселиться. И на кухне не будем возиться, сходим в ресторан*; *Работать так работать. Не надо отвлекаться, надо сосредоточиться.* Смысл высказываний в данном случае можно передать так: ‘Отдых должен быть настоящим, полноценным, без мыслей о неприятностях’).’Если решили работать, то пусть это будет серьезная добросовестная работа, о постороннем следует забыть‘. Ср. также начало газетной статьи: *Мы решили: «Путешествовать так путешествовать!». Мы выбрали маршрут по Монголии на верблюдах*.

Еще пример. Журналист назвал свою небольшую заметку, помещенную в «Литературной газете», «*Летать так летать*». В преамбуле к статье говорится: «*Наша страна – одна из пионеров воздухоплавания,– сейчас, увы, отстает в развитии нетрадиционных видов авиаспорта. Отставание есть шанс ликвидировать*» Далее в статье рассказывается о полетах на воздушных шарах, которые проводились в Москве на Воробьевых горах. Этим заголовком автор также стремился подчеркнуть необычность полетов, настроить читателя н необычность, неожиданность предлагаемой информации

Статья в газете «Аргументы и факты» называется «*Гулять так гулять*». Она имеет подзаголовок: «*Рождество в столице отметят с размахом».* и начинается с такой информации: *«7 января будут праздновать по всей Москве.*

Каждое поколение горожан сможет найти себе праздничную программу по душе. Скучать и мерзнуть не дадут». Подзаголовок и вводная информация полно раскрывают смысл заголовка и представление автора статьи о соответствия объекта (праздничного гуляния) «эталонному» признаку.

Значение степени интенсивности действия, его качества могут передавать и высказывания со словами других частей речи в позиции свободного компонента. Например: (1) *Сама пойди и купи цветы, ведь завтра праздник. И купи лучшие цветы, пусть даже самые дорогие. Чтобы были цветы так цветы!* (2) *Говорят, зима будет снежной и холодной – Это хорошо. Я люблю, когда зима так зима, мороз так мороз. Не люблю слякоть и оттепели.* В этих высказываниях указывается на желательную высокую качественную характеристику предстоящего действия или его аспекта (объекта, обстоятельства, признака).

При реализации рассматриваемого значения может использоваться частица *уж* как маркер этого значения. Эта частица используется «для подчеркивания содержания предложения» [Книга о грамматике 2009: 466]. В данном случае она акцентирует компонент «неординарность характера выполнения названного действия».

Тонкие наблюдения относительно семантики ФС с двумя инфинитивами содержатся в статье Н.А. Николиной. В частности, она отмечает встречающееся различное пунктуационное оформление высказываний данной структуры в варианте с инфинитивом (*Ехать так ехать; Ехать, так ехать; Ехать – так ехать*) и связывает это с разными ее значениями. По ее мнению, в предложениях со значением согласия использование запятой, выполняющей разделительную функцию, не оправдано, так как между компонентами высокая степень спаянности, а в предложениях других семантических разновидностей использование тире возможно, оно сигнализирует о границе между частями высказывания, передающего значение обусловленности. Наличие тире является нормой также, если при инфинитиве есть распространение: *Умирать велят нам – так умирать* (Л.Толстой). [Николина 1995].

В связи с семантической неоднозначностью структуры с двумя инфинитивами целесообразно рассмотреть, внешне сходные с ней структуры, которые вместо инфинитива включают личную форму глагола либо в обеих частях, либо во второй части и сопоставить их: *Отдыхаем так отдыхаем Отдохнем так отдохнем! Отдыхать так отдохну, Отдыхать так отдохнем; Выступать так выступлю, Пропадать так пропаду.* Использование в структуре глагола в личной форме (а не инфинитива) может вносить дополнительный оттенок, который зависит от того, кто будет исполнителем названного действия. Рассмотрим три ситуации.

1. Исполнителем будет сам говорящий. Структура с личной формой глагола более четко (по сравнению с инфинитивной) передает оттенок готовности говорящего выполнить действие, готовность приступить к нему: – *Петр Викторович, придется вам кое-что уточнить в вашем проекте – Уточнить так уточню. Что вы заметили, что вы предлагаете?* Ср.: *Уточнить так уточнить,* где оттенок готовности выражен не так отчетливо.

2. Исполнителем действия будет не говорящий, а его собеседник. ФС входит в реплику-стимул, в которой говорящий обращается к собеседнику, согласившемуся выполнить действие. с целью побудить его к началу выполнения. Использование вместо инфинитива формы императива позволяет выражить оттенок побуждения более отчетливо и однозначно: *Ты же собирался уроки делать, а не у телевизора сидеть. Делать так делай.* Высказывания имеет смысл: ‘Если собирался делать уроки, то делай, (то надо делать, то начинай)’.

3. Исполнять действие будет сам говорящий совместно с собеседником. Выражается побуждение к собеседнику начать совместное выполнение действия. Здесь также имеется значение обусловленности: такое побуждение выражается в том случае, если о действии была договоренность: Мы *ведь договорились не работать, отдохнуть, а ты все работаешь. Отдыхать так отдыхаем? / Отдыхать, так будем (давай) отдыхать*? Здесь возможно использовать и высказывание с инфинитивами (*Отдыхать так отдыхать*), однако высказывания с личной формой глагола не так категоричны и побуждение звучит

как просьба. напоминание. Не случайно они могут произноситься с вопросительной интонацией.

ФС ***почему бы (и) не*** + **инф**., кроме основного рассмотренного значения согласия может передавать и другие значения. Во-первых, высказывания этой структуры могут указывать на намерение говорящего осуществить названное инфинитивом действие или на возможность осуществить его. Такие предложения используются, когда субъект находится в нерешительности, колеблется или когда решение пришло неожиданно. Например: *А почему бы мне не испечь пирог! Ведь сегодня праздник!; А почему бы мне не развлечься, не отдохнуть немного. Не могу же я все время работать* Союз *и* как компонент модели при этом обычно отсутствует, а субъектный распространитель, выраженный формой *мне,* напротив, присутствует.

Во-вторых, фразеологизированные предложения с компонентом *почему бы не* могут выражать побуждение – совет, предложение, приглашение или обозначать целесообразное действие. При этом типичен субъектный распространитель, выраженный личным местоимением 1-го, 2-го, 3-го лица единственного и множественного числа (*нам, тебе, вам, ему, им*). Например: *Почему бы тебе самой не написать ему* (‘Ты сама напиши ему’); *А почему бы нам не съездить куда-нибудь* (‘Давайте съездим куда-нибудь’); *Почему бы ему не поступить на курсы французского языка* (‘Ему следовало бы поступить на курсы’).

В-третьих, при диалогическом общении, в ответной реплике предложения той же структуры могут обозначать экспрессивное несогласие говорящего с собеседником, возражение на его замечание, вопрос с оттенком вызова, неудовольствия, так как говорящий считает названное инфинитивом действие возможным, допустимым, правильным. Например: *— Ты опять смотришь телевизор! — А почему бы мне и не смотреть (и не посмотреть). Разве я кому-то мешаю?; — Опять она пошла на пляж. Каждый день ходит туда! — Почему бы ей и не ходить на пляж. Ведь у нее каникулы.* (‘Она может, имеет право ходить туда, и не надо ее за это осуждать’). В этом случае, как показывают приведенные

примеры, типично наличие *и* в составе постоянного компонента (*почему бы и*...), а также компонента с субъектным значением.

Высказываниям модели ***…не такой /не так.., чтобы…*** под влиянием определенных факторов могут передавать два модальных значения. Чаще они указывает на ненужность названного инфинитивом действия: *Обида не такая серьезная, чтобы так долго помнить ее* (‘не стоит помнить обиду так долго’); *Он не такой опытный, чтобы поручать ему эту работу.* Однако высказывания, построенные по этой модели, могут также указывать на невозможность действия: *Статья те такая серьезная чтобы повлиять на мое мнение* (‘Статья не сможет повлиять…’); *Эти слухи не такие серьезные, чтобы поссорить нас* (‘Эти слухи не смогут поссорить нас’).

Семантическая неоднозначность ФС может реализоваться как «размытость» значения ФС, т.е. возможность ее двоякого прочтения. Так, высказывания структуры ***…не такой /не так.., чтобы…*** при определенном лексическом наполнении могут выражать отрицание названного инфинитивом действия, указывать, что действие не будет выполнено: *Сергей не такой упрямый, чтобы спорить с вами из-за пустяка* (‘Он не будет спорить с вами’). В то же время это значение можно интерпретировать как оттенок значения ненужности: данное лицо откажется от спора, так как в принципе, в силу своего характера, считает споры нецелесообразным действием

Фразеологизм модели ***как не*** + **инф.**, обычно выражающий значение необходимости в то же время под влиянием лексического наполнения может ослабить значение необходимости и получает оттенок желательности: *Для многих приезжающих эта канатная дорога в такой глуши в таком отдаленном горном селении – большая неожиданность и настоящая диковинка. Как не сфотографироваться на память*! (из газет). Это высказывание означает ‘хочется сфотографироваться’, а не ‘необходимо сфотографироваться’.

«Размытость» значения ФС может быть обусловлена структурным сближением двух разных по значению ФС, имеющих внешне сходные модели. Рассмотрим в качестве примера ФС, включающие местоимение *какой.* В работе

рассматриваются две структуры с этим словом в составе постоянного компонента: ***какой там*** **+ глаг. / сущ.** и ***какой это*** **+ сущ.** Они относятся к разным группам и выражают, соответственно, полное отрицание и недифференцированную оценку, ср.: – *Хороший певец, мне нравится – Какой там певец! Это студент четвертого курса, но он, действительно, хорошо поет. – Какой это певец, Голос у него есть, но петь он не умеет.* Однако в речи встречаются реализации обеих ФС без второго слова, входящего в постоянный компонент (***это*** и ***там***), и, если позицию переменного компонента занимает существительное, то возникает структура ***какой*** **+ сущ,** которую можно рассматривать как вариант и одной и другой и поэтому реализующее его высказывания вне контекста могут пониматься двояко. Так, высказывания *Какой певец!; Какие гости!; Какие подарки!* выражают либо отрицание, либо негативную оценку. Адекватное их значение проявляется в контексте. СР.: *Перед обедом я опять надел костюм и галстук. – Это зачем? – спросила матушка. – Давно ли тебе сшили куртку? – Гости будут,– тихо проговорил я. – Вот глупости! Какие гости! Надо было послушаться. Я надел куртку* (Тургенев. Первая любовь). Предложение *Какие гости!* передает в данном контексте а негативную оценку гостей, пренебрежительное отношение к ним (‘Гости не очень важные, не очень престижные’ можно не надевать новый костюм’). Ср. контекст, в котором то же высказывание передает значение отрицания: – *Вы, я смотрю, полную уборку в доме делаете? Гостей ждете? – Какие гости! Просто давно не убиралась, все времени не было. Надоел беспорядок и пыли полно.*

В следующем фрагменте высказывание модели ***какой*** **+ сущ.** выражает положительную оценку: *В Куоккале Репин увидел сюжет большой картины, который он обозначил возгласом «Какой простор!»* (из телепередачи). Однако оно может выразить отрицание или негативную оценку: *У вас, вы говорите, большой участок на даче. Наверно, просторно – Какой простор! У нас ведь семья большая. Дом большой, сарай, гараж. Детям побегать негде*

1.2.Семантическая соотносительность ФС

Семантическая соотносительность – это семантическая связь двух или более структур, как правило, одной семантической группы на основании близости или напротив, противоположности значения, в первую очередь, отношений синонимии и антонимии. Синонимия представлена в группе структур, выражающих оценку. Высказывания, построенные по моделям ***вот это*** **+ сущ. / глаг**. и ***ну и*** **+ сущ. /глаг.** относятся к недифференцированной оценке и в принципе очень близки по значению, могут взаимозаменяться при передаче как положительной, так и негативной оценки: *Вот это дождь / Ну и дождь. Мы промокли до нитки; Вот это выступление / Ну и выступление. Это настоящий успех! Надо поздравить Илью!* Первая структура более частотна, вторая встречается реже. Первая чаще используется для выражения положительной характеристики, а вторая чаще встречается при передаче негативной оценки. Различаются они и характером преобладающего эмоционального оттенка: первая при выражении положительной реакции содержит оттенок восхищения, восторга и более экспрессивна, тогда как вторая скорее всего выражает простое удивление, вызванное неожиданностью данного проявления объекта.

Две структуры, обозначающие оценку как соответствие норме (*Дом как дом* и *Дом и дом*) также можно считать синонимами с незначительными различиями, подчас трудно уловимыми. Первая структура акцентирует только обычность объекта, его стандартность, а вторая больше подчеркивает безразличное отношение самого говорящего к объекту из-за его стандартности.

Близки по значению также структуры, представляемые высказываниями (1) *Студент студенту рознь* и (2) *Бывают студенты и студенты* Они указывают на различие, разнообразие объектов одного класса и обычно могут взаимозаменяться. Различия между ними в первую очередь стилистического характера: структуру (1) можно определить как более разговорную, что связано со стилистической окраской слова *рознь*, а структуру (2) – как нейтральную.

Отношениями антонимии связаны структуры со значением оценки, например: *Вот это подарок!* (при передаче положительной оценки). – *Тоже мне*

подарок!; *Ай да помощник*! – *Тоже мне помощник!; Всем цветам цветы! – Тоже мне цветы*

Особо следует выделить вид семантической соотносительности ФС, которая отличается от рассмотренных. Назовем ее конкуренцией. Имеются в виду случаи, когда ситуация общения, контекст допускает употребление двух (или более) ФС с разным значением или с разными оттенками значения. Это могут быть структуры разных семантических групп или одной группы. Так, в ответной реплике следующего диалога можно использовать высказывания трех ФС: – *Напрасно мы купили этот букет.– Не понимаю, почему он тебе не нравится?* (1) *Чем не цветы! /* (2*) Это ли не цветы! /* (3) *Цветы как цветы.*

Возникает вопрос: «Если эти ФС выражают разные значения, почему они одинаково возможны в одном и том же контексте?». Подобные случаи объясняются тем, что они отражают особый вид семантической соотносительности предложений ФС.

Фразеологизированной структуры.. Все дело в характере ситуации, в ее содержательной и смысловой структуре. Иногда одну и ту же ситуацию можно воспринять или трактовать по-разному, можно по-разному оценить ее и, соответственно, по-разному реагировать на нее, использовав для этого разные ФС.

В приведенном выше примере с букетом даются три возможных варианта ответной реплики говорящего, желающего выразить свое мнение, отличное от мнения его собеседника. В каждом высказывании он выражает свою положительную оценку цветов и хочет показать это собеседнику, но акцентирует при этом разные смысловые компоненты: в (1) делает упор на силу убеждения, воздействия, во (2) стремится усилить истинность своего утверждения, а в (3) спокойно констатирует, что букет не выходит за рамки нормы, т.е. не хуже других.

Другой пример. В определенной ситуации общения могут использоваться как вариативные высказывания структуры ***чем не*** + **сущ.,** выражающей положительную оценку, сопровождаемую компонентом убеждения, и структуры

***это ли не* + сущ.,** имеющей типовое значение усиленного утверждения. *Ладно, куплю книгу. Чем не подарок! / Это ли не подарок*! Первая структура используется для того, чтобы убедить собеседника, склонить его на свою сторону, тогда как при использовании второй структуры убеждение в принципе не является целью, в ней на первый план выходит экспрессивно усиленное утверждение. Следует отметить также, что вторая структура может использоваться и при заполнении переменного компонента существительным с негативным значением: (*Это ли не горе!; Это ли не беда!; Это ли не безобразие!; Это ли не нарушение; Это ли не хулиган!*), тогда как высказывания *Чем не горе; Чем не беда* представляются неестественными.

Вариативное употребление разных ФС в одном контексте мы называем конкуренцией. Это не взаимозамена одной структуры другой, как при синонимии. Суть конкуренции в том, что используемые фразеологизмы не меняют свое типовое значение, они сохраняют его, но значение каждой «конкурирующей» структуры сочетается с содержанием представленной ситуации, или другими словами, данная ситуация допускает разную интерпретацию, разное ее восприятие. Употребление разных структур при конкуренции, таким образом, это не их взаимозамена вследствие семантической близости и не изменение семантики под влиянием контекста, а их параллельное употребление как выражение разной интерпретации данной ситуации.

ФС (1) *Мне не до сна* и (2) *Мне сон не в сон* значительно различаются по значению. Высказывание (1) означает затрудненность в осуществлении действия из-за внешних обстоятельств (много работы, надо куда-то идти и т.д.). Высказывание (2) означает невозможность осуществить действие из-за внутреннего состояния субъекта (болен, слишком взволнован и т.п.). Однако в некоторых ситуациях могут использоваться оба высказывания, сохраняя при этом свое семантическое отличие: *Я очень устала. У меня сейчас сессия, поэтому надо много заниматься, и я очень волнуюсь, переживаю. Поэтому* (1) *Мне не до сна /* (2) *Мне сон не в сон*. Приведенные фразеологизмы отражают разное объяснение говорящим его состояния: Высказывание (1) означает ‘не могу позволить себе

много спать’, а высказывание (2) передает смысл ‘потеряла сон от волнения, усталости’.

Случаи конкуренции, возможность параллельного употребления разных предложений ФС в одном контексте связаны с тем, что они предназначены для выражения говорящим субъективного восприятия определенной ситуации реальной действительности, обеспечивает говорящему возможность реализовать свои потребности как коммуниканта, а в этом и заключается важность их использования в процессе коммуникации.

2. **Лексикализация предложений ФС**

Класс фразеологизированных структур как системное явление синтаксиса характеризуется такими процессами, которые свойственны и предложениям свободных структур. К ним относятся вариативность построения, семантическая соотносительность отдельных ФС друг с другом. Еще одним процессом системного характера является лексикализация некоторых ФС.

Под лексикализацией будем понимать преобразрвание ФС в результате определенных изменений в лексическом представлении переменного компонента в усеченную конструкцию, сохранившую структурные контуры исходной, воспроизводимую в неизменном виде и используемую как смысловой эквивалент исходной ФС.

Выделяется два вида лексикализованных фразеологизированных образований. В одном случае переменный компонент выражается знаменательным словом с ослабленной, измененной семантикой. Таковы конструкции, образованные на основании модели ***хоть*** **+ импер.,** в которых позицию переменного компонента (глагол в форме императива) заполняет немногочисленная группа глаголов с переосмысленным лексическим значением: *хоть умри, хоть убей, хоть пруд пруди; хоть шаром покати* и др. Они были рассмотрены ранее (см. стр. 247**).**

В другом случае сохраняются слова, образующие постоянный компонент, а позиция переменного компонента либо остается незаполненной, либо

представлена служебным словом (союз, частица): *Тоже мне!; Ах ты!; Какой там!; Вот это да!; Ну и ну!; Мало ли что!; А что мне!* (*Мне что!*); *Только и всего!; Где уж тут!; Куда уж тут!; Куда уж мне!; Почему бы и нет!; Не до того*

Такие синтаксические фразеологизированные конструкции, закрепились в языке и воспроизводятся в речи в неизменном виде. Они служат для выражения того же субъективного значения, что и соответствующая исходная ФС, однако их значение является более обобщенным, отвлеченным от конкретного действия или объекта, так как лексикализованная конструкция лишена свободного лексического наполнения. Конкретный объект или действие, к которому относится выраженное в ней отношение, названо в предшествующем контексте или ясно из ситуации.

Ср.: – *С фабрики приезжайте обедать. – Нет, уж поздно будет.* ***Где уж… Куда уж***…(Работнику) *Вот что, притащи-ка мне, любезный, рюмку водки в самом деле.. Ну, честь и мне, господа..* (Чехов. Дядя Ваня) *Нестеров долго не верил в себя как портретиста. Он говорил: «Вот бы заняться мне этим лет 30 назад.* ***Куда мне!*** *Что я могу, если есть Серов.* (Этюды об изобразительном искусстве). В обоих примерах выделенные конструкции выражают модальное значение невозможности, затрудненности. Они оформились за счет преобразования структуры **«*где/куда* + кому + инф.».** а конкретное действие, которое имеется в виду (в первом случае – *приезжать к обеду* и во втором – *быть хорошим портретистом, создавать хорошие портреты*) ясно из предшествующего контекста. Ср также: *Ток шоу всегда будут пользоваться популярностью!* ***Куда без них!*** *Самые массовые и популярные – это «Пусть говорят!» и «Честный понедельник»* (из газет); – *Графиня Орлова будет рада видеть вас у себя на Салоне. –* ***Вот так так!*** *Она уже Салоны устраивает* (из кинофильма).

Лексикализованные конструкции позволяют кратко выразить примерно то же субъективное отношение, что и соответствующая ФС, но лишены содержательной конкретности, поэтому в них преобладает эмоциональный

компонент отношения. Этим объясняются случаи совместного использования в одном контексте лексикализованной конструкции и полного высказывания той же ФС. Они дополняют друг друга и усиливают эмоционально-рациональный смысл передаваемого отношения, ср.: ***Вот это да! Вот это был забег!*** *Мы стали свидетелями нового Олимпийского рекорда!* (из телерепортажа).

ВЫВОДЫ

Содержащийся в главе анализ каждой структуры класса – это важный и необходимый этап комплексного исследования предложений ФС. Если в главе 2 было показано единство предложений ФС, обусловленное наличием общих для всех основополагающих признаков, то в главе 3 ставится цель выявить конкретную реализацию этих общих признаков в каждой отдельной структуре класса. Класс включает значительное количество единиц, и все они индивидуальны, неповторимы с точки зрения их построения, семантики и функционирования.

Индивидуальное рассмотрение каждой фразеологизированной структуры, когда они представлены и объединены в один класс, анализ каждой как единицы общего класса, на фоне других, в сопоставлении с ними, т.е. системное рассмотрение, оказалось более результативным и обладающим большей объяснительной силой, чем анализ каждой как отдельной, замкнутой структуры, вне связей с другими. Включение ФС в класс, рассмотрение в классификации уже само по себе является важной их характеристикой и позволяет дать более объективное и полное их представление. Кроме того, такой анализ языковых единиц соответствует общей тенденции современной лингвистики, ориентирующейся на изучение всех единиц языка в связях и отношениях, о чем уже было сказано ранее.

Все структуры характеризуются своей собственной семантикой, выражая конкретное значение или оттенок общего классификационного значения группы, к которой относится данная структура. Структуры могут отличаться также прагматическими условиями употребления, связанными, например, с

личностными особенностям или статусом говорящего и адресата как участников процесса общения. Индивидуальность структуры может быть закреплена коммуникативной ситуацией, для которой предназначена данная ФС.

Анализ показал, что ФС, как правило, семантически емки, сложны, Мыслительные модели, закрепленные в ФС, могут строиться по принципу градации (восходящей или нисходящей), представлять собой свернутые диалогические единства, некоторые структуры характеризуются наличием второго информационного плана, совмещением информации.

Показательно, что свойство фразеологичности касается не только простого предложения, но и сложного – одной его части или всей структуры. Интересны также структуры, фразеологичность которых создается за счет введения парентезы – вставной конструкции.

Семантическая сложность, ёмкость фразеологизированных предложений отражает сложность мышления, связь языка и мышления, поэтому в них может быть сказано больше, чем выражено вербально.

Рассмотрение всех структур в их индивидуальности и уникальности углубляет и дополняет семантическую классификацию. Это позволило представить значительное содержательное пространство, которое охватывают все ФС в совокупности, представить то разнообразие субъективных интеллектуально-эмоциональных и рациональных реакций, которые выработаны и закреплены в языке и, следовательно, требуются говорящей личности в процессе общения, способствуют его правильной организации, содержательности и согласованности.

Каждая структура класса проявляет свою самостоятельность, индивидуальность по-разному и в разной степени, но всегда в строгих рамках устойчивости и воспроизводимости, при сохранении общности признаков, объединяющих все ФС в класс. Таким образом, анализ индивидуальных особенностей каждой структуры еще раз подтвердил системный характер предложений ФС, а также действенность разработанных теоретических принципов их исследования.

ГЛАВА 4

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики, ставящая в центр внимания язык в его связи с человеком как создателем и пользователем языка, означает, что языковые единицы, факты языка следует изучать с позиций лингвистики общения. В связи с этим важнейшую часть комплексного исследования предложений фразеологизированной структуры в работе составляет их функционально-коммуникативное исследование, которому посвящена данная, глава. Ставится задача определить роль ФС в речевом и коммуникативном процессе с целью исследования их коммуникативного потенциала.

Рассмотреть коммуникативный потенциал ФС – это значит проанализировать условия использования их как звена в успешном общении. Важно выявить возможности говорящего для наиболее полного удовлетворения с помощью ФС его коммуникативных потребностей, интенций, для достижения поставленных целей. Следует определить закономерности употребления ФС в различных ситуациях общения, способствующие его эффективности и согласованности, а также условия, которые следует помнить говорящему, чтобы неверное использование ФС не привело к коммуникативной неудаче.

Исследование роли ФС в речевой и коммуникативной деятельности человека осуществляется с учетом их синтаксической и семантической природы, с позиций функционально-коммуникативного похода и включает две взаимосвязанные стороны, находящиеся в отношениях дихотомии.

С одной стороны, ФС предназначены для выражения субъективной модальности, передают интеллектуально-эмоциональное отношение говорящего к содержанию информации, его смысловую реакцию, поэтому семантическая специфика их заключается в том, что они используются непосредственно в содержательной части речи (а не как «рамочные» или «регулирующие» языковые средства, как например, средства языкового этикета или клише участника

коммуникации). Это может быть или монологическая речь, или диалогическая форма речевого общения. Это обусловливает необходимость и целесообразность проследить, как предложения фразеологизированной структуры связаны с содержательной структурой текста, какова их роль в его смысловой организации.

С другой стороны, ФС как синтаксические единицы с фатической функцией проявляют свой специфический коммуникативный потенциал в непосредственной коммуникации, в речевом и коммуникативном взаимодействии людей. Таким образом, коммуникативное исследование ФС предполагает выход исследовательского внимания за рамки текста, переход от рассмотрения ФС во внутриязыковой и содержательной структуре текста к их исследованию в динамическом коммуникативном процессе, т.е. в дискурсе, который в самом общем приближении понимается как текст (совокупность текстов), связанный с экстралингвистическими факторами.

Таким образом, определение коммуникативного потенциала ФС включает решение двух взаимосвязанных задач – определение роли ФС в содержательной, в смысловой организации текста общения и рассмотрение их в коммуникативном процессе, в дискурсе.

Дискурсивный анализ не отрицает значения и возможностей анализа текста при исследовании коммуникативного процесса и коммуникативных возможностей тех или иных языковых единиц. «Исходным для анализа дискурса является анализ текста» [Чернявская 2013: 126]. Это означает, что установление текстовой связности – первый и начальный этап, а установление дискурсивной связности – следующий этап» [Чернявская, там же]. Следовательно, текст не противостоит дискурсу, но сосуществует с ним. Анализ текста и дискурсивный анализ следует расценивать как разные этапы общего функционально-коммуникативного анализа, дополняющие один другой.

Часть первая

Функционирование предложений фразеологизированной структуры в тексте

Текст является объектом исследования разных наук. В работах М.М. Бахтина охарактеризованы многие признаки текста, и текст понимается широко, как «первичная данность (реальность) и исходная точка любой гуманитарной дисциплины» [Бахтин М.М. 1997: 306]. Естественно, текст активно исследуется в лингвистике. Для лингвистов текст интересен как объект исследования сам по себе. «Текст – важнейшее лингвистическое понятие, в котором сходятся основные параметры языка и речи» [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 708]. Оформился самостоятельный раздел «Лингвистика текста», где текст исследуется в разных аспектах и с разных точек зрения.

Интерес к изучению текста тем более сохраняется в современной лингвистике, когда важным направлением является изучение языка как средства общения. Текст – это важный элемент коммуникативной системы, важная коммуникативная единица. Не случайно современные лингвисты уделяют большое внимание его изучению и анализу. Впрочем, в отечественной лингвистике текст традиционно осознавался в его связи с коммуникативной функцией языка. Лингвисты всегда признавали, что «реальным коммуникативным средством общения между людьми является не столько отдельное предложение, сколько значимая их совокупность» [Николаева 1978].

Термин «текст» очень многозначен и используется по-разному в обиходе, а также в профессиональном употреблении. Если говорить о специфически лингвистическом употреблении этого термина, то следует отметить, что в языкознании этот термин также не получил еще однозначного понимания и, соответственно, имеются разные его определения. Можно отметить, однако, что многие из них не столь противоречат одно другому, напротив, сближаются в выделении основного признака текста, указывая, что текст представляет собой

определенное содружество предложений. Распространено также такое понимание текста: это «объединенная смысловой связью последовательность речевых единиц, высказываний, абзацев, разделов и т.д.» [Русский язык. Энциклопедия, 1979: 348]. Приведенное определение текста можно считать универсальным, обобщенным. И.Р. Гальперин дает глубокую дефиницию целого текста (макротекста), включая в нее большое количество текстообразующих категорий [Гальперин 1981: 18]. Существуют и другие, более конкретные и более узкие толкования, обусловленные направлением и задачами исследования, цель которых отразить определенные стороны этого сложного объекта.

В работе будем исходить из следующего определения: текст – это «содержательное единство, структурированное и потенциально интерпретируемое целое» [Чернявская 2013: 14]. Это определение отражает такие базовые свойства текста, как его связность и целостность и рассматривает его как коммуникативную единицу.

Текст можно изучать в разных направлениях: 1) либо исследовать сам текст как результат смысловых интенций, определяя, как построен или как построить текст, каковы особенности текста и т.д. 2) либо исследовать, как текст взаимодействует с типами предложений, с конкретными высказываниями, входящими в него, прослеживать, как он влияет на них, как взаимодействуют текст и входящие в него языковые единицы.

Показательно в этом отношении, что О.И. Москальская в книге «Грамматика текста», наряду с такими аспектами изучения текста, как «Семантика текста», «Композиция текста», специально выделяет главу «Аранжировка предложений в тексте», в которой рассматривается предложение как единица текста: позиция, роль предложений, компрессия и взаимодействие предложений в рамках текста [Москальская 1981: 145 – 163]. С.Г.Ильенко также анализирует текстообразующие потенции предложения [Ильенко 1981].

Для целей нашего исследования актуально сочетание того и другого направлений исследования. Текст отражает функционально-коммуникативные возможности языковых единиц, а для правильного использования их в речи, в

коммуникации необходимо знать логико-смысловые особенности, закономерности построения текста или текстового фрагмента с теми или иными языковыми единицами.

Следует обратить внимание на то, что характер связи, взаимодействия предложения и текста может быть различен для разных типов предложений. В данном случае имеется в виду противопоставление в этом отношении предложений свободных синтаксических структур, с одной стороны, и предложений фразеологизированных структур – с другой. У структур второго типа связь с текстом более тесная и разносторонняя, она проявляется в разных аспектах. Фразеологичность структуры определяет ее более тесную и специфическую связь с контекстом и шире – с текстом, чем структур свободного построения. ФС выполняют в языке и речи специфические функции, и текст, в свою очередь, играет важную роль в «жизни» фразеологизированных структур, в их функционировании. Взаимосвязь текста и ФС реализуется в том, что с одной стороны, текст должен быть организован так, чтобы его смысловая и логическая сторона обусловливала возможность включения в него данной ФС. С другой стороны, сама ФС является важным звеном текста, дополняющим его. Использование ФС делает текст, т.е. речь говорящего, более насыщенной в смысловом, коммуникативном и эмоционально-экспрессивном отношении. ФС, таким образом, являются текстозависимыми, текстообусловленными и в то же время текстообразующими синтаксическими единицами.

Процесс анализа функционирования ФС в тексте (методика этого анализа, если можно так выразиться), включает два этапа, которые в их взаимосвязанности и последовательности можно образно представить следующим образом: сначала текст, включающий ФС, мы как бы раскладывает на содержательные и смысловые части, извлекаем ФС из текстового окружения, чтобы яснее увидеть ее место и роль в тексте, связь с ним, а затем формулируем правила, закономерности включения ФС в текст (а следовательно в речь), т. е. как бы «отправляем» ее в текст, где она будет адекватно функционировать.

Связь ФС с текстом проявляется как в тексте-диалоге, который строится в процессе речевого взаимодействия двух и более коммуникантов, так и в монологическом тексте, Термином «текст» мы будем обозначать также и фрагмент текста (текстовый фрагмент, смысловой фрагмент), относительно законченный в смысловом отношении. Цель текстового фрагмента сводится к тому, чтобы наиболее эффективно интегрировать некое содружество предложений, подчиненных одной теме, подчиненных организации и выражению одного смыслового единства.

Всякий текст линеен. Линейность (сукцессивность) – общий признак текста, проявляющийся в его постепенной развертываемости [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 707]. Смысловая организация текста (микротекста) – это соединение ряда высказываний, «имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [там же: 708]. Это в полной мере проявляется в смысловой организации текста, включающего ФС. Говорить одними ФС нельзя, трудно. Обычно ФС не начинают речь, текст, такое начало может быть непонятным, нелогичным. Они используются «в связи с чем-то», «по поводу чего-то». ФС – это реакция на сообщение или ситуацию, а не само сообщение. ФС сопровождают высказывания информативного плана. Чтобы сказать *Какой это был концерт!*, необходимо сначала что-то сообщить о посещении концерта, или услышать вопрос от собеседника о качестве концерта. Если сказать *«Какой это был концерт!*», тогда как до этого речи о концерте не было, то собеседник вынужден будет спросить: «*Ты о чем говоришь, о каком концерте*?». Ср. естественное высказывание: *Вчера я был в консерватории на концерте. Какой это был концерт! Я рад, что попал на него.*

Этот простой пример доказывает тесную смысловую согласованность соседствующих предложений в тексте и показывает зависимость места предложений фразеологизированной структуры от общего содержания текста и от информативного содержания других предложений, входящих в него.

При смысловом, системно-статическом рассмотрении текста с целью определения особенностей функционирования включенных в него ФС, в центре

внимания находится текстовая категория целостности (когерентности). Текст определяется как «когерентная (связная) последовательность предложений» [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 706]. Применительно к вопросу функционирования ФС ставится задача рассмотреть логико-смысловую структуру текста (текстового фрагмента), включающего ФС, и определить роль ФС в создании текста либо, напротив, подчиненность ФС логико-смысловой организации текста, его смысловой правильности.

Смысловая структура текста, содержащего ФС, обычно включает минимум три части. Первая часть начинает речевой эпизод: вводит в тему, в ситуацию, являющуюся объектом речи, общения; это может быть предложение-высказывание разного коммуникативного назначения – повествовательное, вопросительное, побудительное. Одним словом, это информация, являющаяся основанием для последующего использования ФС. Она должна быть такой по содержанию, чтобы последующее фразеологизированное предложение было уместно и было понято.

Следующая часть текстового фрагмента центральная. Она содержит ФС, который является позиционно релевантным. Фразеологизированное предложение выражает отношение говорящего к информации первой части, дает ее субъективную интерпретацию и тем самым продвигает речевое действие. Поступательное движение информативного содержания продолжается в третьей части. Ее цель – аргументировать, пояснить, уточнить, может быть, развить, дополнить мнение говорящего, концентрированно выраженное в ФС, и тем самым в определенном смысле содержательно завершить данный речевой эпизод и открыть возможность для перехода к следующему смысловому фрагменту общей темы, к следующему этапу речевой деятельности.

Следует иметь в виду, что содержание первой, вводной части текста зависит от значения ФС. При этом важно учитывать и типовое (общее) значение ФС и индивидуальные смысловые компоненты, дифференцирующие типовое значение, определяющие конкретное значение данной ФС. Высказывания одной семантической группы, выражая разные варианты общего (типового) значения,

могут различаться также типичным контекстом употребления. Например, для многих ФС со значением оценки началом служит простое сообщение о факте, который затем оценивается (ср. приведенный выше пример о концерте). Если же оценка включает дополнительный смысловой компонент, то он должен присутствовать в контексте. Например, высказывание *Всем пирогам пирог*, содержащее компонент сравнения и превосходства над аналогичными объектами, предполагает отражение этого оттенка в контексте. Ср.: *Вчера в гостях я ела пироги. Они были очень вкусные и красивые. Я таких никогда не ел. Всем пирогам пироги!* Второе и третье предложения опустить нельзя. Однако другой ФС оценки можно использовать в этом контексте и без среднего звена: *Вчера в гостях я ела пироги. Вот это были пироги*!. Смысл превосходства может быть выражен одним словом, например: *Мне* ***очень понравились*** *пироги. Всем пирогам пироги, Вчера я ела в гостях* ***чудесные*** *пироги. Всем пирогам пироги!*

В смысловом контексте другой ФС со значением оценки ***чем не*** **+ сущ.** ей должна предшествовать информация о мнении собеседника или других лиц, отличающемся от мнения говорящего, или указание на сомнение этих лиц: *– Мне не нравится этот фильм. Глупый какой-то. – Напрасно ты так думаешь. Это ведь комедия, причем в нем много тонкого юмор. Чем не фильм*! Одним словом, в контексте должен быть информационный повод для использования данной ФС..

Поводом для использования данного высказывания может быть сомнение самого говорящего, что возможно, например, при размышлениях самого говорящего (внутренний монолог-рассуждение): «*Многим фильм не понравился. А я посмотрела с удовольствием. Тонкая, смешная комедия. Чем не фильм*!» *– думал Михаил, возвращаясь из кинотеатра*. Одним словом, в контексте должен быть информативный повод для использования данной ФС, включающей компонент убеждения.

Первое смысловое звено (вводного содержания, называющее ситуацию) может быть эксплицитно не выражено, если всё ясно из ситуации, которую непосредственно наблюдает говорящий и его собеседник. Тогда текстовый фрагмент начинается непосредственно с оценки объекта. Для некоторых ФС такое

использование характерно. Так, ФС ***Ай да* +сущ.** и ***Ох уж эти мне* + сущ.** обычно выражают непосредственную реакцию на наблюдаемое, только что увиденное или услышанное, на действия какого-либо лица. Тогда предшествующее высказывание, называющее причину использования ФС, отсутствует, например: *Ай да помощник! Я бы без тебя не справилась*; *Ох уж эти мне мальчишки! Ну что мне с ними делать*?; *Ай да умница! Когда ты все успел сделать*?

Однако и эти высказывания нередко предваряются информацией, объясняющей причину, побудившую говорящего к оценочному высказыванию: *Таня, ты убрала комнату, везде так чисто. Ай да умница!; Ну вот! Как всегда, все игрушки разбросаны и кровать не убрана. Ох уж эти мне мальчишки!*

Фразеологизированным высказываниям со значением отрицания должно предшествовать высказывание, содержание которого обусловлено характером отрицания. Для высказывания со значением полного отрицания, отрицания самого факта это может быть вопрос о выполнении действия или сообщение говорящего о желаемом, планируемом: *– Ты прочитал роман? – Какой там прочитал! Он очень длинный, дочитал только до середины; Думала в праздники прочитаю этот роман. Какое там прочитала! Только начала читать. Ходила в театр, друзья приходили*.

Высказываниям со значением отрицания определенного аспекта действия (частное отрицание) предшествует вопрос о причине невыполнения действия или вопрос о намерении выполнить действие: *– Почему ты не прочитал роман? – Когда мне было читать, я была очень занята. / Зачем мне его читать! Он не входит в программу; – Ты будешь читать этот роман? – Когда мне его читать! Я очень занята / Зачем мне его читать! Он не входит в программу.*

Высказывания типа *Дети есть дети; Порядок есть порядок*, означающие принятие объекта с его определенными признаками, обычно неожиданными, второстепенными, допускают множество предшествующих контекстов, в силу того, что каждый объект обычно включает множество таких признаком. Главное, чтобы это был признак объекта, который, по мнению говорящего, следует принять как отвечающий характеру обсуждаемого объекта. Этот признак может

содержаться в реплике собеседника при диалогическом общении (пример 1) или в реплике говорящего, как смысловое звено его рассуждений (примеры (2) и (3):

1) – *Какие невоспитанные дети. Бегают, шумят. – Дети есть дети! Не ворчи, они ведь устали сидеть в классе, и сейчас им просто необходимо подвигаться. Это для них отдых*;

2) – *Напрасно я разозлилась на Машу. Дети есть дети. Все они иногда шумят;*

3) *Он молчаливый и немного странный. Но это можно понять. Талант есть талант! Талантливые люди часто не похожи на остальных. Хотя это может не нравиться окружающим.*

Так как данная ФС означает принятие объекта во всей его данности, она может следовать за указанием именно этих качеств: *Новая его картина просто замечательная. Да это и естественно. Талант есть талант.*

Смысловая структура контекста может быть обусловлена также семантической емкостью ФС, тем, что в них содержится больше, чем эксплицировано, и они сами указывают на семантические компоненты коммуникативной ситуации. Например, выказывание *Нет бы мне сначала поговорить с ней!* называет целесообразное действие, которое следовало совершить для правильного разрешения проблемы, но которое не было реализовано. Это определяет характер предшествующего высказывания: оно обычно называет совершенное говорящим другое, неверное действие, не приведшее к нужному результату, например: *Напрасно я поверила отзывам других. / Зря я так опрометчиво поступила по отношению к ней./ Зря я сразу подписала ее заявление об уходе./ Напрасно я сказала, что не хочу ее видеть* и т.д.

Другой пример. – *Не могу я ничего объяснять и идти к нему не могу. – Глупенькая! Мало что бывает. Пошли вместе.* В ответной реплике пропущено, не выражено словами логическое звено типа *Напрасно ты так настроена, не думай так.* Такие пропуски характерны для общения. И смысловая емкость ФС позволяет таким образом строить общение. Одно из положений теории речевой деятельности указывает, что «речемыслительные структуры и языковые

конструкции не изоморфны; существуют эксплицитные и имплицитные способы выражения смысла». [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 565].

Эта особенность речевой деятельности довольно четко проявляется также в ФС ***хоть*** **+ импер.** (*Хоть уходи с работы*). Эта структура кроме основного значения целесообразности включает компонент оценки ситуации, поэтому высказывания этой модели могут использоваться, если говорящий хочет просто описать свое положение, ситуацию, в которой он оказался, начав ответную реплику диалога непосредственно с фразеологизированного предложения, не давая вводное предложение: – *Как складываются у тебя отношения с начальником на новой работе? – Хоть уходи с работы!*

ФС ***чтобы*** **+ кто + глаг**. подразумевает определенную черту лица или признак ситуации, и хотя он эксплицитно не выражен, но легко «прочитывается». Когда о ком-то говорят *Чтобы он что-нибудь перепутал или сделал не вовремя*!, ясно, что речь идет об аккуратном, добросовестном человеке, хотя сама ФС имеет значение невозможности.

Известно, что для речи, для общения характерно стремление к краткости, к экономии языковых средств, в том числе и за счет пропусков того, что и так понятно, о чем адресат может догадаться. Линейность текста (текста речевого общения) сочетается с ее нарушением в плане содержания – «прорывами» в прошлое и будущее. Всякий текст связан с действительностью, и это определяет категорию референции текста [Культура русской речи: Словарь-справочник. 2003: 707]. ФС, в которых зафиксированы сложные мыслительные построения, с пропуском логического звена, которое ясно, просматривается, в которых больше выражено, чем произнесено, когда важнее не то, что сказано, а то, что «скрыто», очень удобны для вербального оформления текста общения и прекрасно согласуются с этой чертой общения.

Анализ характера взаимосвязи ФС и текста и роли текста в функционировании ФС еще раз подтверждает мысль о том, что следует различать компоненты значения, которые входят в типовое значение

фразеологизированного высказывания, и те компоненты, которые содержатся в окружающем коммуникативном контексте, в пропозиции. Высказывание *Нет бы тебе позвонить ему*! подразумевает наличие (в явном или невербализованном виде) мысль типа ‘Ты не позвонила’, однако само высказывание этого не выражает, оно выражает мысль ‘Тебе следовало позвонить’. Другими словами, не следует вносить в значение ФС структуры то, что непосредственно не выражено ее компонентами и лексическим наполнением свободного компонента, то, что содержится в окружающем тексте или в описываемой, подразумеваемой ситуации.

Подробнее следует остановиться на построении центральной части, т.е. той, которая включает ФС. Она вполне может состоять из одного предложения, т.е. самой ФС, но может быть и более развернутой. Довольно характерной особенностью текстовой структуры, включающей фразеологизированные высказывания., является использование последовательностей из двух или трех высказываний, одно из которых является ФС, а окружающие ее, по сути, повторяют ее содержание, но имеют другую структурную организацию: *У Кати возникли трудности, она меня просила прийти, помочь ей, ждала меня.* ***Как было не пойти! Я должен был пойти****; Ты спрашиваешь, купил ли я эту книг.* ***Какой там купил! Конечно, не купил.*** *Книга закончилась*; *Нравится ли мне этот актер****? Самый обычный, ничего особенного. Актер как актер. Таких много***.

Такие повторения отмечает В.Г. Гак и считает их типичным приемом организации речи, выражающей эмоциональное состояние говорящего, содержащих эмоциональный компонент. Правда, он рассматривает в первую очередь случаи лексических повторов (*Я невеселая, скучная; Шляпа измятая, дырявая, с оторванными полями*), но приводит и случаи синтаксических повторов (*Она играла изумительно! Один восторг! Чудно играла*) [Гак 1996: 5].

Особенностью речевого общения является то, что высказывания говорящего ориентированы на слушающего, и у говорящего может возникнуть желание или потребность усиления иллокутивной силы высказывания, или его эмотивной силы. В.Г. Гак отмечает, что путем усиления воздействия является обращение к

разуму слушающего, что наблюдается, в частности, при использовании более сильного слова из синонимичных или повторения [Гак 1996: 5].

Прямые повторы редки, обычно используется варьирование обозначения. В. Г. Гак называет такие вариативные ряды эмотивными блоками. Характеризуя принцип построения таких блоков, он отмечает, что здесь обычно проявляется принцип триады, что варьирование начинается с более нейтрального и идет по линии усиления.

В случае с ФС мы наблюдаем именно такое варьирование, которое создает информативно-эмотивные блоки. Блок строится по принципу полного или частичного варьирования, хотя сам принцип организации таких блоков может меняться: ФС нередко предшествует ее нейтральному варианту, и тогда последующее высказывание может быть дополняющего, уточняющего, развивающего характера, а повторение не обязательно включает три высказывания: *Ты купил чудесные цветы. Всем цветам цветы! Они прекрасны! Я таких раньше не видела*; *– Я на тебя и суд найду! – Суд? Что ты, в уме ли? А судиться так судиться! Ты думаешь, я испугалась? Давай судиться. Подавай на меня просьбу! Я ответ найду!* (А. Островский. Женитьба Бальзаминова).

Варьирующее высказывание, может и предшествовать ФС: *Иванов победил. Хороший спортсмен. Вот спортсмен так спортсмен!*; *Ты сомневаешься в его аккуратности? Напрасно Он очень пунктуальный человек. Чтобы он когда опоздал! Такого не бывает.* В таких случаях благодаря использованию блока идет «нарастание» эмоциональности, сила убеждения увеличивается. Текст поддерживает ФС, усиливает ее воздействие.

Говорящий под влиянием нахлынувших чувств развивает свое мнение, «нанизывает» все новые детали к данной мысли. Кроме нанизывания может использоваться противопоставление (*Чтобы он когда опоздал! Такого не бывает. Это вам не прежний ваш сотрудник*) или дается аргументация (*Почему вам не нравится молодой человек, жених вашей дочери? Чем не жених! Серьезный, ответственный, умный, из хорошей семьи, дочь вашу так любит*).

Для правильной смысловой организации текста с ФС не менее важно содержание последующего высказывания. Обрывать смысловой фрагмент на ФС нередко бывает так же неестественно, как и начитать с нее. В некоторых ФС необходимость продолжения заложена в самой его модели. Например, как уже отмечалось, ФС ***чтобы*** **+ кто + глаг**. требует после себя дополнительного выражения значения невозможности, например: *Чтобы он кому нагрубил! Никогда!* (*Ни за что; Что вы!; Это исключено; Такого не бывает* и др.).

В чем же роль последующего высказывания? Оно может содержать аргументацию, дополнение, развитие содержания ФС: *Я совсем не отдохнул за эти дни. Когда мне было отдыхать! Все время приходилось выполнять какие-то домашние дела, потом возился с машиной; Не злись на ребят, пусть они побегают, пошумят. Дети есть дети. Для них движения необходимы, в движении они лучше развиваются, крепнут; Проблемы проблемам рознь. К некоторым надо подойти серьезно, а к другим отнестись с юмором.* Аргументация поясняет слушателю позицию говорящего. Этим говорящий выполняет одно из стратегических правил общения – проявлять уважение к собеседнику, учитывать интересы слушателя.

Следующий пример содержит фрагмент научно-популярной статьи из журнала: *Рассказ Платона Афинского о мифическом государстве Атлантида, который он записал с устного повествования жрецов богини Нейт в Египте, уже давно будоражит умы исследователей. Куда только его не помещали! Однако постепенно взоры историков и геологов обратились к Эгейскому морю, к острову Санторин, расположенному к северу от о. Крит, примерно в 120 км.* Данный фрагмент прекрасно демонстрирует типичное построение текста: в первой части дается вводная информация, напоминающая читателям об истории возникновения интереса к Атлантиде, центральная часть, развивает тему (вопрос «будоражит умы исследователей»), выделяет с помощью высказывания ФС один конкретный вопрос общей большой проблемы (о местонахождении мифического государства), третья, завершающая часть подводит некоторый итог спорам

исследователей и приводит современное решение вопроса о местонахождении Атлантиды.

Некоторые ФС по происхождению можно соотнести с вопросительными предложениями или с ответными репликами диалогического единства : *Чем не радость!; Но что самое приятное, так это речка и лес в ста метрах от дома; Без чего мне особенно трудно, так это без близких друзей; Это ли не удача»; До развлечений ли мне сейчас; Купить-то словарь я купила, но он неполный.* Включение таких высказываний в монологическую речь создает имитацию диалога, обращения к собеседнику. Известно, что говоримая речь строится с учетом психологии слушателя. В частности, когда говорящий чувствует или опасается, что внимание к его сообщению падает, он может использовать такие высказывания. Их цель привлечь внимание слушателя, оживить общение.

Тесная связь ФС и текста подтверждается также следующим фактом. Семантика ряда ФС такова, что они предназначены быть частью текста, его содержательным звеном. Их смысл вытекает из содержания предыдущей реплики и в то же время является мотивом для продолжения речи, развития или завершения смыслового фрагмента. Так, высказывание *Добро бы фильм был талантливый, а то очередной детектив* – это звено в рассуждениях говорящего по поводу полученной информации, выражающее его непонимание или несогласие, сопровождаемое эмоцией удивления, недоумения. За этим высказыванием может следовать продолжение, содержащее, например, аргументацию. Ср. возможный текстовый фрагмент, подсказываемый данным фразеологизированным предложением: *Зачем ты второй раз смотришь этот фильм? Я не понимаю. Только время зря тратишь Лучше пойди погуляй Добро бы фильм был хороший, а то очередной детектив. Если фильм содержательный или талантливый, тогда, конечно, можно еще раз посмотреть.* Ср. также высказывания других ФС, которые изолированно, без текста не функционируют и которые подтверждают тезис о текстообразующей роли ФС: *Нет бы покупателю внимательно изучить текст договора!; Не обращаться же за помощью в суд по каждому конкретному случаю нарушений!*

Другой характер связи ФС и текста характерен для ФС, неоднозначных по значению. В таких случаях текст играет важную уточняющую роль: смысловые ориентиры текста позволяют адекватно понять их содержание и эмоциональную окраску. Таковы, например, структуры недифференцированной оценки. Предложения моделей ***вот так*** **+ сущ./глаг.**(*Вот так спортсмен!; Вот так решение!),* ***что*** **+** ***за*** **+ сущ.** (*Что за погода!; Что за сосед*!; *Что за закон*!)**,** ***какой*** **+ (*это*) сущ.** (*Какая это помощь!; Какой это певец*!; *Какой это праздник*!) могут быть однозначно поняты только с опорой на текст. Определить характер оценки помогает сопряжение смыслов окружающих предложений. Ср.: *Вот так спортсмен! Опять показал прекрасный результат! – Вот так спортсмен! Даже не смог закончить дистанцию*. или: *Что за погода! Весь день дождь и сильный ветер, даже на улицу выходить не хочется – Что за погода! Солнышко, тепло, так и тянет на природу, в парк.*

Текст играет важную роль для понимания многозначных структур, так как без текста они допускают неоднозначное прочтение. Так, высказывания модели **инф. +** ***так*** **+ инф.** (*Работать так работать; Отдыхать так отдыхать*) могут быть поняты и как согласие и как призыв, побуждение качественно выполнять названное действие, и как «подталкивание» к началу действия. Чтобы использовать высказывание ФС в нужном значении, говорящий включает его в определенный контекст, т.е. выстраивает соответствующий ряд взаимосвязанных предложений. Ср. текстовое использование высказывания *Отдыхать так отдыхать*!: (1) *– Предлагаю закончить работу. Может, перенесем остальную работу на завтра? Пора отдыхать. – Я не возражаю Отдыхать так отдыхать! Продолжим завтра; (2) Не утруждайте себя покупкой продуктов и хлопотами на кухне в праздничный день. Отдыхать так отдыхать! Приходите в наш ресторан. Мы позаботимся, чтобы вы прекрасно провели праздничный вечер.* (3) *Ты предложила отдохнуть, а сама продолжаешь мыть посуду. Оставь тарелки и чашки. Отдыхать так отдыхать! Потом закончишь.*

Именно текст актуализирует то или иное значение многозначного фразеологизма, поэтому в данном случае можно говорить о текстовой зависимости фразеологизированных структур.

В то же время текст может не только поддерживать значение ФС, но и сглаживать определенные его семантические нюансы. Не случайно говорят о важной роли контекста в оформлении значения. Например, компонент «убеждение», характерный для структуры ***чем не*** **+ сущ.,** в определенном контексте может ослабляться и проявляется лишь как усиление типового значения структуры – положительной оценки. Ср.: *Меня восхищает этот молодой человек. Такой смелый, волевой.* ***Чем не герой кинофильма или романа!*** Смысл выделенного предложения можно передать так: ‘Он настоящий герой для кинофильма или романа’; ‘Он похож на героя фильма или романа’ Компонент убеждении здесь ослаблен, так как в содержании контекста отсутствует другое мнение или сомнение самого говорящего.

Другой пример. Компонент «вынужденность, внутреннее сопротивление, нежелание», которое сопровождает обычно значение согласия в ФС **инф. + *так* + инф.** (*Ехать так ехать, Подождать так подождать*) также может ослабляться под влиянием контекста: *Вы предлагаете мне туда поехать? Хорошо. Поехать так поехать. Проверю, как там идут дела у наших коллег.*

Таким образом, проведенный анализ доказывает, что для исследования коммуникативного поведения, коммуникативных возможностей ФС важно исследовать связь ФС и текста, взаимодействие ФС с текстом. Проведенные наблюдения показывают тесную и разнообразную связь текста с входящими в него ФС, многоплановость и взаимность этой связи. Использование в процессе коммуникации ФС влияет на построение текста, определяет его смысловую структуру, так как ФС связан и с предшествующим и с последующим высказываниями, а следовательно выявляются определенные закономерности включения ФС в коммуникативный текст.

Часть вторая

Функционирование предложений фразеологизированной структуры в коммуникативном процессе

1. Дискурс и дискурсивный анализ

Рассмотрение того, как используются фразеологизированные предложения в непосредственном речевом общении, в коммуникативном процессе – это второй этап функционально-коммуникативного исследования, дополняющий, углубляющий их текстовый анализ.

Коммуникативный процесс является основным объектом изучения в теории общения. Он осмысляется ею как сложное речевое действие, комплексное проявление речевой деятельности. Теория общения сформировалась и развивается как комплексная дисциплина, использующая положения как собственно лингвистики, так и смежных дисциплин, так или иначе связанных с изучением человека, – психолингвистики, социолингвистики, прагматики, когнитивистики. и др. Теория общения тесно связана также с вопросами, которыми занимаются такие лингвистические дисциплины, как стилистика, риторика, лингвистика текста. Соответственно, коммуникативный процесс (процесс общения) исследуется с опорой на идеи, положения этих смежных наук и с использованием достижений, результатов, полученных в этих отраслях научного знания, что помогает глубже понять роль человека в языке, а также сам язык, жизнь языка.

Суть и содержание проблематики, которая изучается в теории общения при исследовании коммуникативных процессов заключается в емкой формуле: ***кто / кому / что (о чем) / где/ когда / зачем***.

Эта формула показывает основные стороны коммуникативного процесса, формирующие его, и те факторы, которые следует исследовать для определения коммуникативного потенциала тех или иных языковых явлений.

– характеристика говорящего как автора и инициатора высказывания-дискурса (возрастная, гендерная, статусная и т.д.);

– отношение говорящего к содержанию информации, составляющей тему коммуникации;

– характеристика адресата;

– отношение говорящего к адресату и отношения между адресантом и адресатом;

– цели (скрытые и явные) говорящего в общении, его коммуникативные намерения (интенции);

– коммуникативная ситуация общения

Исследуя коммуникативный процесс, теория общения оперирует такими понятиями и единицами, как высказывание, речевой акт, дискурс. Высказывание и речевой акт – минимальные единицы коммуникативного процесса. ФС могут использоваться для выражения разных речевых актов (а не одного), они участвуют в организации дискурса, который представляет собой основное коммуникативное звено, состоящее из определенной последовательности речевых актов.

Характерный для современной лингвистики переход от лингвистики языка к лингвистике общения обусловил изменение отношения к роли текста в коммуникативной системе. Понятие текста и принципы его анализа оказались недостаточными для научной парадигмы современной лингвистики с ее направленностью на изучение языка как средства общения. В.Е. Чернявская отмечает: «Теперь, однако, текст не может рассматриваться как независимая высшая коммуникативная единица; текст – важный элемент коммуникативной системы, но не единственный, он сам существует в системе дискурса».[Чернявская 2013: 11]. Другими словами, для современной лингвистики стало характерным расширение лингвистического анализа, его выход за рамки текста в исследование дискурса.

Понятие дискурса трактуется исследователями неоднозначно. Т.М, Николаева отмечает: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных» [Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста 1978: 467]. Термин «дискурс»

нередко используется в одном ряду с такими терминами, как «высказывание», «текст», «речь». Наиболее четко можно уяснить это понятие в его противопоставленности понятию «текст». Т.А. ван Дейк отмечает, что «дискурс» – это актуально произнесенный текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного. Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [Т.А Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989].

В современной русистике закрепилось следующее определение дискурса, разработанное Н.Д. Арутюновой: это «связный текст, в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова 1990: 136 –137].

Представляется, что введение в научный обиход термина «дискурс» важно не само по себе, а важна причина, побудившая к его использованию, четкое осознание того, что недостаточно при исследовании текста учитывать только его сугубо языковые параметры, что целесообразно, необходимо расширить этот круг и привлекать также неязыковые факторы, так или иначе влияющие на организацию текста, когда речь идет об анализе живой, естественной речи. Поэтому, используя далее традиционный термин «текст» (вместо термина «дискурс» или параллельно с ним) как более традиционный и закрепившийся в лингвистике, мы будем анализировать текст с современных позиций, с привлечением тех факторов, которые предлагаются в теории дискурса.

Представляется глубоким определение дискурса В.Е. Чернявской, оно показывает те стороны коммуникативного процесса, которые включаются в

рассмотрение при использовании этого понятия и демонстрирует его преимущества перед понятием текста: «Под дикурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными. культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обусловливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [Чернявская 2013: 117].

В.Е. Чернявская так характеризует принципы дискурсивного анализа: «Дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения» [там же, 104]. Принципы анализа текста и анализа дискурса различаются тем, что анализ текста направлен в первую очередь на внутритекстовые отношения между высказываниями, на их пропозициональную и иллокутивную структуру, взаимоотношения текстового целого и его частей, тогда как анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса.

Таким образом, использование принципов дискурсивного анализа открывает те новые факторы, которые оказываются важными для более полного осмысления коммуникативного процесса, а также для понимания коммуникативной сущности, коммуникативных особенностей ФС, а следовательно – и их коммуникативного потенциала.

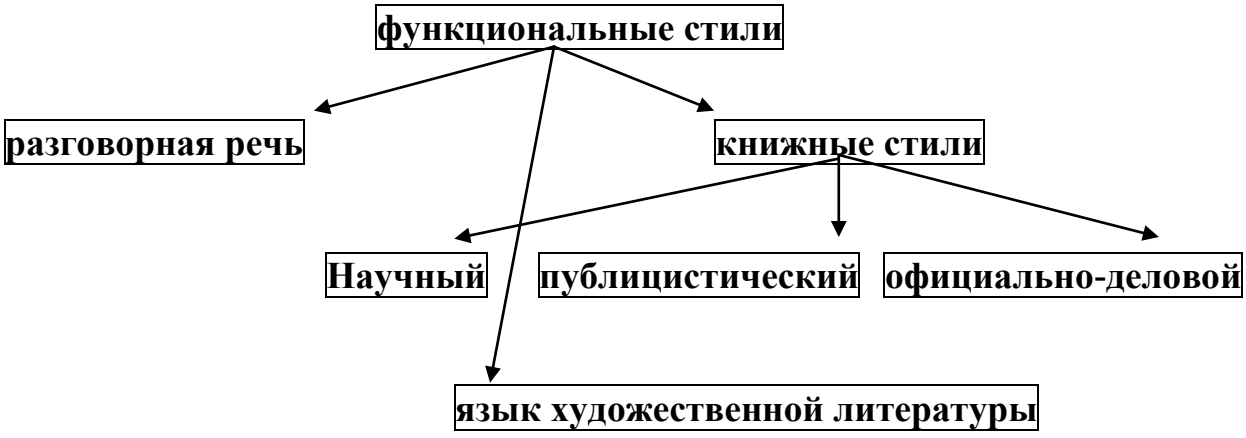
2. Функциональные стили

Выбрав дискурсивный анализ в качестве метода исследования коммуникативного потенциала ФС, следует определить далее рамки исследования. Для этого следует рассмотреть, в каких речевых разновидностях русского языка используются ФС; другими словами, следует рассмотреть вопрос

о связи ФС с функциональными стилями. Функциональные стили определяются как системные разновидности языка (речи), соответствующие базовым, онтологически значимым сферам общения и деятельности, и соотнесенные с определенной формой сознания.

Функциональная стилистика выделяет следующие функциональные разновидности языка (речи): научный, официально-деловой, публицистический стили, а также как самостоятельные коммуникативные системы расценивает разговорную речь и художественную речь (язык художественной литературы). Они представляются как трехуровневая система. На первом уровне разговорная речь противопоставляется официальным стилям по признаку «устная – письменная форма реализации». На втором уровне функциональные стили разделяются на научный, публицистический и официально-деловой, а к третьему уровню относят язык художественной литературы как функциональную разновидность, использующую средства всех стилей, а также средства национального языка. [Шмелев 1977].

Трехуровневая система может быть представлена в виде следующей схемы

Современная лингвистика, с характерным для нее подходом к исследованию языка как процесса и результата коммуникации, рассматривает выделяемые функциональной стилистикой пять функциональных стилей как сферы общения, т.е как коммуникативные системы. Общность между ними она видит в том, что в любой сфере есть говорящий, создатель текста и лицо /лица,

которым этот текст адресован, которым передается его содержание – адресат. Однако при этом определяется и различие между ними.

С коммуникативной точки зрения устная разговорная речь противопоставляется как полноценная (каноническая) коммуникативная ситуация другим типам текстов, которые определяются как неполноценные коммуникативные ситуации. Устная разговорная речь рассматривается как классическая полноценная коммуникативная сфера, так как это собственно общение, где говорящий и адресат – реальные люди, общение протекает в непосредственной форме, собеседники присутствуют в одно время в одном месте, и общение проходит (обычно) в диалогической форме. Другие сферы общения противопоставляются ей как неполноценные ситуации общения на том основании, что здесь суть и роль говорящего и адресата принципиально иная, а само общение в соответствии с этим представлено в опосредованном виде, в первую очередь в монологических текстах описательного и повествовательного характера (в нарративе) [Падучева 1996].

Каждый стиль (коммуникативная система) соотносится с определенной системой языковых средств. Все стили используют нейтральные языковые средства, составляющие базу языка и обеспечивающие возможность понимания участников коммуникации; кроме того, каждый стиль имеет набор языковых средств, характерных для него и составляющих его специфику. Система языковых средств подчинена достижению целей и задач данного стиля, данной коммуникативной системы.

Фразеологичность ФС, их семантика и функциональная предназначенность сами по себе обусловливают определенную ограниченность их употребления с точки зрения функциональной стилистики и указывают на их связь с определенным стилем речи. Такая ограниченность характеризует и другие фразеологические средства языка, устойчивые конструкции и обороты, пословицы и т.д. Это требует углубленного рассмотрения корреляции ФС с различными функциональными стилями речи.

ФС входят (как самостоятельная группа) в систему речевых средств, соотносящихся с разговорной речью и обслуживающих в первую очередь обыденное общение. Однако ФС – это средства кодифицированного литературного языка (КЛЯ), т.е. они не выходят за пределы литературной нормы, что в значительной мере расширяет их коммуникативные возможности, обусловливает довольно активное использование их также в публицистике и в художественной литературе. Научный и официально-деловой стили, имеющие свои цели и отражающие особые формы сознания, редко допускают использование ФС и только в определенных их жанрах и типах текстов.

В этом плане целесообразно проследить поведение ФС в трех функциональных стилях, где они представлены больше всего – в разговорной речи, в публицистике и в художественной литературе, рассматривая их как отдельные коммуникативные системы.

Использование дискурсивного подхода дает здесь свои положительные результаты и дополняет общую картину коммуникативных возможностей ФС. Функциональная стилистика определяет основные базовые, глобальные функционально-коммуникативные сегменты, тогда как дискурс выделяет более мелкие участки коммуникативного процесса и позволяет проанализировать их особенности. Кроме того, дискурс, выходя за рамки анализа текста, учитывая связь с другими факторами, позволяет рассмотреть функционирование языковых единиц (в данном случае – ФС) в коммуникативном процессе в его динамике, развитии. Важно также, что понятие дискурса и дискурсивного анализа вносит некоторые уточнения, касающиеся соотношения между выделяемыми функциональными стилями.

3. Функционирование ФС в обыденном общении

3.1. Прагматический аспект

При исследовании коммуникативного процесса с позиций дискурса важная роль принадлежит лингвистической прагматике. Прагматика изучает отношение к

знакам тех, кто ими пользуется; она связана с изучением языка в общении и человека в общении и в языке. Лингвистическая прагматика ставит в центр внимания стратегию и тактику общения, речевого взаимодействия, роль и возможности адресанта и адресата, характер взаимоотношений между ними, правила (постулаты), которым следуют коммуниканты для достижения коммуникативной согласованности.

3.1.1.Адресант общения

Обращаясь к прагматической составляющей коммуникативной характеристики ФС, в первую очередь целесообразно охарактеризовать участников коммуникативного процесса. Начнем с характеристики говорящего, поскольку говорящий (субъект речи, адресант) – это главенствующее лицо в речевом общении, в речевом взаимодействии, Что касается ФС, то их основные характерные признаки, а именно субъективная модальность, составляющая ядро семантики ФС, и их фатическая функция подчеркивают, усиливают эту важнейшую роль адресанта, привлекают внимание к нему и к высказанному им отношению к содержанию информации, к ситуации общения. ФС – это сложные по мыслительному и интеллектуальному содержанию синтаксические построения, которыми пользуются взрослые люди, носители русского языка с развитым логическим мышление и когнитивным опытом.. Для детской речи ФС в меньшей степени характерны (за исключением простых по структуре и смыслу ФС, например, передающих эмоциональную оценку типа *Вот это спортсмен! Ну и мяч!*). Культурный уровень, образование говорящего не столь важны, так как ФС характерны для разговорной устной речи, поэтому они доступны для понимания и использования всеми носителями русского языка. Это свидетельствует о широком коммуникативном потенциале ФС.

Говорящий – центральный компонент коммуникативного процесса, организующий все составляющие его компоненты. С помощью ФС он имеет возможность реализовать свои потребности как коммуниканта, т.е. выразить с нужной ему полнотой и точностью свои коммуникативные намерения

(коммуникативные интенции). Так, в ответной реплике – *Давай сходим в парк, погуляем – В парк так в парк, погода хорошая* говорящий выражает согласие, готовность совершить прогулку. Если же в ответ на то же предложение следует ответ: – *Ты знаешь, у меня срочная работа, мне не до прогулок,* это означает, что говорящий отказывается от предложения из-за определенной причины. Рассмотрение интенций, которые может выразить говорящий с помощью ФС– один из шагов их функционально-коммуникативной характеристики, и соответственно – их коммуникативного потенциала, целесообразно поэтому более детально рассмотреть **интенциональные значения ФС**.

Понятия «коммуникативная цель», «коммуникативное намерение», «интенция» нередко рассматриваются как синонимичные или очень близкие и определяются как «мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата коммуникации, направленность сознания на этот результат» [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 254]. Это те цели, намерения, для достижения которых индивиды вступают в процесс общения. С другой стороны, есть стремление разграничить понятия коммуникативной цели и намерения /интенции. В современной лингвистике чаще используется термин интенция или намерение, под которым понимаются наиболее общие цели.

Обычно признается, что учесть все многообразие частных коммуникативных целей (интенций) чрезвычайно трудно, а может быть невозможно. Предпринимались однако попытки составить перечни наименований их наиболее общих групп. Типичным примерами наименований интенций являются глаголы речи (*попросить, упрекнуть* и т. д.). Можно исходить из представления о функциях языка. Тогда перечень может включать следующие наименования: *нечто сообщить, нечто узнать, установить контакт с адресатом, убедить адресата принять некоторую идею, заставить его что-то сделать, выразить свои чувства и эмоции, дать характеристику самому языку, обеспечить преемственность и накопление знаний другими, оказать магическое или терапевтическое воздействие на адресата* и т.д.

В теории речевых актов классификация интенций строится с учетом классификации речевых актов. При этом различают три уровня интенций: низкий – локутивные цели (*спросить, поблагодарить, возразить, согласиться*….) и более высокие уровни – иллокутивный и перлокутивный. Разницу между тремя типами интенций можно показать на таком примере «для ситуации запрета локутивной целью может быть *запретить*, иллокутивной – *внушить адресату опасение и страх перед возможными неприятностями*, а перлокутивной – *заставить его не ходить в определенное место*.

Для ФС как для синтаксических единиц, основной функцией которых является фатическая функция характерен определенный круг интенций, обеспечивающих реализацию этой функции. В то же время содержание интенций ФС тесно связано с выражаемыми ими значениями субъективной модальности. Можно выделить основные интенции, для которых используются в речи ФС: *согласиться, принять идею (предложение), не согласиться, возразить, выразить ту или иную оценку, дать характеристику, убедить адресата принять какую-то идею, информацию, выразить свои чувства и эмоции, доказать, убедить, акцентировать что-либо, выразить свои предпочтения* и т.д.

Если посмотреть на эти интенциональные значения с точки зрения трех уровней, выделяемых в теории речевых актов, то можно увидеть, что здесь представлены локутивные и иллокутивные коммуникативные цели. В целом с помощью ФС, которые включены в соответствующий контекст, можно выразить большое количество интенций, так как класс ФС насчитывает, по нашим критериям, свыше пятидесяти структур. Анализ ФС с этой точки зрения показывает, что типовое значение ФС и его интенциональное значение не всегда совпадают. ФС одного значения могут использоваться для передачи разных интенций говорящего, а одна интенция может передаваться разными структурами

Интенциональный компонент, входящий в функционально-коммуникативную характеристику ФС, расширяет возможности коммуникативного использования ФС. Например, предложения, реализующие

фразеологизм ***мало ли + почему /где/ кто…***+…. могут использоваться в разных ситуациях общения:

1) для выражения несогласия, отрицания: *Я не буду выполнять все его требования. Мало ли какую работу он мне поручит; – Почему-то Таня давно к нам не приходила Наверно, обиделась на нас. – Почему ты думаешь, что обиделась? Мало ли почему она не приходит. Может быть, много работы, устает, может быть не очень хорошо себя чувствует;*

2) для аргументации своего действия: *Возьму теплый свитер и зонт. Мало ли какая погода будет. Сейчас сентябрь, погода часто меняется;*

3) при желании успокоить, подбодрить: *Не огорчайся, Все обойдется. Мало ли что сказал директор! Он иногда погорячится, а потом успокоится;*

4) при указании на неактуальность, малозначительность чего-либо: *Я прочитал это письмо, но отвечать на него не буду. Я даже не знаю, кто это написал. Мало ли кто мне пишет. Я не могу отвечать на все письма.*

С другой стороны, для одного и того же коммуникативного намерения говорящий может использовать разные ФС. Так, чтобы оценить разбаловавшихся детей, говорящий может использовать следующие ФС: *Ты посмотри, дети переставили стулья, разбросали вещи, наверно играли в прятки Ох уж эти мне мальчишки! / Ах они хулиганы! / Это ли не безобразие! / Хоть наказывай их / Как не ругать их.*

Уже отмечалось, что в текстовом фрагменте после высказывания с ФС, выражающего то или иное значение или коммуникативную интенцию, как правило, следует содержательно связанное с ним высказывание, которое развивает, подтверждает, поясняет его. Таков прием организации текстового фрагмента, имеющего эмоциональную окраску, выражающего эмоциональное состояние говорящего, например: *Ты посмотри, дети переставили стулья, разбросали вещи, наверно играли в прятки Ох уж эти мне мальчишки! После их игр в квартире всегда беспорядок, никак не могу приучить их к аккуратности. придется опять сделать им замечание*.

Другой пример. В фрагменте *Проблемы возникают у всех, не только у тебя, и надо правильно к ним относиться.* ***Проблемы проблемам рознь****! На некоторые не стоит тратить нервы и эмоции, а к некоторым надо отнестись серьезно* говорящий в последующем высказывании уточняет, развивает мысль, выраженную во ФС (‘Проблемы различны по своему характеру, содержанию’), указывая, к какому выводу он пришел на основании этого (‘поэтому и относиться к проблемам следует по-разному’). Аргументация поясняет слушателю позицию говорящего, этим говорящий выполняет одно из правил стратегии общения – проявлять уважение к собеседнику, учитывать интересы слушателя. Содержание последующего высказывания является также важным средством усиления иллокутивной силы всего фрагмента.

Хотя функция ФС контактная, они используются в информативном общении (а не в рамочной его части), и таким образом они обогащают, углубляют общение. Языковые средства с фатической функцией используются с разными целями (иногда они преобладают, и тогда общение ведется для налаживания и поддержания контакта, а не для решения жизненных задач. В таких случаях говорят о фатике, т.е об общении ради общения. Как отмечают исследователи, коммуникативная норма социума – сосуществование информативного и фатического общения в разных пропорциях. ФС используются в информативном общении (или в его информативной части), где обмен информацией занимает основное место, составляет логико-смысловую основу общения, и ФС обогащают его, оттеняют отдельные содержательные его части.

ФС как фатическое средство связаны с эмоциональной, психологической сферой человека и отражают социальные цели языковой личности. ФС в составе информативного общения «продвигает» общение, развивает его. Цель говорящего в том, чтобы, имея свою целеустановку, выразив свое отношение к складывающейся ситуации, получить, по возможности, нужный результат и при этом сохранить коммуникативную согласованность.

3.1.2. Адресат общения

Общение – это коллективная речевая деятельность. Наряду с говорящим другим его участником является адресат – лицо, которому говорящий адресует, направляет свою информацию, а в нашем случае – информацию, включающую ФС, поэтому говорящий выбирает и осуществляет определенную стратегию взаимодействия с адресатом.

Роль адресата в процессе общения очень важна. Он не является простым получателем информации. Деятельность адресата как участника общения предполагает большую активность. Он осуществляет сложный психический процесс, который включает несколько этапов: **восприятие** информации, переданной адресантом, требующее сосредоточенности, концентрации внимания на сути дела, **понимание**, означающее проникновение в содержание сказанного адресантом, стремление к полному и точному его осознанию и **интерпретацию,** т.е. процесс освоения разноплановой информации, выявление значения услышанного или прочитанного, поиск его глубинного (невыраженного) смысла, приход к индивидуальному осмыслению и выводам относительно полученной информации. [Формановская 2012: 37].

Воспринимая и интерпретируя полученную информацию, адресат использует свои фоновые и актуальные знания о мире (пресуппозиция), жизненный и социальный (в том числе национально-культурный) опыт, а также опирается на знание ситуации общения и свое индивидуальное ее восприятие. От того, как адресат воспримет и интерпретирует услышанное или прочитанное, зависит его ответная реакция и дальнейшее развитие коммуникации.

Если в полученной адресатом информации содержатся ФС, то это в силу их субъективности, эмоциональности и экспрессивности, а также конкретной семантики вызывает активность рече-мыслительной деятельности адресата. В условиях полноценного общения говорящий как инициатор общения, вступая в контакт с адресатом, старается предвидеть, понять его интересы, характерные черты, личностные признаки (возраст, пол, статус и т.д.) и затем учитывает их в процессе коммуникации (См. подробнее максимы Г.П. Грайса).

Организуя свой текст-дискурс, адресант ориентируется на адресат, учитывает его возможности воспринимать и понимать информацию, рассчитывает на наличие у адресата определенного запаса фоновых знаний. Так, используя ФС со значением акцентирования …***не где-нибудь/ не когда-нибудь , не кто-нибудь, а…*** **(***Я прочитал об этой не где-нибудь, а у Даля; Он учился не где-нибудь, а в Сорбонне; Я еду не куда-нибудь, а в Александрию; Это мне посоветовал не кто-нибудь, а профессор Вознесенский*), говорящий предполагает, что адресат поймет, что он хотел сказать, так как приведенные в них названия и имена известны адресату и означают для него то же, что и для самого говорящего. Другой пример. Обращаясь к собеседнику с высказыванием: *А Петровы до сих пор не вернулись? Добро бы погода была там хорошая, а то всю недель идут дожди,* адресант предполагает, что адресат осведомлен о том, где и сколько находятся Степановы. В обоих случаях говорящий рассчитывает на наличие у него с собеседником общей апперцепционной базы. Этот важный принцип организации общения отмечал Л.П. Якубинский: «Мы тем легче понимаем и воспринимаем чужую речь в разговоре, чем более обща наша апперципирующая масса с апперципирующей массой нашего собеседника…Понимание речи требует знания «в чем дело» [Якубинский 1986: 42].

Поскольку общение – это взаимодействие, говорящий стремится активизировать адресата (это в интересах обоих) и даже склонить его на свою сторону, используя определенные ФС. Для этого в обширном репертуаре ФС имеются определенные структуры. Ряд ФС имеет оттенок убеждения, например: *Чем не подарок* (‘Это, по моему мнению, хороший подарок , и я хочу. чтобы ты тоже так думал’); *Это ли не удача!* (‘Поверьте мне, что это настоящая удача’). Адресуя такие высказывания собеседнику, говорящий раскрывает себя, реализует свои коммуникативные интенции, проявляет свою иллокутивную силу и тем самым воздействует на него.

Высказывания типа *А что самое главное, так это то, что она говорит по-испански почти без акцента; Чего здесь не хватает, так это речки; Хорошо здесь только то, что станция близко* имитируют диалогические построения, их

использование придает общению живость, энергию, динамизм. Обращенные непосредственно к собеседнику, они, с одной стороны, активизируют адресат, побуждают к активному восприятию сказанного, а с другой стороны, отражают интерес говорящего к нему, стремление удержать его внимание, вовлечь в активное речевое общение. Здесь говорящий проявляет и уважение к адресату и заинтересованность в том, чтобы общение было результативным.

В условиях диалогического общения адресат является полноправным активно действующим коммуникантом, и его активность проявляется не только в осознании и интерпретации полученной от адресанта информации, но и в реакции на нее; адресат, становясь уже говорящим, адресантом, строит ответную реплику, ответный текст / дискурс в соответствии со своей индивидуальностью, своей речевой личностью и своим видением ситуации (ее содержательной и собственно коммуникативной сторон). Известно, что закон диалогического общения в том, что адресант и адресат периодически меняются ролями. Н.И. Формановская подчеркивает, что «адресат в результате восприятия. понимания, интерпретации полученного от «другого» дискурса / текста, еще и действует: а) выстраивает собственный дискурс из услышанного / прочитанного; б) вступает в общение с собственной репликой / дискурсом, т.е. перенимает инициативу, становясь адресантом». [Формановсая 2012: 41].

В ответной реплике новый адресант также может использовать ФС, так как фразеологизированные предложения не информируют, а в первую очередь реагируют на информацию, и он также может выразить свое коммуникативное намерение. Проиллюстрируем сказанное следующими краткими диалогами:

(1) – *А тут вот еще одна ваза была. А теперь ее нет Неужели разбили? Как жалко!*

– ***Какой разбили!*** *За долги отдали. 25 рублей срочно надо было отдать* (Д. Рубина. День уборки).

Адресат, став адресантом, активно реагирует и на предполагаемую причину исчезновения вазы, и на сожаление собеседника по этому поводу. Он эмоционально отрицает названную причину, и эмоциональность его реакции

объясняется тем, что он хорошо знает подлинную причину исчезновения вазы, она его злит, кажется ему неразумной и его эмоции выражают его пренебрежение к безалаберным владельцам вазы и сожаление об утрате.

(2) – *Зачем вы подошли ко мне при всех, на нас смотрят!*

– Глашенька, я должен поговорить с вами.

– Не надо. Люди кругом.

*– **А что мне люди!** Я никого не боюсь. Мне нечего стесняться*

Адресат отрицает важность, убедительность причины, которая может помешать разговору (присутствие людей) и тем самым выражает свою решимость осуществить намерение.

(3) – *А чем же кончился сон?*

*– Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте… Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду….Тут как на смех, Матрена меня и разбудила. **Что бы ей хоть немного погодить!.** Уж очень интересно мне, что бы у нас дальше-то было* (А.Островский Женитьба Бальзаминова).

Здесь адресат-адресант выражает свое эмоциональное сожаление по поводу несостоявшейся, не получившей развязки ситуации из-за того, что не было выполнено целесообразное, по его мнению, действие.

3.1.3. Взаимоотношения адресанта и адресата

В коммуникативном процессе важны взаимоотношения между адресантом и адресатом. Говорящий (адресант) должен правильно строить свое коммуникативное поведение, свои отношения с собеседником, придерживаясь принципов доброжелательности, уважения, вежливости, взаимопонимания. Адресант, выстраивая свой коммуникативный текст / дискурс должен учитывать координаты **«я – ты», «я – вы», «я – ты – он».**

Координаты **«я – ты», «я – вы»** предполагают, что говорящий должен учитывать характер отношений с адресатом (родственные, дружеские, приятельские, официальные), возраст (а также пол) собеседника, его статус. То, что можно сказать другу, не всегда подойдет для разговора со старшим по

возрасту или с руководителем. Другими словами, здесь актуализируется компонент **«кому».** Так, приятелю можно по-дружески сказать: *Какой ты спортсмен!; Ох уж эти мне твои сюрпризы; Тоже мне выступил!*, однако адресовать такие высказывания пожилому родственнику не стоит. Высказывания *Тоже мне сказал!; Тоже мне специалист!; Тоже мне начертил!; Тоже мне помощник!* уместны при обращении говорящего к лицу, с которым он находится в неофициальных отношениях: к приятелю, другу, близкому, младшему (например, в разговоре с коллегой по работе, жены с мужем, матери или отца с дочерью или с сыном и т.д.). Ср. : *Тоже мне помог! Теперь самой придется опять стирать эти занавески; Тоже мне покрасил! Я же говорил, что надо краску хорошо размешать. Такую работу прораб не примет.*

Те же высказывания звучат неуважительно и даже грубо, дерзко в другом коммуникативном сегменте – при адресации к старшему по возрасту, к коллеге, с которым у говорящего сугубо профессиональные отношения, к руководителю, к старшему по статусу.

Координаты **«я – ты», «я – ты – он»** означают, что при употреблении некоторых ФС следует учитывать, относится ли заключенное в нем содержание к собеседнику или же к третьему лицу. Так, при разговоре о третьем лице можно выразить негативную оценку его или его действий, ср.: *Выступление этого певца было неинтересным.* ***Какое это пение!*** *Голос у певца слабый и невыразительный, а романсы выбрал сложные;* или: *Знаешь, Виктор собирается поступать в консерваторию, но вряд ли он поступит. У него голос слабый и музыкальной подготовки мало.* ***Какой он певец!*** Однако та же оценка, адресованная непосредственно собеседнику (***Какой ты певец!***), обидит его. Говорящему, чтобы сохранить отношения, следует подумать, как выразить такую оценку.

Ср. также стилистическую нейтральность фразеологизированного высказывания *Мне надоело лежать в постели.* ***Мало ли что врач сказал!*** *Я чувствую себя хорошо и могу сходить на прогулку* и стилистическую некорректность аналогичного высказывания, адресованного собеседнику: ***Мало***

ли что ты сказала, бабушка! *Я не хочу больше лежать в постели. Я чувствую себя хорошо и могу сходить на прогулку*

Для организации эффективного и согласованного общения говорящему следует помнить и о важности соотношения **«что/о чем – кому»,** т.е. он должен учитывать содержание той информации, которую получит от него адресат, следить, чтобы она не была обидной для адресата (вспомним мудрую поговорку «*Думай, что говоришь*»). Так, при выражении оценки объекта важно учитывать отнесенность этого объекта к адресату (собеседнику). Здесь противопоставляются объект, который не имеет отношения в адресату («внешний объект») и объект, который каким-то образом связан с адресатом: принадлежит ему, выполнен им, близок или дорог ему и т. д. (назовем его «соотнесенный объект»). В случае с объектом второго типа употребление ФС негативной оценки ограничено. Так, сама по себе ФС ***тоже мне*** **+ сущ. /глаг.** стилистически не ограничена и может свободно употребляться адресантом для характеристики внешних по отношению к адресату объектов: *Тоже мне пирог! Зря я его купила, лучше бы какое-нибудь печенье выбрала*, но то же высказывание, отнесенное к пирогу, который испекла хозяйка, и который говорящий увидел, попробовал в гостях, прозвучало бы грубо, дерзко. Ср. также ***Ну и фильм!*** *И зачем я пошла смотреть его* и некорректность использования этого высказывания, если речь идет о фильме, в создании которого участвовал собеседник.

Полезно также учитывать и личностные качества собеседника. Это поможет предвидеть возможную реакцию собеседника на высказывание в его адрес. Такие качества, адресата, как чувство юмора, самокритичность, находчивость способствуют установлению и поддержанию контакта и нормальному коммуникативному процессу.

3.1.4. Ситуация общения

Лингвистическая прагматика обращает внимание на ситуацию, в которой проходит процесс общения. В частности, важным параметром, определяющим характер ситуации, является **«где, когда».** И для адресанта, и для адресата важно,

разговаривают ли они наедине, без посторонних(т.е. «с глазу на глаз», «один на один») или это дружеская компания, или официальная обстановка, или публичное обсуждение. С этой точки зрения интересно пронаблюдать использование одних и тех же фразеологизированных высказываний в ситуации общения «один на один» и в присутствии посторонних или других лиц. Например, наедине с сыном мать может поругать его: *Ах ты бездельник**!** Опять пропустил занятия!* Жена может упрекнуть мужа: ***Тоже мне мастер!*** *Гвоздь не можешь вбить!* Однако в присутствии гостей, знакомых, соседей таких оценок стараются избегать. В семейной обстановке можно сказать ***Нет бы тебе сразу сообщить мне эту новость***, но на работе руководителю, старшему по статусу не скажешь ****Нет бы вам заранее поручить мне эту работу.*** При разговоре «с глазу на глаз», без посторонних говорящий может сказать приятелю ***Ну ты и выступил вчера на собрании! Что за ерунду ты говорил!*** В присутствии других такое резкое замечание явно неуместно.

Дискурс, как отмечалось, выделяет более мелкие участки одной и той же коммуникативной ситуации и позволяет более детально проследить коммуникативное использование языковых единиц в ее рамках, т. е. в более конкретных, меняющихся условиях, и этим представить коммуникативное взаимодействие не в статике, а как динамичный процесс.

Показательна в этом отношении ФС ***ах ты /он*** **+ сущ.** Ее коммуникативная характеристика определяется взаимодействием, переплетением собственно языковых, прагматических и функционально-стилистических факторов. Эта ФС выражает негативную оценку лица, и переменный компонент в ней представляют существительные соответствующей семантики. Это довольно большая группа существительных, имеющая внутреннее семантическое деление. Так, для оценочной характеристики групп лиц, противопоставляемых по возрасту, полу, статусу, употребляются разные существительные, заполняющие позицию переменного компонента.

Лексическое наполнение ФС само по себе определяет содержание и стилистические особенности высказывания, и это диктует особенности его

употребления. Так, существительные *баловник, баловница, озорник озорница, шалун шалунья, непоседа, фантазер, фантазерка* и др.обычно используются для характеристики ребенка. Не случайно в толковых словарях эти существительные сопровождаются уточнением ‘обычно о детях’, или ‘преимущественно о детях’, ср., например: «озорник – Тот, кто озорничает (обычно о детях). *ж.* озорница» [Ожегов. Словарь русского языка: 446]. Ср.: *Ах ты баловница! Зачем ты надела папину шляпу!* В данном случае негативная оценка звучит мягко, нередко с оттенком умиления, любования. Нередко ребенка ругают, но в душе могут и любоваться или даже радоваться, например, говоря *Ах ты озорник! Разобрал на части новую машинку,* говорящий в то же время радуется сообразительности и ловкости малыша. Подобные высказывания используются как воспитательный момент, рассчитанный на понимание адресатом норм поведении (Мы не берем крайние случаи, когда данный ребенок раздражает взрослого и у того не хватает выдержки, и он «выходит из себя»).

Использование тех же существительных по отношению к юным девушкам также смягчает степень негативности оценки, порицание звучит мягко, незлобно, говорящий как бы смягчает негативность, учитывая, что адресат еще очень молод и неопытен. Показательно, что использование названных существительных по отношению к юношам и молодым мужчинам нехарактерно.

При использовании этой ФС по отношению к взрослым мужчинам (и женщинам), допустившим грубое нарушение общественного порядка или преступившим закон, подбираются существительные, лексическое значение которых выражает социальную негативную оценку, звучащую резко и даже агрессивно: (*хулиган, бандит, вор, преступник* и т. д.). Такие оценки обычно даются говорящим в общественных местах, где он стал свидетелем нарушения, и адресатом является нарушитель (нередко незнакомый говорящему): *Ах ты вор! Сумку у женщины хотел вырвать!; Ах ты бандит! Ударил пожилого мужчину; Ах ты нахал! При женщинах такие слова произносишь!*

Как промежуточные можно рассматривать ситуации, когда довольно агрессивные оценки адресуются знакомым или незнакомым лицам за менее

значительные нарушения общественного порядка или моральных принципов, норм поведения: *Ах ты хулиган! Взрослый парень, а деревце зачем-то сломал!; Ах ты хулиган! Уже школьник, а мучаешь кошку.*

Такие высказывания в нейтральном неофициальном общении крайне редки, так как их использование разрушает атмосферу доброжелательности, переводит общение в конфликт («диалог соперничества» – это другой случай).

Коммуникативная ограниченность рассматриваемой ФС во многом определяется также тем, что существительные, употребляемые в ней, как правило, стилистически окрашены и сопровождаются пометами «разговорное» (*болтун, зевака, дурак*), «просторечное» (*шалопай*), «бранное» (*балда*), «неодобрительное» (*растяпа, ротозей*).

Коммуникативная и семантико-стилистическая специфика этой ФС обусловливает также то, что в ней используется местоимение ***ты***, а местоимение ***вы*** практически не встречается, ср.: **Ах вы бандит; *Ах вы вор; *Ах вы балда!; *Ах вы нахалка; *Ах вы ротозей."*

В целом можно констатировать, что прагматический аспект дискурсивного анализа позволяет более конкретно увидеть роль экстралингвистических факторов в процессе коммуникации и их тесную связь с сугубо языкоыми.

3.2. Когнитивный аспект

Когнитивная лингвистика занимается решением проблем знания, понимания, смысла, значения. Предметом когнитивной науки является обработка информации, ее переработка, т.е все виды деятельности с информацией. Процессы знания, сознания, мышления и механизмы речевой деятельности связаны. Это утверждение самым непосредственным образом связано с изучением ФС. Естественный язык – это механизм, связывающий мысли, т.е. ментальные (мыслительные) репрезентации с формами выражения, и что касается ФС, то в них эта связь наиболее сильная, наиболее сложная и наиболее своеобразная, как и в любой фразеологической единице.

ФС не сообщают о каком-либо положении дел реальной действительности, не передают сообщение как таковое, а выражают отношение говорящего к содержанию сообщения, т.е. представляют собой результат осмысления определенной ситуации действительности. Они связаны с интеллектуальной и эмоциональной сферой человека. Так, высказывание фразеологизированной структуры *Ох уж эти мне строители!* ничего не сообщает о действиях строителей, а только выражает негативное отношение к их действиям. Высказывание другой ФС *Где девочке все это запомнить!* не указывает, кто и что предлагает девочке для запоминания, а только оценивает в модальном плане, как невозможную ситуацию, в которой находится (или может оказаться) этот ребенок.

Показательно, что и в одном, и в другом случае в самой ФС ситуация, о которой идет речь, не представлена. Тем не менее обе ФС указывают, что определенная ситуация с участием названных субъектов имела место в реальной действительности, если она вызвала определенную реакцию говорящего. Фразеологизированные структуры включают, точнее «притягивают» информацию, которая эксплицитно в них не выражена, находится за их пределами. Можно сказать, что ФС манифестирует сложную ситуацию, представляющую собой цепочку смысловых фрагментов, в которой ФС является одним из звеньев, причем связующим, организующим и семантически продвигающим, развивающим процесс коммуникации. Эта особенность ФС, позволяет говорить об их коммуникативной значимости.

Фразеологизированные предложения, если квалифицировать их с позиций когнитивного подхода, показывают, что «языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, т.е. структур человеческого сознания, мышления и познания» [Кибрик 1994: 126]. Учитывая лингвистическую специфику ФС, что это, во-первых, синтаксические единицы, во-вторых, единицы вторичного образования, их следует считать сложными когнитивными структурами или сложными сценарными фреймами.

ФС отражают, фиксируют сложные формы мышления, цепочки мыслительных фрагментов, показывают, как сложен процесс интеллектуального и

эмоционального осмысления ситуаций действительности, насколько богатыми и многообразными могут быть реакции, оценки относительно содержания сообщения. Покажем это на примере ФС ***на что.., и то/ и тот/ и та...*** Используя, например. в разговоре о погоде в данном месте в данный период высказывание *Уж на что старожилы, и то (и те) не помнят такой холодной зимы в этих краях!*, говорящий называет в нем лица (*старожилы*), которые не участвуют в разговоре и неизвестны, очевидно, слушателям (адресату). Говорящий, оценивая таким образом данную ситуацию, осуществляет сложный мыслительный процесс, вызывает из памяти (или моделирует) совсем другую ситуацию, опирается на нее, чтобы более убедительно доказать справедливость своих слов. Полный ход его мысли примерно таков: ‘Сейчас здесь очень холодно. Это странно, и это не характерно для этих мест и для этого времени года. Так думаю не только я. Даже старожилы говорят, что не помнят такой суровой зимы, хотя они живут здесь уже давно’. В одном высказывании сочетается несколько семантических, смысловых, эмоциональных компонентов. Здесь и оценка (во-первых, ‘холодно’, во-вторых, ‘нетипично’), и противопоставление сегодняшней ситуации зимней погоде прошлых лет, и удивление, и стремление убедить, сославшись на аналогичное мнение более авторитетных для говорящего и слушателя лиц.

Мысль о старожилах всплывает у говорящего, может быть, стихийно, неожиданно (такова особенность человеческого мышления), и в таком переключении мысли проявляется ассоциативность (также характерная черта мышления, кстати, проявляющаяся и в других ФС). Интересно заметить, что у говорящего вполне могла возникнуть и другая ассоциация, например: *Уж на что в Якутии, и то сейчас теплее*.

Показателем сложности семантической структуры этой ФС является также имеющаяся здесь неоднoплановость сообщения: во-первых, речь идет о конкретном месте, конкретном времени, во-вторых, по ассоциации приводится сообщение о другом временном периоде, в-третьих, приводится мнение других лиц (старожилов), которое было высказано ими ранее. Следовательно

семантическая организация ФС отражает ступенчатые, динамичные процессы познания и осмысления реальных жизненных событий и ситуаций.

Двуплановость сообщения проявляется и в других ФС. Например, фразеологизированное высказывание: *Эту работу и второклассники, **да что там второклассники, ученики третьего класса,** – не сделают* строится на основе вставной конструкция (она выделена). И без того свою сложную мысль, которой говорящий выражает неприятие названных параметров выполнения работы (они указаны вне самой ФС, в окружающем контексте, например, работа предлагается первоклассникам), мотивируя свое мнение с помощью другой, смоделированной им ситуации (‘прелагаемая работа трудна и для второклассников’), он еще больше усложняет, используя вставную конструкцию, и этим создает еще один информационный план – «примеряет» возможность выполнения того же действия к ученикам третьего класса.

Тот факт, что в языке оформились и закрепились синтаксически воспроизводимые построения, которые в то же время допускают возможность построения по одному образцу практически неограниченного количества конкретных высказываний, свидетельствует о том, что они представляют мыслительные образцы, которые играют важную роль в организации общения, часто востребованы пользователями языка. Как отмечает З.Д. Попова, «Синтаксические структуры нарабатываются для тех ситуаций внешнего мира, которые возникают в жизни людей, имеют для них важное значение и поэтому являются коммуникативно востребованными» [Попова З.Д. 2009: 29]

Значение фразеологизированных предложений отражает субъективное отношение говорящего к полученной информации, поэтому одно и то же сообщение может быть осмыслено и интерпретировано по-разному, и соответственно, может быть выражено ФС разной семантики. Ср., например, возможную реакцию двух субъектов на одну и ту же ситуацию: (1) *Очень жаль, купить билеты не удалось, все уже проданы. **Нет бы нам подумать о билетах заранее**, а мы поехали поздно. раньше;* (2) *Очень жаль, купить билеты не удалось, все уже проданы. **Хоть покупай теперь билеты на самолет или***

переноси поездку на другое время. Первый субъект выражает запоздалую мысль о целесообразном, правильном действии, которое, к сожалению, не было осуществлено, а второй называет разумное действие, которое может исправить ситуацию, если решиться на его выполнение.

ФС передают не только разные значения субъективной модальности, но и тонкие оттенки одного значения, дифференцирующие его. Например, выражая отрицание, говорящий может отнести его к ситуации в целом: *Какое там читал!* (‘Не читал’) или к отдельному ее аспекту: *Когда же мне читать* (отрицание времени), *Зачем мне читать* (отрицание целесообразности), *Что мне читать* (отрицание наличия объекта для чтения). Отрицание действия, отказ от него можно объяснить отсутствием возможности из-за внешних обстоятельств: *До чтения ли мне* (‘Читал бы, хотел бы, но нет возможности‘) или отсутствием интереса, склонности к данной деятельности: *А что мне чтение* (‘Не интересуюсь чтением, не люблю читать‘).

В семантической организации ФС получил отражение вопрос о соотношении языка и мышления, точнее о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и мышления. Мышление человека отражается в языке, причем следует помнить о национальной специфике языков в смысле отражения результатов познания и осмысления действительности. Поэтому так трудно подчас понять, что означает то или иное слово или синтаксическое построение, ибо трудно через этот внешний знак проникнуть в мыслительный механизм, понять, какой «мыслительный фрагмент» актуализирован в языковой единице, особенно если речь идет о неродном языке. Этим, в частности, объясняется тот факт, что ФС представляют значительные трудности для иностранцев, изучающих русский язык, в плане их понимания и употребления

С другой стороны, язык тоже влияет на мышление. Человек, используя существующие в языке единицы, средства соединяет их неожиданно, разнообразно, и в результате тонких движений, пересечений рождается новое значение или мыслительное предсталение. Это ярко проявляется в ФС, специфика которых в том, что они имеют свободный компонент, лексическое наполнение

которого может менять содержание высказывания, варьировать типовое значения самой структуры. Ср. высказывания ФС **кто** + ***не такой.., чтобы***...: *Он не такой наивный, чтобы поверить этим слухам; Журнал не такой интересный, чтобы покупать его; Он не такой талантливый, чтобы поступить художественное училище*. Построенные одинаково, они семантически различаются, означают соответственно: ’не поверит’, ‘не стоит покупать’, ‘не сможет поступить’. Другой пример. ФС **сущ. + *как* + сущ.** при употреблении в позиции свободного компонента не нарицательного существительного (*Город как город*), а имени собственного меняет свойственное ей значение негативной оценки и указывает на неизменность, постоянство признаков, отличительных черт объекта, ср.: *Рим как Рим; Таня как Таня; В Арктике как в Арктике.*

Если рассмотреть эти примеры с лингвистической точки зрения, то они подтверждают важную роль лексики в исследовании синтаксических единиц. Значение структуры может уточняться под давлением семантики входящих в нее слов. Лексическое наполнение структуры влияет на ее мыслительную основу. Положение о роли лексики в синтаксисе М. В. Всеволодова выразила в кратко и очень точно: «Лексика – интегральная часть синтаксиса» [Всеволодова 2000: 21].

Высокий коммуникативный потенциал ФС связан с богатым, разнообразным содержанием, которое передают конкретные высказывания, реализующие ту или иную ФС, благодаря свободному лексическому наполнению переменного компонента. В этом их большая коммуникативная сила, это создает их значительный коммуникативный потенциал. Приведенные далее высказывания фразеологизированной структуры **сущ. + *есть* + сущ**. наглядно показывают, что они будут естественны в разговоре на разные темы и с разными людьми, а уместность каждого определяется конкретной ситуацией общения: *Город есть город; Закон есть закон; Правило есть правило; Студент есть студент! Дурак есть дурак; Преступник есть преступник; Курорт есть курорт; Тюрьма есть тюрьма; Зима есть зима; Глупость есть глупость; Трусость есть трусость; Любовь есть любовь.*

С другой стороны, важную роль синтаксической структуры, синтаксической основы высказывания, подтверждает явление лексикализации ряда ФС. Таковы конструкции: *Вот так да!; Нет так нет; Ну и ну!; Мало ли что.* Сила модели ФС (конструктивная и семантическая) такова, что она сама по себе, при чисто формальной лексической представленности переменного компонента оказывается когнитивно и коммуникативно значимой и выполняет свою функцию в общении.

Приведенные примеры подтверждают положение когнитивной лингвистики о том, что явления речи и мысли тесно связаны.

3.3. Социокультурный аспект

Важное место среди экстралингвистических факторов, используемых при изучении коммуникативного процесса, принадлежит социокультурному аспекту.

Социокультрурный аспект прослеживает отношения «язык – культура», «человек – язык», «язык – внутренний мир человека». Н.Д. Арутюнова пишет: «Духовный опыт человечества отливается в языке» [Арутюнова 1988: 3]. Это означает, что, признавая справедливость известной формулы «Язык – это дом бытия», нельзя забывать, что язык – это еще и зеркало внутреннего мира человека.

Рассмотрение синтаксических фразеологизированных структур в социокультурном аспекте выявляет их двоякую природу. С одной стороны, ФС в своей семантике отражают универсальные свойства человеческой личности, обусловленные самим человеческим мышлением. С другой стороны, ФС, как и другие фразеологизмы и закрепленные конструкции, национально специфичны. Они, будучи связаны с интеллектуальной и эмоциональной сферами человека, в семантическом отношении представляют собой специфически русские построения, так как отражают особенности национального характера русских, их менталитета, особенности осознания реального мира именно русским человеком, его отношение к миру, а также национальные традиции русских, в том числе их отношение к общению и традиции общения [Величко 2002], [Величко 2013д], [Величко 2014].

Проиллюстрируем некоторыми примерами первый и второй тезис.

Семантика ФС связана со структурой человеческого мышления. Как подчеркивал У. Сепир, «….Язык и шаблоны нашей мысли между собой переплетены». Разные стороны мыслительной деятельности человека находят разнообразное отражение и закрепление в языке, в его средствах, формах, структурах. ФС представляют языковое выражение тех мыслительных фрагментов («шаблонов мысли», по У. Сепиру), которые типичны для коммуникации людей независимо от их национальной и этнической принадлежности и следовательно часто востребованы ими в процессе речевого общения. Предлагаемая в работе классификация выделяет те самые общие, универсальные коммуникативные смыслы, которые закреплены в ФС. Это шесть следующих субъективно-модальных значений: 1. оценка, 2. принятие – отрицание, 3. модальные характеристики, 4. единственность – множественность, 5. акцентирование 6. обусловленность [см. вторую главу данной работы, а также Величко 1996, Книга о грамматике 2009: 38 –54]

Так, по данной классификации, выделяется довольно обширная группа ФС, выражающих оценку: *Ай да Саша!; Всем городам город; Тоже мне город!; Город как горд; Вот так спортсмен!; Что за цветы!; Ну и концерт*. и др. И действительно, особенностью человеческого мышления является стремление оценивать окружающие объекты и явления с точки зрения их качества, соотнося их с нормативными, эталонными, идеальными.

У человека возникает желание или необходимость представить действия, ситуации, с которыми он встречается, с точки зрения их необходимости, целесообразности, целесообразности, невозможности. Так в русском языке сложилась группа фразеологизированных построений с модальным значением: *Как было не помочь!; Нет бы тебе самой с ней поговорить; Не сидеть же здесь до вечера!; Куда мне все это запомнить* и др. В таких построениях на пропозициональную (дескриптивную) сторону высказывания как бы накладывается модальная рамка и меняет его логико-смысловое содержание.

В языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах. Так, в процессе жизнедеятельности человек нередко сравнивает, сопоставляет один объект с другими. В результате такого осмысления он, например, акцентирует, подчеркивает определенные его свойства, выделяет его на фоне других, однотипных и для выражения такого интенционального значения, использует высказывания ФС: *Где как не в горах можно хорошо отдохнуть!; Я слушал пение этого артиста не где-нибудь, а в Большом театре; Кто-кто, а Евгений прекрасный пианист.* В результате наблюдения и сопоставления фактов, объектов человек может прийти к выводу об их единичности, уникальности, или, напротив, разнообразии и множественности, и такая мысль передается высказываниями ФС типа: *В этом древнем русском городе что ни дом, то своя неповторимая архитектура; Кто только не побывал в этом музее; У него только и радость, что его работа; Бывают встречи и встречи; Традиции традициям рознь.*

В реальной действительности нам нередко приходится уяснять складывающуюся ситуацию, устанавливая взаимосвязь, взаимообусловленность явлений, фактов. действий. Так в русском языке сформировался ряд фразеологизированных структур со значением обусловленности, например: *Работа работой, а на экскурсию мы все равно поедем; Купить-то словарь я купил, но он оказался не очень хорошим; Добро бы фильм был интересный, а то обычная мелодрама* и др.

В процессе трудовой, интеллектуальной и общественной деятельности, при решении проблем различного характера, в быту члены социума вступают в контакт для организации совместной деятельности, для согласования совместных действий, распределения обязанностей или поручения определенных дел партнерам. Потребности человека как участника общения закрепили в языке определенное количество ФС, передающих реакцию говорящего на полученную информацию, на тот или иной посыл – согласие, принятие или, напротив, несогласие, отрицание. Ср.: *Заниматься так заниматься; А почему бы и не съездить; Это ли не радость!; Какой там прочитал; До разговоров ли мне* и др.

Наконец, эмоциональная реакция, нередко сопровождающая выражаемые интенции, нашла выражение в экспрессивном характере фразеологизированных структур. Эмоциональное отношение к окружающей действительности – одно из универсальных свойств и особенностей человеческой психики. «Мысли приходят к человеку вместе с эмоциями», – отмечают психологи и физиологи.

Теперь рассмотрим второй аспект обозначенной нами проблемы, т.е. проследим взаимосвязь «фразеологизированные структуры – русский национальный характер». Другими словами, постараемся определить, каким предстает русский человек – создатель и пользователь фразеологизированных построений, как закрепились в них свойства, качества русского человека, его потребности и возможности как коммуниканта.

Изучение ФС в этом отношении чрезвычайно интересно. ФС, как и любые фразеологические ресурсы языка, а также устойчивые выражения, пословицы, имеют национальную окраску и специфику. Они складывались постепенно, долго формировались, в них не только закрепилось национальное восприятие и познание мира, но и отражены разные стороны самой личности носителей данного языка – ее ментальной, эмоциональной. культурно-эстетической сфер, а также характер отношений между членами социума.

Представляется, что наличие некоторых смысловых компонентов, образующих общий смысл и определяющих условия функционирования тех или иных ФС, а также само существование в языке некоторых из них обусловлены именно спецификой русского национального менталитета, особенностями отношения русских к реальной действительности, характером взаимоотношений, сложившихся между коммуникантами, спецификой речевого общения русских.

Этого рода наблюдения особенно важны для практики преподавания РКИ, так как объясняют те моменты использования ФС, которые часто непонятны иностранным учащимся как носителям другой ментальности, привыкшим к другому взгляду на мир, к другим отношениям между участниками общения.

Мы уже говорили о ФС, предназначенных для выражения оценки, и связывали их наличие с универсальными качествами языковой личности. Однако

следует отметить характерную для русского языка детализацию этого общего значения оценки, представленную довольно большим количеством оценочных ФС (нами выделено 14 структур этой семантики), выражающих тонкие нюансы ценностной характеристики объекта, например, радостное, восторженное одобрение только что увиденного, воспринимаемого или ощущаемого (*Ай да молодец!*); *Ай да пирог!; Ай да новость!*), высшую оценку объекта по сравнению с другими объектами того же ряда (*Всем пирогам пирог; Всем праздникам праздник!*), высокую оценку с целью убедить адресата, склонить к тому же мнению (*Чем не помощник!; Чем не праздник!*), негативную оценку (*Тоже мне озеро!; Тоже мне выступил!*), длительное или повторяющееся проявление объектом негативных действий, признаков *(Ох уж эти мне дожди!; Ох уж этот мне экзамен!; Ох уж эти мне соседи),* оценку как соответствие норме (*Пирога как пирог; Неделя как неделя*), равнодушное восприятие объекта как рядового, не вызывающего интереса (*Лес и лес!; Приехал и приехал!*) и т.д.

Ю.Е Прохоров и И.А. Стернин отмечают как особенность общения русских его оценочный характер: «В общении русские постоянно «раздают оценки» – ситуациям, событиям, лицам и даже своим непосредственным собеседникам. Эти оценки очень частотны и в равной мере позитивны и негативны. Оценки высказываются открыто, без смягчения, в том числе и отрицательные» [Прохоров, Стернин 2006: 216]. Русским людям свойственны простота, прямота суждений и отношений, может быть, и некоторая недипломатичность. Поэтому они, не ограничиваясь оценками «хорошо» и «плохо», не боятся оценивать объекты с нужной им степенью точности и откровенности.

Интересно отметить также, что в группе оценочных ФС выделяется несколько структур, которые могут передавать как положительную, так и негативную оценку в зависимости от лексического их воплощения или коммуникативных условий употребления, например: *Ну и театр!; Что за сестра!; Вот так концерт; Какой это город*. Ср.: *Какой это город! Красивый, зеленый, прекрасная архитектура, и люди такие приветливые; Какой это город! Даже театра нет.* Коммуникативная значимость таких структур в том, что они

позволяют говорящему, манипулируя вербальными и невербальными средствами, тонко варьировать нюанс оценки, при желании передавать некоторую неопределенность своего восприятия, побуждая адресат к активному самостоятельному восприятию сообщения и его интерпретации. Тем самым говорящий реализует свои коммуникативные интенции и проявляет уважение к собеседнику.

Такая детализация одного значения оформилась в языке, очевидно, в результате особенностей интеллектуального и эмоционального восприятия мира и социальных отношений носителями русского языка. Человек может повлиять на язык, подстроить его под свои коммуникативные потребности.

Другой пример. ФС ***хоть*** **+импер.** (*Хоть переезжай в другой город!; Хоть не выходи на улицу!; Хоть вообще не разговаривай с ней!*) называет целесообразное действие, логично вытекающее из сложившейся ситуации, разумное для данного положения дел, но воспринимаемое самим говорящим как самая решительная, крайняя мера, которая далеко не всегда выполняется или может быть выполнима. Эта ФС отражает, нелогичное, как может показаться, речевое поведение говорящего, который казалось бы знает правильнй выход из неблагоприятной ситуации, но и сам он и его собеседик понимают, что скорее всего он не пойдет по этому пути, и все останется по-прежнему или будет решено как-то подругому. Мотивом, побуждающим использовать высказывания этой ФС, является привычное для русского человека желание обрисовать при общении негативную, неблагоприятную ситуацию, чтобы вызвать сочувствие, т.е. просто «выговориться», «облегчить душу», даже не планируя изменить ситуацию, путем исполнения целесообразного действия.

Психологи, анализируя менталитет представителей разных кульур, отмечают, что русские любят жаловаться. Такая черта, очевидно, свойственна русским. Но важно понять, почему русские «любят» жаловаться и не стесняются этого. Причина кроется в традициях русского общения, в том отношении к общению, к разговору, к беседе, которое сложилось в русской культуре. Русские относятся к общению, к речевому взаимодействию не только как к формальному

акту, необходимому в любом обществе, но и как к важной стороне жизни. Для русского человека общение – это не только необходимое условие осуществления совместной деятельности, но и потребность духовного, душевного, психологического контакта, возможность получить понимание, сочувствие, поддержку, а то и утешение. С этим связана и склонность, желание русских поговорить, рассказать о том, что волнует или пожаловаться. Н.И. Формановская отмечает: «Видимо, соприкоснуться душой, чтобы выслушали и поняли, при этом не столько разумом, сколько сердцем – неотъемлемое свойство человека, особенно русского» [Формановская 2012: 174]. При этом человек не боится показаться слабым, униженным или вызвать усмешку. Он надеется на понимание и поддержку. Понятие жалобы в русской культуре, пожалуй, шире, чем в других социумах. Словари выделяют как одно из значений глагола *жалеть* – (обл.)‘ любить’ [Словарь русского языка: В четырех томах 1985. Т. I.: 470]. Ср. также распространенное в обиходе представление: «Жалеет, значит любит». Если о ком-то говорят «жалостливый человек», то это звучит как положительная оценка.

Жалость, в представлении русских, не унижает. Вспоминается в этой связи рассказ американских туристов, которые отмечают, что американские мужчины предпочитают не обращаться за помощью к незнакомым, если не знают дорогу к нужному месту в городе или потерялись. В их представлении это проявление слабости, и просьба о помощи немного унижает.

В приведенной выше ФС ***хоть*** **+ импер.** как раз и закрепилось свойственное русским желание получать облегчение в общении, сочувствие от собеседника. С таким отношением к общению у русских связана также откровенность, искренность, не боязнь рассказать о чем-то сокровенном или наболевшем. Отношение к общению как к возможности получить поддержку и сочувствие получило отражение в лексическом составе русского языка, ср, например, глаголы, устойчивые сочетания: *поделиться, поговорить по душам, открыть душу, излить душу (наболевшее), выговориться. облегчить душу,* и т.д.

Тот факт, что общение для русских имеет важное значение, обусловил также существование в русском языке обширного, богато представленного и

сложно организованного функционально-семантического поля, объединяющего языковые средства выражения процесса речи, говорения. [См., в частности, об этом Величко 1986, Величко, 1987, Величко 1990, Величко 2015е].

Еще одна черта, характеризующая русских как коммуникантов, – это критическое отношение к себе: они не привыкли хвалить себя, говорить о своих способностях, успехах, достижениях. Даже похвалу других в свой адрес стараются приуменьшить, поставить под сомнение. Отсюда и существование таких ФС, как ***куда/ где*** **кому + инф./сущ.** (*Куда/Где мне победить! Где мне с ним спорить! Куда мне в консерваторию*!), а также **кому ли +инф.** (*Мне ли мечтать об университете; Мне ли думать о повышении в должности*).

Однако, ради справедливости, следует отметить, что в последнее время отношение русских к себе и к общению меняется. Под влиянием общих жизненных тенденций и обстоятельств они начинают воспринимать себя по-другому, наблюдается стремление некоторых людей показать себя с лучшей стороны, относиться к себе с большим вниманием. Средства массовой коммуникации последнее время также культивируют как достоинство любовь человека к себе, см. об этом, в частности [Величко 2013].

Следующее наблюдение связано с ФС ***нет бы*** **+ кому + инф.** (*Нет бы заранее купить билет!; Нет бы ему сразу обратиться к врачу; Нет бы мне серьезнее относиться к этой проблеме*). Высказывания, реализующие эту структуру, называют правильное. разумное, но не выполненное говорящим (или другим лицом), действие и выражают сожаление по поводу того, что осознание правильного, разумного действия пришло слишком поздно, после совершения ошибочного действия, ставшего причиной неудачи.

Эта ФС отражает, как представляется, еще одну особенность русского менталитета. Русским иногда не хватает деловитости, практичности, умения заранее планировать свои действия, предвидеть возможные последствия. Иногда человек сначала делает что-либо, а получив нежелательный результат, начинает анализировать и думать о том, как следовало бы действовать. «Русский мужик

задним умом крепок», – гласит народная мудрость. Именно эту грань характера русских фиксирует приведенная ФС.

Некоторые ФС связаны со сложившейся у русских спецификой общения, ведения диалога, беседы. Исследователи выделяют два типа диалога как два типа речевого поведения – диалог сотрудничества и диалог соперничества и обращают внимание на преимущественное преобладание того или иного типа у представителей той или иной нации. У русских распространен диалог соперничества, при котором интересы говорящего и слушающего могут вступить в конфликт, говорящий может быть заинтересован в самовыражении даже в ущерб согласованности общения. Цель говорящего – поиск истины, и в такой ситуации поддержание гармоничных отношений отходит на второй план. «Русский всегда спорит на победу» [Прохоров, Стернин 2006: 206].

Русские рассматривают общение не как формальный акт, поэтому допускают, что собеседника можно не только эмоционально похвалить (для этого, как уже отмечалось, класс ФС располагает большими возможностями, ср. *Ай да молодец!; Вот это Саша*! и другие ФС положительной оценки), но и покритиковать, пожурить. Для этого, в частности, могут использоваться предложения фразеологизированных структур, например: *Куда тебе в университет!; Тебе ли мечтать об этой девушке!; Ему ли думать об аспирантуре,* которые подвергают сомнению способности, возможности адресата или третьего, или *Ох уж эти мне твои фокусы и капризы! Тебе бы только спать да развлекаться!,* передающие негативное отношение к поведению собеседника.

Говорящий может постараться склонить собеседника на свою сторону. Компонент «убеждение» проявляется в ряде структур, осложняя их основное значение./ например: *Чем не праздник!; Чем не помощь!* (оценка + убеждение), *Тебе ли не написать эту работу!* (утверждение и убеждение), *Мало ли почему она не пришла; Мало ли какая будет погода!* (возможность разных вариантов + стремление убедить в осуществимости не того, что предполагает собеседник).

Поскольку наиболее частотно осуществление коммуникативного процесса в устной форме, следует сказать об использовании невербальных средств. Известно,

что в ситуации устного общения русские часто сопровождают ФС жестами, мимикой.

Известно, что представители разных национальностей используют жесты в разной степени. Например, итальянцы жестикулируют очень активно, а финны, как и представители других северных наций, в использовании жестов гораздо сдержаннее. Русские занимают в этом отношении срединное положение. Они охотно пользуются жестами, а что касается ФС, то многие из них связаны с характерными жестами, которые усиливают их значение и придают высказыванию и всему процессу общения большую экспрессивность. Так., высказывания типа *Ох уж эти мне дожди!* сопровождаются жестом «всплеснуть руками» или «покачать головой». Когда русский говорит *Ах ты баловница!,* он грозит пальцем, а произнося *Какой там успел!,* может безнадежно махнуть рукой. ФС со значением частного отрицания (*Когда мне было читать!; А кому мне было звонить!*) сопровождают жесты «развести руками» или «пожать плечами».

Таким образом, социокультурный аспект описания предложений ФС важен для более глубокого анализа их семантики и выявления особенностей использования в коммуникативном процессе.

4. Функционирование предложений фразеологизированной структуры в некаконических коммуникативных контекстах

Выше были рассмотрены коммуникативные возможности ФС в обыденном общении, т.е. в полноценной (канонической) ситуации общения. Далее речь пойдет об особенностях функционирования ФС в публицистике и в художественной литературе

Однако сначала, учитывая, что две названные функционально-стилевыне сферы использования ФС расцениваются как неполноценные (неканонические) ситуации общения, важно рассмотреть вопрос о том, как в этих новых коммуникативных контекстах, представлены основные компоненты коммуникативного процесса – говорящий и адресат.

4.1. Адресант и адресат в ситуации неканонического общения

Термин «говорящий» используется и по отношению к адресанту полноценного общения, и по отношению к авторам, создателям текстов-дискурсов других коммуникативных систем. Однако собственно говорящий и адресат представлены только в полноценной коммуникативной ситуации, где общение протекает между реальными людьми. По отношению к монологическим описательным и повествовательным текстам, т.е. к неполноценной коммуникативной ситуации, где говорящий и его собеседник как таковые отсутствуют, точнее говорить о «заместителе», «аналоге» говорящего и адресата. Говорящим может быть и персонаж пьесы, и рассказчик в литературном произведении, и автор публицистического текста, и лирический герой стихотворения, и журналист – автор газетной или журнальной публикации, и ведущий радио- и телепередачи. В монологическом тексте (реальном или внутреннем) говорящий – это также автор собственных рассуждений или размышлений, и здесь ФС являются звеном в его размышлениях и рассуждениях, отражают колебания, неуверенность или, напротив, решимость, принятие решения. В случае внутренних размышлений это может быть самоубеждение или самоосуждение.

Более конкретно роль и функции «говорящего» (аналога говорящего) в монологическом публицистическом и художественном текстах покажем на примере фрагментов, относящихся к названным функциональным разновидностям речи.

(1) В публицистическом тексте нейтрального (не политического и не рекламного) характера, в информационном по содержанию тексте, говорящего заменяет автор, т.е. журналист, публицист. Он ставит задачу рассказать, сообщить что-либо новое, интересное и привлечь к сообщаемому внимание читателя. Адресат, каким он является в полноценном общении, здесь отсутствует.

Адресатом является читатель. Приведем в качестве примера информационного сообщения начало статьи под названием «Секреты батута».

Прыжки на батуте существуют в мире более 200 лет. Цирковые акробаты всего мира исполняют сложнейшие номера на батуте. ***Да что там циркачи!*** *Сам Юрий Гагарин перед первым полетом в космос тренировался на батуте.*

Сейчас прыжки на батуте входят в программу Олимпийских игр. Это сложный снаряд. Чтобы добиться хороших результатов надо начинать тренироваться с пяти лет.

Автор начинает статью с краткого сообщения об истории батута, и его цель – привлечь внимание читателей. ФС, передающая значение градации с оттенком нарастания степени, усиливает впечатление и служит средством развития, расширения объема информации. Говорящий (автор) как бы передает ход своих рассуждений (сначала вспоминает цирковых артистов, затем как бы перебивает сам себя и добавляет еще более впечатляющие сведения о первом космонавте и затем переходит к сути информации). Этим создается динамичность речевого процесса, который воспринимается как рассказ, обращенный к адресату. Непосредственный адресат отсутствует, его аналогом является читатель, который выступает здесь как потенциальный адресат. Адресат-читатель является обобщенным, но ФС и все построение фрагмента, имитирующее ход рассуждений и обращенность рассказа к потенциальному читателю создают у каждого конкретного читателя иллюзию непосредственного обращения именно к нему одному.

(2) В описательном художественном тексте (нарративе) мы также наблюдаем опосредованное общение. Здесь квалификация (идентификация) говорящего сложна. В повести Л Толстого «Детство» читаем: *Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!* ***Как не любить, не лелеять воспоминания о ней?*** *Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений… После молитвы*

завернешься, бывало, в одеяльце, на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие. Но о чем они? (Л. Н. Толстой. Детство)

Кто здесь заменяет говорящего? Выделенная ФС означает ‘Нельзя не любить воспоминаний, люблю их, все любят их‘. Но чье отношение к воспоминаниям о детской поре они отражают? Маленького героя, который является повествователем и от лица которого ведется повествование? Нет, очевидно, взрослого Толстого, автора повести, который, став взрослым, так оценивает детские воспоминания; об этом свидетельствует личное местоимение первого лица (*возвышают* ***мою*** *душу, служат ,* ***для меня***). Но дальше «говорящим» (точнее, его аналогом) становится повествователь, и форма 2-го лица глагола означает и повторяемость, и обобщенность описываемых ощущений, и желание вызвать такие же ощущения у потенциального читателя. Таким образом, сливаются голоса Толстого-мальчика, Толстого взрослого, и голос Толстого – автора повести. В отрывке «звучат» параллельно мысли Толстого-писателя и Толстого-повествователя (ребенка), и эти чувства направлены, передаются потенциальному адресату – читателю, у которого они должны найти отзыв. Этому способствует форма глагола 2-го лица единственного числа (***завернешься*** *в одеяльце*)

(3). Следующий отрывок взят из рассказа В. Токаревой: *Людей объединяет успех, а не обиды. Обиды разъединяют.* ***Казанцеву не до гостей****. Власть качается под ним, как земля. Не знаешь, откуда упадет и раздавит.* Здесь мысли рассказчика и героя совпадают, и объяснение состояния Казанцева, начатое повествователем, переходят в несобственно-прямую речь самого героя, содержащую его мысли и аргументы.

(4) *На тумбочке возле кровати лежал Николай Васильевич Гоголь, которого не перечитывала после школы. Хорошо бы перечитать всю классику.* ***Когда же и читать, как не на*** пенсии**.** (В. Токарева. На черта нам чужбина).

Этот фрагмент, оформленный как речь повествователя (автора), представляют собой внутреннюю речь героини (об этом свидетельствует определенно-личное предложения с пропуском местоимения *она*, которое было

бы необходимо в речи повествователя). Героиня, глядя на непрочитанный томик, оправдывает себя, а может быть и напоминает себе о своих пенсионных читательских планах.

(5) ***Но что ей теперь были его слова****, пусть даже самые хорошие, добрые и правильные?* ***Что ей теперь были его слова*** *в сравнении с его поступком. который заметит весь мир, и который войдет в историю Но войдет в эту историю и она, от которой так или иначе ушел ее великий муж* (П. Басинский. Бегство из рая).

В жанре художественной публицистики также может иметь место полифония голосов. В приведенном фрагменте ФС передают отчаяние жены писателя, которой адресованы его добрые слова и которые теперь ничего не значат по сравнению с его уходом. Она как бы оценивает свое положение со стороны (ср. местоимение третьего лица ***она)***, с позиции людей, которые о узнают об уходе писателя. Но здесь слышен также и голос автора, описывающего ситуацию, который предполагает, какие чувства овладели женой писателя, понимает ее состояние, ее отчаяние и сочувствует ей, так как тоже знает, что любые слова теряют смысл, если поступки могут свидетельствовать (или свидетельствуют?) о другом (или могут быть так восприняты окружающими).

4.2. Функционирование предложений фразеологизированной структуры в публицистике

Активное использование ФС в публицистике обусловлено специфическими особенностями самих ФС, с одной стороны, и спецификой публицистики – с другой.

Социальное назначение публицистики – информировать широкие круги читателей (слушателей) по различным актуальным вопросам общественно-политического, социокультурного характера. Принято выделять два основных подстиля публицистики: официальный, для которого характерна книжная направленность в отношении используемых средств языка, их стилистическая однородность, и «фамильярный», который представлен в материалах

неполитического, неофициального содержания и отличается активностью иностилевых, особенно разговорных, элементов. Содержание, стилистическая специфика, обусловливают крайне ограниченное использование ФС в материалах первого подстиля. Областью использования ФС является так называемый «фамильярный» подстиль публицистики, где синтаксические фразеологизмы уместны в силу их принадлежности к разговорным синтаксическим средствам литературного языка, а также их экспрессивности, выразительности.

Публицистические тексты этого подстиля, как и всей публицистики, отличаются разноплановостью содержания и многожанровостью, и ФС органичны в материалах, передающих разную информацию. Это могут быть:

– размышления автора о событиях культурной жизни и о деятелях культуры: *В галерее театральных образов, созданных Марком Прудкиным, есть Яго («Отелло») и Дульчин («Последняя жертва» Островского), Вронский и Каренин («Анна Каренина»), прокурор Бреве («Воскресение») и Достигаев («Достигаев и другие»), Крутицкий («На всякого мудреца довольно простоты»)… **Что ни роль, то неожиданность**, ибо требует определенного амплуа.*

– сообщения о жизни предприятий промышленного и аграрного секторов экономики: *Поголовье коров, свиней, овец уменьшается. Негде пасти скот, собирать корма. Все больше площадей передают садоводам, огородникам. **Не кормить же скотину на фермах комбикормом?** Тем более что и он подорожал за этот год вдвое.*

– информация о проблемах повседневной жизни людей*: Жители протестуют против установки нового памятника на Патриарших прудах. Они говорят: **«Есть памятники и памятники».***

– информационное сообщение о погоде*: В центральных районах России будет нулевая температура. **Но ноль нолю рознь,** и погода в разных областях будет иметь свои особенности.*

– спортивная информация: ***У этого боксера что ни бой, то сенсация, то самый главный, что ни противник, то знаменитость;*** В Сочи сегодня

чудесная погода. Многие люди загорала. *Но **нашим девушкам-фигуристкам, участницам Олимпиады было не до принятия солнечных ванн*** (из телерепортажа).

Если говорить о прикрепленности ФС к определенным жанрам публицистики, следует отметить их наибольшую активность в таких неофициальных жанрах, как интервью, очерк, репортаж, заметки, статьи разного содержания, фельетон.

Естественны ФС в интервью, который можно рассматривать как аналог полноценной ситуации общения, представленный в письменной форме. В интервью ФС чаще встречаются в речи интервьюируемого лица, которая нередко сближается с разговорной устной речью: *Я точно не гурман, хотя люблю поесть. За свою гастрольную жизнь **каких только блюд не перепробовал**: из монгольской кухни, японской, китайской, но однозначно остаюсь поклонником украинской. Я ведь родился на Украине.* (из газетного интервью); *Академик Несмеянов в беседе с нами на наш вопрос о его отношении к домашней библиотеке сказал: «Без домашнего собрания книг я даже не представляю, как можно действовать. **Не бегать же за каждой книгой в библиотеку!** Да, нельзя безвылазно сидеть в общественных библиотеках, до которых подчас и непросто добраться. К тому же книги, в частности для наведения справки, могут потребоваться в любую минуту. Поэтому всегда предпочтительнее иметь в домашней библиотеке необходимые книги* (из газетного интервью).

В других жанрах преобладает монологическая форма изложения, монологический текст, который представляет собой опосредованное обращение автора, журналиста (аналог говорящего) к потенциальному читателю, опосредованный разговор с потенциальным адресатом-читателем.

Для публицистики характерен особый характер адресата – его массовость. Публицистика обращена к широкой аудитории, и при этом стоит задача быстро донести новую информацию, оперативно информировать читателя или слушателя, поэтому газетно-публицистические тексты характеризуются логичностью и точностью изложения, известной обобщенностью в передаче

материала. В этой связи типичной языковой особенностью является использование понятной лексики и наличие своеобразных устойчивых газетных выражений (клише), узнаваемых синтаксических единиц, что не затрудняет, не тормозит знакомство с новой информацией.

Спецификой публицистики как сферы массового информирования определяется характер синтаксиса. «Синтаксис газетного, радио- или телетекста колеблется на грани между разговорной непринужденностью и умеренной книжностью» [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 126]. ФС полностью соответствуют этой особенности: они информативны, кратки и понятны всем носителям языка.

В то же время в газетных текстах обычно сочетается две направленности – информирование и аналитичность. Хотя по-прежнему существуют разные мнения относительно того, в чем заключается задача журналиста – информировать читателя, или также и давать аналитическую оценку материала, автор стремится сообщить объективную информацию, и в то же время он вольно или невольно дает свою оценку представленного факта. «Стилю газеты свойствен в основном эмоционально-личностный характер, т.е. такой тип речи, в котором повествование совпадает с авторским «я», обобщенно представляющим коллективное авторство («я» выступает от лица множества) [Практическая стилистика русского языка 1982: 61].

Аналитичность определяет открытую оценочность речи, полемичность изложения, что отражается в лексике и в особых синтаксических средствах. В приведенных выше примерах из разных жанров ФС выполняют такую аналитическую роль. Ср.также: *Этот артист полностью лишен звездности. Он был скромен и доброжелателен.* ***Хотя уж кто-кто, а он мог бы похвастаться своими достижениями.*** *Популярность у него была удивительная* (из телепередачи).

Информативно-аналитическое изложение в определенных случаях сочетается с убеждающим (персуазивным) изложением, при котором автор ставит цель убедить читателя, старается склонить его на свою сторону. Таким образом,

характер задач публицистики и условия общения обусловливают единство двух основных функций – информативной и воздействующей.

Воздействующая функция обусловливает призывность, выразительность газетно-публицистической речи, стремление к новизне выражения, определенную рекламность. В.Г. Костомаров отмечает, что в газетно-публицистической речи «Сочетание расчета на разум и чувства, на «язык мыслей» и «язык эмоций»… причудливо переплетается с соотношением новостей и мнений, убеждающее и организующее, внушая читателям существенное и важное» [Костомаров 1971: 42].

Для эффективного воздействия на читателя активно используются эмоционально окрашенная лексика, фразеологизмы и различные выразительные языковые средства. ФС как специфические синтаксические структуры, выражающие субъективно-модальные значения и обладающие яркой экспрессивностью, полностью отвечают этой особенности публицистических текстов.

Следует отметить активное использование ФС в качестве заголовков газетных и журнальных статей, заметок, сообщений. Известно, что заголовок играет в тексте важную коммуникативную роль. Он актуализирует все категории текста и выполняет разные функции в зависимости от стилистической и жанровой принадлежности текста. Газетно-публицистический заголовок, как правило, является представителем содержания текста, т. е выполняет информативную функцию. Продуманный, удачный заголовок, как правило, должен отражать содержание следующего за ним сообщения и основную мысль автора.

В публицистике наиболее полно реализуется также апеллятивно-экспрессивная (воздействующая) и рекламная функции заголовка [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003: 188]. К газетному заголовку как к особому лингвистическому объекту есть определенные требования и прослеживаются закономерности его организации как компонента текста.

Заголовок, представляющий собой ФС, позволяет реализовать эти требования. Такой заголовок отличается информативной насыщенностью, четко

информирует читателя о содержании предлагаемой публикации. Кроме того, он сразу ориентирует читателя относительно позиции автора, что достигается за счет эмоционального компонента ФС и ее экспрессивности. Благодаря тем же признакам ФС обладает большой силой воздействия и становится семантическим центром помещаемой далее статьи.

Особенно часто используются в этой роли ФС со значением оценки: *Всем сезонам сезон!; Ох уж эта эстрада; В Арктике как в Арктике*. Используются ФС и других семантических групп: *Летать так летать!; Восток есть Восток; Двойка двойке рознь; Когда министру не до песен; Карман карману рознь*. Такой заголовок привлекает внимание, нередко интригует читателя, «возбуждает психическую зону внимания адресата» [Формановская 2012: 35] и побуждает ближе познакомиться со статьей или заметкой. Содержащаяся в таких заголовках авторская оценка является дополнительной мотивацией для читателя: если она совпадает с мнением читателя, ему приятно получить дополнительное подтверждение своей позиции, если оценка не соответствует его мнению, это может вызвать еще больший интерес, разжигает читательский азарт, и тем самым акцентируется аналитико-оценочная сторона публицистики и обращенность автора к потенциальному адресату – читателю.

Содержательность, эмоциональная насыщенность ФС в сочетании с краткостью формы обусловливает их преимущество при использовании в качестве заголовка перед заголовками, представляющими собой высказывания свободной структуры. Если озаглавить статью предложением свободной структуры, близким по смыслу фразеологизированному, то при такой замене, как правило, произойдут определенные потери в выразительности, эмоциональности, такой заголовок может оказаться длинным и вообще не отвечающим требованиям к заголовкам. Он утрачивает свою рекламную и воздействующую направленность.

ФС в заголовке может быть дана не полностью, она может оборваться, но при этом ее информативная и воздействующая функция выполняется, так как ФС, которые в большинстве своем семантически однозначны, хорошо знакомы

носителям языка, и читатель легко домысливает, что хочет сказать автор, а незавершенность создает некоторую интригу и поэтому вызывает еще больший интерес у читателя, ср.: *Кому как не бывшим солдатам….*

ФС удачно используются также для надписей под фотоснимками, рисунками: *Вот так гриб; Вот так глыба; Чем не Маргарита; Старожилка из старожилок М. Спирина с внучкой; Всем мама мамы!; Какие лица у московских дворников!*

Использование ФС в качестве заголовков, а также надписей к фотографиям, обусловлено тем, что такие предложения обладают структурной завершенностью и семантической однозначностью. В то же время многие из них, отличаются семантической емкостью, смысловой насыщенностью, их значение многокомпонентно. ФС нередко содержат больше информации, чем в них выражено. Воспринимая такое высказывание, можно понять больше, чем услышал. Такие фразеологизированные предложения сами являются своего рода текстом.

ФС хорошо вписываются и в сам текст, В частности, они могут быть хорошим, удачным началом статьи или сообщения, выполняя при этом важную роль в привлечении внимания, создании интриги: (1) ***В Москве, в Суриковском институте что ни год появляются новые имена художников***. *Среди них и Виктор Рижков, о котором я хочу* рассказать *вам подробнее* (Культура); (2) ***Нашей известной юмористке в последнее время не до смеха***. *Еще совсем недавно она рассказала о том, что собирается замуж. И вот выяснилось, что родители жениха ставят одно неожиданное и трудновыполнимое условие* (из газет); (3) ***Когда как не в канун наступления Нового года, поговорить о времени,*** *о его роли в нашей жизни задуматься о нашем отношении к нему и о его сложных и неоднозначных проявлениях*

Отметим, кстати, что во втором примере автор удачно использовал ФС для языковой игры, соединив название профессии героини (юмористка) и семантику ФС. Это еще и яркая иллюстрация того, что авторы любят использовать ФС, для целей выразительности, а также с юмористической целью. В последнем примере

автор стремится настроить читателя на восприятие содержания статьи, подчеркивая с помощью ФС логичность, естественность времени, выбранного им для разговора на данную тему, и заинтересовать темой, перечисляя уже в самом фразеологизированном высказывании вопросы, моменты, предлагаемые им для обсуждения, а конкретная семантика ФС в сочетании с экспрессивностью создает у читателя ощущении обращенности именно к нему.

ФС, используемые в середине текста, могут играть разную роль. Они могут быть логическим смысловым звеном повествования: *Тверской бульвар – это не только старейший, но и знаменитейший из всех московских бульваров.* ***Здесь что ни шаг – история, что ни дом –материал для увлекательного рассказа.*** *Поговорим о некоторых из них*. Здесь ФС, по смыслу можно заменить, например, высказыванием *Здесь всё связано с историей, каждый дом имеет интересную судьбу*, но фразеологизированное предложение создает экспрессивность. Ср также: *Посмотрите на эту скалу. Существует такая легенда, связанная с ней и с богиней любви. Мы в Крыму.* ***А в Крыму что ни скала, то легенда.***

В других случаях автор сочетает, соединяет объективное информирование читателя со своим стремлением проанализировать информацию или даже воздействовать на читателя: (1) *Не всякий человек может сделать великое открытие, создать великое произведение литературы и искусства, совершить великий подвиг, но всякий человек, повстречав и узнав свою любовь, может быть велик в любви. Велик – и, значит, свободен, щедр, милосерден.* ***Это ли не прекрасно? Это ли не путь к нравственному совершенствованию?;*** (2) *Попросите своих знакомых нарисовать поезд. Четверо из пяти нарисуют паровоз. Не электричку, не тепловоз, а именно паровоз.* ***Каких только эпитетов не удостаивался паровоз за более чем полуторавековую историю.*** *Был он и «восьмым чудом света» и «железным конем цивилизации», и «двигателем прогресса»…. За всю историю своего существования паровоз становился героем как курьезных, так и трагических ситуаций.*

Использование ФС позволяет автору не просто проанализировать сообщаемую информацию, но и выразить свое отношение или побудить читателя

задуматься о необходимости, важности, ценности того, что является объектом сообщения, например: *Ток-шоу сейчас пользуются огромной популярностью!* ***Куда без них!*** *Самые массовые и популярные – это «Пусть говорят» и «Честный понедельник»* (из газет).

С воздействующей функцией публицистики связано активное развитие жанра рекламы. Следует отметить, что ФС активно используются в рекламах разного содержания. Приведем ряд примеров.

(1) (реклама в радиопередаче для дачников:) *Весна. На кустах. деревьях появляются вредители. В одной почке до 6 000 личинок.* ***Куда там бороться вручную****! Позаботьтесь заранее об эффективных средствах борьбы с вредителями!*

(2) (реклама зеленого горошка, помещенная вместе с соответствующим снимком в журнале фирмой «Азбука вкуса»:) ***У нас что ни горошина, то принцесса!***

(3) (реклама по радио:) *У нашей клиники много постоянных клиентов. Вот отзыв одной из них, Варвары Николаевны: «Не клиника, а находка. Заплатил один раз в год и лечи зубы сколько хочешь –* ***хоть каждый день пломбы ставь.*** *И деньги смешные: всего 15 тысяч за целый* год».

ФС выполняют не только смысловую, но и композиционную роль: членят текст, выделяя существенное и важное, акцентируя нужный содержательный компонент текста: *У «Веселых и находчивых» теперь появился свой дворец. Это настоящий праздник Но!!!* ***Праздники праздниками, а к трудовым будням «Веселым и находчивым» надо возвращаться.*** ФС может делить сообщение, чередуя передачу информации с ее авторской оценкой и тем самым отражает прямую обращенность к читателю. Так, в следующем примере ФС позволяет автору перейти в своем сообщении от одной мысли к другой, причем от объективной грустной констатации к оптимистичной оценке и тем самым положительно настроить читателя: *Население планеты стареет. Но* ***старость старости рознь****. Есть люди, которые и в преклонном возрасте сохраняют бодрость, энергию и радость жизни.*

Автор, может использовать ФС, чтобы отделить себя как профессионала, цель которого сообщать объективную, достоверную информацию от распространителей слухов и противоречивых мнений: *В обществе ходят самые разные слухи относительно последних событий в этом городе.* ***Слухи слухами,*** *но общественность должна знать правду. Передаем репортаж с места событий.*

Следует обратить внимание на то, что ФС отвечают обоим названным требованиям публицистики: они, с одной стороны, понятны, известны всем носителям языка и поэтому могут рассматриваться как средство экономного и быстрого информирования, с другой стороны, они содержат эмоциональный компонент и экспрессивны, что сочетается с открытой экспрессивностью публицистической речи.

В.Г. Костомаров сформулировал принцип сочленения стандарта и экспрессии [Костомаров 1971]. После экспрессивного заголовка, представленного фразеологизированной структурой, может следовать вполне стандартное сообщение. Нейтральный или даже стандартный с точки зрения языка текст может включать ФС, отличающуюся эмоциональностью и экспрессией. Ср.: *Первый российский вуз, Петербургский академический университет просуществовал всего 40 лет и закрылся из-за нехватки студентов, их было даже меньше, чем учителей. Все последующие вузы в XVIII. сталкивались с такой же проблемой.* ***Какой уж тут отбор абитуриентов!*** *Студентов набирали чуть ли не силой, при этом обещали полный пансион* (из газет).

Статья, заметка, озаглавленная ФС с целью привлечения внимания читателя, может сопровождаться подзаголовком или небольшой преамбулой, выполненной в нейтральном стиле для более детального пояснения содержания. так, статья, озаглавленная *Рим как Рим*, сопровождается преамбулой: *Имея тысячелетнюю историю, Рим не изменился, остался прежним.*

Кроме названных информативно-аналитической и воздействующей функций публицистика выполняет и другие, например, просветительскую, воспитательную, развлекательную, организующую и др. Так, в следующем

фрагменте цель автора, очевидно, не в том, чтобы проинформировать читателя, а в том, чтобы дать читателям совет, рекомендацию, повлиять на них, может быть, воспитать разумное отношение к одежде и отдыху: *Собираясь в отпуск, тщательно продумайте, что взять с собой. Много, естественно, брать не стоит, отложите вечерние и деловые костюмы –* ***отдых есть отдых****, и одежда для него должна быть соответствующая.*

Таким образом, публицистика – сложная и неоднородная разновидность языка, речи, что соответствует сложности, многообразию и неоднородности задач, которые решаются в данной сфере коммуникации, в данной области речевой деятельности. Активное и широкое использование ФС как специфических синтаксических построений, обладающих широким разнообразным коммуникативным потенциалом, способствует более полной и эффективной реализации всех задач публицистики.

4.3. Функционирование предложений фразеологизированной структуры в художественном тексте

Художественное произведение представляет собой целостный сложный мир образов, «вторичную» действительность, которая формируется в сознании писателя, проникнута его отношением, его авторской идеей, которая обычно явно не декларируется, а как бы скрыта, завуалирована в словесных формах, используемых писателем. Этот образный мир направляется читателю, который затем воспринимает его своим сознанием и интерпретирует. Специфика произведений художественной литературы в том, что они характеризуются эстетической функцией, которая реализуется через категорию образности. Образность понимается как форма «воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов» [Практическая стилистика русского языка 1982: 122]. Из этого определения вытекает, что образность – это и форма выражения отношения автора к описываемому. Этими чертами литературы объясняется читательское видение изображаемого в

художественном произведении и через него – осмысление широких жизненных явлений.

Художественное произведение – это не замкнутый мир, оно живет в связи с внешним по отношению к нему миром т.е. с миром самого писателя, современного ему обществом. с миром читателей (современных и будущих). Поэтому оно имеет не только внешнюю сторону, но и скрытое идейно-эстетическое содержание, «подтекст». Все, что выражается в произведении, выражено через посредство языковых средств, форм; эти языковые формы в процессе функционирования в художественной ткани произведения могут обретать свой истинный смысл не только во взаимодействии друг с другом, но и в контексте экстралингвистических и «надъязыковых» содержательных компонентов» [Васильева 1989: 144].

Сила впечатления зависит от силы словесной изобразительности. Особенность языка художественной литературы как особой разновидности языка заключается в том, что он использует языковые средства не только литературного языка, но и всего национального языка, и между тем он осознается как образцовый язык, как язык, наиболее полно воплощающий качества литературного языка, его богатые возможности.

Язык художественной литературы отличается многообразием, богатством выразительных и образных средств. Эстетически-образная функция художественной литературы достигается через использование всех ее языковых средств в совокупности, а ФС включается в этот арсенал образно-выразительных средств, отдавая в распоряжение автора, художника слова свои специфические возможности. В структуре художественного текста проявляется соотношение между языковым значением ФС и их художественной функцией в контексте данного текстового фрагмента или всего произведения.

Как отмечает Е.В.Падучева, в нарративе значения языковых элементов, языковых единиц получают другую интерпретацию, их следует рассматривать как производные от их характера в отдельном высказывании и в полноценной коммуникативной ситуации [Падучева 1996].

Наблюдения показывают, что ФС встречаются в произведениях классики, в литературе двадцатого века и в произведениях современных писателей, что свидетельствует о том, что эти синтаксические построения представляют собой устоявшийся, органичный пласт русского языка. Однако следует отметить неодинаковую представленность данных структур у разных писателей, как ранних, так и современных, что вполне естественно. Наличие тех или иных языковых особенностей в художественных произведениях связывают обычно не со спецификой самой художественной литературы (как в других стилях), а с индивидуальным стилем писателя.

Использование ФС обусловлено также жанровыми особенностями художественного произведения. Так, ФС активно используются в драматических произведениях, которые, в соответствии с жанром, строятся на диалогах. Основной особенностью драматического произведения в сравнении с повествовательным является перенесение основной стилистической нагрузки на речь персонажей, ее повышенная стилистическая значимость, непосредственная связь реплик со сценическим действием. «Прямая речь персонажей, подчиняясь критерию жизнеподобия, наиболее близка по своему строю к общему языку, и здесь особенно активно проявляется разговорный стиль» [Васильева 1989: 144]. Писатель воссоздает естественные ситуации общения, типичные для реальной жизни с ее характерными чертами и языковыми особенностями, а следовательно очень удачным может быть включение ФС. Такие диалоги драматических произведений являются аналогами полноценных коммуникативных ситуаций:

(1) – [Липочка:] *Да, вам житья нет! Воображаю. А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху?* ***Чем не бесподобная партия? Чем не капидон?*** *Что вы нашли в нем легковерного*?

– [Аграфена Кондратьевна:] *А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль*! (А. Островский. Свои люди –сочтемся).

(2) [Бабакина:] – *Здравствуйте, молодые люди…*

[1-ый гость:] –*Молодые люди…а вы разве старая*?

[Бабакина:] – ***Где уж нам в молодые лезть*** (А. Чехов. Иванов).

(3) [Соня:] – *Папа, ты сам приказал послать за доктором Астровым, а когда он приехал, ты отказываешься принять его. Это неделикатно. Только напрасно побеспокоили человека…*

[Серебряков:] *–На что мне твой Астров? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии.*

[Соня:] *–**Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет**.*

[Серебряков:]– *С этим юродивым я разговаривать не стану* (Чехов. Дядя Ваня).

(4) [Подхалюзин:] – *Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.*

[Липочка:]– *Ком ву зет жюли*.

[Подхалюзин:] *–А это что такое-с?*

[Липочка:] – *Как вы милы!*

[Подхалюзин:] (вскакивает со стула) *Вот она жена-то какая-с! **Ай да Алимпияда Самсоновна!** Уважили! Пожалуйте ручку!* (А. Островский. Свои люди –сочтемся).

(5) [Большов: *–Ведь вот, ты теперь все пороги обобьешь таскамшись-то*.

[Рисположенский:] *–**Как же мне не таскаться-то!** Кабы я вас не люблю я бы к вами не таскался. Разве я не чувствую?* (А. Островский Свои люди – сочтемся).

(6) [Бальзаминова:] – *А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!*

[Бальзаминов:] – *Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; **какие у него трубки, с какими янтарями**, маменька* (Островский. Женитьба Бальзаминова).

(7) [Лебедев:] – *Да, **А селедочка-матушка всем закускам закуска!***

[Шабельский:] – *Ну нет, соленый огурчик лучше*. (А.Чехов. Иванов)

(8) [Белотелова:] – *Я не обижу. я добрая*.

[Красавина:]– ***Кто ж этого не знает!*** *Весь свет знает. Я это к тому говорю, красавица ты моя писаная, что* ***от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей?*** *Вам жить да нежиться, а нам для вас служить* (А.Островский. Женитьба Бальзаминова).

Использование ФС в прозаическом произведении находится в прямой зависимости от функционально-смысловых типов речи – описания, повествования, рассуждения. Каждый тип речи обладает своими изобразительными возможностями. Изображение портрета героя, его рассуждения осуществляются разными средствами. Повествование характеризуется своими особенностями.

В авторском описании как функционально-смысловом типе речи ФС не столь частотны, но они естественны, если автор стремится дать оценку или вызвать участливое, заинтересованное отношение читателя. Так проявляется функция художественного произведения обеспечивать опосредованное общение писателя с читателем Ср.: *Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто в минуту гнева не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам?* (А. Пушкин. Станционный смотритель) .

Повествование – наиболее динамичный, подвижный тип речи. Использование ФС здесь частотно и естественно. В повествовательном художественном произведении (или в повествовательной части произведения) наличие тех или иных языковых особенностей (в том числе и ФС) связано со структурой текста. В повествовательных художественных произведениях выделяются определенные функционально-речевые слои, каждый из которых обладает своей спецификой. ФС как яркое средство устной разговорной речи наиболее широко представлены в речи литературных персонажей, в первую очередь в диалогах. Они используются в прозаических эпических жанрах (рассказах, повестях, романах). Ср.:

(1) – *И вы это взваливаете на меня?*

*– Прошу тебя, mon cher, как родного… **Не на коленях же мне перед тобой стоять!*** (П. Боборыкин. Китай-город);

(2) *Насилу дождался он [Палтусов] следующего антракта. Палтусов пошел в фойе и наткнулся на Пирожкова.*

*– Не то, – сказал ему Пирожков.– **Хоть не ходи в Малый театр**.*

– Может, мы сами не те?

– У кого был талант, те изленились, а новые из рук вон плохи… (там же);

(3) *– Любишь ты этого Островского. А прежде об нем не слыхать было. **Хмельницкий – вот был сочинитель**…*

– Знаю, бабушка. (там же);

(4) *– Ты чего как с цепи сорвалась? Слова тебе сказать нельзя.*

*– Извини. Просто все меня уже достали с этим замужеством. **Прямо хоть отменяй свадьбу.*** (А.Маринина. Смерть ради смерти);

(5) *– Отойди-ка подальше. А ну как эта хреновина сработает?*

– Он же сказал, что теперь там ничего нет. Он убрал.

*– Откуда ты знаешь? **Мало ли кто тебе что сказал.*** (там же);

(6) *– Никаких объяснений! Пускай арестуют*!

*– Но зачем же? Зачем же так, Палтусов? **Что за бравада?** Вы же говорили мне, что купец – сила, все прибрал к своим рукам…*

– Посмотрим, кто кого пересилит… Тут ум надо, а не капитал. (там же);

(7) *При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повел меня за околицу.*

– Знал ты покойника? – спросил я его дорогой.

*– **Как не знать!** Он выучил меня дудочки вырезывать* (А. Пушкин. Станционный смотритель).

Смысловые особенности функционирования ФС здесь в принципе те же, что были описаны выше, в первой части этой главы («Функционирование ФС в тексте»). Что касается образно-выразительных свойств ФС, то они акцентируют

нужную черту персонажа, позволяют автору более ярко передать отношение персонажа к происходящему, передать его эмоциональное состояние и т.д.

Характерны ФС также для внутренней монологической речи персонажа. В драматическом произведении внутренний монолог персонажа оформляется иногда как «монолог наедине», «разговор с самим собой». Такой прием используется автором для решения его художественных задач. Так, через «размышления» персонажа можно раскрыть поведение и характер главного героя, выразить важную отличительную черту персонажа, дать оценку: [Осип:] *А стало бы и очень бы стало на прогоны; нет…вишь ты, нужно в каждом городе показать себя!* (*Дразнит его:*) *«Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед».* ***Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой*!** (Н. Гоголь. Ревизор). В этой реплике Осипа о своем хозяине раскрываются подлинные черты Хлестакова, образ его жизни; самого Осипа автор показывает как достаточно умного, прозорливого, наблюдательного человека. Кроме того, просматривается и ироническое отношение самого автора (рассказчика) к главному герою.

В прозаическом повествовательном тексте внутренняя речь персонажа дается на фоне авторской речи (речи повествователя). Персонаж выражает свою реакцию на происходящие события, дает им свою оценку. ФС позволяет раскрыть истинную позицию персонажа, которую, может быть, он не решился бы высказать вслух или выразил бы ее не столь четко и экспрессивно. Это позволяет глубже раскрыть определенные черты персонажа.

(1) *Гм… Говоря искренне, по совести,* ***я еще не так стар и плох, чтобы в меня нельзя было влюбиться..*** *Любит же меня жена? И к тому же, любовь зла – полюбишь и козла* (А. Чехов. На даче); (2) *Палтусов сел в угол и поглядел сбоку на Анну Серафимовну. Она замолчала. Ей вдруг стало очень стыдно и даже немного страшно.* ***Что за выходка?*** *Зачем она пригласила его? Это видели. Да если бы никто и не видел – все равно*. (П. Боборыкин. Китай-город); (3) *Он видел кругом одну треть, одну пятую прежних доходов****. Где же им тягаться с его***

приятелями и приятельницами вроде Нетовых и целого десятка таких же коммерсантов? (там же); (4) *Что такое нес генерал? О чем он просил его?* ***Что за нелепость давать ему поручения к богатому родственнику?*** (там же); (5) *Из-за портьеры выглядывала наклоненная голова Евлампия Григорьевича и озиралась.* ***Что за вольность!*** *Никогда он не смел входить до обеда в ее будуар. Ну да все равно. Лучше теперь, чем тянуть* (там же); (6) *Кто умнее ее здесь, в Москве? Знает она всех этих дам старого дворянского общества****. Где же им до нее?*** *Чему они учились, что понимают* (там же).

В повествовании авторская речь нередко сочетается с речью персонажей, или речь персонажа включается в авторскую речь переплетается с нею, т.е. в зависимости от пропорции встречается несобственно-прямая или несобственно-авторская речь. В ней речь персонажа выделяется на фоне авторского повествования тем, что включает черты, воспроизводящие манеру речи персонажа: лексику, синтаксические конструкции, фразеологизмы, восклицательные и вопросительные предложения. ФС являются одним из ярких показателей речи персонажа. К несобственно-прямой речи для передачи внутренней речи персонажа прибегают многие писатели, что позволяет автору решать изобразительные задачи: передавать невысказанные мысли персонажа о себе, его отношение к происходящему, показать его манеру говорить, раскрывая этим глубже образ персонажа, а его мысли о других героях повествования позволяют автору дать характеристику этих героев. Кроме того, через речь персонажа автор может раскрыть и свое отношение к тому или к иному персонажу.

Ср.: *Вадим пошел дальше, вглядываясь в лица прохожих, и ему казалось, ни на одном не видит он печати того, о чем рассказывали.* ***Люди как люди****, самые обыкновенные. Ничего особенного в них не замечал* (А Маринина. Смерть ради смерти); *Отсутствие серебра при сервировке стола было для нее странно.* ***Да какое там серебро****… Братья быстро привыкли спать в доме на соломе без простыней. По всему дому стоял запах сена, а вокруг дома буйно рос бурьян. Дорожки были не расчищены, слуги одеты неопрятно.* ***Да что там слуги****… И*

сам хозяин дома днем облачался в старый длинный халат с пристегивающимися полами, который одновременно служил пижамой (П. Басинский. Бегство из рая).

Если повествователем является один из персонажей (он квалифицируется как рассказчик), в повествование также может включаться внутренний монолог рассказчика, в котором он как бы смотрит на рассказываемые им события со стороны, размышляет о них, анализирует. Ср.: …*и тут-то я в первый и едва ли не в последний раз увидел, сколько нежности и сожаления могли выразить его строгие черты. «**Вот это любовь**, – говорил я себе снова, сидя ночью перед своим письменным столом. – **Вот это страсть!.. Как, кажется, не возмутиться, как снести удар от какой бы то ни было!...от самой милой руки!** А, видно, можно, если любишь* (И. Тургенев. Первая любовь).

Несобственно-прямая речь включает и авторскую речь, важность которой обусловлена «исключительной ролью писателя как творца художественной речи» и самого произведения. Авторская речь выражает внутренний мир героев, их чувства (ср. авторскую речь в первом примере). В авторской речи тоже могут содержаться ФС, особенно, если она воспроизводит состояние героя или автор сближает свою речь с речью персонажей

ФС довольно часто встречаются в поэтической речи, что объясняется их образностью, выразительностью, возможностью передать с их помощью эмоциональное состояние лирического героя.

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего*?*
Я ему молвить боялась,
Как я любила его! (Н. Некрасов)

* * *

Весенний день горяч и золот,
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова – я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен.
Душа поет и рвется в поле,

Я всех чужих зову на «ты»…

Какой простор! Какая воля!

Какие песни и цветы! (Игорь Северянин)

* * *

Кружевеет, розовеет утром лес,

Паучок на паутинке вверх полез.

Брилиантится веселая роса;

Что за воздух! Что за свет, что за краса!

Хорошо гулять утрами по овсу,

Видеть птичку, лягушонка и осу. (Игорь Северянин)

* * *

Какие дни теперь стоят!

Ах, что это за дни!

Цветет, звенит, щебечет сад,

Господь его храни! (Игорь Северянин)

* * *

Ученому ученый рознь*: один*

Старается на пользу брата-зверя,

Другой, прохвост, доживший до седин,

Изобретает пушки, лицемеря. (Игорь Северянин)

Выводы

1. ФС относятся к коммуникативным единицам языка. Они обладают большим коммуникативным потенциалом, что обусловлено самой их лингвистической природой (сочетание признаков фразеологичности и синтаксичности), а также семантикой (субъективная модальность) и функциональной предназначенностью (фатическая функция)..

Функционально-коммуникативное исследование предложений фразеологизированных структур с целью определения их коммуникативного потенциала включает две взаимосвязанные стороны, находящиеся в отношениях

дихотомии. С одной стороны, прослеживается, как фразеологизированные предложения связаны с содержательной структурой текста, какова их роль в его смысловой организации.

С другой стороны, рассматривается, как ФС проявляют свой коммуникативный потенциал в непосредственной коммуникации, в речевом и коммуникативном взаимодействии участников коммуникации. Этот этап функционально-коммуникативного анализа предполагает выход за рамки текста, рассмотрение ФС в динамическом коммуникативном процессе, т.е. в дискурсе.

2. ФС тесно связаны с текстом: с одной стороны, текст должен быть организован так, чтобы его смысловая и логическая сторона обусловливали возможность включения в него данной ФС. С другой стороны, сама ФС является важным звеном текста, дополняющим его. Использование ФС делает текст, т.е. речь говорящего, более насыщенной в смысловом, коммуникативном и эмоционально-экспрессивном отношении. ФС, таким образом, являются текстозависимыми, текстообусловленными и в то же время текстообразующими синтаксическими единицами.

Связь ФС с текстом проявляется как в тексте-диалоге, который строится в процессе речевого взаимодействия двух и более коммуникантов, так и в монологическом тексте (в речи).

Обычно ФС не начинают речь или ее смысловой фрагмент. Они используются «в связи с чем-то», «по поводу чего-либо». ФС – это реакция на какое-либо сообщение, но не само сообщение. ФС обычно сопровождают высказывания информативного плана сами сопровождаются предложениями, находящимися с ними в определенной связи.

Смысловая структура текста, содержащего ФС, обычно включает минимум три части. Первая часть вводит в ситуацию, это информация, являющаяся основанием для последующего использования ФС. Центральная часть текстового фрагмента содержит ФС, который является позиционно релевантным. Фразеологизированное предложение выражает отношение говорящего к информации первой части, дает ее субъективную интерпретацию и тем самым

далее продвигает речевое действие. Цель третьей части – аргументировать, пояснить, дополнить содержание ФС, и тем самым открыть возможность для перехода к следующему этапу речевой деятельности.

3. Отдельно исследуется функционирование ФС в динамическом коммуникативном процессе, т.е. в разных функционально-стилевых разновидностях речи, которые расцениваются как отдельные самостоятельные коммуникативные системы: 1. в обыденном общении (в устной разговорной речи); 2. в публицистике; 3. в художественной литературе.

4. Обыденное общение, является основной сферой функционирования ФС. Это полноценная коммуникативная ситуация, и в ней они в полной мере раскрывают свои коммуникативные возможности.

ФС относятся к эгоцентрическим языковым единицам, т.е. к таким, семантика которых в принципе связана с коммуникацией, содержит отсылку к говорящему (Е.В Падучева) и следовательно ориентированы на реализацию интересов говорящего и адресата.

Класс ФС включает большое количество единиц, что позволяет говорящему выразить множество субъективно-модальных значений, их оттенков и нюансов и связанные с ними интенции.

Поскольку говорящий направляет содержание ФС своему собеседнику, он тем самым побуждает его реагировать, включает адресат в активное общение, при диалогическом общении адресат перенимает инициативу общения, становится говорящим. Контакт, речевое взаимодействие адресанта с адресатом – важнейшая особенность коммуникативного процесса, и ФС благодаря своей экспрессивности, особенностям построения обеспечивают адресанту эту возможность. Некоторые ФС вопросительны по своей структуре, что акцентирует обращенность говорящего, к адресату, придает живость и непосредственность речевому контакту.

В то же время субъективность значения ФС, субъективность выражаемого говорящим отношения к ситуации побуждают адресат активно относиться к позиции говорящего.

Высокий коммуникативный потенциал ФС обусловлен также тем, что они представляют языковое выражение тех мыслительных фрагментов (сложных мыслительных форм, «шаблонов» мысли), которые наиболее типичны для коммуникации людей и наиболее часто востребованы в процессе речевого общения, а лексическая свобода переменного компонета ФС создает содержательное разнообразие реализующих их высказываний, обеспечивающее возможность их использовния в разнообразных тематических контекстах (в общении на самые разные темы). Эти черты ФС делают общение интеллектуально и содержательно более интересным.

Важная особенность ФС в том, что они употребляются в собственно содержательной (а не вводной) части общения, поэтому их роль проявляется в том, что они дополняют, продвигают общение, придают ему динамизм и энергичность, делают его более продуктивным, результативным.

Для устной разговорной речи характерно стремление к краткости, к экономии языковых средств, и ФС, с характерной для них внешней краткостью формы (при семантической сложности и содержательной емкости) полностью соответствуют этому требованию устной речи.

Рассмотрение ФС в социокультурном аспекте показывает, что они отражают некоторые особенности русского менталитета, закрепили некоторые характерные черты русских как коммуникантов, некоторые традиции русского общения. Отнесенность ФС к литературному разговорному языку позволяет говорящему выражать с их помощью свои намерения, не нарушая правилречевого поведенимя, сохраняя согласованность общения.

Ограничения, касающиеся употребления ФС, обусловлены, в первую очередь, не лингвистическими характеристиками ФС, а действием прагматических факторов, характеризующих процесс коммуникации – характером отношений между коммуникантами, ролью вектора «я- ты». «я – вы», «я – ты- он».

5. Тот факт, что ФС относятся к кодифицированному литературному языку, расширяет их коммуникативные возможности. Коммуникативной спецификой ФС

является то, что кроме сферы обыденного общения, о которой шла речь до этого, они активно используются в других коммуникативных системах, а именно в публицистике и в произведениях художественной литературы.

Эти две коммуникативные системы, в отличие от сферы обыденного общения, квалифицируются как неполноценные коммуникативные ситуации (Е. В. Падучева), поэтому в них семантика ФС получает другую интерпретацию, и ее следует рассматривать как производную от ее проявления в классической ситуации общения. Кроме того, в этих новых коммуникативных условиях ФС раскрывают и новые свои коммуникативные свойства, коммуникативные возможности, которые способствуют реализации целей и задач, характерных для названных коммуникативных сфер.

На основании этого можно характеризовать ФС как гибкие, динамичные коммуникативные единицы, которые могут приспособить свои основные сущностные признаки к разным коммуникативным ситуациям, коммуникативным целям.

6. В публицистике ФС используются в первую очередь в так называемом «фамильярном» подстиле, т.е. в материалах неполитического, неофициального содержания, которые отличаются активностью разговорных элементов, сочетают в себе разговорную непринужденность и умеренную книжность. ФС органичны в таких жанрах, как очерк, репортаж, интервью.

Публицистика выполняет разные функции. Наряду с информативной для нее характерна аналитическая, воздействующая, просветительская и др., и ФС создают автору (он квалифицируется как заместитель, аналог говорящего реального общения) большие возможности для реализации разнообразных задач, стоящих перед публицистикой.

ФС способствуют созданию личностно-эмоционального характера изложения, что позволяет автору-адресанту привлечь внимание потенциального читателя (который воспринимается как аналог адресата, т.е. потенциальный обобщенный адресат), вызвать его активное отношение к восприятию информации.

Важнейшая особенность публицистического текста – связь автора с потенциальным читателем. Связь ФС с устной непринужденной речью, сама синтаксическая форма многих из них в сочетании с экспрессивностью создают автору возможность опосредованного обращения к читателю и активизировать восприятие им полученной информации, побуждает активно реагировать, при желании свою интерпретацию ситуации.

Субъективность значений ФС и их выразительность хорошо сочетаются с аналитичностью публицистических материалов.

Важная роль ФС в публицистике – их функционирование в качестве заголовков. Семантическая завершенность, емкость, выразительность в сочетании с краткостью способствуют реализации основных задач заголовка – кратко, в нестандартной форме указать на содержание предлагаемого материала, привлечь внимание читателя, при желании заинтриговать его, при необходимости показать свое отношение к сообщаемому. Те же качества ФС обуславливают из активное использование также в рекламе, надписях под снимками.

7. Особенности функционирования ФС в структуре художественного текста определяются основной отличительной чертой этой коммуникативной системы, а именно эстетической функцией художественной литературы, которая реализуется через образность. ФС включаются в арсенал образно-выразительных средств художественной литературы, отдавая в распоряжение автора свои специфические возможности. В структуре художественного текста проявляется соотношение языкового значением ФС с его художественной функцией.

Использование ФС в художественной литературе связано с ее жанровыми особенностями. Они активны в драматических произведениях. Пьесы строятся на диалогах, основная стилистическая нагрузка переносится на речь персонажей с ее характерными языковыми особенностями, и включение ФС как органичного коммуникативного средства помогает писателю воссоздать естественные ситуации общения, типичные для реальной жизни.

Использование ФС в прозаическом произведении находится в прямой зависимости от функционально-смысловых типов речи – описания,

повествования, рассуждения. Повествование – наиболее динамичный, подвижный тип речи. Использование ФС в повествовательных жанрах (рассказ. повесть, роман) наиболее естественно. ФС как яркое средство устной разговорной речи наиболее широко представлены в речи литературных персонажей, в диалогах. Здесь ФС проявляют свои образно-выразительных свойства: акцентируют нужную черту персонажа, передают его эмоциональное состояние, позволяют более ярко передать отношение персонажа к происходящему, и т.д.

Характерны ФС и для внутренней монологической речи персонажа. В драматическом произведении внутренний монолог персонажа оформляется иногда как «монолог наедине» , «разговор с самим собой».

В прозаическом повествовательном тексте внутренняя речь персонажа нередко оформляется как несобственно-прямая речь, где ФС, наряду с другими языковыми средствами естественной устной речи, выделяют внутреннюю речь персонажа на фоне авторской речи и играют образно-изобразительную и характеризующую роль. Кроме того, через речь персонажа автор может раскрыть и свое отношение к тому или иному персонажу.

ФС довольно часто встречаются в поэтической речи, что объясняется их образностью, выразительностью, возможностью передать с их помощью эмоциональное состояние лирического героя.

8. Таким образом, исследование функционирования ФС в коммуникативном процессе включает широкий круг факторов (лингвистических и экстралингвистических), оно раскрывает новые стороны данных языковых единиц, которые остаются нераскрытыми или не полностью раскрытыми при структурно-семантическом описании. Исследование ФС в этом аспекте показывает их широкий коммуникативный потенциал, их важную роль в обеспечении полноценной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Современная лингвистика, главенствующей идеей которой является идея антропоцентризма языка, привлекает к исследованию все явления языка, в том числе и считавшиеся традиционной лингвистикой периферийными и остававшиеся за рамками активного исследовательского внимания (к ним относились и фразеологические единицы синтаксиса), а также намечает новые актуальные направления лингвистических исследований.

Исследование ФС с позиций современного подхода, показывает их как специфические и многокачественные единицы. Они легко откликаются на все идеи современной лингвистики, проявляют свои свойства а разных аспектах исследования.

2. Фразеологичность – системное явление языка, однако пока недостаточно полно исследованное по отношению к синтаксическим единицам и фактам. Исследование показало, что фразеологичность в синтаксисе – сложное и многогранное явление, реализующееся в построениях разного характера. Фразеологичность широко представлена и в основной синтаксической единице – предложения. ФС являются специфическими фразеологическими единицами. отличающимися от других типов фразеологических образований синтаксиса.

Выделение и исследование предложений фразеологизированной структуры углубляет представление о явлении фразеологичности в синтаксической системе языка, продвигает эту сторону лингвистической науки

3. Сущность ФС как фразеологических единиц, имеющих синтаксическую природу, заключается в том, что их образуют компоненты двух видов, имеющие разную природу – постоянные и переменные (свободные). В качестве постоянных компонентов выступают служебные слова, утратившие или значительно ослабившие свое лексическое значение и грамматические признаки. Они образуют структурную рамку, модель фразеологизированного предложения, определяют его фразеологизированный характер и определяют типовое значение предложенгия.

Переменные компоненты – это слова знаменательных частей речи, которые лексически свободны, их лексическое наполнение определяется говорящим в соответствии с темой, содержанием общения. Ср. выказывания одной модели, имеющие общее значение необходимости осуществить действие, но разное конкретное содержание: *Как не пойти, Как не согласиться, Как не засмотреться!*

Сочетание компонентов двух видов обусловливает грамматическую сущность ФС: они частично воспроизводятся (являясь фразеологизированными единицами), а отчасти воспроизводятся (являясь синтаксическими образованиями).

4. Специфичность предложений фразеологизированной структуры проявляется не только в их грамматической природе, но и в семантике. ФС существуют в языке со своей семантикой.

Направленность на исследование языка как средства общения показывает назревшую необходимость более гибко. более широко посмотреть на природу значения предложения. Предложения различаются по своей роли. функции в процессе общения. Коммуникативное различие предложений обусловливает и неоднозначность их значения. Большая часть предложений служит для выражения информации о внешнем для человека мире, отражает результат познания этого мира. Это предложения информативной семантики. Таковы, в первую очередь, предложения свободных структур.

Однако общение – это не только информативное, но и интеллектуально-эмоциональное взаимодействие коммуникантов, членов социума. В процессе общения важно не только сообщить или получить информацию. но и определенным образом реагировать на не или узнать реакцию собеседника на нее. Эту роль берут на себя предложения коммуникативной семантики, к которым относятся и предложения ФС. Они отражают фатическое речевое поведение человека и нацелены на реализацию потребностей говорящего как коммуниканта.

Фатическая функция ФС реализуется как выражение субъективной модальности. Семантика ФС связана с говорящей личностью, выражает

отношение говорящего к содержанию информации. Это способ для говорящего по-своему представить реальную действительность через его оценку, определенным образом интерпретировать ее. Анализируемый класс насчитывает свыше 50 синтаксических единиц, которые в совокупности обеспечивают адресанту большие семантические возможности для выражения нужного ему субъективного отношения.

5. Семантическая категория субъективной модальности включает множество значений и их оттенков. Это позволило разработать семантическую классификацию ФС. По семантической классификации они объединяются в шесть групп. Классификация представляет собой разноуровневую((ступенчатую) систему, включающую группы, подгруппы и ряды фразеологизированных структур. В то же время семантическая классификация позволяет проследить семантические связи отдельных фразеологизированных структур внутри класса., что также доказывает, что ФС – системное явление языка.

Отдельные структуры класса, относящиеся к одной подгруппе или к разным, могут соотноситься по признаку синонимии (*Вот так характер! – Что за характер; Бывают традиции и традиции – Традиции традициям рознь*), антонимии (*Ай да сестра! – Тоже мне сестра*!), многозначности (*Отдыхать так отдыхать*)

6. Важным является вопрос о границах класса. Не всегда можно однозначно решить вопрос о том, является ли данная структура фразеологизированной, или ее можно отнести к предложениям свободной структуры, или она занимает промежуточное положение. Однозначная квалификация той иной структуры с точки зрения ее фразеологической природы не всегда может быть дана, поэтому количество единиц, входящих в класс, не может быть установлено четко и окончательно, раз и навсегда. В этом вопросе мы придерживаемся положения академика В.В.Виноградова, который гибко решал этот вопрос. Мы принимаем положение В.В. Виногарадова, что существует разная степень фразеологичности, и переносим этот принцип на оценку ФС. В выделенном в работе классе ФС имеются структуры разной степени фразеологичности; это не закрытый класс,

относительно некоторых могут возникать сомнения в правомерности их вхождения в данное объединение, другие структуры могут восприниматься как фразеологизированные, и может показаться странным их отсутствие в классе.

7. Рассматриваемые в работе предложения фразеологизированной структуры представляют собой совокупность предикативных единиц, которые обладают единой грамматической природой, общностью семантики, функциональной предназначенности, что дает основание рассматривать ФС как системное явление. ФС представляют собой отдельный самостоятельный класс синтаксических единиц, образуют самостоятельный сегмент в общей системе языка

8. Как единицы одного класса ФС обладают наряду с общими признаками также специфическими. Поэтому важной стороной ФС явилась индивидуальная характеристика каждой ФС. Все они уникальны и неповторимы. Каждая ФС интересна сама по себе, достойна конкретного тщательного рассмотрения. Их описание строится на основе общих признаков, включает характеристику их структурно-формальных, грамматических, семантических и функциональных особенностей.

9. Фатическая функция ФС, их семантика определили актуальность и целесообразность рассмотрения их функционирования в речевом и коммуникативном процессе с целью определения их коммуникативного потенциала. Этот аспект включает решение двух взаимосвязанных задач; с одной стороны, определяется роль ФС в содержательной, смысловой организации текста, с другой стороны, рассматривается их функционирование ФС в коммуникативном процессе, в дискурсе.

Текстовый анализ ФС показал тесную взаимную и специфическую связь текста и ФС. Это позволяет говорить об их текстозависимой и текстообразующей роли.

При исследовании функционирования ФС в коммуникативном процессе, в дискурсе прослеживается их поведение в трех коммуникативных сферах – в обыденном общении, т.е. в непосредственном, каноническом коммуникативном

процессе, а также в публицистике и в художественной литературе, которые в современной лингвистике расцениваются как неканонические коммуникативные системы.

Особенности использования ФС в обыденном речевом общении определяются факторами, составляющими известную формулу **кто/кому/ что (о чем) /где/ когда/ зачем.**

В неканонических коммуникативных системах, в которых коммуникативный процесс представлен в опосредованном виде, как «автор – читатель», ФС как эгоцентрические единицы, как единицы с особой семантикой и функциональной предназначенностью отдают свои коммуникативные возможности автору публицистического и художественного текстов, что позволяет преодолеть неполноту коммуникативной ситуации, компенсировать отделенность автора и адресата/читателя друг от друга, отсутствие синхронной связи между ними и тем самым способствует достижению тех целей, которые авторы ставят перед собой и которые стоят перед публицистикой и перед художественно литературой.

10. Исследование ФС как единиц, связанных с интеллектуальной и эмоциональной сферой человека, показало, что они представляют собой национально специфические построения. ФС отражают национальные черты русских, особенности из менталитета, их традиции, в частности отношение русских к общению, особенности общения.

11. Введение рассмотрения ФС в научный и исследовательский обиход позволяет расширить взгляд на язык, его роль и значение в жизни человека. До этого изучались центральные явления, а другое отнесены были к периферии, Ср.бытовавшие в научном обиходе термины «периферийные явления», «малый синтаксис», «маргинальные явления» и под. Теперь утвердился тезис: «В языке все важно, все создано человеком и для человека», и ФС подтверждают и раскрывают справедливость этого тезиса.

12. Исследование ФС важно для теории и практики преподавания РКИ Они составляют важный материал, который необходим для обучения практическому владению русским языком и развития коммуникативной компетенции учащихся..

13. В целях углубления теоретического осмысления предложений ФС, а также с практической точки зрения представляется интересным лексикографическое описание предложений фразеологизированной структуры.

14. Дальнейшая перспектива исследования предполагает в качестве весьма актуальной задачи работы сопоставительного характера.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Научная и учебная литература

1. Акимова. Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высшая школа,1990. –162 с.

2. Акишина А.А., Кано Х, Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. – 2-е изд., доп.– М.: КРАСАНД, 2010. – 152 с.

3. Акишина, А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет: учеб. пособие для студентов-иностранцев. –2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1978.– 182 с.

4. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография.– М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271с.

5. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г., Озерова, И.И. Чумак-Жунь. – М., ФЛИНТА: Наука, 2012. –232 с.

6. Алисова Т.Б.Очерки синтаксиса современного итальянского языка. – М., 1974.

7. Алисова Т.Г. Опыт семантико-грамматической классификации предложений // Вопросы языкознания – 1970. - № 2 – 91-98

8. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В. и др. Функционально-коммуникативная лингвистическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2001.- № 6. – С. 215-233.

9. Амиантова Э.И., Белянко О.Е., Красильникова Л.В. .и др. Пособие по развитию речи для иностранных студентов-филологов. (III –V годы обучения).– М.: Русский язык, 1980.–144 с.

10. Андреева С.В. Жесты. – М., 1980. – 118 с.

11. Антропология языка: сб. статей /отв. ред. С.Р.Омельченко .- Вып. 1.– М.: Флинта: Наука, 2010. – 224 с

12. Арват Н.Н. Семантическая структура простого (односоставного) предложения. – Черновцы. 1974.– 67 с.

13. Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Протченко В.П.и др. Словарь русских историзмов: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 228 с.

14. Арутюнов А. Р., Чеботарев П.Г. Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» // Русский язык за рубежом.–1996.- № 5.

15. Арутюнова. Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы – М.: Наука, 1976. – 384 с.

16. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие Факт – М.: Наука, 1988. – 341 с.

17. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 711 с.– С. 136-137.

18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Наука, 1998. – 895 с.

19. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. – М.: Русский язык. – 1983. – 198 с.

20. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д: Изд.-во Ростов. ун-та, 1964.

21. Архангельский В.Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Материалы межвуз. симпозиума /Отв. ред. В.Л. Архангельский. –Тула: Тульск. госпединститут, 1968.– 356 с. – С. 21 -29.

22. Архангельский В.Л. Способы выражения предикативности в устойчивых фразах // Тезисы докладов III республиканской конф.– Баку, 1977.

23. Архангельский В.Л. Семантика фраземного знака // Проблемы русской фразеологии. –Тула. 1978. – С. 9-18.

24. Базылев В.Н. О диалоге в теории языка и в методике (к вопросу о взаимосвязи двух дисциплин) // Сб. науч. тр. Вып. 432. Лингвистические маргиналии. – М.: Московский гос. Лингвистический ун-т, 1996. – С.151-177.

25. Балашова И.Г. Обучение диалогической речи на уроках иностранного языка // Русский язык в поликультурном мире: X М/н научно-практич. конф. (8–11

июня 2016 г.): сб. науч. статей. В.2-х т./ отв.ред. Е.Я.Титаренко.– Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. Т.2 . – С. 34 –40.

26. Балли. Ш.Общая лингвистика и вопросы французского языка – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

27. Балли Ш.Французская стилистика / Пер. с француз. – 2-е изд., стер.. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.– 392 с.

28. Балобанова Л.А. Семантико-прагматический потенциал синтаксических фразеологизмов и их лексикографическое представление в словаре учебного типа: дис. канд. филол. наук. – М., 2004.

29. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – 2-е, изд. – М.: Искусство, 1986.– 446 с.

30. Бахтин М.М. Проблема текста // М.М.Бахтин. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – М.: Русские словари, 1996. –732 с. С. 306-326.

31. Бахтин М.М. / В.Н. Волошинов. Антрополингвистика: Избр. труды (Серия «Психолингвистика»).– М.: Лабиринт 2010. – 356 с..

32. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.

33. Белошапкова В.А. Расширенные структурные схемы простого предложения // Русский язык за рубежом.– 1979.-№ 5. – С. 63 – 68.

34. Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В. Современный русский язык. / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. –560 с.

35. Белошапкова В.А., Володина Г.И О принципах описания простого предложения в целях преподавания русского языка как неродного. // Русский язык за рубежом. – 1980. - № 5. – С. 54 – 58.

36. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам: пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Просвещение, 1965. – 227 с.

37. Белянин В.П. Психолингвистика. 5-е изд. – М.: Флинта: Моск. психолого-социальный институт, 2008. – 232 с

38. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – 2-е изд., стереотип.– М.: Едиториал УРСС, 2002.– 448 с.

39. Бердник Л.Ф. Вопрос как отрицание // Русская речь. – 1974.- № 1.– С.52-55.

40. Берман И.М., Бухбиндер В.А. Ситуативность и обучение устной речи // Иностранные языки в школе.– 1964.- № 5.

41. Битехтина Г.А., Клобукова Л.П., Чагина О.В. и др. Учебник русского языка для иностранных студентов гуманитарных вузов и факультетов. 1-й курс. – М.: Русский язык, 1987. – 400 с.

42. Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи. Монография. Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2011. –153 с.

43. Бондарко А.В. К функциональному анализу элементов разных языковых уровней. // Единицы разных уровней грамматической системы языка и их взаимодействие. М.,1969.

44. Бондарко А.В. Принцип построения функциональной грамматики современных славянских языков //Грамматическое описание славянских языков. М.,1974.

45. Бондарко А.В. Функциональная грамматика – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

46. Бондарко А.В.Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. – 1985.- № 1.– С. 13-23.

47. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл.– Ленинград: Наука, 1978. – 176 с.

48. Борисова Е.Г, Латышева А.Н. Лингвистические основы РКИ Педагогическая грамматика русского языка: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 208 с.

49. Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 306 с.

50. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. Лингафонный курс для иностранцев. – М.: Изд-во Прогресс,1969. – 254 с.

51. Брызгунова Е. А. Параграфы, посвященные интонационным характеристикам простого предложения // Русская грамматика. В 2-х томах. / Гл.ред. Н.Ю. Шведова.– М.: Наука, 1980. Т I. –783 с.; Т.II. – 710 с.

52. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., Изд-во Моск. ун-та, 1984. 116 с.

53. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Возражение под видом согласия // Облик слова. –М.: РАН. Институт русского языка, 1997.– 384 с. – С. 137-147.

54. Валимова Г.В. Функциональные типы предложения в современном русском языке. – Ростов-н/Д, : Изд-во Ростов. ун-та,1967. –331.с.

55. Ван Лимин Изучение синтаксической фразеологии на занятиях по русскому языку в китайской аудитории // Русский язык за рубежом.– 2015.-.№ 6. – С. 83-87.

56. Васильев И.А., Поплужный О.К., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980 – 122 с.

57. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации. – М.: Высшая школа, 1988. – 184 с.

58. Васильева А.Н. Практическая стилистика русского языка для иностранных студентов-филологов старших курсов. – 2-е изд., перераб. – М.: Русский язык, 1989. –190 с.

59. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. К.В.Падучевой.– М: Русские словари, 1996. – 416 с.

60. Величко А.В. Выражение ситуации речи в современном русском языке. // Величко А.В., Туманова Ю. А., Чагина О. В. Простое предложение. Опыт семантического описания – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 120 с. – С 8-44

61. Величко А.В. Язык. Речь. // Пособие по лексике русского языка для иностранных студентов-филологов / Отв. ред. И.П. Слесарева. – М.: Русский язык, 1987. – 208 с. –С. 7-45. (1987а)

62. Величко А.В. Выражение ситуации речи в русском языке // Величко А.В., Чагина О.В. Система работы над русским предложением в иноязычной аудитории (на материале некоторых семантических классов структур).– М.: Русский язык, 1987. – 154 с. – С 74-147.(1987б)

63. Величко А.В. Употребление приставочных глаголов, мотивированных глаголом *говорить* // Русский язык за рубежом. – 1990.- № 4. – С. 25 -34.

64. Величко А.В. Вопросы культуры речи в практическом курсе русского языка // Язык и культура. Вторая междунар. конф. – Украинский институт междунар. отношений при Киевском ун-те им. Тараса Шевченко. Кафедра украинского и русского языков. Доклады. В 3-х частях. Часть II. Киев, 1993. – С.108-109.

65. Величко А.В. Аспект «Культура речи» в практическом курсе русского языка для иностранных учащихся // Русский язык и литература в современном диалоге культур. Тезисы докладов ученых России VIII Конгресс МАПРЯЛ. Германия, Регенсбург. 22 – 24 августа 1994 г.– Россия –Москва, 1994 г. – С 18-19.

66. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учеб. пособие. М., 1996. – 96 с.

67. Величко А.В. Теория грамматики РКИ. К постановке проблемы // Конференция «Теория и практика русистики в мировом контексте». Симпозиум «Теоретическая лингвистика и преподавание русского языка как иностранного». 30 лет МАПРЯЛ. – М.: Диалог-МГУ, 1997. –С. 52-53.

68. Величко А.В. Полифункциональность феномена языка и характерные черты грамматики РКИ конца XX века. // IX Междунар. конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Братислава, Словацкая Республика, 16 –21 августа 1999 г. Тезисы докладов и сообщений.– Братислава, 1999, ч.I. – С.42-43.

69. Величко А.В. Существует ли грамматика РКИ? // Формы обучения РКИ в современных условиях: Междунар.. научно-практич. конф. 10-12 ноября 1998 г.: Материалы и сообщения / Ред. В.В. Добровольская, С.П. Курганова, Н.М. Лариохина.– М.: Диалог-МГУ, 2000 . – С. 3-8.

70. Величко А.В Связь «Язык – человек – общество». Аспекты изучения. // Новые тенденции в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. Материалы междунар. научно-практической конф. 30–31 мая 2001 года. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2002.

71. Величко А.В Русский менталитет в зеркале синтаксической фразеологии // Материалы междунар. семинара «Дни русского языка в Берлине». – М., 2002. (2002а)

72. Величко А.В.Синтаксические фразеологизмы как специфическое явление русской синтаксической системы // Восьмой междунар. симпозиум. МАПРЯЛ. Теоретические и методические проблемы РКИ в начале XXI века. Доклады и сообщения. – Велико-Тырново, 2002. (2002б)

73. Величко А.В Стилевая дифференциация синтаксических структур русского языка и разговорный синтаксис // Язык и социум. Материалы V международной научной конференции 6–7 декабря.2002 г., Минск. В двух частях. Часть I. – Минск, БГУ, 2003. – 127с .(2003а)

74. Величко А.В Разговорная речь и разговорный синтаксис в иностранной аудитории. // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня –5 июля 2003 г. В 4-х т. Том III. – СПб., 2003. – С.238-243.(2003б)

75. Величко А.В Когнитивный подход к языку и практика преподавания русского языка как иностранного // Язык и социум. Материалы VII междунар. научной конф. Минск, 1 – 2 декабря 2006 г. В двух частях. Часть 2. / Под ред. Л Н.Чумак.– Минск: РИВШ, 2007. – С.127-130. (2007а)

76. Величко А.В. Специфика функционирования фразеологизированных синтаксических структур в тексте // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы IV Междунар. научно-практич. конф. 22 – 24 ноября 2007г. МГУ имени М.В. Ломоносова, филол. факультет. – М., 2007. – С. 82-83. (2007б)

77. Величко А.В.Юдина. Л.П. Русский язык в текстах о филологии: пособие для иностранных учащихся. – М.: Русский язык. Курсы, 2008.– 256 с. (2008а)

78. Величко А.В Особенности усвоения лексических и грамматических явлений русского языка, обусловленные сходством и различием русского и национального языкового сознания // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Материалы VII Междунар. научно-практич. конф. 24 –

26 апреля 2008 г. В 2-х т. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008 . Т.1. – С 15-23. (2008б)

79. Величко А.В., Красильникова Л.В., Кузьминова Е.А. и др. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В. Величко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., Изд-во Моск. ун-та 2009. – 648 с. (2009а)

80. Величко А.В. Фразеологизированные структуры русского предложения // Величко А.В., Красильникова Л.В., Кузьминова Е.А. и др. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В.Величко, 3-е изд., испр. и доп. – М.,: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 648 с. С.38 –54.(2009б)

81. Величко А.В., Красильникова Л.В., Маркова В.А, Чаплыгина Т.Е., Юдина Л.П. Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов. Практический курс. / Под ред. В.А. Марковой. – М., 2011. –160 с.

82. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-грамматическая и семантическая характеристика // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2012.- № 4. – С. 7-24.

83. Величко А.В. Синтаксические средства обыденного общения. Предложения фразеологизированной структуры. // Жизнь языка в культуре и социуме-3.. Материалы конф. Москва, 20 – 21 апреля 2012 г. / От вред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Изд-во «Эйдос», 2012. – 458 с.– С.234-236. (2012а)

84.Величко А.В. Русский язык и русская речь сегодня. Состояние и направление движения // Русистика сегодня: интра- и экстралингвистические проблемы. Материалы III Междунар. конф. Херсон 12 –15 сентября 2013 г.). Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика»: Збірник наукових праць. Випуск 18. – Херсон, 2013. –327 с. – С. 12-18. (2013а)

85. Величко А.В. Фразеологизированные предложения со значением оценки // Русский язык за рубежом – 2013.- № 2. С. 4-31.(2013б)

86. Величко А.В Некоторые особенности общения носителей русского языка сегодня // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: материалы межрегион. науч. конф., г. Саранск 22 –24 мая 2013 г.: (Сокр.версия) / сост. Э.Н.Акимова;

Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, филологич. фак. – Москва – Саранск: ПРО 100 Медиа, 2013. –268 с. – С. 100-103. (2013в).

87. Величко А.В. Фразеологизированные структуры предложения. Когнитивный и социокультурный аспекты // Язык, сознании,. коммуникация. Сб. статей / Ред. кол.: М.Л.Ремнева, Е.Л. Бархударова, А.И. Изотов, В.В.Красных, , Ф.И.Панков – МАКС Пресс, 2013. – Вып. 47. С 83 – 90. (2013д)

88. Величко А.В. Жизнь языка в нашей жизни // Пространство языка – пространство культуры. Материалы региональной научно-практич. конф., 24 мая 2013 г. – М., 2013. С. 48 – 50.

89. Величко А.В. Культурологический анализ фразеологизированных предложений русского языка // Круглый Телиевский стол на тему: «Культурная семантика в языке и в речи». 14 ноября 2013 г. Институт языкознания РАН // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В.В.Красных А.И.Изотов. – М., МАКС Пресс, 2014. – Вып. 50.– С. 40-47.

90. Величко А.В. Синтаксические фразеологизмы в обыденном общении. // Русская речь. – 2014.- № 5. – С. 62 – 67. (2014а)

91. Величко А.В. Обучение общению в теории и практике РКИ // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе. Материалы Третьей междунар. научно-методич. конф., Москва, 19 – 20 февраля 2014 г. Составитель М.В.Беляков. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2014. – 708 с. – С.203 – 208. (2014б)

92. Величко А.В. Развитие коммуникативной компетенции учащегося (лингвистический и методический аспекты) // Русский язык за рубежом. – 2014.- № 3 – С. 28-39. (2014в)

93. Величко А.В. Русский язык как феномен русской культуры // Научные парадигмы современного гуманитарного знания и содержание образования. Доклады Междунар. науч. конф., Петрозаводск, 28 – 31 мая 2014 – Петрозаводск: ПИН, 2014.–101 с. – С.12 –13. (2014г)

94. Величко А.В К вопросу о работе над глагольным и именным управлением. Характеристика пособия «Какой падеж? Какой предлог?» // VI Междунар. Науч.

конф. Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация Интернет, 22– 25 мая 2014 года. – Лёвен, Бельгия, 2014 (2014д)

95. Величко А.В. К вопросу о мотивации в теории и практике русского языка как иностранного // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания.– 2014.- № 4.– С. 32-37. (2014е)

96. Величко А.В. Содержательный аспект занятий по развитию речи и коммуникативной компетенции // Русский язык и культура в современном образовательном пространстве. V Междунар. научно-практич. конф.: Москва, филологич. фак. МГУ имени М.В. Ломоносова. 23 –24 октября 2014 г. Тезисы докладов. – М.: МАКС Пресс, 2014. – 252 с. – С 11-13. (2014 ж)

97. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры как системное явление и их коммуникативный потенциал // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологич. фак., 18–21 марта 2014 г. Труды и материалы Составители М.Л.Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 596-597.

98. Величко А.В. Синтаксические фразеологизмы в художественной прозе. // Русская речь. – 2015.- № 3. – С. 43-46. (2015а)

99. Величко А.В. Разговорная беседа как вид учебной работы по развитию коммуникативной компетенции иностранных учащихся. // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурологи. Педагогика. Методика.– 2015.- №1.– С. 25-30. (2015б)

100. Величко А.В Фразеологизированные предложения в публицистическом коммуникативном контексте // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015.-№ 2. – С.177 – 185. (2015в)

101. Величко А.В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка // Мир русского слова. – 2015.- №2. – С. 12-18. (2015г.)

102. Величко А.В. Использование когнитивного подхода в теории и практике РКИ // Русский язык за рубежом,.–2015. - № 6 .– С. 56 – 62. (2015д)

103. Величко А.В. Семантика предложения с позиций антропоцентрического подхода. // Казанская наука. – 2015.- № 7. – С.59-61. (2015 е)

104. Величко А.В. Речевая деятельность и ее представление языковыми средствами // Казанская наука,.– 2015.- № 9. – С.94-96. (2015 ж)

105. Величко А.В. Культурологический аспект как составная часть занятий по русскому языку // Русский язык в поликультурном мире. IX Междунар. научно-практич. конф. (8 –11 июня 2015г) / отв. ред. Е.Я.Титаренко: Сб. науч. ст. В 2-х частях. II ч. – Симферополь: ООО «Антиква»», 2015. – 406 с. – С. 88-90. (2015 з).

106. Величко А.В. Особенности грамматического комментария при работе с учащимися краткосрочного обучения // Вестник ЦМО МГУ (Вестник ИРЯ и К МГУ). Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015.- № 3.– С. 42-46. (2015и).

107. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры. Грамматический аспект. // Казанская наука. – 2015.- № 10. – С.172 -174. (2015к)

108. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры как языковой и коммуникативный феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.– 2015.- № 4. – С. 7-15.(2015 л)

109. Величко А.В. Вариативность фразеологизированных предложений как отражение их двойственной природы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология.– 2015.- вып. 4 (4). – С. 5-11. (2015м)

110. Величко А.В. Структурно-семантический и коммуникативный анализ фразеологизированных предложений со значением единственности и множественности // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова.– 2016.- Том 22.- № 1. – С. 150-154. (2016)

111. Величко А.В. Обыденное общение как лингвистическая и методическая проблема // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному: сборник статей / отв. ред. Л.С. Крючкова. – М.: ИИУ МГОУ, 2016. – 274 с. – С.66 –72.

112. Величко А.В. Фразеологизированные предложения. Текстовый анализ // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова.– 2016.- Том 22.- № 2.– С.166-169. (2016 а)

113. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в синтаксической системе языка // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии Тезисы докладов междунар. конф. М.: Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2016. – 38 с. – С. 7-8.

114. Величко А.В. Фразеологизированные предложения: модели и их вариативность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2016.- № 7 (61): в 3-х ч. Ч 2. – С.75-78. (2016 б)

115. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 416 с.

116. Величко А.В. Когда есть о чем поговорить, или: Предложения фразеологизированной структуры в русской речи: Учеб. пособие для иностранных учащихся. – СПб.: Златоуст, 2016. – 188 с.

117. Величко А.В.Предложения фразеологизированной структуры и их место в системе языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика.– 2016,.-№ 2. –С.30-32.

118. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О лингвострановедческом аспекте учебника // Содержание и структура учебника русского языка как иностранного. Сб. ст. / Сост. Трушина Л.Б. – М.: Русский язык, 1981. – 288 с. – С.154-170.

119. Виноградов. В.В. Проблема сказа в стилистике. // Сб. «Поэтика». – Л., 1926

120. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка АН СССР. Т.2. – М.– Л., 1950. – С. 38 – 79.

121. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. – М. Изд-во Моск. ун-та 1958. – 400 с.

122. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.,1963.

123. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с. (1972а)

124. Виноградов В.В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке.// В кн.: Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с. С. 23-30 (1972б)

125. В.В.Виноградов. Стиль «Пиковой дамы» // О языке художественной прозы. – М.: Наука,1980. –360 с. – С. 176-239.

126. Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1959. – 492 с. – С. 388-394.

127. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.(1993а)

128. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего. // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно- прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – 224 с. – С. 5 – 29. (1993б)

129. Володин Н.В. Афферентный учебный диалог // Иностранные языки в школе,.–1974.- № 4. – С 41-47.

130. Володина Г.И., Курганова С.П., Лариохина Н.М., Найфельд М.Н. Практический курс русского языка. Для студентов-иностранцев. 2-е изд., испр. – М., Русский язык, 1977. – 446 с.

131. Володина Г.И. А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи. 3-е изд, стер. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. –264 с.

132. Володина Г.И. Некоторые из средств выражения в высказывании субъективных смыслов. Статья I. Семантические роли частицы –**то** // Слово. Грамматика. Речь. Сб. научно-методич. статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. Вып. IV. – С. 10-18.

133. Володина Г.И. Некоторые из средств выражения в высказывании субъективных смыслов. Статья II. Семантические роли частицы –**да** // Слово. Грамматика. Речь. Сб. научно-методич. статей по преподаванию РКИ. –М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. Вып. V – С. 92-106.

134. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки, 2- е изд., доп.– М.: УРСС, 2002. –260 с.

135. В.В.Востоков Об экспрессивных, эмоциональных и субъективно-модальных значениях в предложении // Лингвистический сборник. Вып 9. Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка. – М.: МОПИ, 1977. –168 с. – С.160-168.

136. Всеволодова М.В., Юдина Л.П. Учебник русского языка для поляков (1 год обучения). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 399 с.

137. Всеволодова М.В., Потапова Г.Б. Способы выражения временных отношений.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 248 с.

138. Всеволодова М В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.– 282 с.

139. Всеволодова М.В Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Рус яз., 1988. – С 26 – 36

140. Всеволодова М.В., Панков Ф.И. Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам (информационно-аннотированный обзор). – М.: Гос. ИРЯП, 1999. – 128 с.

141. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса.: Фрагмент прикладной(педагогической) модели языка: учеб. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. –502 с.

142. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке.– М.: Русский язык, 1982.– 264 с. (А также: Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.)

143. Всеволодова М.В., Ященко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Русский язык, 1988-а. 207 с.

144. Всеволодова М.В, Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 164 с.

145.Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. в 6 т., М.: Педагогика, 1982 – 1984. Т. 2. –504 с. С. 5 -361.

146. Выготский Л.С. Проблема эмоций // Вопросы психологии.– 1958.- № 3. – С. 125 –134.

147. Гаврилова Г.Ф., Меликян В.Ю. Асимметричные синтаксические конструкции с негопозитивным значением. // Филология – Philologica – Краснодар: Краснодарский госуниверситет, 1997. - № 12.– С.2-5.

148. Гак В.Г. О содержательной типологии упражнений (на материале фразеологии) // Содержание и структура учебника русского языка как иностранного. Сб. статей / Сост. Трушина Л.Б.– М.: Русский язык, 1981.– 288 с. – С.186-198.

149. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики. (Семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.,1969

150. Гак В.Г.Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е.М.Вольф. – М.: Институт языкознания, 1996. – 168 с. –С. 20-31.

151. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

152. Гак В. Г. Высказывание и ситуация. // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – 600.с. –С. 349-372.

153. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 103 –124.

154. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. –139 с.

155. Германова Н.Н. Повседневное общение и структуры национального менталитета: диалог в русской культуре // Сборник научных трудов. Вып. 432.

Лингвистические маргиналии. – М.: Московский гос. Лингвистический ун-т, 1996. – С.105 – 118.

156. Гольцова (Самойлова) Н.Г. Тавтологические соединения с конструктивным элементом *не* в русском языке. // Лингвистический сборник. Вып. 9. Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка. – М.: МОПИ, 1977. –168 с. – С. 65-74.

157. Гольцова (Самойлова) Н.Г. К вопросу о фразеологизации тавтологических соединений // Лингвистический сборник. Выпуск 9. Проблемы лексикологии и семасиологии русого языка. – М.: МОПИ, 1977. – 168 с. –С 75-84.

158. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики .Учеб. пособие. – М.: Изд-во «Лабиринт»1997. – 224 с.

159. Горелов И.Н. Невербальные средства коммуникации / Отв. ред В.Н.Ярцева. 3-е. изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 112 с.

160. Грамматика русского языка. В 2-х т. – М.:Изд-во АН СССР, 1952 –1954

161. Грамматика современного русского литературного языка. /Под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 768 с.

162. Грекова О.К., Кузьминова Е.А. Русский язык как иностранный. Обсуждаем, пишем диссертацию и автореферат: Учеб. пособие / Под ред. О.К. Грековой. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 296 с.

163. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. – Москва – Вена: Языки русской культуры; 2001. – 256 с

164. Григорьева О.Н. «Я тебе русским языком говорю...» (Об особенностях русского конфликтного диалога) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. V. Сб. научно-методич. статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во Моск.. ун-та,2003. – С. 115-123.

165. Гусарова Т.Н. Мнимо-отрицательные конструкции в современном русском языке // Автореф. Дис. канд.филол. наук. – Л., 1970

166. Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию.– М.: Прогресс, 1984. –398 с.

167. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. 452 с.

168. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка – СПб.,1853.

169. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

170. Дементьев В.В. Жанры фатического общения // Дом Бытия. Альманах по антропологической лингвистике. Вып. 2. – Саратов, 1995. – С. 49-60.

171. Дементьев В.В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность // Жанры речи.– Саратов: Изд-во Гос. учебно-научного центра «Колледж», 1999.– 287 с. – С. 157-173. (1999а)

172. Дементьев. В.В. Фатические речевые жанры. // Вопросы языкознания.– 1999.- № 1. – С. 37-55. (1999б)

173.Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания.–1997.- № 6. – С. 37-48.

174. Жданова И.Ф, Романовская М.А., Величко А.В. Business Russian. Деловой русский: Пособие для самостоятельного изучения русского языка для говорящих на английском языке.– М.: Русский язык, 1992.–377 с.

175. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III –VII классов. // Известия АПН РСФСР.– М., 1955. Вып. 78

176. Журавлева Л.С.Шипицо Л.В., Нахабина М.М. Русский язык. Практический курс для начинающих. – 3-е изд., испр.– М.: Русский язык 1994. – 344 с.

177. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык,1979. – 240 с.

178. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис.– М.: Наука, 1981. – 276 с.

179. Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистка сегодня. М.,1988

180. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи Сборник научных трудов. Отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А.Земская, М.: Наука, 1988. 259 с. С. 5 – 44.

181. Земская Е.А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи Сб. науч. трудов. Отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А.Земская.– М.: Наука, 1988. – 259 с. – С. 234-239.

182. Зимняя И.А. Личностно-деятельный подход в обучении русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом.–1985.- № 5. – С. 49-53.

183. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

184. Золотова Г.А.Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

185. Золотова Г.А.. О коммуникативной значимости синтаксических единиц // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Русский язык, 1988. – С. 6-16. (1988а)

186. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988. – 440 с. (1988б)

187. Золотова Г.А., Онипенко Н.К.,. Сидорова М.Ю .Коммуникативная грамматика русского языка. Под общей ред. Г.А.Золотовой. – М.,1998. –528 с.

188. Евтюхин В.Б. Обусловленность // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Под ред. А.В. Бондарко. –СПб.: Наука, 1996. – 230 с. – С. 138-174.

189. Изаренков Д.И. Речевая ситуация. Функциональные типы речевого действия // Русский язык за рубежом.–1974.- № 2.– С. 48-52.

190. Иевлева (Газизова) М.Х. Пространство и время в «тавтологической» модели концептосферы русского языка // Пушкинские чтения -2000 Материалы науч. конф. 5 июня 2000 г. Гос. ИРЯ им. А.С,Пушкина. – М., 2001. – 112 с. – С. 52-53.

191. Ильенко С.Г. Об употреблении в современном русском языке личных местоимений 3-го лица // Уч. Зап. ЛГПИ им.А.И. Герцена, т. 122, 1956 г. Кафедра русского языка.

192. Ильенко С.Г. Функционирование предложения в тексте

(Текстообразующие потенции и контекстуальные реализации) // Функционирование синтаксических категорий в тексте – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1981.–164 с.– С.5-15.

193. Иомдин Л. Л. Русские конструкции малого синтаксиса, образованные вопросительными местоимениями //Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ.– Sofia, 2007. Т. 1. – С.117-126.

194. Капанадзе Л.А. О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи Сборник научных трудов. Отв. ред.Д.Н. Шмелев, Е.А.Земская. – М.: Наука, 1988. –259 с. – С.230-234.

195. Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Щукин А.Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н.Щукина. 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2009.–312 с.

196. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. Под ред. П.А. Леканта. 2-е, изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1995. – 363 с.

197. Касьнова Н.И. О русском национальном характере. М., 1993.

198. Кайгородова И.Н. Фразеосхема как генетическая основа синтаксического фразеологизма // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания. – Саратов, 1996. – С 67-68.

199. Кайгородова И.Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка): Монография. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 1999. – 219 с.

200. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

201. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ. – 1994.- № 5. – С. 126-139.

202. Киров Е.Ф. Теоретические проблемы моделирования языка. – Казань: Изд–во Казанского ун-та, 1989. – 265 с.

203. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный. / Под ред. А.В.Величко. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд во Моск. ун-та, 2009. 648 с.

204. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособиее М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с..

205. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология.–1995.- №3. – С.102-116.

206. Ковалевская. Т.А. Моделирование учебных ситуаций для формирования коммуникативно-речевых умений учащихся // Шестые Поливановские чтения. Сб. статей по материалам докладов и сообщений. Смоленск 20–21 мая 2003. III Часть. Вопросы методики обучения русскому языку. Лексикография сегодня. История языка и диалектология. – Смоленск 2003.– 244 с. – С. 20-21.

207. Кодухов В.И. Синтаксическая фразеологизация // Проблемы фразеологии и задачи ее преподавания в высшей и средней школе. – Вологда: Северо-Западное книжное изд-во 1967. –350 с. – С.123-137.

208. Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи. Учеб пособие для филол. специальностей ун-тов. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.

209. Козырева Л.Ф. Устойчивые фразы и контекст. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. –120 с.

210. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры.– Новосибирск, 2008.– 212 с.

211. Колосько Е.В., Попкова Е.Д., Федотова Н.С. Учебный словарь устойчивых выражений русской разговорной речи. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2013. – 92 с.

212. Колшанский Г. В.Паралингвистика. – М.: Наука, 1974. – 81 с.

213. Копотев М.В., Стексова Т.И. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. – М.: Языки славянской культуры. Рукописные памятники Древней Руси, 2016. –168 с.

214. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. (фразеосочетания в системе языка). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 190 с.

215. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М., Моск. ун-т, 1971.– 265 с.

216. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 247 с.

217. Костомаров В.Г. Требования к грамматическим упражнениям // Материалы Пятого междунар. методического семинара преподавателей русского языка стран социализма, июнь 1962. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 304 с. С. 199-210.

218. Костомаров В.Г. Русский язык для всех: Давайте поговорим! 5-е изд.– М.: Русский язык, 1981.

219. Костомаров В.Г. Статьи старых лет / Под ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: Изд-во ИКАР, 2010. – 827 с.

220. Костомаров В.Г. Стилистика и паралингвистика // Костомаров В.Г. Статьи старых лет / Под ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: Изд-во ИКАР, 2010. – 827 с. – С. 346-352. (2010а)

221.Костомаров В.Г. Язык текущего момента: Понятие правильности. – СПб: Златоуст, 2014. – 220 с.

222. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: ГАРДАРИКИ, 2005. – 287 с.

223. Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Русская фразеология. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. –М: Русский язык. Курсы, 1990. – 304 с.

224. Красильникова Е.В. Жест и структура высказывания в разговорной речи // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – 238 с. – С.214-235.

225.Красильнокова Л.В., Маркова В.А., Балдина Е.В. и др. Университет: Ступень1: Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов первого года обучения. – М.: МАКС Пресс 2011. – 348 с.

226. Краткая русская грамматика. / Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина. М.: Русский язык, 1989.– 639 с.

227. Крейдлин.Г.Е. Кинесика // Словарь языка русских жестов. – М. – Вена, 2001.

228. Крейдлин.Г.Е, Рахилина Е.В. Синтаксические употребления местоимения «какой» // Системный анализ знаменательных единиц русского языка. Синтаксические структуры. Межвуз. сб. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1984. –150 с. – С. 70-75.

229. Крейдлин.Г.Е, Рахилина Е.В. Восклицательные предложения с местоимением «какой» // Системный анализ знаменательных единиц русского языка. Синтаксические структуры. Межвуз. сб. –Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1984. –150 с. – С.76-83. (1984а)

230. Крючкова М. Л. Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке. / Под ред. О.А. Лаптевой.– М.: Русский язык, 1979. – 120 с.

231. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.– 840 с.

232. Культура русской речи. Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 560 с.

233. Культура русской речи и эффективность общения / Отв. ред. Л.К.Граудина, Е.Н.Ширяев – М.: Наука, 1996. – 440 с.

234. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976. –397 с

235. Левинтова Э.И., Вольф.Е.М. О связи фразеологии с системой языка // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе.– Вологда, 1967. – С. 57-67.

236. Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы регуляции поведения. – М., 1976.

237. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 1974.– 158 с. (а также изд. 2004)

238. Лекант П. А.Типы и формы сказуемого в современном русском языке: учеб. пособие для студентов филологических специальностей пед. ин-тов. – М.: Высшая школа, 1976 – 176 с.

239. Лекант П.А., Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Крысин Л.П. Современный русский литературный язык: учебник. – М.: АСТ – ПРЕСС Книга, 2013. – 796 с.

240. Леонтьев А.А. Теория речевой деятельности и обучение русскому языку // Русский язык за рубежом.– 1967.- № 1. – С 25-29 (статья первая); № 2 .– С.22-26 (статья вторая).

241. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. –212 с.

242. Леонтьев А.А. О речевой ситуации и принципе речевых действий // Русский язык за рубежом.–1968.- № 2. – С.19-23.

243. Леонтьев А.А. Мыслительные процессы в усвоении иностранного языка // Иностранные языки в школе.– 1975.- № 5.– С.72-76.

244. Леонтьев А.А. Об одной модели описания языка для целей обучения // Содержание и структура учебника русского языка как иностранного. Сб. статей / Сост. Трушина Л.Б. – М.: Русский язык, 1981.– 288 с. – С.108-120.

245. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность // Избранные психологические произведения. В 2-х т.– М.: Педагогика,1983. Т. II. – 392 с.– С. 94-231.

246. Леонтьев А.Н. Проблема эмоций // Вопросы психологии. – 1958.-№3.

247. Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. На материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки: дис. канд. филол. наук. – М., 2001.

248. Лим Су Ён Функционально-коммуникативный анализ синтаксических фразеологизмов (на материале синтаксического фразеологизма **Что за прелесть)** //Слово. Грамматика. Речь. Сб. научно-методич. статей по преподаванию РКИ. М.: ПАИМС, 2001. Вып. III. – С 55-57. (2001а)

249. Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. / Отв. ред. Ю.Н. Марчук. - –М.: Наука,1989. –142 с.

250. Лобанова Н.А., Слесарева И.П. Практический курс русского языка для филологов. // Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль

преподавателя в процессе обучения. Доклады советской делегации на IV Конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык , 1979. –С. 159-167.

251. Лобанова Н.А., Слесарева И.П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (3-й год обучения) / Под ред. В.Г. Гака. 3-е изд., испр. –М.: Русский язык, 1988. – 366 с.

252. Лобанова Н.А., Арефьева Т.Л., Крючкова М.Л. Пособие по грамматике русского языка для студентов-филологов (третий курс). М.: Русский язык, 1984. – 144 с.

253. Лобанова Н.А., Слесарева И.П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (четвертый – пятый годы обучения) / Под ред. В. Г. Гака. – М.: Русский язык, 1984. – 231 с.

254. Ломтев Т.П.Предложение и его грамматические категории. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. –200 с.

255. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. –199 с.

256 Лосев А.Ф.: О понятии языковой валентности // Известия АН СССР. Сер. лит и яз. 1981, т 40, вып.-№ 5. – С. 403 – 413.

257. Ляпон М.В.Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции //Язык: система и функционирование. – М, 1988. – С. 158-170.

258. Маркова В.А. Обучение диалогической речи иностранных учащихся (возможные подходы и способ подачи материала в новом учебнике для студентов-филологов) // Слово. Грамматика. Речь: Сб. научно-методич. статей по преподаванию РКИ. – М.: МАКС Пресс, 2012. Вып. XIII. – С. 192-203.

259. Маркова. Е.М. Внутренняя форма слова и фразеологизма: когнитивный, лингвокультурный и лингводидактический аспекты при изучении русского языка в инославянской аудитории // Русский язык за рубежом.– 2011.- № 5. – С.68 -74.

260. Мартине А. Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии.– М.: КомКнига, 2006. – 264 с.

261. Матевосян Л.Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. – Москва-Ереван: Институт языкознания РАН, Изд-во ЕГУ, 2005. – 184 с.

262. Меликян В.Ю. Нечленимые предложения. – Ростов-н/Д., 1999.

263. Меликян В.Ю.Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь: Монография. –Ростов-н/Д., 1999. (1999а)

264. Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимых предложений: учеб. пособие. – Ростов - н /Д.: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2001. –136 с. (2001а)

265. Меликян В.Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи: Словарь. –М., 2001. – 239 с. (2001б).

266. Меликян В.Ю. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения.– Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2002. –242 с.

267. Мельчук И.А. Об одном классе фразеологических сочетаний // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. – Тула, 1968. – С.51-65.

268. Милованова М.С. Семантика противительности и средства ее выражения в русском языке: дис. докт. филол. наук. – М., 2011.– 418 с.

269. Михеева О.В. Роль и место современных фразеологизмов в изучении русского языка как иностранного // Шестые Поливановские чтения. Сб. статей по материалам докладов и сообщений, Смоленск 20 – 21 мая 2003. III Часть / Вопросы методики обучения русскому языку. Лексикография сегодня. История языка и диалектология. – Смоленск, 2003. – 244 с. – С 25-30.

270. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические иэтнолингвистические очерки фразеологии.–3-е изд..– Флинта: Наука, – 461 с.

271. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии.–2-е изд.,перераб., 2005. – 254 с.

272. Москальская О.И. Грамматический идиоматизм и синтагматика // Иностранные языки в высшей школе. Тематический сборник.–1962.- №1.– С. 3-10

273. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (На материале немецкого языка).– М.: Высшая школа, 1974. –156 с.

274. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. –184 с.

275. Муравьева Л. С. Глаголы движения в русском языке. –2-е изд.. – М.: Русский язык, 1975. –270 с.

276. Муханов И.Л. Пособие по интонации для иностранных студентов-филологов старших курсов. – 2-е. изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1989. – 400 с.

277. Муханов И.Л. Жест и мимика в обучении эмоциональным интонациям (устная и письменная речь) // Русский язык за рубежом. – 1989.- № 2.– С. 11-19.

278. Муханов И.Л. Интонация в практике русской диалогической речи. –5-е изд., стер.– М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 174 с.

279. Нечаева О.В. Основные виды простых предложений фразеологизированной структуры // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки, 2008, № 9 (13). – С. 45- 47.

280. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.VIII. М., 1978

281. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. На материала славянских языков / Отв. ред. В.Н.Топоров. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 168 с.

282. Николина Н.А. Типы предложений фразеологизированной структуры с оценочным значением в современном русском языке // Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения. – Л., 1988. – С 61 –70.

283. Николина Н.А. Предложения фразеологизированной структуры с частицей «так» // Русский язык в школе. – 1995.- № 1. –148 с. – С 83-88.

284. Никоновайте Ф.И. Атрибутивно-предикативные фразеологизмы в аспекте формирования их значения и синтаксического функционирования // Филологические науки.–1994.- № 3.– С. 72-80.

285. Никунласи Ахти О принципах изучения синтаксической фразеологии // Русский язык за рубежом. Спецвыпуск. Финская русистика -2015, Раздел 1. Лингвистика и перевод.– С.8 -15.

286. Новиков Л.А., Зубкова Л. Г., Иванов В.В. и др. Современный русский язык / Под общей ред. Л.А.Новикова.– СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 864 с.

287. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего.– СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1994. – 229 с.

288. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – С-Петербург: Издание Д.Е.Жуковского, 1912. – 312 с.

289. Оганесова Р.Д. О фразеологических единицах грамматического значения (временные составные союзы) // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1967. – 352 с. – С 185-191.

290. Озаровский О. В. Конструктивно-семантические связи как источник экспрессивности высказываний со значением несогласия // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 248-260.

291. Омельченко С.Р. Антропоморфизм языковых категорий //Антропология языка. Выпуск 1. – М., 2010. – С 96-102.

292. Падучева.Е.В. О семантике синтаксиса М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 296 с.

293. Падучева.Е.В. Семантические исследования.– М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с. Часть II. Семантика нарратива.– С. 193 –418.

294. Пассов Е.И. Ситуация, тема, социальный контакт // Иностранные языки в школе. –1975- № 5.

295. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. – М.: Русский язык, 1977. – 216 с.

296. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.

297. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. –М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

298. Пиз А. Язык жестов: Перевод с английского. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1992. – 218 с.

299. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. –СПб., 1994. – 146 с/

300. Пиотровская Л.А. К вопросу о синтаксической фразеологии //Славистический сборник. – СПб.,1998.– С.111-118.

301. 2. Пирунова С.И. Формально-смысловые и функциональные особенности сложноподчиненных предложений фразеологизированной структуры: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Липецк, 1996. – 20 с.

302. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Дискурсивные слова.– М., 2002.

303. Поливанов Е.Д. Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса. // Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – С. 57-74.

304. Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка. 2-е изд.Ч.1.–Ташкент, 1961. –112 с.

305. Попов А.В. Оборот «что за...» и сродные с ним // Филологические записки Выпуск 2. – Воронеж. Изд. А. Хованским, 1879. – С. 1-12.

306. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209 с.

307. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.– М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.

308. Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили. / Под ред. В.А. Алексеева и К.А.Роговой. – М.: Высшая школа,1982. –144 с.

309. Прокуровская Н.А. Некоторые особенности употребления частицы *вот* в устной разговорной речи // Вопросы стилистики. Вып 8. – Саратов, 1974. – С. 116-120.

310. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение.–3-е изд., доп. – М.: Флинта: Наука, 2006.–326 с.

311. Пулькина И.М. Краткий справочник по русской грамматике. – М.: Русский язык, 1949. –520 с.

312. Пулькина И.М., Захава-Некрасова Е.Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. Практическая грамматика с упражнениями.– 8-е изд., испр. – М.: Русский язык, 2000. –581 с. (первое издание – 1958 г.)

313. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982. –149 с.

314. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина.– М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010.– 584 с.

315. Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. – Л.: Ленин. гос. ун-т им. А.А. Жданова,1975. – 69 с.

316. Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. Наречные, служебные, модальные единства. – М..: Русский язык, 1983. –144 с.

317. Рожкова Г.И., Рассудова О.П., Шмидт Н.И., Буттке Х., Буттке К. Учебник русского языка для лиц, говорящих на немецком языке. 2-е, изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1975. – 496 с.

318.Рожкова Г.И. Вопросы методического обоснования методики преподавания русского языка иностранцам // Материалы седьмого междунар. методич. семинара преподавателей русского языка стран социализма – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.

319. Рожкова Г. И. Вопросы практической грамматики в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 62 с.

320. Рожкова Г.И. Очерки практической грамматики. –М.: Высшая школа, 1987. –160 с.

321. Рожкова Г.И. Основы практической грамматики русского языка как иностранного: Автореф. дис. докт. филол наук. – М.. 1981. – 44 с.

322. Рожкова Г.И. К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам. – 2-е, изд., доп. –М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 128 с.

323. Рожкова Г.И. Проблемность в обучении русскому языку нерусских (Практикум по функциональной морфологии для слушателей ФПК). – М,: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

324. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка.: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1974. –352 с.

325. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке (для работников печати). – 4-е изд., испр. и доп.– М.: Изд-во «Книга». – 334 с.

326. Ройзензон Л.И., Малиновский Е.А., Хаютин А.Д. Очерки истории становления фразеологии как лингвистической дисциплины. – Самарканд: Самарканд. гос. ун-т им. А. Навои, 1975. –130 с.

327. Рословец Я.И. Номинативные эмоционально-оценочные предложения в русском языке // Русский язык в школе.–1973.- № 1. – С. 72-79.

328. Рубинштейн С.А. Основы общей психологии: В 2-х т. М.: АПН СССР. Педагогика, 1989. Т. 2. – 322 с.

329. Русская грамматика. В 2-х томах. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова.– М.: Наука, 1980. Т I. –783 с. Т.II. –710с.

330. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. / Отв. Ред. Е.А.Земская. – М.: Наука, 1983. – 238 с.

331. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е.А.Земская, Д.Н.Шмелев.– М.: Наука, 1993. – 224 с.

332. Рытникова Я.Т. Семейная беседа как жанр повседневного общения // Жанры речи. – Саратов.: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – 212 с. – С. 177-187.

333. Салмина Л.М. Временные фразеологизированные структуры с компонентом *не* // Синтаксические связи, строение формантов и семантические отношения в сложном предложении. Сб. науч. трудов. – Калинин, 1985. –128 с. – С. 54-60.

334. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с

335. Серебренников. Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., Наука, 1983. – 318 с.

336. Сигал К.Я. Синтаксические этюды. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2006. – 156 с.

337. Скалкин В.Л., Рубинштейн Г.А. Речевые ситуации как средство развития неподготовленной речи // Иностранные языки в школе. – 1966.-.№ 4.

338. Сребрянская Н.А. Невербальный дейксис и эмотивность в речевом общении // Эмотивный код языка и его реализация: Коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 175 с. – С.109-115.

339. Сиротинина О.Б., Столярова (Клочкова) Э.А., Кормилицына М. А. О характере различий между функциональными стилями // Вопросы стилистики, Вып. 4. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972.

340. Сиротинина О.Б. Конструкции с плеонастическим местоимением в разговорной речи // Синтаксис и норма. – М.: Наука, 1974. – С. 204-219.

341. Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 224 с.

342. Скалкин В.Л., Рубинштейн Г.А. Речевая ситуация как средство развития неподготовленной речи // Иностранные языки в школе. –1966.- № 4. – С. 2-8.

343. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка.–Томск: Томск. ун-т, 1981. –251 с.

344. Скребнев. Ю.М. Введение в коллоквиалистику. / Под ред. О.Б.Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 208 с.

345. Смирнов Г.Н. Синтаксическая фразеологизация простых и сложных предложений // Фразеология и синтаксис /Под ред. Н.А. Андрамоновой. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. –104 с. –С. 90-103.

346. Солганик Г.Я. Фразеологические модели в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1976.- № 5. – С. 73-78.

347. Сосенко Э.Ю. Коммуникативные подготовительные упражнения. – М.: Русский язык, 1979.– 136 с.

348. Сосенко Э.Ю. Коммуникативные подготовительные упражнения (при обучении говорению на начальном этапе). – М.: Русский язык, 1979. – 144 с.

349. Сосенко Э.Ю. Система упражнений по развитию диалогической речи на начальном этапе обучения. // Междунар. конф. преподавателей русского языка и литературы. Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы, 22 –- 28 авг. 1969. Тезисы докладов и сообщений.– М., 1969. – 383 с.– С 322-324.

350. Сорокин Ю А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М.: Наука, 1979. – 328 с.

351. Стексова Т.И. Интепретационный потенциал синтаксических фразем типа

ну приехал и приехал // VERBUM: язык, текст, словарь. – Екатеринбург 2006. – С. 81-88.

352. Стексова Т.И. Синтаксические фраземы тавтологического типа в русском языке // Междунар. конф. Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: доклады и сообщения. СПб., 2007. Т.1.– С. 185-190.

353. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – 7-е. изд.– М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. – 309 с.

354. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи.– Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.

355. Стернин. И А. Коммуникативный подход к лексике и обучение лексике // Языковая системность при коммуникативном обучении / Под ред. О.А.Лаптевой, Н.А.Лобановой, Н.И. Формановской. – М.: Русский язык, 1988.–163 с. – С. 103-109.

356. Стернин И.А. Психолигвистическое значение слова как тип значения // Жизнь языка в культуре и социуме-3. Материалы конференции. – Москва, 20–21 апреля 2012 г. / Ред.кол.: Е.Ф.Тарасов (отв.ред.), Н.В.Уфимцева, В.П. Синячкин. – М.: Изд-во «Эйдос», 2012. – 458 с. – С: 14-17.

357. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа //Филологические записки, 1993.-№ 1

358. Супрун А.В. Грамматика и семантика простого предложения (на материале испанского языка). – М.; Наука,1977. – 264с.

359. Сусов И.П. Семантическая структура предложения – Тула: Тульск. Госпединститут, 1974. 141 с.

360. Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е.М.Вольф. – М.: Институт языкознания, 1996. – 168 с. – С. 31-37.

361.Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

362. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность.

Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/ неопределенность /Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992. – 304 с.

363. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А.В. Бондарко/ – СПб.: Наука, 1996. – 230 с.

364. Тулина Т.А. Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке // Исследования по современному русскому языку. Сборник статей, посвященный памяти Е.М Галкиной-Федорук, / Под ред. Т.П. Ломтева, А.А Камыниной.– М.: Изд- во Моск. ун-та, 1970.– 272 с. – С. 241-256

365. Туровская С.Н. Об описании связочных субстантивных предложений типа «Отец – учитель» //Функционирование языковых единиц и категорий (Сб/ науч/ статей). / под ред.А.Я. Баудера. – Таллин: Изд-во Талин. пед. ин- та. Э Вильде,1986.– 76 с. – С. 62 –67.

366. Фаст Л.В. Стандартизованные предложения в разговорных и драматургических текстах: дис. канд. филол. наук. – М., 1993.

367. Формановская Н.И. Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения: дис. докт. филол. наук.– М., 1979.

368. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. М.: Русский язык, 1982. – 192 с.

369. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: Коммуникация и прагматика. –М.: Изд-во ИКАР, 2007. – 480 с.

370. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении.– М,: ИКАР, 2009. – 333 с.

371. Формановская Н.И. Коммуникативный контакт.– М.: Изд-во ИКАР, 2012. –200 с.

372. Чайковский. Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса // Уч. зап. МГПИИЯ им. М.Тореза. Т.64. Вопросы романо-германской филологии. – М., 1971. – С. 188-197.

373. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 204 с.

374. Хавронина С.А., Клобукова Л.П., Михалкина И.В., Бубнова А.П. Русский язык для деловых людей. Выпуск 1. Презентация фирмы. – М.: Дельта-ВСП, 1991. –78 с.

375. Хавронина С.А., Харламова Л.А. Русский язык. Лексико-грамматический курс для начинающих. – М.: Русский язык, 1996.– 240 с.

376. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.

377. Шаклеин В.М. Лингвокультурное содержание слова и предложения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – С 503-514.

378. Шаймиев В.А. Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста // Функционирование синтаксических категорий в тексте. – Л.: ЛГПИ им.А.И. Герцена, 1981. –164 с. – С. 81-88.

379. Шанский Н.М. Русние //Русский язык в шклоле.–1976.- № 6. – С. 14-17.

380. Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. – М: РГГУ. – 294 с.

381. Шаронов И.А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: дис. док. филол. наук. – М., 2009. – 374 с.

382. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка.– М.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

383. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995 С.

384. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. –ЛИБРОКОМ, 2010. – 124 с.

385. Шведова Н.Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // Вопросы языкознания.– 1957.- № 1. С. 85-95.

386. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. –1958.- № 2. – С.95-100.

387. Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы. // Вопросы языкознания. – 1956.-№ 2. – С.67-83.

388. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука,1960. (А. также: Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорой речи.– изд.стереотип. // РАН Институт русского языка. – М.: Азбуковник. 2003). – 378 с.

389. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства – М.: Азбуковник, 1998. –176 с.

390. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов.– М.: Наука,1973. – С 458-483.

391. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. – М.: Высшая школа, 1978.– 216 с.

392. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – 288 с.

393. Шеманаева. О.В. Конструкция «праздник не в праздник» на фоне других конструкций // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 26 – 30 мая 2010). А также презентация к докладу: http//www myshared.ru.

394. Ширяев Е.Н. Отношения логической обусловленности // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. Авторы: Ильина И.Е., Воронцов В.Л., Борунова и др.. – М.: Наука, 1991. – 246 с. – С. 163-234.

395. Шляхов В.И. Сценарии русского речевого взаимодействия в теории и практике преподавания русского языка иностранцам: Автореф. дис. докт.пед. наук .– М., 2009. – 40 с.

396. Шляхов В.И. Сценарная основа речевого общения. Технология обучения. – М.: URSS: КРАСАНД, 2010. –132 с.

397. Шмелев. Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания.– 1958.- № 6.– С. 63-75.

398. Шмелев Д.Н. О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи. // Русский язык в национальной школе. –1959.- № 6. – С. 14-18.

399. Шмелев Д.Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания.– 1960.- № 5. – С. 47- 60.

400. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: Наука, 1976. – 148 с. (А также: – М.: Ком книга 2006 –152 с.)

401. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. –168 с.

402. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение 1977. – 336 с.

403. Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект. // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1992.–176 с. – С.: 5 –15.

404. Шулежкова С.Г. Объект фразеологии в условиях полипарадигмальности науки о языке. // Язык, сознание., коммуникация: Сб. статей /Отв. ред. В.В.Красных, А.И Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2016 – Вып. 53. –388 с. – С. 374-380.

405. Шутова Т.А. Синтаксические фразеологизмы со значением отрицания // Человек. Природа. Общество. Актуал. пробл. Материалы конф. молодых ученых. 26 – 30 дек. 1996 г. – СПб., 1996. – С. 82-83.

406. Щерба Л.В. О взаимоотношениях родного и иностранного языков. // Щерба Л.В.Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974 428 с. С.: 338 – 343. (1974а)

407. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.– 428 с. – С.77 -100. (1974б).

408. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.– 428 с. – С.24-39. (1974 в)

409. Эйхбаум Г.Н. Экспонентная и содержательная тавтология в коммуникативно-речевом аспекте // Язык общения и его единицы. – Калинин, 1986. – С 28 –39.

410. Эмотивный код языка и его реализация: Коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2003.–175 с.

411. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – 468 с. – С. 193-231.

412. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Р.Якобсон. Избранные работы.– М.: Прогресс, 1985.– С. 306-318.

413. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Л.П. Якубинский. Избранные работы. Язык и его функционирование. –М.: Наука, 1986.– С. 17-58.

414. Янко-Триницкая Н.А. Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами // Русский язык в школе.– 1967.- № 2. – С. 87-92.

415. Янко-Триницкая Н.А. Эмотивность языковых единиц разных уровней языка // Известия АН СССР: Серия литературы и языка,1969, вып. 5, том XXVIII. – С. 429-436.

2. Словари

416. Азимов Э.Г. , Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2010. – 4 48 с.

417. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка.– 4-е изд. / Под ред. Л.А. Чешко. – М.: Русский язык, 1975. – 600 с.

418. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. –576 с.

419. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: около 5000 единиц: в 2-х т. / под ред. С.Г. Шулежковой. –2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГу, 2008. – 658 с.

420. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. Около 30 000 наиболее употребительных слов. – М.: Словари XXI века «АСТ+ ПРЕСС ШКОЛА» – 1452 с.

421. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия, – 2-е изд., стер. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

422. Бочкарёв А.Е Семантический словарь.– Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. –200 с .

423. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Русский язык, 1995.– 176 с.

424. Всеволодова М.В., Виноградов Е.Н., Клобуков Е.В. Кукушкина О.В. и др. Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Реальное употребление. Функциональная грамматика. Выпуск 1: А – И (словарные статьи); К – Ю (неатрибутивный список). в печати.

425. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1980.

426. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по русскому языку. / Под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд., испр. и доп. –М., Высшая школа, 1995. – 361 с.

427. Краткий словарь по философии. / Под ред. И.В. Блауберга и И.К. Пантина.

4-е изд. –М.: Политиздат, 1982. – 431 с.

428. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак МГУ, 1996. – 245 с.

429. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с..

430. Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с. (А также: Языкознание. Большой

энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

431..Морковкин В.В.. Луцкая Е.М., Богачева Г.В. Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь 1997 420 с.

432. Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Г.Ф. и др. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова / Под ред. В.В.Морковкина. М.: Изд-во Астрель, изд-во Аст, 2002, 432 с.

433. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Первый, второй, третий выпуски. / Ю. Д.Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б.Левонтина, Е.Б. Урысон, В.Ю Апресян М.Ч. Гловинская, Т.В.Крылова.; Под общ. ред.. акад. Ю.Д.Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 1999 –2003. – 552 с, 488 с., 624 с.

434. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой.–

22-е изд., стер.. – М.: Русский язык, 1990.– 924 с.

435. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. –944 с.

436. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударении, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А Еськова; Под ред. Р.И.Аванесова. 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1988. –704 с.

437. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов, изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвешение М., 1976 .544 с.

438. Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ф.П.Филин – М.: Советская энциклопедия, 1979.– 432 с. с илл.

.439. Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост В.В. Бурцева. – М.: Русский язык. Медиа, 2005. –750 с

440 Словарь русского языка в 4-х т. /АН СССР, Институт русского языка / Под ред. А.П.Евгеньевой: 3-е изд., стер.– М.: Русский язык, 1985. – 1988.

441. Словарь синонимов / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1975. – 649 с.

442. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. – М. – Л.; Наука, 1950 –1965.

443. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. 18 0000 слов и словосочетаний. –М.: Альта-Принт, 2005. – 1240 с.

444. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей. / Л.А. Войнова, В.П.Жуков, А.И. Молотков, А.И.Федоров. Под ред. А.И. Молоткова, 4-е изд., стер.. – М.: Русский язык, 1986. – 544 с.

445. Фелицына В.П., Ю.Е. Прохоров. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / Под ред Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова – М.: Русский язык, 1979. – .240 с.

446. Яранцев. Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1981. 304 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЦИПЫ РАБОТЫ НАД ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ФРАЗЕОЛОГИИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

Овладение иностранным языком невозможно без знакомства со страной изучаемого языка, с культурой страны, а также с особенностями характера носителей изучаемого языка. Это предполагает усвоение не только определенных страноведческих сведений, но и знакомство с теми средствами изучаемого языка, которые придают ему национальный колорит. Имеются в виду фразеологизмы, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения, прецедентные тексты и др. В русском языке этот пласт средств представлен чрезвычайно богато. О необходимости включения таких явлений языка в учебный процесс пишут и исследователи, и преподаватели. См.: [Верещагин, Костомаров 1981], [Гак 1981], [Горелов, Седов1997], [Михеева 2003], [Величко 2014г)], [Величко 2015з], Знание этого материала не только способствует расширению лексического и грамматического запаса учащихся и развитию. речевой компетенции, но и помогает им понять менталитет носителей изучаемого языка, а следовательно способствует формированию вторичной языковой способности иностранного учащегося. При этом, как отмечает В.Г.Костомаров, эта область коллективного народного творчества не остается неизменной, она постоянно пополняется: в речевой обиход стихийно входят новые фразеологизмы, яркие цитаты, высказывания, которые закрепляются, используются в общении. В.Г.Костомаров пишет: «Всякий поворот общественной истории моментально создает свою фразеологию, отличную от фразеологии предыдущей эпохи, прежде всего в социально-политической сфере» [Костомаров 2014: 184].

В ряду таких коммуникативно значимых, национально специфических и давно закрепившихся языковых средств важное место занимают предложения фразеологизированной структуры (ФС), о работе над которыми в иностранной аудитории пойдет речь далее. Они активно используются в речевом

общениноносителей русского языка, а также в публицистике и в художественной литературе. Знакомство с ними, владение ими важно как для правильного понимания русской речи, так и для развития коммуникативной компетенции иностранных учащихся, формирования у них вторичной языковой способности.

1. Общая характеристика методики работы над предложениями фразеологизированной структуры (ФС)

Методика обучения русскому языку как иностранному ставит задачу разработки приемов управления усвоением языка (или отдельной его подсистемы). Это означает создание системы обучения, отвечающей целям обучения иностранных учащихся русскому языку. Теория и практика преподавания РКИ использует сознательно-практический метод обучения, который был предложен психологом и методистом Б.В. Беляевым [Беляев1965]. Он относится в комбинированным методам и постоянно совершенствуется, дополняется в связи с развитием технологий обучения и базисных для методики наук: психологии, педагогики, лингвистики.

Цель обучения иностранных учащихся русскому языку – научить речевой деятельности на русском языке, обучить общению на данном языке, поэтому коммуникативность признается ведущим принципом сознательно-практического метода и современной методики [Пассов 1991].

Ориентация на коммуникативность обучения означает перенесение методических акцентов с обучения языку на обучение общению, на формирование коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция означает «способность правильно использовать язык в разнообразных ситуациях общения». [Капитонова, Московкин, Щукин 2009: 162].

Психологическим обоснованием коммуникативного метода стал личностно-деятельный подход к обучению, разрабатываемый российской психологической школой [Зимняя 1985], [Рубинштейн 1989], [Леонтьев 1983].

Правильно понимаемый принцип коммуникативности охватывает все стороны обучения и определяет роль, место учащегося, функции и задачи

преподавателя, характер учебного материала и его презентации в учебном процессе и организации учебного процесса.

Учащийся рассматривается не только как объект, но и как субъект обучения, «который сам формируется в деятельности и в общении с другими людьми и сам определяет характер деятельности и общения» [Капитонова, Московкин, Щукин 2009: 163].

Коммуникативно-ориентированное обучение предъявляет дополнительные, особые требования к преподавателю, уточняет его функции. Он выступает на аудиторных занятиях не только как носитель информации о языке (грамматике, лексике), но и как организатор различных программ речевого поведения.

Функционально-коммуникативная направленность лежит в основе решения основных вопросов методической науки – что изучать, как исследовать и описывать язык для целей обучения и как представлять учебный материал в иностранной аудитории.

По отношению к обучению языковой стороне общения это означает следующее. Вопрос «Что изучать?» предполагает активное и последовательное введение в учебный процесс языковых средств, обеспечивающих общение. При этом необходимо уточнение, дополнение, пересмотр языкового материала, входящего в аудиторную практику, с точки зрения его коммуникативности. Этим обусловлена важность включения в процесс обучения, языковых средств, выполняющих контактную (фатическую) функцию в процессе общения, к которым относятся и предложения ФС.

Ответ на вопрос «Как описывать языковые средства?» предполагает отношение к ним не только как к объекту научного изучения, но и в первую очередь показ их как действенного инструмента общения, показ того, как они становятся орудием речевой деятельности. Е.Д. Поливанов известен не только как лингвист-теоретик. Он много занимался также методикой преподавания русского языка. Главная мысль Е.Д. Поливанова, проходившая через все его лингводидактические труды – это практическая направленность обучения языку, использование всего арсенала методических приемов для овладения теми

категориями языка, из которых в первую очередь строится речь, максимальная активизация речи в изучаемом языке. Он писал: «Необходимо, чтобы грамматические понятия и правила вводились лишь постольку, поскольку они нужны для практического ввода...и поскольку сам учащийся создает целевую установку для данного грамматического материала» [Поливанов 1961: 46]. Эти методические советы созвучны положениям современной методики обучения, основой которой является коммуникативно-деятельностный подход.

Коммуникативность – это не только цель, но и средство, инструмент обучения иностранному языку. Другими словами, признается эффективным обучение общению в процессе общения. Это реализуется в последовательном отборе коммуникативно значимого языкового материала, о чем уже шла речь, в его методической организации. В рамках коммуникативно-деятельностного подхода процесс обучения строится как непрерывный ряд сменяющих друг друга ситуаций, воссоздающих основные черты реального общения.

Понятие речевой ситуации разрабатывалось в психологии на основе теории речевой деятельности. Высказывание всегда возникает под влиянием внешних по отношению к речи обстоятельств и отношений между предметами и явлениями. Подчеркивается при этом отличие речевой ситуации от ситуации действительности [Берман, Бухбиндер1964], [Скалкин, Рубинштейн 1966], [Леонтьев 1967], [Леонтьев 1968], [Леонтьев 1975]. Близкую к названной трактовку дает современная психолингвистика, где ситуация понимается как «некоторый фрагмент мира» [Дейк ван Т. 1989: 67], причем «фрагмент мира» понимается не как протяженный отрезок действительности, а как «отрезок деятельности». Ситуация складывается в процессе взаимодействия, и следовательно она отражена в сознании. Учебная ситуация – это когнитивный коррелят ситуации: это то, что «происходит в уме» человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит и читает о ней [там же: 69]. Учебная ситуация строится по модели, включающей шаги, позволяющие оптимально объединить репродуктивные и творческие компоненты деятельности

общения (см. пример моделирования учебных ситуаций для формирования коммуникативных навыков [Ковалевская, 2003: 20 – 21]).

Обучение общению реализуется также в той роли, которая отводится учащемуся в учебном процессе. Предполагается активная творческая деятельность учащихся, их постоянное обращение к языку как средству общения.

Коммуникативная направленность обучения органично сочетается, связана с сознательно практическим методом обучения, дополняет его. Эта связь учитывалась при разработке методики работы над фразеологизированными структурами. Так, использовалось общепризнанное положение методики о том, что сам языковой материал определяет особенности процесса обучения языку, определяет всю методику преподавания языка. Г.И. Рожкова пишет: «Лингвистические факторы, по существу, определяют методику преподавания русского языка» [Рожкова 1967: 33]. Далее она отмечает, что методика – это «величина, зависимая и производная от всей языковой системы русского языка» [там же].

Таким образом, чтобы ощутить, как обучать владению ФС, необходимо понять лингвистическую сущность этого материала, поэтом предлагаемая методическая система строится на основе лингвистического описания, представленного в предыдущих главах. Такой же принцип использовался в двух наших пособиях, посвященных работе над ФС. Они включают две части: первая дает общую характеристику фразеологизированных предложений и лингвистическое описание каждой ФС, а во второй части содержатся упражнения для отработки их употребления [Величко 1996], [Величко 2016].

Современная методика предлагает использовать определенные **технологии обучения** иностранным языкам. «Технология обучения – это специально отобранные и расположенные в определенном порядке приемы обучения, которыми пользуется преподаватель в своей работе» [Капитонова, Московкин, Щукин 2009: 16].

Популярные современные технологии обучения, такие, как игровые, проблемные, проектные, интерактивные, личностно ориентированные и другие

органично связаны с сознательно-практическим методом, точнее обусловлены им. Общими приемами, объединяющими разные технологии, являются следующие.

– современное понимание роли преподавателя в учебном процессе;

– ориентация на развитие (в процессе обучения) партнерских отношений преподавателя и учащегося;

– ориентация на развитие партнерских отношений учащегося с другими учащимися учебной группы;

– интерактивность процесса обучения, целью которой является развитие критического мышления;

– личностно-ориентированная направленность обучения, предполагающая б**о**льшую инициативу учащегося в ходе занятий и в обучении в целом;

– игровой характер упражнений и занятий и упражнений; (использование игровых видов работы);

– активность самостоятельной работы учащихся.

Положительный эффект использования современных технологий состоит в том, что развиваются мыслительные и творческие способности учащихся, развивается критическое мышлений, усиливается их учебная и творческая активность, вырабатывается коммуникативная компетентность учащихся.

2. Типы упражнений

При разработке методики работы над синтаксическими фразеологизированными структурами центральной проблемой является подготовка упражнений. Мы будем отдельно рассматривать типы упражнений и систему упражнений. Эти понятия обозначают разные по своей сути методические процедуры, касающиеся регуляции процесса усвоения языка. Типы упражнений определяются лингвистическими особенностями языковых единиц, подлежащих усвоению. **Тип упражнения** – это упражнение, характер задания которого направлен на усвоение лингвистических особенностей языковых единиц и/или отработку определенного навыка и умения. **Система упражнений** – это определенная совокупность упражнений разного типа, расположенных в строго определенной последовательности, что обеспечивает поступательность овладения

материалом, последовательность обучения и достижение нужного результата. Система упражнений определяется задачами и целями обучения и внеязыковыми условиями, в которых проходит обучение. Если систему упражнений уподобить дороге, ведущей к цели, то типы упражнений можно сравнить с отдельными плитками, ступенями, из которых эта дорога состоит.

Типы упражнений различаются по тому, на развитие каких навыков и умений они направлены, и по тому, к какому звену системы упражнений они относятся. Традиционно выделяют языковые упражнения и речевые. Однако когда речь идет о типах и видах упражнения для работы над ФС, это деление представляется не очень подходящим, так как оно не отражает лингвистическую специфику ФС. О том, что типология упражнений на отработку фразеологии имеет свою специфику, обусловленную самой лингвистической спецификой фразеологизмов, писал В. Г. Гак в специальной статье [Гак 1981].

Специфика ФС в том, что они являются коммуникативными единицами, т.е. предназначены для использования непосредственно в коммуникативном процессе, выполняют в нем специфическую, фатическую функцию, и, следовательно, им надо обучать как коммуникативным единицам. Все виды упражнений для работы над ФС разрабатываются с ориентацией на принцип коммуникативности, и с этой точки зрения они делятся на подготовительные и коммуникативно-речевые.

3. Подготовительные упражнения. Подготовительные упражнения расцениваются как подготавливающие к использованию предложений ФС в коммуникации.

Фразеологизированное предложение – это не сообщение информации, а реакция на сообщение, и прежде чем использовать ФС для выражения своего отношения-реакции, говорящий должен осуществить сложную мыслительную операцию – воспринять, осознать содержание сообщения (ситуации), дать ему свою интерпретировать, и только после этого говорящий словесно оформляет свое отношение, использовав фразеологизированную модель, которая при этом не воспроизводится в готовом виде, как, например, лексический фразеологизм

(ЛФ), а становится речевым высказыванием только после того, как говорящий наполнит ее конкретным лексическим материалом. Этот процесс производства ФС обусловлен психологическими особенностями порождения этих языковых единиц.

Цель и задача подготовительных упражнений в том, чтобы отразить этот процесс порождения ФС. Их цель шире, чем у чисто языковых. Конечно, подготовительные упражнения ставят задачу отработать и закрепить навыки и умения самостоятельно строить ФС. Однако уже первые упражнения на предъявление ФС даются в единстве формы, значения и коммуникативного употребления. Другими словами, уже на этапе знакомства внимание учащегося занято и содержанием высказывания, и содержанием ситуации общения, и языковой формой выражения. Упражнения нацеливают на параллельное усвоение построения ФС и ее функции в речи.

Работа над ФС начинается с предъявления их модели, которое осуществляется через запись модели и иллюстрирующего примера-высказывания, например*:* ***ай да*** **+ сущ.** (*Ай да помощник*!); ***вот это*** **+ сущ./глаг.** (*Вот это мастер! Вот это выступил*).

Модель обеспечивает наглядность процесса обучения: учащийся в ходе работы периодически возвращается к записи модели, что способствует запоминанию ее словесного вида и структурного оформления. При варианте работы «в системе», когда последовательно изучается группа/группы ФС, целесообразно предъявить сразу списком модели всех ФС данной группы и затем работать в нужной последовательности.

Для полного, глубокого осознания и закрепления моделей ФС, приводятся упражнения на наблюдение. Задания к ним строятся так, чтобы сочетать запоминание построения ФС (ее модели) и осознание семантики. Осознание структурно-семантической стороны ФС во всей ее сложности и глубине требует напряженной аналитической работы, работы памяти, поэтому материалы на наблюдение должны быть у учащегося в письменном виде. Например:

Задание. Прочитайте предложения. Выделите постоянный компонент структуры (слова, образующие постоянный компонент структуры). Обратите внимание, что предложения выражают положительную оценку. Скажите, что является объектом оценки: лицо, предмет, признак, действие.

1. *Телевизор опять прекрасно работает Вот так мастер! Как хорошо, что мы его пригласили*. 2.*Смотри, весь участок перед домом чистый. Вот так помогли! Мы бы одни возились до вечера*.

Работа по семантизации ФС требует обязательной опоры на контекст, так как мотив употребления фразеологизма и содержание сообщения, которое является объектом отношения, представлены как правило, в предшествующем и последующем высказываниях. Контекста поясняет смысл ФС, показывает мотив их использования.

Задание. Прочитайте предложения. Укажите, что в контексте указывает на то, что ФС выражает положительную оценку.

1.*Как хорошо, что мы решили прийти сюда. Какой это был концерт! Я получила огромное удовольствие*.

Задание. Прочитайте предложения. Укажите, что в контексте указывает на значение ФС («необходимость действия»).

1.*Мы очень спешили и взяли такси. Как было не спешить! До отхода поезда оставалось 30 минут*.

Упражнения на наблюдение могут содержать рисункам, фотографиям и как надписи к ним – предложения ФС. Это прекрасный способ семантизации – через зрительное восприятие. Например: под картинкой, фотографией, на которой изображен огромный гриб в руках грибника, дана надпись *Вот так гриб!* или дается задание к фотографии, с надписью *Всей клюкве клюква!,* на которой ягоды клюквы изображены рядом со спичечной коробкой, чтобы показать крупный размер ягод.

С самого начала, уже с объяснительных упражнений, реализуется важное положение методической системы – объяснение новых языковых единиц через близкие или известные языковые единицы, на их фоне, в сопоставлении с ними.

Так, значение, смысл ФС объясняются с помощью свободных (нефразеологизированных) синтаксических структур, которые уже знакомы учащимся. Например, значение высказывания ФС *Всем цветам цветы* можно передать конструкцией «***лучший из***….», «***самый….из****…»: Это лучшие цветы из известных мне*. Содержание предложений ФС типа *Не огорчаться же из-за такой мелочи!; Не сидеть же здесь до вечера* передается нефразеологизированными предложениями структуры «***не стоит*** **+ инф**.»

Задания на семантизацию можно строить таким образом, чтобы показать структуру семантики ФС, т.е. через набор компонентов, образующих значение ФС. Следует акцентировать внимание учащихся на том, что семантические компоненты ФС нередко находят отражение в смысловом содержании контекста, а также в содержащихся в нем лексических показателях. Например:

Задание. Прочитайте высказывания. Скажите, как в контексте отражены компоненты значения ФС: 1. отрицательная оценка говорящим действий (проявления) объекта; 2. продолжительность или неоднократность такого положения вещей; 3. эмоциональное отношение говорящего (его неудовольствие) к данному положению вещей.

1.*Ох уж эти мне ребята! Опять все перевернули вверх дном. Придется отругать их как следует*. 2. *Ох уж этот дождь. С самого утра идет*. 3.*Ох уж эти морозы! А ведь уже март. Они уже надоели. Хочется солнца и тепла.*

Выполняя это задание, учащиеся должны определить, что содержащиеся в контексте слово *опять,* сочетания *с самого утра, ведь, уже март* подчеркивают специфический компонент семантики этого фразеологизма «продолжительность или повторяемость названного действия, состояния, проявления», а слова *надоели, наказать, хочется тепла* указывают на негативную оценку данных ситуаций и передают неудовольствие говорящего.

Если ФС характеризуется ограниченностью лексического наполнения переменного компонента, это должно быть отражено в упражнении. Например, в задании на отработку ФС ***ах ты*** **+ сущ**. надо показать, что позицию существительного занимают в основном слова, называющие лицо по его

отличительной, негативной черте, (реже – положительной), и полезно дать примерный список таких слов (*баловник, озорник, обманщик, хитрец, хулиган, обманщик и т.д. или умница, радость моя, молодец* и др.). Эту особенность ФС можно использовать для более подробного знакомства с этой специфической группой русской лексики. В этом проявляется направленность методики на изучение конкретного языкового явления не изолированно, а как фрагмента общей системы языка.

На следующей стадии работы предлагается другой вид подготовительных упражнений – упражнения продуктивного характера. Их цель – закрепить навык самостоятельного построения ФС, развить умение более активно ориентироваться в их семантике и правильно соотносить их с определенной ситуацией речевого общения. Используются традиционные упражнения на «построение по образцу». Образцом здесь является модель, переменный компонент в которой надо заполнить словами такого лексического значения, которое соответствует содержанию предложенной ситуации. Например:

Задание. Подтвердите оценку объекта как самого обычного, ничем не выделяющегося, использовав ФС **сущ. + *как* + сущ.**

1. *Новый Год мы встретили нормально, правда ничего необычного не было. Как всегда, была елка, шампанское, потом смотрели телевизионную новогоднюю передачу. Одним словом….* 2. *Ничего плохого об этом ученике сказать не могу. этом ученике сказать не могу. На уроках ведет себя спокойно, домашние задания выполняет, на переменах не балуется…*

К подготовительным упражнениям относятся упражнения «на воссоздание, восполнение структуры». Таковы, например, упражнения на отработку построения более сложных ФС, например, состоящих из двух частей:

Задание. Добавьте первую часть высказывания, вспомнив, по какой модели они построены.

1*…, чтобы платить за книгу 500 рублей.* 2*…., чтобы смотреть этот фильм второй раз.*

Задание. Закончите высказывания, вспомнив модель использованной ФС

1. *В этом старинном городе что ни дом*, … 2. *У Маши на этой неделе что ни день*, …

Подобные упражнения более трудные, но и более творческие и эффективные. Они могут рассматриваться как условно-коммуникативные. Такие упражнения хорошо использовать также в качестве итоговых или контрольных, так как они сразу показывают, насколько полно и глубоко усвоена данная ФС. Задание можно усложнить, попросив развить, продолжить ситуацию.

Такие же обучающие цели имеют задания на перефразирование:

Задание. Замените выделенное предложение фразеологизированным, указывающим на нецелесообразность, ненужность названного в нем действия.

1. Мы опоздали на последний автобус и поэтому решили взять такси. *Идти в гостиницу пешком. было неразумно.* Был уже поздний вечер. 2. Он очень упрямый человек, лучше согласиться на его предложени*е. Спорить с ним из-за пустяка не стоит.*

В задании может быть указана модель, которую надо использовать. Это облегчит выполнение, но и снизит методическую ценность упражнения:

В цикл подготовительных упражнений входят упражнения на вариативность построения фразеологизированной структуры.

Вариативность может касаться и постоянного и переменного компонента, а также использования факультативных компонентов. Вариативность можно показать при первом предъявлении ФС, в записи модели. Ср.: **вот так + сущ./глаг./прилаг./нареч.; у кого только и + сущ.им.ед. /род мн.**

Факультативные компоненты также удобно дать в записи модели: ***(Ох) уж эти (мне)*** **+ сущ.** Однако некоторые моменты, связанные с вариативностью, требуют словесного пояснения, и тогда их целесообразно дать в комментарии.

Работа над вариативностью организуется по-разному, с учетом конкретных условий и целей обучения. Вариативность может быть показана не полностью, можно ограничиться только основной моделью, опустив некоторые детали ее варьирования. Однако, в любом случае следует оговорить, что может встретиться вариант данной ФС. Показ вариативности важен (даже без отработки ее в

упражнениях), это позволит предупредить возможность смешения вариантов одной структуры и двух разных структур, внешне будто бы мало различающихся. Так, предложения *Цветы как цветы* и *Цветы так цветы* реализуют две разных ФС, а не варианты одного.

При работе над ФС той или иной семантической группы большое внимание следует уделять семантической дифференциации структур, отработке индивидуальной семантики каждой. Для этого используются следующие виды упражнений

Задание. Дайте ответную реплику Выразите с помощью соответствующей ФС согласие: а) вынужденное; б) добровольное.

1.– *Нет, все-таки давайте закончим эту работу. – ….2.– Я предлагаю пойти на концерт, а не в цирк –* …

Задание Включите в предлагаемые фрагменты одно из следующих высказываний, подходящее по смыслу: *Тоже мне город!; Город как город; Ох уж этот город*.

1. *Почему тебе не понравился этот город? Чистый, спокойный. Есть театр, парк….* 2. *Я провела два дня в этом большом городе и очень устала. Шумно, воздух плохой, на улицах. …* 3. *В этом городе я не хотела бы жить. Улицы узкие, автобусы ходят редко, вечером некуда пойти. Нет ни театра, ни кинотеатра…*

Отработав все структуры данной группы, можно дать итоговое упражнение, активизирующее использование всех структур группы.

4. Коммуникативно-речевые упражнения

Коммуникативно-речевые упражнения непосредственно направлены на обучение закономерностям включения ФС в речевое общение. Главными принципами их построения можно считать: 1) ситуативный характер; 2) использование речевой задачи; 3) направленность произвольного внимания учащегося в большей мере на цель и содержания и в меньшей – на его форму; 4) параллельное усвоение грамматической формы и ее функции в речи.

Условно-речевыми являются некоторые упражнения на отработку структурно-семантических, т.е. языковых, особенностей ФС. Это упражнения, выполнение которых предполагает выход в ситуацию употребления фразеологизма. Такими можно считать, например, некоторые подготовительные задания, приведенные выше.

В ряду коммуникативно-речевых упражнений важная роль отводится заданиям диалогического характера, так как диалогическая форма речи естественна и для бытования ФС, и для речевого общения в целом.

На разных стадиях работы над ФС полезно обращаться к вопросно-ответным упражнениям. Они, по сути, имитируют мини-диалоги.

Задание (1) – Ответьте на вопрос. Используйте ФС со значение общего отрицания.

1. – *Вы перевели текст?* –… 2. – *Оля сдала экзамен?* – …

Задание (2) Ответьте, использовав ФС со значением отрицания

1.*В наш город приезжает цирк Вы пойдете на представление?* – ...

Вопросно-ответные упражнения могут расцениваться и как условно-речевые (условно-коммуникативные), и как собственно речевые (коммуникативные) в зависимости от характера вопроса и соответственно от структуры, которую приходится использовать. Так, задание (1) можно отнести к условно-речевым, так как в ответе нужно использовать одну и ту же ФС, использовав в ней названный в вопросе глагол (*Какой так перевел!; Какой там сдала!*), тогда как в ответах на вопрос задания (2) учащийся должен продумать смысл ответа, причем возможны разные содержательные варианты (*Когда мне идти; До цирка ли мне сейчас! Что мне цирк!*), поэтому эти упражнения являются собственно речевыми (коммуникативными).

Такие упражнения можно усложнить и сделать их более коммуникативными, если добавить задание, побуждающее к коммуникативной активности, например: «Аргументируйте свой ответ».

Развитие диалогической формы речевой деятельности имеет особое значение, так как это обеспечивает усвоение ФС в естественной сфере их

использования, а также развивает коммуникативные навыки учащихся в целом. Как известно, диалог занимает до 70% нашей разговорной речи.

Диалог – форма непосредственного общения, представляющая собой обмен репликами. Реплика – это высказывание, границей которого является смена говорящего. Реплика не тождественна предложению, она может включать несколько предложений и всегда связана с предшествующим высказыванием. Сочетание семантически, интонационно и синтаксически связанных реплик образует диалогическое единство [Шведова 1956:69, 82]. В нем выделяется исходная и ответная реплика. Диалогическое единство может состоять из двух или трех реплик.

Типам диалогических единств, диалогов, их классификации посвящена обширная литература, см., например, [Пассов 1977:161–164], [Сосенко 1969], [Изареноков1974], [Володин 1971], [Кафкова1968], [Маркова 2012], Вопросы обучения диалоговому общению получают развитие и в современной лингводидактике, см. например [Красильникова, Маркова, Балдина и др. 2011], [Арутюнов, Чеботарев 2015], [Балашова 2016].

При обучении ФС, наиболее эффективным является ситуативный подход к обучению диалогической речи, при котором учащимся предлагаются разного вида сценарии для описания ситуаций, характерных для использования тех или иных фразеологизированных высказываний, и в результате учащиеся постепенно сами учатся составлять определенные ситуативные диалоги, что кроме овладения ФС способствует развитию навыков общения. Сценарный принцип в обучении общению разрабатывает В.И. Шляхов, см. [Шляхов 2009], [Шляхов 2010].

Что касается особенностей диалогических единств, включающих ФС, то фразеологизированное высказывание может находиться и в исходной реплике, и в ответной, но оно всегда связано с предшествующим высказыванием так как является реакцией на него.

Если ФС находится в исходной реплике, она представляет собой высказывание говорящего относительно того, что он сам сообщает, т.е говорящий что-то сообщает и сам выражает отношение к сказанному. При этом ФС не может

начинать реплику, ей должно предшествовать высказывание, вводящее к курс дела, информирующее об объекте отношения, выражаемого далее с помощью ФС, например: *Вчера был на концерте. Вот это был концерт. Ты знаешь, он мне очень понравился.*

Ответная реплика здесь строится произвольно, ее содержание может быть самым разным, хотя и связанным с темой (концерт), но не обязательно связанным со смыслом ФС. Например: *– А я прекрасно провел вчерашний день на даче, / – Следующий раз я тоже с тобой пойду на какой-нибудь концерт / Я рад за тебя, Ты ведь любишь музыку / А билет был дорогой?* и т.п.

ФС может находиться в ответной реплике, если исходная реплика вводит в ситуацию, сообщает нечто, связанное с предметом общения, и это вызывает реакцию собеседника-адресата. Ср:– *Ты ходишь на все лекции профессора Федорова. Не пропустил, наверное, ни одной. Разве нет учебника? – Учебник есть, однако Профессор Федоров излагает свою оригинальную концепцию, а книга его еще не вышла. Как не ходить! И мне очень интересно.*

Ответная реплика может начинаться непосредственно с ФС, так как объект, вызвавший реакцию, уже назван, а аргументация может следовать за ФС, не предшествовать ей: *– Как не ходить, Ведь лектор излагает свою оригинальную концепцию….*

Эффективными являются задания на построение диалога с опорой на содержательные компоненты. В качестве опор могут быть даны фразеологизированные предложения, и учащиеся должны построить диалог, проявив фантазию и представив, каким он может быть по содержанию. Чтобы облегчить процесс построения диалога, можно предложить его тему.

Задание Постройте диалог: «Разговор родителей об успехах дочери – ученицы седьмого класса»

(1). – …….

(2)– …. *Ай да Оля*! …..

(1) ……*Нам ли не радоваться!*....

(2) …. *Ох уж эти мне экзамены!* …..

Возможный вариант построения диалога:

(1) – *Борис, это Оля звонила. Сказала. что сдала экзамен и получила пятерку*

(2)– *Как я рад! Ай да Оля! Все экзамены сдала на отлично.*

(1) – *У нас с тобой просто замечательная дочь! Нам ли не радоваться! Надо что-нибудь вкусное приготовить на обед.*

(2) Да, конечно, обязательно. Оля очень устала. Ох уж эти мне экзамены! Они продолжались почти три недели. Пойдем, я помогу тебе.

Еще один вид задания на развитие диалогической речи. Двум учащимся предлагается тема и набор фразеологизированных предложений, которые они должны включить в свой диалог.

Задание. Поговорите с другом о коллекции вашего приятеля Михаила . Вы по-разному относитесь к его увлечению: одному оно кажется странным и несерьезным, другой с пониманием относится к занятию друга. Свое мнение аргументируйте. Включите в диалог ФС: *Что только не собирают люди; Тоже мне коллекция; Каких только значков у него нет; Это ли не удовольствие; Ну, что за удовольствие!; Что ни значок, то новая информация.*

Принцип ситуативности активно используется не только в упражнениях диалогического характера, но также в коммуникативно-речевых упражнениях на использование ФС в монологических высказываниях и текстах, что обусловлено спецификой ФС.

Под ситуацией понимается «совокупность условий, речевых и неречевых, необходимых и достаточных для того, чтобы осуществить речевой действие по намеченному нами плану» [Леонтьев 1969: 155 – 156]. Для целей моделирования учебной речевой ситуации существенным является «выдвинутое психологами школы Л.С. Выготского понимание ситуации как системы внеязыковых факторов, обусловливающих выбор речевого действия, т.е. формирующих программу (содержание) высказывания. О таких факторах см., в частности [Сосенко1979: 46].

Ситуативность предполагает, что учащийся «погружен» в ситуацию реальной действительности, с которой связана ФС. Перед ним стоит задача

научиться понимать ситуацию, анализировать ее структуру, т.е. содержание и взаимосвязь составляющих ее высказываний, осознавать мотив использования в ней ФС и выполнять самостоятельные продуктивные действия, результатом выполнения которых является монологическое высказывание, мини-рассказ, текст.

Задание Продолжите ситуации, выразив неразумность, нецелесообразность другого решения

Образец: – *Я хочу поехать куда-нибудь в воскресенье…. – Я хочу поехать куда-нибудь в воскресенье. Не сидеть же дома в такую прекрасную погоду*

1.*Надо купить цветы для Кати.* У нее день рождения…. 2. *Альбом очень дорогой, и я не хочу покупать его…*

Другой характер выполнения предполагают задания, в которых ситуация реальной действительности не описывается, не раскрывается, а только дается тема, на которую учащийся должен порассуждать, составить небольшой рассказ, включив в него ФС. В данном случае учащегося побуждают представить ситуацию по-своему, дать свою интерпретацию.

Задание. Опишите ситуацию, использовав ФС со значением необходимости.

1.*Вы считаете, что Майкла надо встретить в аэропорту*. 2. *Этот словарь довольно дорогой, но он просто необходим вам.*

Задание. Опишите небольшой город, в котором есть интересные для туристов места. Используйте ФС со значением единственности-множественности.

Еще один тип ситуативных коммуникативных упражнений – это упражнения на «воссоздание ситуации». В задании дается фразеологизированное предложение, и учащимся предлагается представить и словесно описать ситуацию, в содержательную структуру которой естественно вписывается предлагаемое высказывание.

Задание. Используйте данные ФС в контексте, раскрывающем их значение *Всем праздникам праздник; Всем городам город.*

Материал в упражнениях с таким заданием можно варьировать: либо дается несколько высказываний одной модели (как приведено выше), либо предлагаются разные ФС одной семантической группы, различающиеся оттенками общего значения (*Всем городам город!; Вот это город!; Чем не город*) или ФС одной группы с противоположным значением (*Всем городам город!; Тоже мне город; Город как город*).

Названные виды ситуативных упражнений на построение монологического высказывания различаются степенью самостоятельности, творческой свободы, которую должен проявить учащийся при их выполнении. Преимущество таких заданий в том, что они являются коммуникативными, способствуют не только усвоению ФС, но и развивают говорение, естественную речь учащихся

5. Организация работы над ФС.

ФС следует включать в процесс обучения по-разному, исходя при этом из интересов, потребностей и возможностей учащихся. С учетом этих факторов можно выбрать один из следующих вариантов отбора и организации данного синтаксического материала для аудиторной работы.

1. Ставится задача познакомить учащихся со всем классом ФС, т.е. они изучаются в полном объеме, или, как принято говорить, «в системе». В данном случае наиболее целесообразно распределять материал, придерживаясь семантической классификации ФС, предложенной в данной работе.

Такой вариант, безусловно, наиболее эффективен, он позволяет достичь наибольших результатов в усвоении ФС. Он возможен в условиях полного курса обучения, например со студентами, в группах аспирантов и магистрантов, которые уже довольно хорошо владеют языком, и им легче усвоить этот материал, на аспектных занятиях со стажерами, когда они сами выбирают данную тему, и, следовательно, имеют более высокую мотивацию.

2. При ограниченных сроках обучения или недостаточно высоком уровне владения учащимися языком более целесообразно выбрать вариант, когда в аудитории рассматриваются все семантические группы структур, но в каждой из

них выделяются только основные структуры, например, самые частотные, простые, яркие.

3. В определенных условиях обучения (например, при более узких временных рамках) приходится ограничиться изучением отдельных групп ФС, а другие группы синтаксических фразеологизмов остаются вне учебной программы.

4. На занятиях могут изучаться отдельные, единичные ФС, которые, попадают в поле зрения или сознательно привлекаются преподавателем при работе над другими аспектами. Например, отрабатывая способы выражения временных отношений, можно обратить внимание на фразеологизированное построение «***стоит*** **+ кому + инф..,** ***как…»,*** передающее значение быстрого следования действий во времени; ФС «***как не*** **+ инф**.», «***не*** **+ инф. +** ***же***» связаны с выражением модальных значений необходимости и ненужности и т.д.

5. Целесообразно рассматривать отдельные ФС при работе с текстами разных жанров, например, с публицистическими, научно-популярными и художественными (прозаическими, поэтическими, драматическими), чтобы снять трудности в понимании текста или показать их роль в реализации информативного или образно-эстетического замысла автора. В то же время такую «встречу» можно сделать поводом для более тщательной отработки новой для учащихся структуры, что расширит их синтаксический запас.

6. Общая система упражнений для работы над ФС

Методическое содержание обучения ФС до уровня свободного владения ими предполагает использование сложно организованной комплексной системы упражнений.

Комплексность системы упражнений проявляется в следующем. ФС изучаются по семантическим группам, выделенным в семантической классификации. Однако упражнения на отработку каждой отдельной структуры сочетаются с упражнениями, в которых она рассматривается на фоне других структур данной семантической группы (с целью ее семантической идентификации), а работа над одной семантической группой структур проводится не изолированно, она дополняется упражнениями, в которых необходимо

использовать ФС разных семантических групп, что предполагает возвращение, при необходимости, к уже пройденным ФС.

Таким образом, используется методический принцип, который предполагает сочетание линейного и концентричного принципов работы.

Система упражнений выстраивается таким образом, чтобы обеспечить этапы формирования языковых и речевых навыков и умений построения ФС и их использования. Общей стратегией процессе усвоения, согласно принципам психологии выделяются следующие этапы: «... первичное ознакомление с материалом, или его восприятие в широком смысле слова, его осмысление, специальная работа по его закреплению и, наконец, овладение материалом – в смысле возможности оперировать им в различных условиях, применяя его на практике» [Рубинштейн 1989: 85].

1. Работа над ФС одной семантической группы начинается с предъявления перечня входящих в нее единиц.

2. Основная часть системы упражнений посвящена отработке каждой структуры в отдельности, ее структурным и семантическим особенностям.

3. По мере отработки отдельных ФС группы подключаются упражнения на их сопоставление и дифференциацию. В одном упражнении рассматриваются две-три, иногда четыре структуры. Такие упражнения направлены на дальнейшее, более глубокое усвоение каждой ФС группы через сопоставление с ближайшими «соседями», через противопоставление им.

4. Работа над структурами одной группы завершается обобщающими упражнениями на использование всех структур группы.

5. Система упражнений для структур одной семантической группы в методическом отношении в основных своих чертах одинакова, т.е. описанный порядок работы повторяется применительно к каждой из шести семантических групп ФС, представленных в классификации. Однако по мере усвоения новых групп фразеологизмов система работы дополняется упражнениями сопоставительно-дифференцирующего характера, которые возвращают к ФС пройденных групп и предполагают их использование при выполнении заданий.

6. Наконец, после усвоения всех шести групп структур в отдельности дается цикл упражнений, которые закрепляют умение учащегося ориентироваться во всем изобилии, разнообразии фразеологизированных структур. Это упражнения на все группы вместе, на закрепление материала в целом. Здесь обычно используются речевые и коммуникативно-речевые упражнения. Целесообразно активизировать упражнения для коллективной формы работы: полилоги, обсуждения, см. [Величко 2014в], [Величко 2014г], [Величко 2015б]..

Коммуникативно-речевые задания, предназначенные для коллективного выполнения, имеют то преимущество, что они реализуют один из важнейших принципов методики – необходимость правильно определять роль и взаимосвязь составляющих учебного процесса: «преподаватель» – «учащийся» – «учебная группа». В данном случае преподаватель выступает в первую очередь как организатор беседы, обсуждения, а не участник. Его задача организовать общение на занятии не по традиционной схеме «опроса» («преподаватель – учащийся А»; «преподаватель – учащийся Б») и т.д., а по схеме «учащийся – учащийся»; «учащийся – учащиеся».

Приведем несколько вариантов заданий названного типа.

Задание (1) Представьте, что вы втроем были в гостях у вашего друга. Расскажите о домашней библиотеке вашего друга. Используйте в рассказе фразеологизированные высказывания, закончив их в соответствии с содержанием вашего рассказа *Мало ли чем увлекаются…; Каких только книг…; Квартира у него не такая большая, чтобы...; У него только и разговор, что..; Конечно, книги книгам рознь…; Как не восхищаться..; Ему ли не гордиться…*

Задание (2) Напишите коллективную заметку в газету под названием «*Вот так праздник*». Расскажите, что было на празднике, кто там присутствовал, как он прошел, Что было особенно удачным, а что не получилось**.** Включите ФС разного значения.

Задание (3) Обсудите с коллегами отношение Олега к работе. Включите в ваш разговор следующие реплики (участники разговора обозначены буквами).

А. – … *Специалист как специалист……Чтобы он когда пришел вовремя! Такого почти не бывает*

Б. – ….*У него что ни день, то какие-нибудь проблемы дома*….

В. – …. *Ведь работа есть работа*…

Г. –… *А что ему работа*…

В процесс обучения целесообразно включать некоторые современные типы заданий, реализующие современные технологии обучения. Так, к современным технологиям обучения относится метод проектов, Можно предложить такое задание, нацелив учащихся на использование при подготовке и презентации проекта предложений ФС.

Задание Подготовьте с товарищами по группе коллективный проект «Как лучше организовать знакомство с Москвой (Петербургом, с вашим родным городом)» для иностранных туристов, которые приехали в город первый раз. Выполнение задания включает два этапа: подготовку и презентацию проекта.

Методика организации работы с методом проектов детально представлена, например, в книге [Капитонова, Московкин, Щукин 2009:266–267].

Выводы

Методика работы над ФС основана на принципе коммуникативности, который предполагает направленность всего процесса обучения на формирование коммуникативной компетенции.

При разработке методики работы над ФС используется общепризнанное положение методики о том, что сам языковой материал, его лингвистические особенности определяют всю методику работы над ним.

Все виды упражнений для работы над ФС делятся на подготовительные и коммуникативно-речевые..

Выделяется два ряда коммуникативно-речевых упражнений: 1) упражнения диалогического характера; 2) упражнения и задания на использование ФС в монологических высказываниях и текстах. И те и другие упражнения – это естественный и эффективный путь приближения тренировки к естественным условиям функционирования ФС.

При разработке системы упражнений на отработку ФС используется методический принцип, который предполагает сочетание линейного и концентричного принципов работ.